

УТРЕННИЙ ВЕТЕР

[Михаил ТИТОВ]

[Сергей КОЗЛОВ]

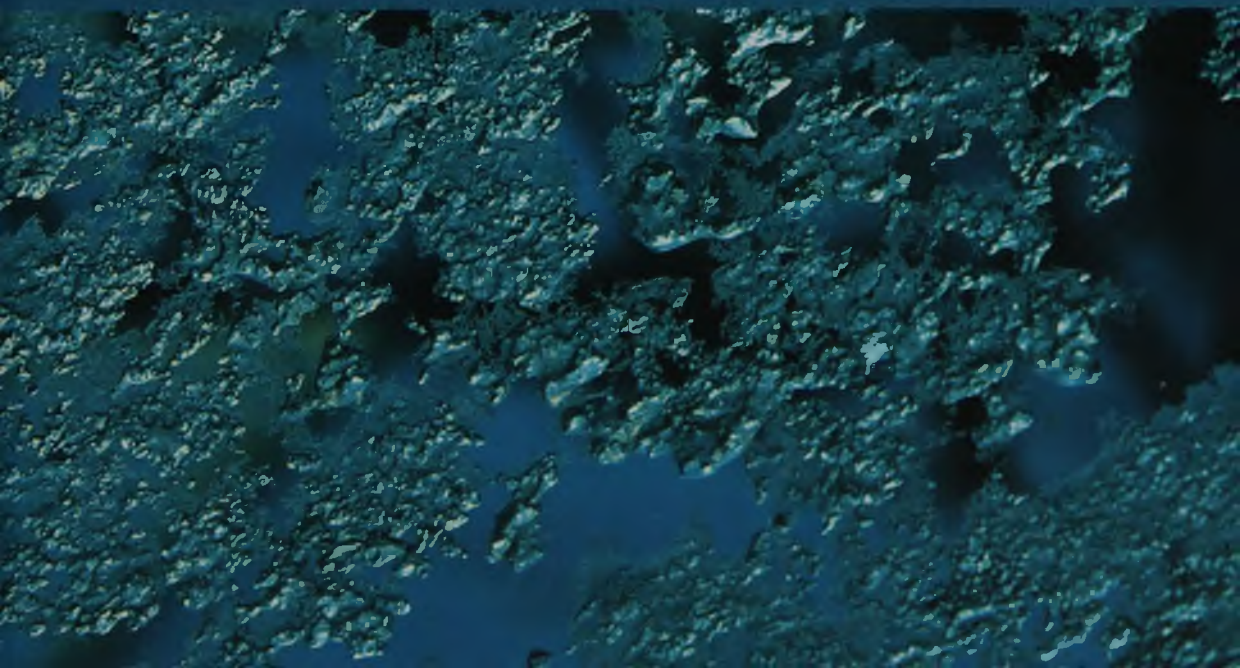
[Евгений БЕК]

[Павел ЧЕРКАШИН]

[Александр КОЗЛОВСКИЙ]

[Антон САЛТАНОВ]

[Шимун ВРОЧЕК]

УТРЕННИЙ ВЕТЕР

- 094948-3

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

Тюменский дом печати
2006

Государственная библиотека Югры	03
---------------------------------------	----

УДК 882-3 (571.122)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44
У 86

У 86 **Утренний ветер:** редактор-сост. С. Луцкий. –
Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2006. – 320 с.

ISBN 5-87591-092-5

В сборник «Утренний ветер» вошли произведения молодых прозаиков Югры. Поиски своего места в жизни, нравственные ценности современного человека, непростые отношения между людьми – вот главное, что отражает не только разнообразие тем, но и стилистик, характерных для поколения молодых югорских писателей.

УДК 882-3 (571.122)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Книга издана по заказу Департамента информационной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

ISBN 5-87591-092-5

© С. Луцкий, составление, редактирование, 2006
© Департамент информационной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2006
© ОАО «Тюменский дом печати», 2006

МОЛОДОЕ ВИНО ЛИТЕРАТУРЫ

Прозаиков – в отличие от стихотворцев – природа производит не так уж часто. В чем здесь дело, приходится только гадать. Может, так случается потому, что людям более свойственна эмоциональная реакция на события. Но вполне вероятно, что причина в другом – хорошего прозаика без регулярного труда, без усидчивости не бывает. А на это способен далеко не каждый литератор, пусть даже одаренный.

Сказанное в полной мере относится к молодому поколению югорских прозаиков. Интерес они вызывают особый. Объясняется он не только тем, что пишущих прозу в округе не так много. Молодые приносят в литературу то новое и свежее, что появляется в жизни. И зачастую им это удается лучше, чем кому бы то ни было.

Причина проста. Эти литераторы – сами продукт нового времени. Они знают его изнутри во всем комплексе складывающихся отношений и правил, которые для людей старшего поколения могут казаться чуждыми и неприемлемыми. Разумеется, абсолютной новизны в литературе быть не может. Природа человека – штука консервативная. Большинство сюжетов, этой природой predeterminedенных, нашли отражение еще в Библии. И тем не менее молодые прозаики вносят в литературу дыхание своего времени, его свежий, меняющийся образ.

Это выражается не только в содержании повестей и рассказов, но и в их стилистике. Порой тоже необычной, ломающей привычные каноны. Лексика повестей и рассказов может пестрить молодежным сленгом, подача материала нередко отражает клиповость сознания современного человека. И это нормально. Очень важно бывает не отвергать все названное с порога, не стараться переиначить на свой лад. Как редактор-составитель я видел свою задачу именно в таком подходе. Молодое вино должно играть.

Если говорить о представленных в сборнике произведениях более конкретно, современность каждого из них имеет свою особенность. По-хорошему традиционные рассказы Павла Черкашина и Александра Козловского с их сочувственным вниманием к человеку с непростой судьбой. Оценка жизненных перипетий с точки зрения православных ценностей в центре внимания произведений Сергея Козлова. Об извечной неуспокоенности молодых в реалиях нынешнего дня пишет Михаил Титов. О любви как единственно реальной ценности в жизни яркая проза Антона Салтанова.

Обращают на себя внимание рассказы Шимуна Врочека (Дмитрия Овчинникова). Он работает в новом для югорской литературы жанре фэнтези. Экзотичность времени действия и героев этого автора не могут заслонить гуманистическую, порой окрашенную юмором позицию. О непростых, порой шокирующих нравах подростковой среды, о параллельной привычному миру взрослых молодежной субкультуре повесть Евгения Века...

Одним словом, в сборник вошли произведения, дающие достаточно полное представление о состоянии молодой прозы Югры. И, разумеется, о состоянии нынешней жизни с ее течениями, явными и подспудными. Рассказы и повести молодых позволяют утверждать, что цех прозаиков округа пополнили одаренные, остро чувствующие современность писатели.

*Сергей Луцкий,
редактор-составитель.*

Михаил Владимирович Титов родился в 1971 году в селе Донское под Тамбовом. Окончил факультет русского языка и литературы Тамбовского государственного педагогического института. Еще во время учебы в институте стал работать на областном радио, затем на телевидении.

В 1998 году М. Титов переехал в город Югорск Ханты-Мансийского автономного округа, где продолжил работу на телевидении.

Рассказы пишет с детства. Печатался в тамбовских газетах, в альманахах «Факел» и «Эринтур», в еженедельнике «Литературная Россия». Тамбовская «Книжная лавка писателя» издала два небольших сборника прозы Михаила Титова.

Он также автор сборника рассказов и повестей «Бег на месте» (г. Советский, 2004 г.), за который удостоен первой премии окружного литературного конкурса в честь 75-летия Югры в номинации «Лучшая первая книга».

ДВЕ ВЕТЛЫ И КУСТ СИРЕНИ

Повесть

1

– А повидлом тебе рожу не намазать?!

Анька косится на меня через плечо и кривит физиономию: вот-вот язык высунет. Сдерживается. Губы плотней сжала. Мы с ней вчера, по-моему, разругались. Хотя точно сказать не могу. То, что я немного был неадекватен вчера, это факт. Остальное – в тумане. Я думал, она сегодня со мной вообще разговаривать не будет, но Анька – женщина характерная. В смысле, никогда не знаешь, куда ее характер повернет. Видно, что дуется, а разговаривает. Другая на ее месте ни слова не выдавила бы.

– Ладно, без сопливых обойдемся. Сварю кофе сам.

– Вот и вари, – уже почти беззлобно, по-моему, ворчит Анька. – Тем более, что его нет.

– Как нет?! Еще вчера...

– Вот именно: еще вчера. Я вчера твоим вшивым кофеём посуду помыла.

– С чего это вдруг?

– А с того! Не могла смотреть на твою счастливую морду. Ты хоть помнишь, что нес вчера?

Вчера на работе мы отмечали день рождения Марины Сергеевны, начальницы нашего отдела. Тетка она душевная, из породы безвозрастных молодух. Сколько ей исполнилось, естественно, вытаскивать из нее не стали. Из приличия. Все и так знают. Спасибо Ольге-кадровичке, подшустрила, сдала ценную информацию без боя. Вот она всех удивила, когда заявила, что нашей Марине уже пятьдесят три. А на вид больше сорока не дашь. Конечно, Марину Сергеевну мы в известность не поставили, что теперь ее тайна – общественное достояние. Чего уж тетку расстраивать?! Хотя она вряд ли всерьез расстроилась бы. Посмеялась бы вместе со всеми – это точно. Но все равно народ у нас, не смотри, что журналисты, по большей части тактичный, потому промолчали деликатно.

Душевная широта Марины, а иначе мы ее между собой и не называли, вчера развернулась по полной. Пол-ящика водки, по 10 бутылок сухого и шампанского на 25 человек, конечно, с перебором было. Но Марина, видимо, решила кутить так кутить. Мы даже хороводы водили. Я почему-то все время рядом с Мариной оказывался. Напоследок, помню, даже поцеловал ее. Из вежливости и чувства благодарности за организованный праздник. Может, и напрасно. Сантиментов у нас ой как не любят. Любое проявление чувствительности тут же будет высмеяно – в лучшем случае, или трактовано как прогиб перед начальством – в худшем. Но вчера на общественное мнение мне было плевать с самой высокой высоты нашего города. Этажа так с шестнадцатого... В общем, домой я пришел не то чтобы на рогах, а на чем-то таком, на чем ходить и вовсе невозможно. Потому абсолютно не помнил, что мог нести.

– И что было-то? – осторожно поинтересовался я.

– Ой, только не делай вид, что ничего не помнишь. – Анька махнула рукой. – Такой ахинеи я от тебя еще не слышала. Ты меня, между прочим, сукой обозвал. Причем, дважды.

– Сукой? – покраснел я.

– Именно сукой. А еще и из дома выгонял.

– Я?! Не может быть! – Я просто зарделся.

– Еще как может. Ну не я же кричала себе: сваливай с квартиры, сука!

– Ты что-то путаешь! – пошел я напролом. – Такого просто быть не может.

– Значит, смогло, раз было. Сука – это вообще что-то новенькое в твоём репертуаре.

– В смысле?

– В смысле: раньше ты себе такого не позволял. Даже будучи пьяным.

– Анют, ну давай оставим это «будучи» в покое, а? – заканючил я. – Ну, все забыто?!

– Суку я забуду не сразу, – отрезала Анька.

– Я даже не представляю, как я мог тебя сукой назвать. Главное, с чего вдруг? Сукой...

– Это у тебя надо спросить, дорогой. Чем, интересно, я тебе так насолила за пять лет совместной жизни? Пусть и в гражданском браке.

– Ну, прости, ладно? – как можно жалостней проскулил я.

Анька равнодушно пожала плечами.

– Не знаю, честно говоря. Наверное, прощу. Но...

– Обиделась на пьяный бред?!

– Я не об этом. Бред он и в Африке – бред. Тем более, не в первый раз уже.

– Ты хочешь сказать, что я и до этого сукой тебя называл?! – притворно ужаснулся я.

– Слава Богу, нет. А то, что говоришь много в бессознательном состоянии... Да ладно, не будем о печальном. Я, знаешь, о чем я хотела с тобой поговорить? – Анька потерла бровь.

– Разговор серьезный? – Я улыбнулся, думая, что Анька оттаяла.

Но Анька на мой расплывшийся в улыбке рот даже внимания не обратила, присела на табурет, облокотилась о кухонный столик, внимательно посмотрела на меня и перевела взгляд на жалкую традесканцию, одиноко висевшую на стене.

– Цветок полить надо? – по-своему понял я ее.

– Потом польешь, Слав. В общем, не буду тянуть. Лучше сразу сказать, а то не решусь. Я ухожу, – сказала после небольшой паузы, но глазами осталась там, на традесканции.

– В смысле? – напрягся я.

– Ты какой-то непонятливый сегодня.

Анька поднялась и, взяв с подоконника детскую леечку с желтым цыпленком на боку, стала поливать хилую плеть цветка. Вода, заполнив горшок, тонкой струйкой перетекла через край, и мы оба устали на грязную лужицу, расплазавшуюся по полу.

Смысл ее слов до меня дошел сразу, однако я все не мог поверить до конца, что она решилась заговорить об этом. В квартире и раньше витали, словно легкий ветерок, несущий грозу, смутные предчувствия разлада, но именно сегодня

они, наконец-то, приняли четкую форму. Только сейчас меня не покидало чувство, что она скажет: «Шутка!» – и рассмеется.

– Ты все это... серьезно?

– Куда уж более. – Анька бросила тряпку, накрывая лужу, и прижала ногой. Ткань тут же пропиталась водой.

– А почему сегодня?

– Так сошлось. – Анька брезгливо подняла тряпку двумя пальцами и швырнула ее в мусорное ведро. – Я, наверное, просто устала.

– Тебе не кажется, что ты и со мной вот так? – Я кивнул в сторону мусорки.

– Если ты заметил, с тобой я сделала это куда нежнее и деликатней, – усмехнулась Анька.

– Ты специально выбрала время, когда я с похмелья, когда я болею и половины из сказанного не понимаю? Специально, да?! – Я не на шутку разозлился. – Давай поговорим об этом вечером.

– Вечера не будет. Я уже решила.

– Я ничего не понимаю, – схватился я за голову. – Ты меня шантажировать опять пытаешься?! Да я и так согласен на тебе жениться. Давай распишемся, если тебе оно так надо. Только зачем весь этот спектакль?!

– Если ты думаешь, что это был шантаж, то ошибаешься. Это было всего лишь желание упорядочить как-то наши отношения. Вот и все. Но, – Анька, словно пистолет, наставила на меня указательный палец, – сейчас я этого не хочу. Просто я кончилась. Понимаешь, меня больше на тебя не хватает. Я не «Энерджайзер». Батарейки сели. Я вся вышла. И думаю, на этом надо поставить точку. И в разговоре, и вообще...

Анька вышла из кухни, так и не посмотрев на меня. Догонять я ее не стал: не люблю дешевые мелодрамы. Перед тем, как хлопнуть дверь, Анька крикнула с порога:

– Ключи я оставила на тумбочке. Пока.

– И это все?! – вдогонку бросил я.

– Пока.

– Что – пока? – ухватился я за двусмысленность этого слова, но Анька уже зацокала каблучками по лестнице.

Традесканция выжимала по капле воду из горшка. Она плюхалась о линолеум совершенно не в такт Анькиным шагам.

2

Это обряд. Точнее даже – ритуал, который обязательно нужно блюсти. Ежедневно. Иначе ничего не получится потом в течение дня: удачи не будет. Сигарета на голодный желудок. Что может быть слаще?! Одно неудобство – перекур в туалете. Хотя привычно уже. (Анька не хотела вписываться в нынешний стандарт: не курила принципиально, не то что бы так о здоровье пеклась, просто не хотела идти в потоке. Так она говорила. И потому курить в квартире мне было запрещено сразу же, как только мы решили обзавестись с Анькой общим хозяйством. Это было одно из ее условий. В принципе, не самое страшное. Ну и что в этом такого?) Сел на унитаз и задымил вверх, стараясь выдыхать дым как можно выше, к вентиляционному отверстию. Потом – кофе. Потом – душ. Потом – бегом на автобус. И с облегчением закурить еще раз перед входом в родную

контору. Сегодня можно было нарушить установленный порядок и выкурить сигарету прямо на кухне.

Вытащив сигарету, я бросил пачку на стол, поставил рядом пепельницу и чиркнул спичкой по коробку. Спичка проехала по ребру, но не зажглась. «Точно как в советской мелодраматической пьесе, – подумал я. – Там вечно спички гаснут. Герой нервничает от переживаний... Нет, там спички ломаются. Ну и ладно». Вторая спичка зажглась уже нормально, безо всяких закидонов, просто вспыхнула и загорелась ровным пламенем, и это почему-то укрепило во мне уверенность, что Анькин уход – всего лишь небольшое недоразумение, которое разрешится в самое ближайшее время.

Так и просидел целый час, ломая голову над причинами Анькиного ухода. В конце концов опять утешил себя выводом, что сказанное «пока» еще не означает окончательного прощания, и Анька, перебесившись, вернется. Мало ли, человеку захотелось одному побыть. С этими мыслями и стал собираться на работу.

– Голова на месте?! – вместо приветствия бросил мне Антон, сосед по кабинету.

– Да вроде на месте, – отмахнулся я.

– А чего хмурый такой? – не отставал Антон.

– Поживи с мое. – Я попытался отвязаться, и Антон, сообразив это, уткнулся в компьютер.

– Ладно, потом поговорим. Когда в себя придешь, – беззлобно сказал он.

Приоткрылась дверь, и в кабинет просунулась Ольга-кадровичка, выполнявшая по совместительству еще и роль секретарши.

– На планерку, – улыбнулась она. – В одиннадцать у Марины.

– А что так рано? – оторвался от монитора Антон.

– Там и узнаешь. – Ольга захлопнула дверь.

– Сама-то Марина, интересно, к одиннадцати подгребет? – Антон застучал по клавиатуре. – Курить пойдешь? – повернулся он ко мне.

– Ну пойдём, покурим-ка, – нехотя кивнул я. – Перед планеркой.

В туалете Антон хитро прищурился и, выпуская дым в потолок, как бы невзначай спросил:

– У тебя с Мариной вчера что-то было?

– В смысле? – Я чуть не подавился дымом.

– Ну, вы так нежно с ней обнимались в танце.

– С ума сошел, что ли? Я похож на геронтофила?!

– Да ладно, чего обижаться. Она тетка ничего себе еще. В самом соку.

У Антона все на одну тему. Жаль, в России пока нет курсов для сексуально озабоченных: ему там самое место. Об этом я Антону и сказал. Он даже вида не сделал, что обиделся.

– А я бы ей...

Но тут, по счастью, скрипнула дверь, и Антон замолчал. В туалет зашел главный редактор нашей газеты – Иван Петрович.

– Что, молодежь, курим? – спросил он в ответ на наше «здрасьте».

– Угу, – поддержали мы разговор.

– Ну-ну, – донеслось уже из кабинки сквозь журчание струи. – На планерку к вам зайду, – сказал уже на выходе Иван Петрович. – Марине Сергеевне передайте.

Антон тяжело вздохнул.

– Что ему на нашей планерке надо? Опять начнет чушь нести. Маразматик.

С головой у Ивана Петровича, видимо, в самом деле были серьезные проблемы. В прошлый раз, вот так же неожиданно зайдя к нам на внутреннюю планерку, он заявил Марине, что пора переходить на позитив. Дескать, жизнь меняется, и надо следовать в фарватере, а не плыть против течения. Или, как позднее переформулировал это Антон, «не ссать против ветра». Нашу газету все больше прибирала к рукам администрация области, и, естественно, нам отводилась роль «коллективного агитатора и пропагандиста». Не знаю, какой резон у них там наверху был, но вливание бюджетных денег чувствовалось все больше и больше. Не столько по возросшей зарплате, сколько по появлению на полосах материалов, явно проплаченных чиновниками из местного Белого дома. Когда в очередной раз Антону дали редакционное задание написать про подъем коллективного сельского хозяйства, а до того он писал исключительно про его развал, Антон вздохнул и с видом мученика произнес: «Против ветра не посышь. А в колхозе хоть мясом разживусь, и то хорошо».

В отделе социальной жизни нас было семеро. Если перечислять по кабинетам, то мы с Антоном, две Гальки – по соседству, дальше – Игорь и Татьяна. Правое крыло нашего этажа. Напротив – бухгалтерия, кабинет Марины Сергеевны, она завсоцотделом и писем, ну и еще фотолаборатория, которой, по-моему, лет пятнадцать уже никто не пользуется.

На планерку пришли все. Даже Галька Вторая, которая обычно раньше двенадцати на работе не показывалась. Она тщетно пыталась вести в газете рубрику «Светская жизнь», которой в провинциальном городке было не то что маловато, а, по-моему, вообще не существовало. При этом Галька делала вид, что эта пресловутая светская жизнь бурлит кипящим варом. «Вар не бурлит, он пузырится», – пытался я как-то осадить Галькино рвение. Но это никак на нее не повлияло. «Пусть пузырится, зато это настоящая жизнь», – парировала Галька. Она пропадала ночи напролет в каких-то клубах и кабаках, где тусовалась местная полубогема: сплошь несостоявшиеся художники, поэты и писатели. Приходя к полудню, она, позевывая, заглядывала в наш кабинет и небрежно бросала что-то вроде:

– Вчера в «Хромой лошади» была на перформансе. Концептуальная штучка, скажу я вам. Столице и не снилось. Главное, все по-честному, без выпендрежа. Пойдемте перекурим, что ли? А то у меня художники все расстреляли.

Однажды я побывал на таком перформансе. Галька же и затащила. И это был мой последний выход в ее свет. Помню, вдоль стойки бара ходила полуобнаженная девица. Из одежды на ней были только красные трусы, да и тех практически не было видно под густым слоем взбитых сливок. Девушка была явно утомлена или пребывала в тяжелой депрессии. Я сказал об этом Гальке, и та спросила: с чего это я вдруг так решил?

– Посмотри на ее спину, – кивнул я. – Она сутулится. И еще у нее ноги плохо выбриты. Ей явно не до этого шоу.

– Не выдумывай, – пожала плечами Галька. – Ноги у нее в сливках. Что ты там мог рассмотреть?

Девушка-торт прошла мимо нашего столика, я подмигнул ей ободряюще, но девица не повелась и, скользнув по мне глазами, равнодушно обвела отсут-

ствующим взглядом и остальную публику. При этом она старательно улыбалась, растягивая рот.

– Это символ какой-то? – стараясь перекричать музыку, спросил я у Гальки.

– Конечно, – многозначительно вскинула брови Галька. – Это же концептуальная вечеринка. Девушка – символ сладкой жизни.

– Кондитеры гуляют?! – крикнул я.

– Сам ты кондитер! – обиделась Галька. – Сегодня вечер памяти Мэрилин Монро.

– А причем здесь сливки?

Галька отмахнулась от меня как от безнадежно тупого.

– Хочешь приобщиться к сладкой жизни? – Галька показала пальцем направление.

Я повернулся. Девушка по-прежнему ходила между столиками, и каждый из присутствующих пытался облизать ее. Девушка иногда нервно подергивала плечом.

– А кто платит? – потер я пальцами.

Галька углом рта ответила:

– Какая разница?! Весело же.

– Угу, – сказал я скорее себе, чем Гальке. – Я пошел.

– Как хочешь. – Галька обиженно поджала губы.

«Тюби-тюби-тюби-ду. Па-па-па-па», – пропела Мэрилин в сливках мне на прощание. Я обернулся. Толстяк в белой рубашке, промокшей под мышками и на спине, так прикинул к ходячему тарту, что его не могли оттащить двое охранников. Галька помахала мне рукой и тут же весело заплотворила. Секьюрити все-таки оторвали толстяка от Мэрилин.

Марина сурово окинула взглядом нашу небольшую редакцию и не своим голосом – строго и казенно – произнесла:

– Нас ждут великие перемены.

– А дела? – съязвил, как обычно, Антон.

– Что – дела? – не поняла Марина.

– Дела великие нас ждут? – переспросил Антон. – Или только перемены?

– Шутить, Суворов, будете потом, – отрезала Марина. – Если желание появится. В общем, пока нет Ивана Петровича, выкладываю как на духу. Газета почти продана администрации, и они, – она показала большим пальцем на потолок, – становятся собственниками, по-моему, уже через месяц. Редакционная политика, как вы понимаете, меняется. Вопрос это уже решенный. Наши структуры нас содержать не могут. Да и не позволят им сейчас баловаться собственной газетой. Что будет дальше – не знаю.

Марина перевела дух.

– И последнее. Говорят, нас сольют с «Областной газетой». У меня все. Ждем Петровича.

Иван Петрович не заставил себя ждать. Сухо кивнув Марине, он уселся рядом с ней и без предисловий, почти слово в слово, пересказал нам выступление Марины. Правда, более официальным языком и с некоторыми, не проясняющими сути вставками.

– Делается это ради нашего же блага, – подвел итог Петрович. – ЗАО «Стройинвест», наш основной владелец, практически отрезан от государственной кор-

мушки, заказов нет, так что содержать нас они не смогут. В этой ситуации я вижу только один выход: сдаться власти без боя. В общем, разворачиваемся и ложимся на властный курс. Времена меняются, – развел руками Иван Петрович. – И как я уже говорил некоторым товарищам, усильте позитивную составляющую материалов. Все понятно?

– Под каблук, значит? – сурово посмотрела почему-то на меня Галька Первая.

– Есть другие варианты? – приподнял бровь Петрович.

– Может... – начала было Галька, но Петрович отмахнулся от нее и, ни слова не говоря, вышел.

– Вячеслав Анатольевич, вы как старший редактор отдела усильте позитивную социальную направленность, – после небольшой паузы нехотя произнесла Марина Сергеевна. – Времена, как верно заметил Иван Петрович, меняются, и нам пора от чернухи перейти к позитиву. Тем более, что примеров достаточно.

– Угу, – потер я подбородок. – Времена не выбирают.

– Я рада, что вы так хорошо понимаете редакционную политику, – сухо сказала Марина. – В общем, больше позитива. Пусть читатели видят, что черная полоса закончилась.

– Жить стало лучше, жить стало веселей, – отчетливо прошептал Антон.

– Да можете острить, Суворов, – разозлилась Марина Сергеевна. – Читатель хочет видеть жизнь в красках, а не квадрат Малевича. Всем ясно? – обвела она взглядом стол.

– Куда уж ясней, – вздохнули обе Гальки сразу.

В коридоре обе так же синхронно загалдели:

– Что теперь будет?! Это же труба. Нам что теперь, агитки писать?!

– Прощай, «Светская жизнь»! – ухмыльнулся Антон и ткнул Гальку Вторую в бок.

– Тебе, Суворов, конечно, проще всех придется, – скривила губы Галька. – Ты уже лег на курс.

– На кого я лег, не ваше дело. А журналистика, дорогая Галя, это почти политика. Я же не убеждения продаю, а свое умение ясно и красиво излагать мысли.

– Они у тебя есть, убеждения-то, философ ты наш? – усмехнулась Галька.

– Представь, есть. Но они глубоко спрятаны.

– Вот-вот, – Гальки фыркнули и пошли в женский туалет: перекурить нервное потрясение.

– Может, тоже пойдем покурим на нервной почве? – предложил Антон.

– Вячеслав Анатольевич, зайди на минуту, – раздался неожиданно за спиной голос Марины Сергеевны.

– Сейчас? – несколько растерялся я.

– Сейчас, – улыбнулась Марина.

– Ну, ладно, потом покурим. – И Антон двусмысленно подмигнул мне.

– Какой-то ты сам не свой, – начала Марина Сергеевна, посмотрев на меня поверх сдвинутых на кончик носа очков. – Что-то случилось или ты из-за этих новостей такой подавленный?

– Все нормально, – отмахнулся я.

– Хорошо, тогда обойдемся без предисловий, – Марина поправила прическу. – В общем, хочу сделать тебе деловое предложение. Ты сколько у нас уже работаешь?

– Одиннадцатый год, – прикинул я.

– В самый раз. Предлагаю тебе занять мое место.

– Не понял.

– Объясняю. – Марина почесала висок. – Меня позвали в пресс-службу администрации области. Петровичу я еще об этом не говорила, обдумывала пока. А сегодня вот решилась. Ну и, как понимаешь, должна буду ему вместо себя кого-то представить. Думаю, ты самая подходящая кандидатура. Время на размышление дать?

– Как-то это неожиданно, во-первых. А во-вторых, скажу честно, Марина Сергеевна, не люблю я начальственных должностей. Не мое это.

– Но ты же работаешь редактором, – возразила Марина.

– Так это совсем другое. Я же людьми не команду.

– Ну, мало ли. Человек ты неконфликтный, с головой, пишешь неплохо. Думаю, руководитель из тебя получится.

– А я так не думаю. Не мое это, Марина Сергеевна, понимаете? Я себя лучше знаю. Скажу вам больше, я боюсь быть начальником. Мне кажется, у них крышу сносит напрочь.

Марина засмеялась.

– Ну, спасибо, – сквозь смех произнесла она. – Значит, с головой и я не дружу?

– Сейчас не о вас ведь речь, – смутился я. – Ну, правда, не мое это. За предложение, конечно, спасибо, но – нет.

– Слава, подумай как следует. Я тебя торопить не буду. Давай завтра ты скажешь мне окончательное решение. Целого дня, думаю, будет достаточно, чтобы прикинуть все плюсы и минусы.

– Да я уже, собственно, все сказал.

– Отказа я сегодня не принимаю. А вот завтра посмотрим.

– Хорошо, завтра так завтра. А вы-то с чего вдруг решили уйти?

– Покоя захотелось. Без всякого кокетства говорю. Пора на пенсию. Устала я что-то от журналистики. Попишу до заслуженного отдыха отчетики.

– Вот и я устал от нее.

– Ладно-ладно, – отмахнулась Марина. – Не ищи повод сейчас. Все равно не поверю. Давай иди уже, думай.

– Ну что, она тебе вставила? – оторвал голову от монитора Антон.

– Нет, – помотал я головой.

– Не хочешь говорить, не надо. Последний вопрос можно?

– Что? – сухо спросил я.

– Ты сегодня целый день будешь таким загруженным или к вечеру отойдешь? – Антон расплылся в улыбке. – Могли бы пивка пойти попить.

– Я думал, ты о планерке спросишь, – удивился я.

– А чего тут спрашивать, – пожал плечами Антон. – Дела яснее ясного. Какая разница, кого обслуживать, ЗАО «Стройинвест» или администрацию области. Главное, чтобы деньги платили. Не продается вдохновение, но можно рукопись продать, – выдал Антон и вновь уткнулся в компьютер.

Господи, все это уже было. Столько раз, что я начинаю сомневаться в здравии своего ума. Меня целый день не покидало ощущение, что этот сон мне уже снился, и не раз. И события в нем повторяются с завидной и пугающей последовательностью.

– Ну что насчет пива? – отключая компьютер, спросил Антон.

Я удивленно посмотрел на него.

– Забыл уже, что ли, старик?! – Антон хлопнул меня по плечу. – Встрепенись и за мной.

– По-моему, ты повторяешься, Антон. – Я в задумчивости посмотрел на него.

– Тебе не кажется, что все это уже было?

– Да, я не оригинален. Но, заметь, постоянен в своих пристрастиях. Идешь или нет?

– Нет, я сегодня что-то подустал от цикличности.

– В смысле? – удивился Антон.

– Понимаешь, я даже это «в смысле» слышу уже не первый раз.

– История развивается по спирали, – засмеялся Антон. – Тебе ли этого не знать?! Все повторяется, а уж слова тем более. Может, тебе по-немецки повторить? Для разнообразия? Тогда «steht auf und kommt zu mir»! Этого ты точно слышать не мог.

– Ступай без меня. Я посижу еще.

– Как хочешь, – не расстроился Антон. – Позову Игоря. Он не откажется.

Анька сказала «пока». Она не сказала «катись к черту», не сказала «вали на фиг», не сказала банального «прощай». Она сказала «пока». Это долбанное «пока» крутилось в башке со скоростью циркулярной пилы, разделявшей мозги на ровные пластинки. И в каждой – клонированное «пока». Пять лет мы с ней прожили под одной крышей, за пять лет выучили друг друга наизусть, успели надоесть друг другу, но при этом и срослись друг с другом так, что не разорвать. Мне, во всяком случае, так казалось до сегодняшнего утра. А вот, поди ж ты, все не так оказалось, как казалось. Только – надоели. Видимо, просто надоели – и все. Пока. Ключ на тумбочке. Она же все про меня знает. Из-за этого? Ну, не из-за «суки» же, сказанной по пьяни. Скорей всего, именно моя раскрытость перед ней и привела к ее уходу. Я стал неинтересен. Я успел выболтаться в первый год нашей совместной жизни. Может, стоило бы умолчать что-то, не выдавать сразу полную порцию да еще и с добавками. Я силился вспомнить, что она мне рассказывала о себе, но не получалось. В пластинах, нарезанных циркуляркой, остались только ее институт, ее место работы, ее домашний халат, ее привычка по утрам обязательно съедать зеленое яблоко. Да, еще она любила Мураками, которого я терпеть не мог из-за его однообразия. Боже! Это все, что я знаю о человеке, с которым прожил пять лет?! Она-то, в отличие от меня, помнила все мои истории. Все до единой.

* * *

Серое утро, разбавленное робкой желтизной холодного зимнего солнца. Резкий звонок будильника, раздающийся всегда позже установленного времени.

Поэтому надо, не мешкая, выпрыгивать из-под теплого одеяла в холод остывшей за ночь комнаты, судорожно натягивать на себя любые теплые вещи и бежать сквозь неприязнь стен, пола и окон на кухню, где нужно плеснуть в лицо ледяной воды и тут же утереться полотенцем. Услышать звонок, выпрыгнуть, побежать, промчаться, вернуться, чтобы встать на стартовую дорожку дня и не сходить с нее до позднего вечера, когда все процедуры приобретут почти антонимическое значение.

И этот день в чреде мгновенно кончающихся, состоящих только из подъема и отбоя, дней не отличим, не выделен, не помечен ничем особенным. Разве лишь тем, что именно этот день по чьей-то прихоти стал днем моего рождения...

Я проснулся. Я чувствую это по тому, что болит рука, в горле першит, а голова налита свинцовой тяжестью. Теперь главное, не заглядывая в зеркало, промчаться на кухню и растереться полотенцем, размять мышцы, привести в порядок лицо. Потом можно будет и в зеркало заглядывать, прыгать возле него, поднимать гантели и даже строить рожи, дразня себя, противное отражение.

Выходя на улицу, закутывая больное горло шарфом, вдруг вспоминаю: день рождения. У меня. Сегодня. Не ошибаюсь ли? Заглядываю в календарик. Четверг, семнадцатое. Он самый. День моего рождения.

Я помню, помню до последней (точнее бы – первой) минуты каждый свой день рождения. Я могу пробежаться от моего нынешнего состояния тридцатилетия по ступенькам возраста вниз и безошибочно вспомнить каждое семнадцатое число одиннадцатого месяца. Каждое, повторяюсь. Кроме дня самого рождения. Когда черная мокрая головка, разрывая плоть, пробилась к свету, а увидев его, жалобно запищала от страха, боли и нежелания покидать теплый, такой уютный материнский живот.

Год за годом. Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь... Лет девятнадцать. Тишина. Целый день. Я один. На столе – торт. Стынет чай. За окном – ни звука. Уже – отчаяние. Но – веселый топот. Звонок. Улыбки, подарки. И мое счастливое растерянное лицо, готовое расплакаться. Лет восемнадцать. Я встречаю свою девушку и пытаюсь пригласить ее в кафе. Она отказывается, потому что стесняется меня. Она старше на три года. Ей нужен солидный человек. Я – временно, пока не подвернется нужная кандидатура. Самое глупое и обидное – я все понимаю. Делаем вид, что никакого дня рождения нет и в помине. Прощаемся как ни в чем не бывало. Навсегда.

Семнадцать лет. Школа. Есенинский вечер. Я читаю стихи. Грусть. Моя и Есенина... Поздний вечер. Снег. Я иду с кем-то на застывший пруд. Весело. Говорю всем, что именинник. Никто не верит, но поздравляют.

Шестнадцать лет... Пятнадцать лет... Четырнадцать... Тринадцать... И так до бесконечности. Точнее, до определенного момента в существовании послеродовом...

Если вспоминать все боли и обиды, приносимые мне в качестве подарков на дни рождения... Но лучше молчать об этом. Я же не мазохист, чтобы ковырять болячки души.

Сегодня мой день рождения. Надо сделать веселое лицо. Шире, шире рот. Вот так. Я весел, счастлив, доволен. Я рад, что живу. Что сегодня мой день рож-

дения. Я никого не приглашаю. Я сам обхожу всех и поздравляю со своим днем рождения. Все – бегу. День начался.

...Я бреду по сонным улочкам города и тихо плачу. Меня сегодня обидели. Незаслуженно, на мой взгляд. Отшлепали за то, что я просил мелочь у магазина. В магазине продавались леденцы на палочке. Они стоили пять копеек, и мне не хватало двух или трех монет до заветной суммы. Я подходил к прохожим, робко протягивал руку и, как мне казалось, жалобно просил подать на... леденец. Я точно помню, что срисовал этот жест у нищих, которые, сидя у входа в церковь, куда мы ходили с бабушкой по воскресеньям, постоянно просили подаяние. Правда, у них была несколько иная формулировка счастья: «Подайте, Христа ради, на хлебушек!». Я же не мог просить на хлеб, хлеба хватало и дома, а вот леденцов был явный недостаток, и потому их очень хотелось.

Мне отчего-то не подавали. А одна внушительных размеров тетка даже пообещала рассказать об этом матери. Наверное, она это и сделала, раз вечером меня выпороли.

«Пусть они теперь поплачут, – мстительно думал я, идя по ночному городу. – Вот заглянут в спальню, а меня там нет. «Где Слава?» – спросят, а им ответят: «Нет его. Сбежал. Не любите вы его».

И родители заплачут, побегут меня искать, будут ездить по городу в поисках, а я в это время уйду далеко-далеко и найду себе новых родителей. Не нужны мне такие.

Слезы текут все сильнее и упорней, и я уже не могу сдержать их. Как жаль мне и себя, несчастного, и маму, которая теперь наверняка убивается от горя, и отца, успокаивающего (я представляю это себе в точности до штрихов) мать, и вообще весь мир, оказавшийся маленьким и злым.

...Бегство оказалось пустым. Утром следующего дня, вдоволь набродившись по пустым ночным улочкам, я вернулся с повинной и, покаявшись, спокойно, без лишних угрызений совести, забрался под теплое одеяло спать, чтобы, проснувшись, забыть уже обо всем, что было до сна... Так проходит один из моих дней рождения.

...Опять ночь. Я почему-то не сплю. Гляжу в окно и думаю о том, что пора бы определяться: дружить мне с ней или нет? Пока я об этом только размышляю, она (это выяснится несколькими днями позже), оказывается, уже встречается с другим. А я-то надеялся, что ее полные любви взгляды предназначались лишь мне. Ошибался. Что ж, бывает. Пока же я все размышляю, как бы сказать ей, что она нравится мне, и я хочу с ней встречаться. Пишу ей об этом записку и утром незаметно подкладываю в парту. Жду ответа. Но все безрезультатно. После уроков она даже не смотрит на меня и спокойно уходит домой, не сказав ни слова. Я растерянно смотрю ей вслед. Огромный бант на ее голове постепенно превращается в розовое пятнышко.

...Даже умерев, человек остается зависимым от других. Нигде ему нет покоя. Ни до смерти, ни после нее. Впервые я поймал себя на этой мысли в классе шестом. Шел урок геометрии, учительница чертила на доске разные фигуры, и я вдруг отчего-то подумал, впервые за все время своего существования, что человек смертен, что даже Пифагор, если верить математичке, величайший ум, а все-таки

умер, и его бездыханное тело попало в руки родственников, которые похоронили его сообразно своим представлениям о похоронах, нисколько не считаясь с тем, что умер ум... Одномоментное сознание человека не позволяет ему заглядывать далеко в будущее. Если бы я знал тогда, что год за годом мне придется встречать и провожать одних и тех же людей, а чем дальше, тем больше – провожать, может быть, я набрался бы смелости уйти. Но возраст двенадцати лет еще не то время, когда всерьез думают об уходе. Я подумал об этом и забыл. До поры...

4

– Не слишком ли умные мысли для мальчика двенадцати лет? – спросила тогда Анька. – Тебе не кажется, что ты это только сейчас придумал?

– Может быть, – согласился я. – Но мне кажется, что все так и было. И сейчас я просто оформил свои тогдашние расплывчатые образы. Придал им форму.

– Но ведь это совсем не то, – возразила Анька. – Ты накладываешь свой нынешний опыт на детские впечатления. Ты себя обманываешь. Это знаешь, как называется? «Создавать альтернативную реальность». Ты создаешь то, чего не было, да и не могло быть по определению.

– Ты не понимаешь! – возмутился я. – Все это было! И мысли были, и поступки. Другое дело, что я, может быть, немного додумал, досочинил, но факт остается фактом.

– Ты со мной разговариваешь сейчас прямо как со страниц газеты, – неожиданно обиделась Анька. – Менторским тоном.

– В чем здесь менторский тон? В том, что я пытаюсь тебе что-то объяснить?!

– Ни в чем! – Анька обиделась окончательно и ушла на кухню.

Я раскинулся на диване и стал глазеть на кусок неба, застрявший в оконном проеме. Пролетела черная птица, помахала веткой одна из старых ветел, растущих рядом с домом. Их все собирались спилить. Деревья были огромные, росли рядом и потому закрывали окна практически целого подъезда нашей пятиэтажки. Говорят, на месте этого дома когда-то протекала речка, скорее даже крошечный безымянный ручей. Никто о нем ничего уже не знал и не помнил: ручей давно загнали в трубу и закопали в землю, а в долине разбили целый микрорайон, ровные ряды кирпичных коробок. Все, что осталось от ручейка, – две ветлы, росшие некогда рядом с ним.

Анька вернулась с чашкой кофе.

– Ладно, не дуйся, – сказала она, присаживаясь рядом. – Я не права.

Я забрал у нее чашку, отпил кофе.

– Я и не дуюсь. Это я не прав. Я, наверное, на самом деле все выдумал. Ничего такого не было.

Анька погладила меня по голове.

– Дурачок! – сказала тихо и поцеловала в щеку. – Фу, какой небритый. Интересно, – глядя в стену, сказала Анька, – что с нами будет потом?

– Когда – потом? – спросил я.

– Потом, когда мы расстанемся.

– А ты что, решила расстаться? – Я приподнялся на локтях, пытаюсь перехватить ее взгляд. Но Анька упорно рассматривала стену, словно пыталась в узорах обоев увидеть наше будущее.

– Ну, рано или поздно это случится, – полувопросительно сказала она.
– Рано или поздно случиться может все что угодно. Не думай об этом.
– Ты всегда уходишь от серьезного разговора.
– Я уйду от пустого разговора. Какой смысл рассуждать о будущем?!
– А о прошлом?
– Прошлое – оно хоть было, а будущее... Его нет.
– Нет у нас с тобой?
– Почему ты сводишь все к одному?! – теперь разозлился я. – Ты хочешь, чтобы мы поженились?! Так и скажи об этом.
– Я просто хочу определенности в наших отношениях. – Анька встала и опять ушла на кухню.

Я снова уставился в окно. Вновь пролетела черная птица, а ветла махнула голый веткой, опушенной едва проклюнувшимися почками... В последнее время все наши разговоры заканчивались таким образом.

...Жизнь в болоте не позволяет думать о высоте. Небо, кажущееся привлекательным со дна, на деле оказывается таким же болотом, как и твое, только расположенным чуть выше. Но я стремился к нему во что бы то ни стало. И все-таки вынырнул. Я действительно вынырнул. Совершенно случайно. Я ходил по дну, лишь втайне надеясь, что когда-нибудь случится чудо, и я окажусь на поверхности того болота, в котором долгое время жил. И оно случилось – долгожданное чудо! – я вынырнул. Но нахождение мое на поверхности казалось мне столь непрочным, что всякий раз, когда я занимал более или менее удобное положение, мне не верилось, что оно надолго... И все же до неба было еще далеко. Даже поверхность болота остается болотом. Не более того.

...Август. Холодные зори. Холодные вечера. Холод в наших отношениях. Редкие поцелуи и те отдавали ледком. Я призывал тебя к любви (было еще время призывов и лозунгов), но ты относилась к моим словам... В общем, не относилась вовсе. И я опять уйду. Мои «уходы» стали моей болезнью. Неизлечимой. Это опять же – мой диагноз. Шизофрения, говорят, неизлечима, а мои уходы, они где-то на грани этого... Что ж, не вышло – лучше уйти.

Рассказывал ли я об этом Аньке или нет? Или все эти мысли остались внутри, не найдя выхода наружу? Наверное, все-таки нет. Иначе она ушла бы гораздо раньше.

...Заходя, выходя, переходя, я уйду все дальше и дальше по намеченному не мной маршруту. Со своим хроническим тонзиллитом, осипшим голосом, все наперекор себе, прежде всего, поздравляю друзей с днем рождения. С днем моего рожденья. Но их окна холодны, и я становлюсь другим. Я начинаю думать, что было бы лучше, если бы день моего рождения стал, в конце концов, и днем моей смерти. Так было бы лучше.

5

– Заснул, писатель?

От испуга я даже подскочил на стуле. В дверь заглядывал Игорь. Узкие губы,

растянутые в улыбке, и выглядывающие из-за них мелкие острые зубки делали его похожим на Чеширского кота, который возникает ниоткуда и тут же исчезает в никуда.

– Испугал? – Он растянул губы еще шире. – Не хотел, прости. О чем задумался?

– Так, замечтался, – отмахнулся я. – А ты разве не пошел с Антоном?

– Да ну его. Хочу провести сегодня вечер в трезвости. Тем более, что ко мне должна женщина прийти.

– Серьезная или как все предыдущие? – Игорь чуть ли не каждый месяц похвалялся своими победами. При его своеобразной, мягко говоря, внешности тетки отчего-то находили его неотразимым. Наверное, оттого, что Игорь мог внимательно слушать любого собеседника, даже несущего откровенный вздор. Говорить с ним можно было о чем угодно. И хотя он по большей части молчал, всякий думал, что Игорь разбирается в теме гораздо глубже, чем ты сам.

– Пока не определился, – посерьезнел Игорь. – Вполне возможно, что это она.

– Кто?

– Судьба, – несколько смутился Игорь.

– И как ты это определил?

– Чувствую.

– У тебя есть время?

– А что?

– Хочу понять одну штуку. Сядь, объясни мне, что это такое.

– Судьба, что ли? – Игорь придвинул к себе стул, но садиться не стал.

– Да. От меня Анька ушла. Понимаешь? Я вот теперь думаю: может, это тоже судьба была?

– Ну, если ушла, значит, не судьба.

– Как у тебя все просто. Ну, а если она вернется?

– Чего ты все «если да кабы». Если бы у бабушки был хрен, она бы дедушкой была, а не бабушкой. Вернется, тогда и поговорим.

– Нет, если ты говоришь «судьба», то все-таки как ты это определяешь?

– Слав, ну как тут словами это определить?! Это чувствуешь в первую очередь. Слова тут вообще ни при чем. У вас что случилось-то? Поругались?

– В том-то и дело, что нет. Просто ушла – и все.

– Ну, так не бывает, чтобы так просто.

– Видимо, бывает.

– Тебе видней.

– Еще бы. Ну и что там с судьбой?

– А что с судьбой? Я же говорю, это только чувствуешь.

– Вот и поговорили. Почему, как только разговор касается чего-то серьезного, все сразу переключаются на другие темы?

– Я чего заглянул-то. Тут говорят, тебе Марина должность предложила?

– Вот видишь. И ты, Брут. Ладно, о судьбе забудем. Предложила. Что дальше?

– Ну и?

– Думаю пока.

– Соглашайся, Славка, – Игорь постучал по спинке стула. – Подхалимаж, если помнишь, не из моего репертуара, так что говорю тебе совершенно искренне: соглашайся.

– А что так?

– А так. Человек ты толковый и спокойный. Голова опять же на месте. Честно говоря, у меня интерес корыстный. Я боюсь, если ты откажешься, назначат какого-нибудь полудурка административного. То-то будет весело, то-то хорошо. Или одну из этих Галок посадят. Прости, Господи. Слышал, говорят, что они лесбиянки?

– Это какое-то отношение к делу имеет?

– Ну, пока не имеет. А потом может и возыметь. Не хватало нам еще тут лесбийского рассадника. И так нормальных гетеросексуалов через одного. Так что, вперед и с песней!

– Спасибо, конечно. В следующий раз лъсти больше – мне это нравится. Но пока ничего не скажу.

– Ладно, думай. А Аньку-то верни. Она тетка реальная.

– У тебя все реальные. Один я нереальный.

– Будешь таким, если ее не найдешь, – сказал Игорь и исчез.

– Кто из нас нереальный – еще вопрос! – хотел я бросить ему вслед, но дверь уже плавно затворилась.

Я постучал по клавиатуре в надежде вспомнить Анькин e-mail. Сам же заво-дил ей почтовый ящик на Яндексe. Но кроме первого anet в голову ничего не приходило. Anet была с каким-то продолжением, но с каким? Кусок фамилии? Фрагмент отчества? Или и того, и другого понемногу? Анька присылала как-то мне небольшое письмецо, около двух килобайтов. Что-то вроде: «Люблю. Жду вечером». Ну и в таком духе. Но я его сразу же уничтожил: не нравится мне, когда рабочий почтовый ящик забит интимной перепиской. Anet и тут зло посмеялась надо мной. Уходить – так совсем. Какое там – пока. Раз – и навсегда. Девушка без адреса. Вот, кстати, и телефон она поменяла на прошлой неделе, а я все собирался загнать его в память. И у родственников ее я ни разу за все пять лет не был. Да и была ли Анька? Может, и Аньки никакой не было? И про-веденные с ней бок о бок пять лет – только сон?

– Славка! – снова нарисовался в дверном проеме Игорь. – Тебя там на вахте женщина какая-то спрашивает. Говорит, что родственница.

– Какая родственница?! – отмахнулся я. – Иди, не успокаивай меня. Пере-бьюсь как-нибудь без твоих глупых розыгрышей.

– Мне ее сюда привести или сам соизволишь спуститься? – устало сказал Игорь. – Я, между прочим, с первого этажа на четвертый поднимался не для того, чтобы шутки с тобой шутить.

– Мог бы и позвонить, шутник.

– На вахте телефон полетел. Так что пришлось напрячь ноги ради тебя.

– Ты серьезно, что ли? – снова не поверил я.

– Фома неверующий! Говорят тебе русским языком, женщина спрашивает тебя на вахте. Представилась твоей родственницей. Вполне возможно, потому что для любовницы она явно старовата.

– Нет у меня никаких родственников здесь. Старая тетка?

– Совсем-то старенькой не назовешь, но в возрасте. Одета так, по-простому. Можно сказать, даже по-деревенски.

– Черное платье, платок, сумка?

– Да вроде без сумки. Нет, пакет какой-то в руках был. А причем тут сум-ка? – недоуменно посмотрел Игорь.

– Вызывай милицию, Игорь. Это террористка.

– Вот пойд и скажи ей об этом, – обиделся Игорь. – Она тебя, между прочим, Славиком назвала. Так и сказала: как, говорит, мне Славика Михайлова найти?

– Славиком, говоришь? Ну, ладно, пойдём, посмотрим, что там за родственники из деревни.

Мы спустились на первый этаж, где у входной двери был оборудован пост охраны. Конторка с телефоном, выдавший виды письменный стол и настольная лампа, пережившая, наверное, не одного охранника, – вот и весь антураж боевого поста. Насупившийся вахтер дядя Коля с мрачным видом слушал историю не известной мне женщины.

– Мы от города далековато живём. До райцентра километров тридцать, – объясняла тетка. – Так особо-то не поездишь. Дорога плохая. Как разбили её ещё при Горбачеве, до сих пор отремонтировать не могут. Да нам в город-то и не особо надо. Тряпки какие – спекулянты завезут. Или автолавка когда заедет. А еда у нас своя вся. На земле живём. Огород есть, хозяйство небольшое. Много-то в нашем возрасте уже не потянешь. Пенсия какая-никакая, но моя. Нормально живём. Чего нам ещё надо?..

При нашем появлении дядя Коля облегченно оторвался от собеседницы и кивнул в мою сторону:

– Вот он.

Тетка настороженно замолчала, взглядываясь в мою сторону, и вдруг зарыдала в голос:

– Славик! Детонька! Я ж к тебе с бедой-то какой приехала!

Я растерянно остановился, но женщина уже повисла на мне и запричитала громко, уткнувшись в плечо.

Игорь удивленно pokrutil пальцем у виска. Я свободной рукой махнул ему: иди, мол, все в порядке. «Террористка» оказалась бабой Нюрой, младшей сестрой моей родной бабки. Ни ту, ни другую я не видел уже года три. Все было недосуг выбраться на историческую родину.

6

– Умерла моя Олюшка, сестрица моя родная, – отирая слезы, выдала, наконец-то, баба Нюра причину своего приезда. – Вот, приехала тебе, Славик, сказать об этом. Ты ж у неё один любимый внучок и был. Все ждала она тебя, но не дождалась. – Баба Нюра была готова снова заголосить.

– Когда умерла? – У меня перехватило в горле.

– Да уж больше месяца прошло, как схоронили, – осторожно сказала баба Нюра, явно отодвигаясь от меня.

– Не понял?! – разозлился я. – Бабка умерла месяц назад, и ты только сейчас приехала сказать об этом?!

Баба Нюра испуганно захлопала глазами.

– Да у нас и телефона вашего нет, – затараторила она. – Ни твоего, ни матери с отцом. Оля-то знала, но у неё ж не спросишь. А почту у нас закрыли. Ещё прошлым летом. Никто не пишет, газет не читает. Она и не нужна стала. А Оля умерла одним днем. В субботу в бане парилась, стала в избу заходить да прямо у порога и упала замертво. Слова не успела сказать.

– Не, я так и не понял, ты почему только сейчас приехала?! Сейчас-то возможность появилась – приехать сказать. Почему тогда не было?

– Да закрутились, Слава, – забежала глазами баба Нюра. – Похороны, поминки. Огород начался. Землю-то не оставишь. Да и на чем выбирать? Автобус ходит раз в неделю, все одно не успели б. А сейчас сосед машину наконец-то починил, подвез меня. Я тут заодно на поминки муки набрала. На сороковины, думаю, приедете?

– Родителям надо телеграмму отправить, – в задумчивости произнес я.

– А они где? На даче? – с любопытством посмотрела баба Нюра.

– Они уже год на Севере, в Надыме живут. Преподают там в каком-то университете.

– Господи, – вздохнула баба Нюра. – Вот жизнь-то забросила. И я ведь, старая дура, ничего не знала. – Говоря это, она посмотрела на меня с легким укором. – Чего ж теперь делать-то?

– Брошу им письмо по электронке. Быстрее будет. Но приехать они вряд ли смогут: дороговато обойдется. Да и смысла уже нет.

– Да уж, конечно, какой теперь смысл, – обиженно поджала губы баба Нюра. – Оля все одно не вернешь. Ты-то хоть приедешь?

– Когда сорок дней?

– В эту субботу приезжай. Я уж и монашек нашла. Придут отпоют как положено.

– А это зачем? – не понял я.

– Положено так, – важно пояснила баба Нюра. – Душу отпеть надо.

– Автобус по каким дням ходит?

– В субботу из райцентра в три часа. К вечеру как раз поспеешь. Мы раньше семи не сядем.

– А обратно?

– Да он сразу же и уезжает. А тебе куда торопиться-то? Поживешь у нас, Славик, выходные. Хоть посмотришь, как мы с дедом сейчас живем. Мы себе телевизор новый справили. Цветной. А хочешь, в бабкином доме остановишься. Там сейчас никто не живет. Один будешь королем жить. А в понедельник с утра попрошу соседа, он тебя до райцентра добросит. Ну, ждать тебя? – пристально посмотрела баба Нюра.

– Приеду.

– Вот и ладно, – сразу заторопилась она. – Пора мне. Скоро уж темнеть начнет, а нам ехать далеко. Дорога-то плохая, а у нас еще мост в этот разлив унесло. Так что в объезд поедем. Ну, ладно. Прощаться не будем. Ждем тебя.

Тяжелой походкой, переваливаясь с ноги на ногу, баба Нюра потащила к стоявшей на обочине машине. Неуклюже втиснула свое громоздкое тело в игрушечную кабинку «запорожца», громко хлопнула дверцей.

Я же ее совсем не знал, бабу Нюру. Смутные детские воспоминания. Лето. Жара. Мы с баболой (два слова – баба и Оля – слились для меня навеки в одно) приходим к бабе Нюре. Двор. В тени чахлой яблони прячутся куры, лишь петух важно прохаживается, периодически выбивая пыль из притоптанного грунта. Белый платок бабы Нюры. Черный хозяйственный фартук. Она достает из кармана карамельку и протягивает ее мне. Я разворачиваю фантик, конфета падает на землю. Подбегает какая-то шавка и тычется носом прямо в конфету. Мне хочется зареветь, но я сдерживаюсь.

– Растяпа какой! – говорит баба Нюра.

Почти все. Нет, еще совершенно туманный фрагмент.

Чаепитие вечером у баболи. Баба Нюра рассказывает про какую-то Дуську, которая связалась с баптистами из соседней деревни. Баболя ахает, крестится и в ужасе шепчет:

– Упаси Бог от такой страсти!

Я пугаюсь вслед за бабушкой. И страшное слово «баптист» преследует меня еще целый день.

Потом они из-за чего-то поругались с баболей. И упоминать в ее присутствии имя младшей сестры было запрещено.

– Помирать буду – ее не позову! – грозно выговаривала бабка соседкам.

– Так ей и передайте!

Но вышло по-другому. Хотя, по-моему, они так и не помирились до самой бабкиной смерти.

– Аня не вернулась? – встретил меня вопросом Игорь следующим утром.

– Нет.

– Звонил ей?

– Куда?

– Можно подумать, мы ее мобильного не знаем, – съязвил Игорь.

– Не знаем.

– Это как же так?!

– А вот так, – усмехнулся я. – Номер поменяла перед уходом.

– А родители, родственники?

– Существуют где-то. Не знаю.

– Как не знаешь? – Игорь выпучил глаза. – Вы же не первый год живете!

– Да вот так! – отмахнулся я. – Слушай, не томи душу. Отстань со своими расспросами.

– Как знаешь. Насчет должности-то надумал?

– Нет еще. В понедельник надумаю. Съезжу к родственникам в деревню на выходные, развеюсь. Может, на свежем воздухе голова думать начнет.

– Ты там особо-то размышлениями не занимайся. Голова опухнет, – усмехнулся Игорь. – Хотя дело твое, конечно. Жаль, если откажешься.

– Ладно, давай закроем тему. Поговорим в понедельник.

– А Марина тебе какой срок дала? – не унимался Игорь.

– Вообще-то сегодня ответа ждет. Думаю, потерпит. Тем более, мне надо обязательно скатать в деревню.

– Что-то случилось?

– Да бабушка умерла, а я только вчера об этом узнал.

Игорь сделал сочувствующее лицо.

– Ой, только не надо соболезнований, – скривился я. – Не люблю соплей этих. Ладно, пошел я к Марине. – Я вышел из кабинета, едва ли не отодвинув Игоря от двери. На душе было и без того мутно, чтобы еще выслушивать его псевдопечали по поводу смерти неизвестной старушки.

Разговор с Мариной оказался по-военному короткий.

– Понедельник так понедельник, – неожиданно легко согласилась она. – Думаю, после деревни ты по-другому будешь смотреть на жизнь.

Автобус до Петровки был забит до отказа. Ехали в основном дородные тетки, державшие на коленях клеенчатые челночные сумки. То ли перекупщицы, то ли, наоборот, сбытчицы излишков сельхозпродукции. Они галдели на весь автобус, обсуждая какую-то Таньку, которую чуть не потеряли на рынке, и как едва нашли ее, плачущую у пивного ларька. Причем к тому времени Танька успела залить свое горе не одной кружкой пива.

В автобусе только одна из пассажирок спала, так что легко было сделать вывод, что это именно та самая потерянная Танька и есть. Достаточно молодая женщина в нелепом сиреновом свитерке, обтягивающем до неприличия ее высокую грудь, спала, откинув голову на спинку кресла. Из уголка приоткрытого рта тянулась тонкая струйка слюны. Автобусный гвалт Таньку не пронимал: она безмятежно подрыхла до самой Петровки. Как я понял, Танька впервые выбралась в областной центр, и потому ей строго-настрого было приказано от толпы не отрываться. Но на Центральном рынке, особенно в субботу, потоки такие, что хочешь не хочешь, а тебя и оторвет, и закружит, и унесет. Видимо, в какой-то момент движения за товарками Танька растерялась и ее оттерли от группы, ну а там уже ищи-свищи их. Бабы-то сыр-творог распродали, а потом Таньку и спохватились. Облазили весь рынок, собирались уже без нее возвращаться, но нашли. На ее голову. Представляю, что бедная Танька услышала в свой адрес и своей мамы, когда товарки увидали ее, утирающую горькие слезы, но при этом потягивающую пиво.

– Блядь такая, она еще и спит себе! – верещала рядом со мной тетка в изрядно поношенном мужском коричневом плаще.

– Ничего ведь не продала, а пива нажралась!

– Да чего на нее ругаться, – спокойно произнесла сидевшая рядом со мной женщина. – Уймись уже, Вальк. Такой хоть насы в глаза, скажет: «Божия роса». Зачем ее только взяли с собой!

– Тебе легко говорить, а я Томке обещала за ней приглядывать. Мне как теперь той в глаза смотреть?! Не углядела за этой блядью! – не успокаивалась Валька, распаляясь все больше и больше. – Сейчас я ее подыму, она свои зенки бесстыжие враз разует.

– Хорош орать! – высунулся из кабины водитель. – Дома воспитывать будете.

– Ты еще поори! – отмахнулась Валька, но притихла, успокоилась сразу и через минуту уже сама спала.

До Петровки ехали без остановок. На полпути спал уже весь автобус, лишь через пару кресел от меня кто-то обсуждал, что сейчас носят в городе и насколько это дорого, если покупать в магазине, а не на вьетнамском рынке.

– У вьетнамцев, между прочим, все то же самое, только дешевле, – долетело до меня сквозь гул мотора.

– Да я слышала, у них магазины все скупают, а потом просто бирки переклеивают и цену набавляют.

Стало скучно, я достал из сумки книгу и уткнулся в текст.

До Петровки – в объезд – ехали больше трех часов. Я успел дочитать купленный в дорогу новый детектив Донцовой. Самое чтение для автобуса, если бы не так трясло. Но даже с перерывами на особенно тряские участки раз-

битого асфальта иронический роман был добит мною за полчаса до приезда. Иронии я, правда, там никакой не увидел, но книжка читалась на удивление легко и даже глупейшие ситуации, в которые постоянно попадала главная героиня, в кресле старенького «пазика» воспринимались без особого душевного надрыва.

Когда автобус притормозил на площади у конторы, водитель все так же высунулся в окно и уже беззлобно крикнул:

– Бабы, будете выходить, подругу свою не забудьте!

Бабы загалдели, подхватили сумки и повыскакивали из автобуса.

– Танька, подъем! – гаркнула Валька практически над моим ухом.

За спиной зашевелились.

– Приехали, что ль? – спросил сонный голос.

– Выспалась?! – с ехидцей произнесла Валька. – Мать-то тебе вставит сейчас. Что, съездила в город?! Поторговала?

Танька шумно зевнула.

– Не твое дело, – сказала сквозь зевоту и, расталкивая оставшихся баб, стала пробиваться к выходу.

Центральная площадь Петровки за те три года, что я здесь не был, ничуть не изменилась. Разве что вдоль главной улицы тянулась газовая труба, покрашенная коричневой краской, да кусты акации у колхозной конторы, служившей еще и пристанищем для местной власти, стали гуще и закрывали собой практически все здание, словно прятали его от кого-то. Над входной дверью, закрытой на амбарный замок, как приговоренный, понуро висел российский триколор. Я постоял, осмотрелся и закурил. До бабкиного дома ходьбы не больше пяти минут. По прямой. Но на этот раз прямой не было. От конторы двумя широкими полосами в глубь деревни уходила глубокая колея, наполненная до краев маслянистой жижей. И только вдоль конторского забора была протоптана узкая тропинка, пройти по которой можно было только одному, да и то придерживаясь руками за штакетник. Я бросил окурочек в грязь, посмотрел, как он погас, выпустив жиденький дымок, и наконец-то решился: прижался к забору и, вспоминая вслух весь свой запас матерных выражений, стал пробираться к относительно сухому участку дороги.

Окна баболиного дома, основательного и огромного в свое время, а теперь просевшего, словно уходящего в землю, были закрыты ставнями, перечеркнутыми поверх буквой «Х» из грязных досок. Я зашел во двор, постоял у крыльца, но так и не решился подняться. Погладил почерневшие от времени перила. Под старой яблоней валялся цветной некогда мяч, дожди смыли краску, и теперь он, как гриб-дождевик, серым комком торчал из едва пробившейся травы. Кусты сирени заполонили весь сад. Видно, в последние годы их никто не трогал: обычно баболя каждую весну подрезала новые побеги, чтобы под шапкой зелени оставалось место для внуков. В жаркие летние дни, когда даже до речки идти не было мочи, она бросала нам в сиреневые заросли старое покрывало, выносила плошку с ломтями черного хлеба, банку варенья, и мы с двоюродными братьями и сестрами, которых в деревне было много, деревянными ложками вычерпывали из банки густую массу, размазывали ее по краюхе и ели, отгоняя мух и ос. Я вспомнил еще, как поздними вечерами баболя загоняла меня домой, издали грозя сорванной хворостиной. А я долго упрашивал ее разрешить мне погулять еще немножко, еще полчаса, а потом, жалобно скуля, бежал к дому и

уже у ворот получал жгучий удар по голым ногам. Плакал ли я тогда? Не помню. Скорее – нет. На бабу Олю невозможно было обижаться. Моя любимая железная зеленая кружка с отбитой по краям эмалью уже стояла на столе, теплая от парного молока, а рядом лежал кусок белого хлеба, на котором аккуратной колонной возвышались три куса сахара-рафинада. Я прихлебывал молоко и поочередно то откусывал от горбушки, то вгрызался в твердый сахарный кубик. И эта церемония, повторявшаяся из вечера в вечер, заставляла быстро забыть обиды. А нескончаемая сказка про Финиста, который на ночь оборачивался соколом и летел за своей невестой, да только никак не мог долететь, усыпляла и окончательно примиряла с бабой Олей...

Глаза заволокло пеленой, я оттолкнулся от перил и быстро, насколько позволяла это раскисшая земля, зашагал к бабе Нюре.

8

Баба Нюра жила через пять дворов от баболи. Дом, вытянутый во двор, а не вдоль улицы, как это принято в деревне, выделял его из всех уличных построек. Дед Петя в свое время учудил, решил строить не как у остальных. Дом получился высокий, крыша стояла острым углом, так что чердак был просторным, и дед Петя затевал там устроить что-то вроде летнего этажа. Но баба Нюра так и не позволила ему это сделать. «Будешь еще у меня по голове ходить», – аргументировала она свой отказ. Баба Нюра, в отличие от сестры, женщина была обстоятельная. Сад – только яблони и вишни, огород – только картошка, тыква, огурцы, помидоры и капуста. И немного ноготков на крошечном, не вскопанном под овощи участке возле дома. Польза от них была множественная: сразу тебе и цветы, и лекарство, и в чай добавить зимой. Все остальное – баловство. Когда моя бабка высадила под окнами сирень, баба Нюра долго ахала.

– Запустишь, она потом все забьет. Ни света в дом не пустит, ни под окнами ничего не посадить, – говорила она старшей сестре.

– Да Бог с ней, пусть растет, – отмахивалась баболя. – Цветет уж больно красиво.

Баба Нюра, видимо, заметила меня в окно. Выскочила на улицу, по-утиному неуклюже побежала мне навстречу.

– Славик! Приехал! – заплакала она снова. – Ну, слава Богу. Я уж думала, что не захочешь. Пойдем в дом. Пока еще не все подошли.

– Здравсьте, – кивнул я, заходя в избу.

Через всю горницу тянулся длинный стол, сбитый наскоро из досок, прикрытых цветастой клеенкой. На широкой лавке у стены сидели два мужика, один из них вылавливал рукой из глубокой алюминиевой миски осклизлые огурцы, другой спокойно, по-философски наблюдал за этим мучительным процессом: огурец в самый ответственный момент выскальзывал и нырял обратно в миску, взбивая пузыри мутного рассола; из кухни высунулась хмурая девка в переднике и косынке, повязанной углом, что только подчеркивало остроту носа и подбородка, искоса посмотрела, что-то пробормотала сквозь зубы и тут же исчезла.

– Вот, внучок приехал, – представила меня баба Нюра мужикам, те кивнули

и продолжили ловить огурец, будто играли с ним. – Петр, иди сюда, – крикнула баба Нюра. – Славик приехал!

Дядю Петю, я почему-то никогда не звал его дедом, было трудно узнать в сухом и жилистом старике. За те три года, что мы не виделись, он как будто усох и подтянулся, словно хотел спрятаться в самом себе.

– Ну, здорово, Слав! – протянул он растопыренную клешней ладонь. Ревматические пальцы не распрямлялись. – Вишь, у нас что. Жизнь какая.

Я пожал руку.

– Оля померла, – продолжал дядя Петя, удерживая мою ладонь. – Она тебе избу оставила. Сказала Нюрка уже?

– Нет еще, – удивился я этой новости.

– Ну, значит, скажет, – хмыкнул дядя Петя. – Потом поговорим. Помянем вначале. Самогоночки с дороги выпьешь?

При слове самогон мужики на лавке оживились и стали совершенно по-собачьи выжидающе поглядывать на дядю Петю.

– Я тебе сейчас дам самогоночки, зараза! – закричала с кухни баба Нюра. – Человек не евши с дороги.

– Все слышит, – ухмыльнулся дядя Петя. – Ладно, садись пока. Сейчас она тебе чего-нибудь пожрать принесет. Монашки только к восьми обещались.

– Ну, мы пойдем пока, Петро! – поднялся с лавки один из мужиков. – Потом то подходить?

– Да куда ж без вас?.. – ехидно произнесла баба Нюра, вынося из кухни тарелку с дымящейся картошкой. – Идите пока, придете к поминкам. Сейчас все равно делать нечего. Выпили по чуть-чуть и хватит.

– Помощники, тоже мне! – бросила баба Нюра, когда за мужиками закрылась дверь. – Послал Бог дармоедов. Позвала их столы сбить. Еще утром все сделали и вот до какого часа сидят, выжидают. Давай садись, перекуси с дороги. Ирка, огурцы принеси! Ирку-то помнишь? – обратилась ко мне баба Нюра. – Только моего жену?

Из кухни вышла все та же хмурая девка в переднике и косынке.

– Здрасьте! – без тени улыбки сказала она еще раз и поставила на стол миску с солеными огурцами.

– Ирк, ты-то Славку помнишь? – для проформы спросила баба Нюра.

– Помню, – сквозь зубы сказала та и ушла на кухню.

– Злая с утра ходит, – шепотом пояснила баба Нюра. – Толька запил опять. Чего делать с ним – не знаю.

– Баб Нюр, дядь Петя сказал, что баболя мне дом оставила, – разламывая вилкой картофелину, уточнил я.

– Отписала, – поджала губы баба Нюра и, помолчав, повторила, – отписала. В сельсовет, говорят, сходила даже. Что с ним делать-то будешь? Продашь, небось?

– Ну, наверно, продам. Не жить же в нем.

– Ты погоди пока. С родителями хоть посоветуйся. Может, они на лето приезжать будут. А мы зимой-то присмотрим. Или хоть Толька с Иркой поживут. Пока вы не решите. Они ж все с нами так и живут со свадьбы, вон половину им выделили. Говорю Тольке: отделяйся, пристраивайся и живите себе спокойно. А он: на что строиться? Все пропивает. Да и у нас таких денег нет, чтобы самим их отделить. Вон, ни детей, ничего нет. Разве это жизнь, Слав?

– Да-а, – протянул я. – Не жизнь.

– Ты, Слава, не думай, что мы на этот дом глаз положили, – отвела глаза баба Нюра. – Зачем он нам? Старья-то своего хватает. Жалко, если дом продашь. Все-таки сёстрин. Ты же знаешь, как мы с Олей жили.

– И как же? – осторожно поинтересовался я.

– Душа в душу, – уткнувшись глазами в пол, сказала баба Нюра. – Все-таки старшая сестра. Я ее уважала. Последний год, когда она плохая-то была, у нее ноги отказывали, я приходила каждый день, помогала.

Я закашлялся от неожиданности.

– И давно вы с ней подружились?! – разозлился я.

– Вот ты как, Слава, заговорил! – поджала губы баба Нюра. – Не ожидала, внучок. Да я могла бы и вообще не ездить говорить. Хотела по-людски сделать.

Баба Нюра встала и тяжело заковыляла на кухню.

– Пойду Ирке помогу, – сказала она, как мне показалось, сквозь слезы. – А ты сиди, ешь пока.

– Ладно, я тоже пойду, – встал я из-за стола.

– Куда? – с некоторым испугом спросила баба Нюра.

– Дай мне ключ от бабкиного дома. Там переночую.

– Что-то ты совсем не по-людски делаешь, Слава, – зло прищурилась баба Нюра. – В такую даль ехал, чтоб меня опозорить на старости лет?! Что ж люди-то скажут?! Приехал внучок, а она его из дома погнала. Ты хоть поминки отсиди, а там делай, как знаешь.

Поминки я отсидел. Пришли незнакомые и полужнакомые мне люди. Каждому новоприбывшему надутая баба Нюра меня представляла, я тупо кивал, подставлял ладонь или принимал удар по плечу. Потом появились три старухи в черном, перекрестились на образок, висевший в углу под потолком, зажгли свечи и заголосили. Баба Нюра усердно им подпевала, вслед за ними клала поклоны, и выглядело это совершенно нелепо. Тем более, что одну из монашек я знал по рассказам баболи. Она называла ее Дунькой и говорила, что свои грехи та не успеет замолить до самой смерти.

– Монашка нашлась! – возмущалась баболя, когда видела, как Дунька направлялась на очередные похороны или поминки. – Забыла, как мужики ее за космы по огородам пьяную таскали. Сейчас вон святой стала. Не пьет, по церквам ходит. Как у Бога-то терпения на них хватает?!

Дунька пела жалобную песню громче всех, ее изрезанное глубокими морщинами лицо было исполнено такой скорби, что мне искренне стало жаль ее. Это сколько же надо грешить, чтобы обречь себя на такое мучение, как вечные похороны?

Сорок поклонов клали неспешно и основательно. Я дважды выходил покурить, стараясь задержаться на улице подольше. Никак не мог заставить себя перекреститься и упасть на колени. Главное, я не был уверен: нужен ли баболе весь этот обряд, поможет ли он обрести ей вечный покой, о котором пели монашки? Сомневаюсь. Отношения с Богом у баболи были весьма своеобразными. В гневе она запросто могла выругаться матом, любила пропустить стопочку перед обедом, но при этом всегда перекрещивала рот и просила Господа простить ее. Грехи небольшие, может, и простятся, но заставить еще и себя упрашивать неведомого мне Бога о прощении моей бабки, я не мог.

Расходиться гости начали уже после полуночи. Дядя Петя стоял у ворот и подсвечивал фонарем улицу. Узкий луч едва пробивал крошечную темноту. Кто-то из мужиков не удержал равновесия и свалился в колею, пьяно захохотали бабы.

– Лови его, а то утонет! – весело выкрикнул женский голос.

– Катька, твой, что ли, поплыл?! – засмеялись чуть дальше.

– Ну, заржали, – сурово, но без осуждения произнес дядя Петя. – Ни одни поминки без ржания не обошлись. Вот жизнь какая смешная.

Затворив ворота, дядя Петя остановился рядом со мной на крыльце и закурил папироску.

– Ты, Славка, на Нюрку не серчай, – помолчав, сказал он. – Баба – дура, сама не знает, чего мелет. Дом твой, как хочешь, так и делай. Чего уж.

На улице начинало капать. Косой дождь застучал вначале по стеклу, потом прошелся полосой по железной крыше, немного притих, как вновь забарабанил по крыше все громче, громче и, наконец, обрушился сплошной стеной. Ирка выскочила из избы, пролетела, не глядя, мимо нас, хлопнула в сарае дверями. Вернулась сырая и, утирая воду с лица, сказала, обращаясь словно в пустоту:

– Теперь дорогу совсем размочит.

– Да, дождь серьезный, – спокойно заметил дядя Петя. – Точно ведь размочит дорогу.

– Только не видал? – спросила Ирка у дяди Пети, вглядываясь в темноту.

– А в сарае нет, что ли?

– Нет.

– На сеновале, наверно, дрыхнет, – предположил дядя Петя тем же ровным голосом, что и всегда. Он, по-моему, вообще никогда не менял тональности. – Самогону наладился с утра. То-то я смотрю – банка одна пропала.

– Пойду погляжу, – устало произнесла Ирка и вновь побежала под дождь к сараю.

– Пойдем и мы, – бросил папиросу дядя Петя. – Побалакаем хоть немного. Расскажешь о городской жизни.

Баба Нюра собирала со стола, смахивая в ведро объедки с тарелок.

– Ушли? – спросила она, не отрываясь от работы.

– Ушли, – кивнул дядя Петя.

– Толька-то появился?

– Ирка на сеновал полезла. Там, наверно.

– Спал бы уже там себе. Сейчас ведь разбудит его, опять скандалить начнут. Тебе-то здесь постелить? – сухо обратилась она ко мне.

– Нет, – отказался я. – Пойду к бабке.

– Вот ключи, – облегченно вздохнула баба Нюра. – Там протопить не помешает. Сырая изба после зимы. Дрова в сарае.

– Да ну вас, – махнул рукой дядя Петя. – Что ж у вас не по-людски все?!

9

Пустота. И вокруг, и внутри. Словно выскоблили и мир, и меня серым металлическим скребком, отчего все вокруг (и я, в том числе) опустели, заполнились пустотой. Пустой пустотой. Гулкой и звонкой. Как одинокие шаги в полуночной подворотне.

Звезды. Луна. Точнее – огрызок луны. Будто ее ели и бросили. То ли аппетит пропал, то ли вкус не ахти.

Ветер пригибает к земле кусты сирени. Они бьются цветущими верхушками друг о друга и жалобно скрипят. Про себя. Про свою жизнь.

На улице весна. От дурманящего аромата тепла и цветов, заносимого в открытую форточку, кружится голова. Но, может быть, и оттого кружится, что болел, весь высох и жду не дожусь сказочного ветра, способного унести меня в небеса, как проделал он это с Ремедиос Прекрасной. Жаль, в этой жизни нет места сказке. Она пришлась бы весьма кстати.

На улице весна. Я держу ладони на стекле и чувствую, как ветер разносит по земле сладкие зерна любви. Но мои окна холодны. К сожалению...

...Все это романтический, а точнее – романический бред. Сидел и простым карандашом выводил в старой тетрадке, найденной у баболи в шкафу. Какая, к черту, Ремедиос Прекрасная, какие, к черту, зерна любви?! Я застрял в деревне, причем застрял – в прямом смысле. Проливные дожди, зарядившие в первый же день моего приезда, смыли дорогу так, что мужики даже трактор не решались выгнать из колхозного гаража, не говоря уж про рейсовый автобус, который, наверняка, и дорогу забыл до чертовой Петровки.

Поначалу я себя успокаивал: посижу денек-другой, обдумаю Маринино предложение, может, планы какие набросаю. Успокоюсь, подумаю, что делать с Анькой, где ее искать. Деревенская романтика сыграет свою роль: долгие вечера, посиделки у дома, прогулки на окраине у реки, помнившиеся мне с детства, пойдут только на пользу. Но виртуально-детская деревня оказалась не похожей на реальную. После шума городского, который затих для меня, как кажется сейчас, практически навсегда, глушь деревенская – мертвая зона, где даже пейзажи, неестественно огромные и пустые поля, окаймленные прозрачными березовыми посадками, бьют по нервам, а не лечат их. К исходу недели заточения я почти умер со всеми своими идеями, поначалу буйствовавшими у меня в голове. Оставалось лишь положить ее под топор на удобный пень для колки дров, чтобы с ударом острия чуть прийти в себя, оживиться, встряхнуться. Но – парадокс! – здесь везде газ, и пней, на которых так сподручно рубить буйные головы, днем с огнем не сыщешь. А жаль.

Что делать – не знаю. Бежать не получается. Настолько крепко засел в здешней грязи, что выбраться отсюда – на грани фантастики.

Ирка с Толиком пришли на следующий же день. Дипломатично постучали в окно и, не дожидаясь ответа, ввалились в сени. Слава Богу, хоть сапоги, заляпанные грязью, скинули на крыльце.

– Братан! – раскинул руки Толик и полез целоваться.

Ирка смотрела на него с нескрываемым презрением.

– Нажрался опять, – пояснила она мне поведение Толика, проходя в комнату и ставя на стол матерчатую сумку. – Мы тут еды принесли, с поминок много осталось. Мать передала.

– Братан! – тупо повторял Толик, держа за руки и глядя сквозь меня. Глаза у него остекленели и не выражали ничего.

– Да, братан, – повторил я за ним. – Проходи в комнату.

Толик, пошатываясь и придерживаясь за мое плечо, зашел на кухню и упал на табурет.

– Надо sprыснуть встречу,– едва шевеля языком, сказал он. – Ирка, разливай, братан все-таки приехал.

– Я тебе сейчас разолью, алкаш!– с нескрываемой злостью прошипела Ирка, но бутылку самогона из сумки все-таки достала.

Толик неловко ткнул своим стаканом в мой, расплескивая жидкость, сморщился от сожаления, что пусть небольшая, но все-таки часть самогона оказалась на столе, и, запрокинув голову, вылил содержимое стакана в глотку.

– Ядреный, – отирая рот, сказал Толик. – Ну, что, братан, как дом делить будем?

– А что его делить? – не удивился я крутому повороту темы.

– Баболя мне его завещала. Я уж как-нибудь распоряджусь.

Ирка, насупившись, молчала.

– А то, что мы за бабкой ухаживали, ты не считаешь? – продолжил Толик.
– Это тебе хрен по деревне?

– Может, вы завтра зайдете? – спокойно предложил я. – Поговорим на трезвую голову.

– Пойдем, Толь,– поднялась Ирка. – Видишь, брат твой не хочет с нами разговаривать.

Толик приподнялся из-за стола, но не удержал равновесия и рухнул на пол, промахнувшись мимо табуретки. Ирка тяжело вздохнула, но помогать мужу не стала. Стояла и, сложив руки на груди, молча наблюдала, как тот с трудом отрывает себя от пола.

– Мы завтра зайдем. Проведать, – подхватив Толика под руку, сказала Ирка.
– Чтoб ты не скучал.

– Угу, – буркнул я.

В понедельник с утра, напаялив старые дедовы кирзачи, я, чавкая грязью, потопал в контору.

– Куда грязь тащишь?! – возмутилась престарелая секретарша в приемной главы поселковой администрации. – Сапоги не мог помыть?!

Пришлось выйти на улицу и потоптаться в луже, взбалтывая грязь. Сапоги от этого чище не стали, но хоть комья липкой земли отстали от подошвы.

– Теперь можно?– вновь заглянул я.

– Городской, что ль? – несколько смягчилась тетка, поглядев на мои сапоги. – Я тебя что-то не знаю.

– Городской, – смиренно кивнул я.

– Из райцентра?

– Из области.

– Из области?! – разозлилась вдруг секретарша. – И чего надо?

– Да я насчет автобуса хотел узнать. – Причину ее гнева я так и не понял.

– Какой автобус?! – тетка ткнула пальцем в окно. – Дождь третий день льет. Теперь, как минимум, через неделю к нам решатся ехать. Дороги-то нет.

– А на чем отсюда можно выбраться? – с робкой надеждой спросил я.

– Сказала бы я – на чем! – почти с яростью бросила женщина. – Да образование не позволяет. Демократам своим претензии предъявляйте!

– Каким демократам?.. – несколько растерялся я.

– Городским вашим, – объяснила секретарша. – Развалили все вначале, а теперь они ходят и удивляются: где автобус?!

– А позвонить от вас можно? – не унимался я.
– По межгороду?
– Да.
– Нельзя.
– Я заплачу.
– Да хоть расплатись весь. За неуплату отрезали.
– А где можно позвонить?
– А я откуда знаю? На почте.
– Так она закрыта.
– А я чем могу помочь? Небось, мобильный-то есть, вот и звони.
– Да не берет он у вас.
Секретарша развела руками.
– Ничем помочь не могу. Уж тут-то я ни при чем.
– Значит, автобуса тоже не будет?
– Слушай, ты чего вынюхиваешь тут?! – взорвалась тетка. – Я тебе уже все объяснила. Нет ничего: ни телефона, ни автобуса. Иди, в другом месте ищи, демократ в штанах.

Поиски альтернативного транспорта успехом тоже не увенчались. Никто так и не рискнул выгнать свои старенькие допотопные «запорожцы» и «москвичи» из гаражей. Как заявил мне владелец одной железной кобылы, в такую погоду хороший хозяин и собаку из дома не выгонит.

– Я сто рублей плачу, – демонстрировал я коричневатую-желтую бумажку.
– Мне потом ремонт в тыщу обойдется, – сплюнул сквозь зубы мужик.
– Двести хватит? Тут езды-то.

Мужик почесал висок, в глазах появилось сомнение.

– Не-а, – наконец решил он. – Не поеду.

– Пятьсот, – повысил я ставку.

Мужик замолчал, покусал нижнюю губу, снова сплюнул.

– Если завтра дождь закончится, то послезавтра поедем, – выдал он.

– Мне бы сегодня надо, – с робкой надеждой протянул я.

– Сегодня никак, – отрезал мужик и ушел в избу.

Моего терпения хватило ненадолго. Уже к среде я смирился с тем, что Петровка еще на неделю станет моим домом и перестал смущать местных жителей огромными, по деревенским меркам, гонорарами за вывоз моего тела за пределы деревни. Тем более, что к среде наши ежевечерние посиделки с Толиком и Иркой приобрели новую окраску. Под непрекращающийся шум дождя, то едва слышный, то угрожающий, мы вдруг заговорили на темы, напрямую не связанные с домом никак, – стали обсуждать местную жизнь. Ирка начала.

– А у нас колдунья живет, – ни с того ни с его заявила она. – На отшибе дом видел? Порчу наводит.

Эту бабку я помнил с детства. Она вроде бы и не состарилась с той поры. Тогда мы ее очень боялись: одетая всегда в одни и те же черные лохмотья, постоянно – в некогда черном, но выгоревшем до серого цвета платке, она почти не появлялась в деревне, ни с кем не общалась, даже пенсию не получала: почтальоншу, разносившую пенсию по домам, старуха начинала ругать, как только та появлялась в зоне видимости. Для деревни подобных странностей вполне

хватало, чтобы считать Большуху, так ее прозвали, видимо, еще сто лет назад, ведьмой.

– Она и Тольку моего сглазила, – продолжила Ирка. – Он ей сена не привез. Толька ж до этого почти не пил совсем. А тут Большуха к нам приперлась и просит сена ей привезти: коз кормить. Ну, Толька и сказал ей, что ему сейчас некогда. Он на тракторе работал в колхозе. Она как зыркнет на него. Толька согласился, но уже поздно было. Большуха его уже сглазила. Он и запил через месяц где-то. Так и пьет с тех пор.

– Может, его к врачу свозить? – предложил я.

Ирка недоверчиво на меня посмотрела.

– Какой врач? Тут бабку надо искать, чтобы его отшептала. Вроде, есть такая в Красивке, но Толька ни в какую не соглашается ехать.

День ото дня наши разговоры приобретали все больший философский оттенок. Правда, мировоззренческие установки Ирки, да и Толика, дальше колдовства, порчи и сглаза не уходили. Оба считали, что если бы не давешний сглаз Большухи, сейчас у них все было бы хорошо, и жизнь наладилась бы. Мои робкие призывы – искать причины в себе – отвергались напрочь.

– Раньше же он так не пил, – твердила Ирка. Толик заученно поддакивал, выплескивая в глотку стакан за стаканом.

Через два дня разговоры о черной магии мне порядком наскучили. Тем более, что рано или поздно они заканчивались намеком на то, что на баболином доме тоже может быть порча. Бабка, мол, с Большухой разругалась в свое время. Пришлось поменять тактику и перевести разговор в иное русло. На работе у нас сказали бы: перешли от чернухи к позитиву. И к субботе, когда Ирка позволила себе небольшую передышку в сдерживании питейных порывов мужа и выпила вместе с ним, за компанию, мы и вовсе стали травить анекдоты.

Травил, по большому счету, один я, потому что Толик по обыкновению дремал, изредка вскидывая голову, а Ирка анекдотов не знала, кроме совсем древних, так что даже над старыми запиленными шутками она искренне хохотала. У нее оказались на редкость красивые зубы, ровные и плотно, без единой щелочки подогнанные. «Ее бы подкрасить и переодеть, она бы ничего себе вышла, – подумал я. – В других условиях она могла бы и Ремедиос Прекрасной быть». Я представил Ирку в легком платье, которое колышет ветер, длинные волосы разметались в разные стороны. Она стоит у околицы деревни и улыбается, глядя куда-то за линию горизонта. Прямо хрестоматийный образ романтической девушки.

– Блин, прикольно, – сказала Ирка, просмеявшись. – Что там еще у вас в городе рассказывают?

Ремедиос Прекрасная мгновенно была унесена ветром, и передо мной осталась немолодая уже идиотка, запуганная на излете двадцатого столетия колдунами и ведьмами.

За неделю своего вынужденного заточения в Петровке я понял, почему здесь пьют. Большуха тут явно не при чем. Тоска, безысходность и неумение занять себя – вот три слагаемые части деревенского несчастья. Я тоже пробовал пить. Но мне – в силу выработанной годами привычки – нужна после этого хорошая компания, адекватный разговор, на худой конец – танцы. Здесь же ни первого, ни второго, ни третьего. Да и от местного самогона никакой радости. Дурнота одна.

После первого стакана хочется найти веревку, перекинуть ее через сук и удавиться. После второго – начинаю искать веревку и дерево. После третьего, слава Богу, ложусь спать. Так что со своим вечерним чаем вместо самогона я наверняка казался Ирке с Толиком не вполне здоровым.

– Прикольно, – повторила Ирка. – Ну, рассказывай еще.

Толик приподнял голову, пробормотав что-то невнятное, и тут же уронил ее на стол. Я пожал плечами:

– Вроде все.

– Да-а?! – разочарованно протянула Ирка. – Может, вспомнишь? Я давно так не смеялась.

От самогона она совсем покраснелась, глаза блестели, и если бы она еще молчала...

– Слава, – Ирка впервые за все время назвала меня по имени. – Вот ты человек образованный, все знаешь. Скажи мне... – Она помолчала, раздумывая, говорить или нет. Решившись, выдохнула: – У меня Толька ничего уже не может... Понимаешь?... Это порча? Или можно вылечить?

Я покосился на Тольку, безмятежно сопевшего, уткнувшись лицом в стол. Откровение Ирки озадачило. На роль духовника я никак не претендовал.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Сейчас многое лечат. Импотенцию тоже.

– Угу, – поджала губы Ирка. – Если порча, вряд ли. У тебя такого не было?

– Да вроде нет, – покраснел я.

– А ты вообще-то симпатичный, – разглядывая столешницу, сказала Ирка и придвинула свой табурет ближе ко мне.

Я смутился совершенно. Пару раз мне признавались в любви, не без этого, но здесь, в деревне, услышать почти признание от полупьяной женщины мне почему-то показалось верхом неприличия. Но Ирка, видимо, так не считала, потому что спокойно расстегнула мне брюки и стала теревить, причем иногда достаточно больно, мой член.

Я никогда не был пуританином и лицемером, и если женщина сама просила, всегда шел ей навстречу. Однако нынешняя ситуация была не из привычных. Больше того, ситуация была нелепейшей, да я, честно говоря, испугался: не проснется ли Толик. Она поняла одну из причин моей сдержанности, потому что, наклонившись к уху, прошептала:

– Он теперь долго будет спать. Пойдем.

Она так и повела меня в спальню, держа за член. Абсурд – не выходило из головы. Империя петровских чувств какая-то.

Ирка скинула с себя халат и повалилась на кровать, увлекая за собой и меня. Мне пришлось ей уступить. Наверное, я слишком слабохарактерный, если так легко уступаю под напором чужой воли. У меня от волнения даже ладони вспотели. Какой там секс, я был уверен, что и лечь на нее не смогу. Но надо отдать ей должное: в рамках своего деревенского образования она была мастерицей и все-таки добилась того, чтобы я принял боевую позицию...

– Спасибо, – сказала Ирка, отвернувшись к стене. – Я думала, что уже забыла, как это делается.

От Ирки пахло молоком и свежим потом. Непривычно и немного пугающе. От Аньки, подумалось мне, пахло лучше. Духами или дезодорантом. Всегда немно-

го горько и вызывающе. Но и то, и другое мне нравилось больше и было ближе, чем нынешний молочно-потный запах.

– С домом-то что решил? – неожиданно спросила Ирка.

– С домом? – повторил я, не совсем понимая, о чем она. В голове еще не полностью рассеялось легкое помутнение.

– Продашь?

– Не знаю, – совершенно растерялся я. – Теперь уже, наверное, нет.

«Хотя зачем он мне нужен, этот сраный дом», – подумал я. Если я здесь света белого не вижу, если я здесь с людьми человеческими встретиться не могу. Если я, в конце концов, в сортир даже не могу по-человечески сходить, а вынужден терпеть до последнего и потом, как угорелый, мчаться туда через весь двор, напоминающий полигон для испытания танков. Сделаю широкий жест, подарю дом Ирке с Толиком. Может, правда, жизнь у них наладится? Ирке я, конечно, об этом говорить не стал, а то получалось, что я клюнул на ее простодушный и дешевый прием – заработать дом телом.

– Сам жить будешь? Или сдашь? – настойчиво расспрашивала Ирка. – Мы могли бы снять, если не очень дорого.

– Не знаю пока, – вновь повторил я и стал натягивать брюки.

Ирка обиженно засопела, поднялась вслед за мной, накинула халат и, застегивая пуговицы, пробормотала, но так, чтобы я расслышал:

– Я, между прочим, мужу изменила. Первый раз.

Я сделал вид, что не услышал. По большому счету, мне было безразлично: в первый у нее это раз или последний. Тут на кухне загремела посуда, и Ирка вылетела из спальни, на ходу поправляя волосы. Не давая ни слова сказать Толику, она схватила свою куртку и крикнула:

– Домой пошли! Хватит сидеть!

Толик спросонья растерянно захлопал глазами и, пошатываясь, пошел вслед за женой.

Выпроводив их, я попытался уснуть. Но кровать неприятно пахла не очень чистым женским телом, да и не по себе было от мысли, что я так и не научился умению отказывать. Оно мне сейчас очень бы пригодилось. Взяв подушку, я перешел на диван, но и там не нашел покоя. Тогда лег на пол, поближе к окнам, чтобы увидеть звезды.

Редкие голубые точки равнодушно помаргивали сквозь разодранные ветром облака. Но запредельно далекие звезды, пусть даже и безучастные ко всему, были единственной нитью, связывающей меня с городом. С тем местом, где остались Анька, друзья, работа, новая должность, которую, наверное, уже отдали другому. Игорю, например. Или одной из Галек. Интересно, они хоть раз вспомнили обо мне за эту неделю? Могли бы и всполошиться ради приличия, человек все-таки пропал. Или они как эти звезды: крутятся где-то по своим орбитам и плевать им хотелось на меня? Звезды-то хоть связывают меня с городом. Там они такие же, правда, едва различимые из-за обилия огней.

Я лежал и думал, глядя на небо, что пора браться за ум, свой ум, растить и воспитывать его, чтобы ни у кого не идти на поводу, а только у себя. С этой мыслью я и заснул, успев еще подумать напоследок, что завтра надо собрать свои нехитрые манатки и валить отсюда пешком, все тридцать километров до райцентра, этого ближайшего очага цивилизации, пока совсем не врос в чернозем.

Когда вернусь в город, я обязательно разыщу Аньку. Я скажу ей: «Выходи за меня. Будем стареть вместе». Она, наверное, рассмеется. А я ей просто прикрою рот ладонью и прошепчу: «Я буду любить тебя старой и страшной. До самой смерти».

СПАЙДЕРМЕН

рассказ

После ремонта снова все рухнуло. Неожиданно. Наверное, потому, что держалось только на честном слове. Да просто – на слове. Подпорочку какую-то выбили, и вся конструкция завалилась. Хотя почти целый месяц все было на месте. Я спокоен, жена довольна, ребенок счастлив. От планов: купить обои, клей, всяческие обойные прибабасы, чтобы «поверху красиво шло» – к делу: мебель – к центру, ободрать стены, дать подсохнуть, зашпаклевать неожиданные вмятины, нарезать, намазать, аккуратно подогнать, лениво поругиваясь с женой: «Ну куда заносишь? Ровней держи, вон внизу расходится, не тяни так сильно...». Одна комната. Другая. Кухня. Коридор. Туалет. Ванная. В этой круговерти, когда работа с утра до пяти, а с пяти до полуночи в поту и клее, в голове ни одной мысли, только тупое: «Клей надо равномерно размазывать, а то потом забугрится». Август прошел одним обойно-убойным днем. Тридцатого с работы специально пораньше отпросился – последние недоделки устранить. И вот руки в боки – с довольным видом осмотрел каждую комнату.

– Прямо хоть новую жизнь начинай! – мечтательно произнесла за спиной жена, тенью ходившая следом.

– Что? – испуганно переспросил я.

– Мысли твои прочитала? – засмеялась жена. – Смотри у меня! – шутливо погрозила пальцем. – Новая жизнь только со мной.

– И в мыслях не было, – я зачем-то начал оправдываться. – Какая в моем возрасте новая жизнь? – вяло пошутил.

– Вот и я о том же, – вдруг забеспокоилась жена. – Тридцать пять – и для мужчин возраст. Не побегаешь.

– О чем это ты? – Вроде и грехов за мной не водилось, а мысль – завести легкий романчик если и являлась иногда, то так же быстро терялась где-то в извилинах: в последнее время работа отнимала все дневное время, лень – все вечернее.

– Ну, мало ли, – отмахнулась жена и отвела взгляд. – Кризис среднего возраста. Седина в бороду, бес в ребро. Вам же, мужчинам, все свеженькое подавай, новенькое. Мы-то свой ресурс отработали.

Снова посмотрела на меня, но уже с вопросом как будто, осторожно выплыла из-за моей спины, обошла и, покачивая бедрами, тяжело – за последние год-два она здорово раздалась вширь – понесла себя на кухню.

«Курица!» – разозлился я.

– Кто у нас сегодня был? – остановил ее.

– Ольга заходила. А что?

– Ну, тогда понятно.

– Что – понятно?

– Почему ты со мной как с имбецилом стала разговаривать.

– Сестра-то здесь причем? Думаешь, я уже и слова сама сказать не могу? Или ты сомневаешься в моих умственных способностях? – Жена надула губы и на всякий случай подпустила скупую слезу. Демонстративно провела рукой под правым глазом, будто смахнула слезинку.

– В последнее время – особенно! – не выдержал я. – Знаешь, Наташ, если у твоей сестры жизнь не заладилась, скажи ей, что не надо свой печальный опыт на всех остальных переносить. И пусть она оставит эти дебилские афоризмы про мужиков при себе. Или ты их при себе держи! Мне эту ересь пересказывать не надо.

– Думаешь, она не права?

– Ладно, права, – устало согласился я. Ссориться в такой день не хотелось. – Все мужики – кобели, и я тоже. Только и мечтаю о том, чтобы залезть кому-нибудь под юбку.

– Дурак! – беззлобно сказала Наташа. – Есть будешь?

– Буду, – сказал я и вышел на балкон.

Последние дни августа выдались холодными. После обеда зарядил по-осеннему нудный дождичек. Вся видимая с моего пятого этажа часть улицы, вплоть до перекрестка, за которым вообще все пропадало в сплошном тумане, утопала в серой дымке, расчерченной троллейбусными проводами. Редкие прохожие, съевшиеся и маленькие даже в теплых куртках, бежали, прячась под зонтами. Под козырьком кинотеатра «Модерн», сделанного в форме аиста, раскинувшего крылья, стояли пятеро, пережидая дождь. Слева от входа висела афиша, но понять, что идет в кинотеатре, было уже невозможно: тушь черными волнами сбегала вниз, лишь в самом верху, прикрытая прозрачным пластиком, отчетливо читалась надпись: «Сегодня».

«Именно сегодня, – подумал я. – Именно сегодня нужно уходить. Теперь я могу не беспокоиться ни за нее, ни за дочь. Квартира есть, ремонт сделан. Алименты оформим. Соньку, правда, жалко. Безотцовщиной будет расти. Приходить буду. По выходным. Не мучить же друг друга. Сколько можно? Надо бы поговорить с ней. С чего начать только? Или в лоб так и заявить, что ухожу?».

Вопрос ухода был для меня решен. Причем давно. С Наташкой жизнь разладилась с самого начала. Точнее, она и не ладилась никогда. Семь лет – разница в возрасте. Когда поженились, ей и восемнадцати ещё не было. Глупенькая девочка: скорей замуж, от пьющего отца, вечно затюканной матери и старшей сестры, зануды-разведенки. А я тогда просто запал на нее. Даром, что опыта не занимать, а влюбился как не знаю кто, такого и определения-то нет. Даст же Бог столько красоты, грации – и все одной. Умом только обделил, но где там понять. Крышу срывало при одном виде: талия как у Гурченко в «Карнавальная ночь», грудью – Софи Лорен. Мордашка миленькая такая, глазками хлоп-хлоп на каждую мою фразу. И – улыбка! Прелесть какая глупенькая, одним словом. Это сейчас понимаешь, по прошествии десяти лет совместной жизни, что это вот «прелесть какая глупенькая!» ненароком как-то переродилось в «ужас, что за дура!», а тогда... Да ладно, что тогда. Все. Сейчас подойду к ней и – до свидания!

– Я уже накрыла! Иди есть! – крикнула с кухни Наташка.

– Иду! – со вздохом отозвался я.

«Сейчас или... когда?»

Наташка налила борща, подцепила из кастрюли кусок свинины, положила его на отдельную тарелку.

– Мясо, может, в борщ покрошить? – спросила, разрезая кусок надвое.

– Я не буду. Знаешь...

– Обиделся, что ли? – перебила Наташка. Сама при этом даже не повернулась.

– На еду не обижаются, вот что я тебе скажу. Мясо я тебе порежу, а там сам реши. Тебе сил набираться после ремонта. Вон похудел даже.

– Наташ, – начал было я, но Наташка не слушала. Или не слышала?

– Попробуй, соли хватает? – она поставила на стол тарелку. – Вроде, как обычно, ложку положила, а недосолено. В общем, ешь. Я пойду позвоню.

Она сняла фартук, повесила его на крючок и протопала в зал. Осторожно прикрыла за собой дверь: чтобы я не слышал, как она сестре будет хвастаться, что, слава Богу, доделали все, целый месяц провозились, а денег-то угрохали. Закухталась!

Проблемы у нас начались сразу после свадьбы. Собственно, и свадьбы-то как таковой не было, одно недоразумение. Пришли в районный ЗАГС, написали заявление, справку о беременности приложили, через месяц расписались. Она в простеньком белом платице, но красивая до умопомрачения, я – в новом, с нуля, костюме-тройке, специально купил. Из гостей – ее сестра, мать и школьная подруга, пара моих друзей. Когда выходили из ЗАГСа, нарисовался мой младший брат. Подошел со скучающим видом, передал привет от матери. Сунул в руку конверт с пожертвованием от нее, жалкой купюрой (не помню – сколько, но – мало, особенно по тем безумным временам, когда счет даже простым деньгам велся на миллионы). В ресторан с нами не пошел, торопился куда-то. Так и исчез: ни здравствуйте тебе, ни до свидания.

Посидели за скромным столиком ресторана. Первая брачная ночь прошла на кухне у Сереги – старого институтского дружка. На диванчике, на котором помещаешься только поджав ноги. Но ничего, выжили. Серега, весь из себя деликатный, за всю ночь даже в туалет не сходил, стеснялся потревожить.

Жить было негде. К ее – не пойдешь, к своим не поведешь. Мать сразу сказала, что квартира хоть и трехкомнатная, но не резиновая, все не влезут. И вообще, лучше сразу привыкать к самостоятельной жизни, раз мы такие – сами с усами. Да еще и младший брат Наташке почти ровесник. Мать обнамекалась вся: как бы чего не вышло с братом, грешным-то делом. Потом, правда, успокоила: ждите, мол, когда бабка умрет. Хотя бабка могла и всех нас пережить, войной закаленная. «Сам приходи, а ее здесь видеть не хочу, вертихвостку. И вообще, дайте мне спокойно одной дожить. Вот помру, там разбирайтесь, чья квартира», – заявила и дверью хлопнула.

«Ей одной в двухкомнатной не жирно?» – поинтересовалась тогда Наташка. По-моему, после этого мы впервые и поругались серьезно. Основательно так, с битьем хозяйского чайника. Через месяц – второй раз. Это когда она потихому на аборт ходила. Я жду ребенка – она же беременная замуж выходила, а живота нет, вроде, похудела даже. Я все: как чувствуешь себя, лапа? Она глаза отводит: хорошо, говорит. А потом как бы невзначай:

– Я аборт сделала. С Олей посоветовалась и решилась. Чего ребенку мучиться без жилья? Успеем еще детей завести.

Я ее чуть не убил тогда. Потом поплакали вместе и успокоились. Мать, правда, никак успокоиться не могла. «Может, и ребенка никакого не было, а? Девки сейчас из-за квартиры на все готовы. Тем более, эта, из такой семьи». К матери после таких слов ходить на время перестал, но осадочек, как в анекдоте, остался. Теперь для ругани с Наташкой и повода искать не надо было. Любое сказанное ею слово выводило из себя. Мне все казалось, что она врет, что-то недоговаривает, специально растягивает предложения до бесконечности, оплетая фразами как паутиной, чтобы запутать меня, не дать понять, где же правда. Но ругались, мирились и продолжали жить, не расходились отчего-то. Может, оттого, что оба

были без угла, без родственников, практически всеми брошенные и забытые? Носились по съемным хибаркам, временкам, общагам. О детях уже речи не вели: перекантоваться бы самим. Но три года назад после двух абортв решились-таки на Соньку, время уходило, а тут и бабка умерла. Как чувствовала, что нам уже не-вмоготу по чужим углам скитаться. После родов Наташку-то и разнесло, как будто воздухом накачали. Вначале она какой-то хитроумной гимнастикой занялась – для похудения, а потом плюнула на нее, успокоившись на том, что «хорошего человека мало не бывает».

– Андрюш, – появилась Наташка в проходе. – Я знаешь, что подумала? – хитро смотрит на меня и улыбается.

– Что? – оторвался я от тарелки.

– Давай новую кухню купим. Эта, бабкина, страшная такая.

– А деньги? – разозлился я. – С одним ремонтом в такие долги влезли. Мне теперь месяца два пахать, чтобы рассчитаться.

– Мне Оля обещала помочь. У нее накоплено немножко. Часть можно у твоих попросить. Или мать опять пожадничает?

– Ну раз вы с Олей уже решили, вот и покупайте на ее деньги, чего уж мать беспокоить? – как можно спокойнее ответил я.

– Чего ты сразу заводишься? – Наташка поджала губы. – Нравится эта срань, пусть остается. Я же как лучше хотела.

– А со мной посоветоваться не надо?

– А чего ты злишься-то?! – закричала Наташка. – Что я опять не так сделала?! Тебе ни в чем не угодишь! – ее перекосило: вот-вот разревется.

Я зло оттолкнул тарелку. Остатки борща выплеснулись на стол и застыли красной лужицей.

– Может, мы Олю твою к нам подселим?! Будем с ней жить-поживать да добра наживать! – напряг я голос.

– Надо будет, и подселим! – крикнула Наташка и, хлопнув дверью, улетела в детскую комнату. – За Сонькой сходи! – донеслось оттуда.

Детей уже разобрали. На площадке, закрытой от дождя плотными кронами старых берез, оставались лишь моя Сонька и двое шептунных пацанов, которые пытались столкнуть друг друга с пластиковой горки. Я остановился понаблюдать. Нечасто видишь своего ребенка на воле. Худенькая воспитательница, молоденькая, совсем девочка, обтянувшая свои жалкие формы в нелепое цветастое платье, размером чуть больше Сонькиного сарафана, стояла под навесом и, поеживаясь от холода, безучастно наблюдала за их борьбой, автоматически повторяя:

– Артем, не балуйся! Максим, тебя это тоже касается.

Сонька качалась на качелях и взалхб, коверкая слова, – так торопилась от переполнявших ее чувств, рассказывала Алле Андреевне про новую компьютерную игру, купленную мной накануне.

– А там человек-паук сражается с разбойниками. Они на него напали. Я даже их испугалась. А папа их победил всех.

– Молодец твой папа, – не поворачиваясь, равнодушно произнесла Алла Андреевна и в той же тональности обреченно произнесла: – Артем, слезайте с горки.

Пользуясь минутным замешательством Артема, Максим подтолкнул его к краю горки. Артем замахал руками, пытаясь зацепиться за бортик, но потерял равно-

весие и, упав на спину, скатился вниз головой. Алла Андреевна дернулась было к нему – убедиться, что ничего страшного не случилось, но Артем уже вскочил на ноги и вновь бросился на штурм горки.

– Так, быстро слезли оба! – разозлилась Алла Андреевна. – Я из-за вас в тюрьму не собираюсь. Быстро, я сказала!

– Папа! – закричала Сонька, наконец-то увидев меня. Подбежала, обхватила ручонками колени, прижалась щекой. – Поиграем сегодня в Спайдермена?

– Конечно, поиграем. Пойдем.

– Соня, что надо сказать? – по-прежнему безучастно произнесла Алла Андреевна, скользнув, однако, по мне заинтересованным взглядом.

– До свидания, – сказал я.

Сонька лишь плотней сжала губы.

– До свиданья, Соня! – усмехнулась воспитательница.

– Мам, а мы сейчас в компьютер будем играть! – завопила Сонька с порога.

– Опять компьютер, – Наташка оторвалась от книжки, которую листала, лежа на диване. – Лучше бы погулять сходили.

– А там дождик идет, – не дала мне вспыхнуть Сонька.

– Ну, играйте тогда, – нехотя согласилась Наташка.

Сонька скинула сапожки и напрямик рванула в комнату, приспособленную и под мой кабинет, и под Сонькину спальню. Нажала кнопки на компьютере, и пока тот, утробно урча, загружался, примчалась к матери с диском.

– Смотри, – стала она показывать Наташке картинку на диске. – Это Спайдермен.

– Кто? – выглянула из-за страниц Наташка.

– Человек-паук, – пояснила Сонька. – Он добрый и сражается с разбойниками. Он всем помогает.

– Угу, – Наташка опять ушла в книгу. – Хорошо, Сонь. Иди играй.

– Ремонт закончен – можно поваляться? – заглянул я к Наташке в комнату.

– Не тебе ж одному отдыхать! – парировала Наташка.

– Я, между прочим, с ребенком буду заниматься.

– Вот и отдохнешь! И я пока читаю.

– Даниэлу Стил? – усмехнулся я.

– А чем это, интересно, Даниэла Стил хуже твоего Спайдермена? Тут по крайней мере про людей пишут, а не про монстров.

Я махнул рукой и пошел в кабинет.

– Тебе Валерка звонил, – крикнула вдогонку Наташка. – В баню звал. Что-то зачастил ты к нему, – добавила с ехидцей.

– Не твое дело, – сказал я вполголоса.

«При Соньке объясниться не получится. Эта сейчас устроит скандал, – думал я, на автомате управляя Спайдерменом. – Чего ребенка лишний раз травмировать?! После бани, если пойду, поздновато будет. На завтра отложить? Но я и так откладываю это каждый день. Что-то неожиданно находится такое, из-за чего – ну никак именно сейчас. В прошлый раз не решился: у нее отец умер. Еще был один прекрасный шанс, когда не просто так, не с бухты-баряхты, а причинно, с поводом, но и его не использовал. Стало ясно, что появится Сонька. Все думал: наладится. Не налаживается отчего-то. Она год от года

превращается в свою курицу-мать, опускается все ниже и ниже, и меня тянет за собой. Из нее как будто энергию откачали, и она теперь моей питается».

– Пап, ну ты что делаешь? – вдруг зарыдала Сонька. – Они сейчас Спайдермена убьют.

Я и в самом деле прошлепал момент, когда Спайдермен, расставив сети, сам же в них и угодил.

– Ничего, Сонь, не переживай, – постарался я успокоить дочь. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Но чем сильнее я дергался, остервенело бил по кнопкам клавиатуры, тем больше Спайдермен запутывался в собственной паутине. Наконец он сделал на прощание неприличный жест, показав мне средний палец (или мне это только показалось?) и пропал в липкой сети. В центре монитора, там, куда провалился несчастный Спайдермен, появилось черное облачко, которое медленно, но решительно заполняло собой экран. Напоследок компьютер вспыхнул красным «Game over» и застыл. Картинка не шелохнулась.

– Ну, вот, – заревела Сонька в голос. – Мы проиграли! – Она ударила кулачком по монитору. – Все из-за тебя!

– Это же игра, Сонь, – виновато сказал я. – Чего так расстраиваться? В следующий раз выиграем. Тем более, видишь, компьютер завис. Может быть, мы и выиграли бы.

– Не выиграли! – Сонька сползла с колен и полетела к матери. – Мам, его убили!

– Господи, – запричитала Наташка. – Лучше бы ты ей книжку почитал. Купили компьютер на мою голову. Ну все, хватит. Не реви. Из-за ерунды какой-то убиваешься!

В унисон Сонькиному плачу зазвонил телефон.

– Сними трубку! – крикнул я.

– Сам и снимай! – огрызнулась Наташка. – Банщик твой звонит, наверно. Сходи попарься! – язвительно добавила она.

– Что за вой? – первым делом поинтересовался Валерка.

– Спайдермена убили, – вздохнул я.

– Кого убили?

– Человека-паука. Игра такая. Компьютерная.

– Успокоил, – хмыкнул Валерка. – А то я уже переживать начал. И как убили? Кровищи много было?

– Не поверишь, – поддержал я его тон. – На минуту всего и отвлекся, а его подонки замочили. Сбросили с крыши.

– Не будет по чужим крышам лазить. Тоже мне Бэтмен нашелся!

– Спайдермен, – поправил я.

– Беда просто с этими «менами», – хмыкнул Валерка. – Не они, так их замочат. В баню-то пойдешь? Или у тебя теперь траур?

– День-то вроде не банный.

– Ну и зарастай грязью, если не хочешь. Воды горячеей, небось, до сих пор нет?

– А вот и не угадал. Вчера дали.

– Везунчик, – засмеялся Валерка. – А я, между прочим, воблочки очень душевной припас.

– Уговорил, – после небольшого раздумья согласился я. – Собираюсь уже.

– Жду. Пивка разливного в магазинчике захвати литра три. Если вдруг не будет, бутылочное не бери. Я на машине сгоняю, в гастрономе оно всегда есть.

С Валеркой мы познакомились около года назад. Никогда бы не подумал, что с человеком можно так просто сойтись. Его дочь Марина, теперь уже первоклассница, ходила в тот же детский сад, что и моя Сонька, их группы находились на одной площадке. Отец в детском саду – редкость, поэтому при встрече мы, наверное, от неожиданности поздоровались. И, надо же, после первых слов, ничего не значащих и банальных, отчего-то возникло чувство, что я знаю его с далекого детства. А пока ждали, когда девчонки оденутся, разговаривались до такой степени, что остановиться не могли. Совершенно кстати для продолжения нашей скоропалительной дружбы оказалось, что он и живет неподалеку: буквально в двух кварталах от нас, кум королю, сват министру, в собственном доме, с усадьбой – небольшим клочком земли, где помещались гараж и аккуратенькая банька, русская, с полками и духовитым паром – все, как и полагается.

Разливного пива в магазинчике не оказалось. Я взял четыре «Светлого» в жестянках – хотя бы для начала, но Валерка только хмуро покосился на них.

– Оставишь себе на опохмел. Я помчался за нормальным пивом. Печку уже растопил. Присматривай за ней. Особо дров не напихивай.

– Светка дома? – на всякий случай поинтересовался я.

Валеркина жена не очень-то одобряла его банно-пивные посиделки. Ругаться, конечно, не ругалась, но при встрече поглядывала искоса.

– Звонила, что задерживается на собрании коллектива. Что у них там за собрания могут быть – в риэлторской конторе? Хотя, – Валерка глянул на часы, – должна на вот-вот подойти. Боишься, что ли?

– Так, немного.

– Да, она у меня строгая! – заржал Валерка. – Но ты не тушуйся, я мигом.

Когда Валерка умчался, я подкинул пару поленьев в топку, потряс березовые веники, проверяя их на прочность и упругость и, не найдя себе другого занятия, вышел на улицу покурить.

– Не сегодня, – услышал я знакомый голос.

«Светка, что ли?» – Я напряг слух.

– Сколько можно тянуть? – раздраженно спросил мужской голос.

– Не мучь меня, – устало сказала Светка. – Я скажу ему. Только не сегодня.

– Когда?

– В понедельник.

– Завтра – крайний срок, – отрезал мужик. – Я позвоню завтра вечером.

– Я тебе сама позвоню. Ладно, пока, а то он нас заметит.

– Ну и что? Хватит уже в детский сад играть.

Окончания разговора я не слышал. Тихо, стараясь не топтать и не наступить случайно на что-нибудь, способное меня выдать, я пробрался к бане и притаился за поленицей. Светка зашла в дом, осторожно поглядывая в мою сторону...

Валерка появился минут через десять. Промчался мимо дома и сразу в баню. Выставил на столик в предбаннике трехлитровую пластиковую банку пива. Деловито заглянул в парилку.

– Еще немного, ещё чуть-чуть, – радостно пропел он, потирая руки. – Жар пошел. Не видел, Светка объявилась? – спросил неожиданно.

Я молча кивнул, отводя глаза.

– Одна?

– Вроде, одна.

Валерка заторопился:

– Ну, давай понемногу пивка и в баньку. Хватит ждать.

– Ремонт-то закончил? – спросил Валерка, наявивая веником по моей спине.

– Закончил, – прокряхтел я.

– Твоя довольна осталась? – расходился Валерка не на шутку.

– Поосторожней там, – выдохнул я. – Вроде, довольна. С чего ей недовольной-то быть?

– Не знаю, – Валерка на минуту остановился. – Моей вон ничем не угодишь.

– Светке? – удивился я. – Вы же нормально жили.

– Нормально, – согласился Валерка. – До поры до времени. Что-то с ней случилось, не могу понять – что? Ладно, хватит пока. Пойдем сделаем по глоточку.

– А что не так-то? – осторожно спросил я, когда мы уселись в предбаннике, и Валерка разлил пиво по стаканам.

– Фиг его знает. Нервная какая-то, – поморщился Валерка. – Слова не скажи – сразу на дыбы. Никогда такого не было. Может, климакс? – предположил он. – Когда у них климакс наступает?

– Лет в сорок пять, наверно, – пожал я плечами. – Да мало ли какие проблемы у нее могут быть, – отвел глаза, а в голове промелькнуло: «Сказать или нет?» – Может, на работе что-нибудь? – подкинул я Валерке версию, а в голове: «Пусть лучше сама ему скажет. Чего лезть не в свои дела?».

– Я думаю, у нее есть кто-то, – скорее себе, чем мне сказал Валерка. – Убить ее, что ли? – равнодушно так изрек, что стало не по себе.

«А вот это уже без меня», – струсил я и осторожно произнес:

– Валер, ты раньше времени не заводишь.

– А я и не заводюсь. Так, размышляю вслух. У тебя-то что?

– Да все по-старому. Сейчас вот опять разругались.

– Слушай, что за беда?! Может, это заразное? Они за нашими спинами, может, заговор плетут, как от нас избавиться побыстрее! Мысль, между прочим! – Валерка выставил указательный палец вверх. – Зря смеешься! У тебя сейчас – квартира, у меня – дом. Наше, понимаешь? Собственность. Думаешь, у них ручки не тянутся прибрать все это хозяйство?! Больше чем уверен: спят и видят. Вот им! – Валерка сложил смачную фигу.

– Не обижайся, Валер, но у тебя, по-моему, паранойя.

– Я тебе больше скажу! – остановил он меня. – Мне вчера моя говорит: ты ко мне не лезь, у меня месячные начинаются. А мы с ней уже недели две, наверное, не спали. То голова, то устала. Анекдот, честное слово. Я и взорвался: какие, говорю, месячные?! Я же помню, они недавно были. Она: такие, обычные, и к стенке лицом. Я пошел в ванную, глянул на полку, она там прокладки свои хранит, стоит пачка нераспечатанная. Принес ей, показал. Даже оправдываться не стала. Вот такая фигня! Андрюх, убью ее, честное слово. Узнаю, что есть кто-то...

– Давай лучше попаримся, – перевел я тему. – Убить ты ее всегда успеешь.

Расстались мы около часа ночи. Печь уже прогорела, и сырой воздух стал холодить.

– Лишнего себе не позволяй, – сказал я напоследок. – Ребенка кто воспитывать будет?

– Государство позаботится, – мрачно пошутил Валерка.

– Почему ты не позвонил? – виноватым голосом спросила Наташка, когда я вдвойне тепленький – после бани и пива – забрался к ней под одеяло. – Я без тебя заснуть не могла.

– Спала бы, чего ждать? – Я повернулся к ней спиной.

– Обиделся? – она придвинулась ко мне вплотную и стала поглаживать плечо.

– И что? – напрягся я.

– Ты меня прости за сегодняшнее, ладно? – мягкая Наташкина ладонь переместилась на живот. – Я просто боюсь, – Наташка помолчала немного. – Боюсь, что ты меня бросишь, и я останусь одна. Не бросай меня, – у нее дрогнул голос. – У меня же никого, кроме тебя...

– По-моему, ты делаешь все для того, чтобы это случилось, – не выдержал я.

– Я больше не буду, честное слово, – жалобно произнесла Наташка, положив голову мне на плечо. – Давай помиримся?

Я не успел ответить, как зазвонил телефон.

– Андрюх, она во всем призналась, – тяжело дыша, словно после пятикилометрового забега, сказал Валерка.

– В чем? – не понял я.

– Я – рогоносец, – Валерка немного отдышался. – Как это ни прискорбно. Но рогов больше нет, – почти по слогам произнес он.

– Что ты с ней сделал? – у меня внутри похолодело от ужаса.

– Убил и съел, – усмехнулся Валерка. – Не бойсь. Поговорили по душам. Душевно так поговорили. Хорошо, что Маринка пока у моих, а то ведь заступаться бы полезла. Женская солидарность, понимаешь... В общем, поговорили. Потом она хахалю своему позвонила, тот увез ее только что. Хотел и ему синяков наставить, но сдержался: он-то, вроде, не при чем. Ладно, спи.

– Ты как вообще?

– Не повешусь – не переживай. Слишком жирно будет этой стерве. Не дождется. Я еще и Маринку отсужу. На суде скажу, что мать гулящая. Такой ребенка не отдадут. Все, давай. А, вот еще! Ты свою проверь, на всякий случай. – Валерка положил трубку.

– Кто звонил? – оторвалась от подушки жена.

– Валерка. Сказал, что я у него в бане полотенце забыл.

– Из-за такой ерунды в два часа ночи звонит?

– Представь себе. Из-за такой ерунды. Ладно, пойду покурю перед сном.

Я вышел на балкон. Наташка, накинув легкий халатик, двинулась следом и стала, плотно прижавшись ко мне горячим после постели боком.

– Смотри, скоро «Человек-паук» будет, – показала Наташка вниз.

Там, где днем висел скромный лист с размытыми буквами, теперь красовался целый фанерный щит с огромной надписью и рисунком, подсвеченный по бокам. На афише человек, затянутый в красный с черным костюм, стоял на крыше не-

боскреба и хищно посматривал вниз, за границу фанерного щита. Туда, где на скамейке сидела парочка. Парень, оживленно размахивая руками, что-то рассказывал своей подружке.

– Только три дня. Только в «Модерне», «Человек-паук», – зачитала Наташка.

– Спайдермен? – задумчиво переспросил я.

– Сходим? Говорят, ничего фильм. Соньку с собой возьмем. Она его любит, этого Спайдермена.

– Сходим, – пообещал я. – Обязательно. Ты не стой, не мерзни. Холодно.

– Да уж, не май месяц, – согласилась Наташка. – Ты докуривай быстрее, а то сам замерзнешь. Разогревай тебя потом. – Она игриво шлепнула меня по заднице.

Я молча кивнул и, затянувшись последний раз, щелчком отбросил окурок подалее в темноту. Красная искорка метеором пронеслась к земле.

Козлов Сергей Сергеевич родился в Тюмени в 1966 году. Служил в армии, окончил исторический факультет Тюменского государственного университета. Работал школьным учителем, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, музыкантом. С 1996 года проживает в поселке Горноправдинск Ханты-Мансийского района, работает директором средней школы.

С. Козлов – автор книг прозы «Ночь перед вечностью» и «Последний Карфаген», вышедших в издательствах Екатеринбурга. Его произведения публиковали журналы «Приключения-фантастика», «Мир Севера», «Наш современник», альманахи «Эринтур», «Врата Сибири», еженедельник «Литературная Россия» и другие издания.

Сергей Козлов – лауреат премии губернатора Югры по литературе, Всероссийской премии им. А.Н. Толстого и премии еженедельника «Литературная Россия». Член Союза писателей России.

БЕКАР*

Повесть

Если ты не можешь подняться и не хочешь
смириться – ты обречён на гибель...

Талант (фанатичная работа в какой-либо области) –
искрящее замыкание в цепи жизненной энергии.

В. Гаврилин «О музыке и не только...»

1

Неистовая была пурга. Даже пушкинским бесам стало бы тошно.

«Невидимкою луна»? Белёсым размытым пятном в едва угадываемом направлении.

Снежные заряды били в лицо колкой слепящей массой, дороги и тропы сравнялись с единой волнующейся гладью кипенного моря, в котором, как корабли, терпящие бедствие, утопали двухэтажные типовые дома и разнокалиберные коттеджи. Вся окружающая действительность замыкалась вихрем в пространстве двух шагов видимости, и только низкий, но иногда срывающийся на фальцет, стон недалёкой тайги напоминал, что мир вокруг огромен, а сегодня ещё и страшен. Редкие уличные кобры-фонари испуганно качали головами, но не могли толком раздвинуть бушующую мглу даже в метре вокруг себя. Минус тридцать на пару со шквальным ветром загоняли всё живое в любые возможные укрытия. И на обертон низкой протяжной ноты пурги срывались то пассажи, то длинные ноты с разрываемых струн-проводов, тянулись из арфы длящегося вдоль домов неровного штакетника и гуляющих в пределах снежных завалов ворот. След человека или автомобиля исчезал в молочном клубящемся вареве уже через минуту. Так, в ногу с ветром, наступала северная пустыня. Ёмкое и самое точное русское слово «стужа», выпав из звёздной стыни, пикировало в метровые сугробы, эхом несло над землёй и снова дыбилось в мутное безразличное небо.

И хоть была у Василия распространённая русская фамилия Морозов, но неуязвимости в этот вечер она ему не добавляла. Согнувшись тупым углом, отталкиваясь от земли, словно каждый шаг это предстоящий прыжок, он медленно преодолевал мятущееся пространство по направлению к музыкальной школе. И в то время, когда все пятнадцатилетние сверстники прилипли к экранам телевизоров, погружаясь в очередной сериал о бандитах, или, в лучшем (худшем?) случае, подпирали стены подъездов за ничего не значащими разговорами, он самоотверженно шёл на встречу со своей учительницей по специальности Изольдой Матвеевной. Три месяца назад паренёк из северного поселка победил на областном конкурсе юных пианистов, и теперь предстояло выступить на кон-

*Бекар (франц. *becarre*) – музыкальный знак, отменяющий повышение или понижение какой-либо ступени звукоряда на полутон или на целый тон.

курсе всероссийском. Ради этого, говорила Изольда Матвеевна, надо работать и день и ночь, и в жару и в стужу, и не жалеть себя, потому как грани настоящего таланта оттачиваются кропотливым тяжёлым трудом.

Ох, уж эта Изольда Матвеевна. Худощавая высокомерная женщина с тонкими, как пишут в книгах, точёными чертами лица, тёмными, почти чёрными глазами, умеющими неморгающе долго и пристально смотреть на собеседника через линзы модных очков. В ней нельзя было угадать учителя музыки, больше она была похожа на строгого завуча или даже судью. Тонкие, но, тем не менее, красивые губы Изольды Матвеевны имели особенность мимически передавать тысячи выражений её отношения к происходящему. За семь лет работы с учителем Василий научился читать эту мимику, особенно в отношении проделываемой им за пианино или роялем работы. Малейший изгиб уголка рта – и Морозов уже знает, «загнал» пьесу или нарушил пальцовку, отчего можно впасть в «спотыкач». А вот когда всё шло как по маслу, Изольда Матвеевна уплывала взглядом в задумчивую даль и начинала наматывать на длинный тонкий указательный палец локон каштановых волос у виска. Но – малейшая ошибка – и этот палец мог дёрнуться так, что из уст её вырывался ругательный шёпот от досады и боли одновременно, но смысла его Василий никогда не понимал. Казалось, учительница говорит на другом языке.

Все эти годы Изольда Матвеевна вела «сибирского самородка» (так она его порой называла) к большой сцене. Переживала только, что Василия поздно отдали в музыкальную школу, – когда ему исполнилось девять лет. В музыке, как и в спорте, раньше начнешь – больше надежд на лавры. Но уже через год Морозов легко читал с листа пьесы, рассчитанные на пятиклассников детской музыкальной школы, а технике его нынешней игры могли позавидовать выпускники консерваторий. Кроме того, Василий пытался сочинять сам, но именно в этом направлении творчества их взгляды чем дальше, тем больше расходились. Изольда Матвеевна пичкала Василия музыкой в её понимании прогрессивной: от «Прометея» того же Скрябина до Шнитке. Прослушав дома «Прометея», он тут же сел за пианино и на память сыграл скрябинскую «Прелюдию для левой руки»... До диэз минор. Эта пьеса была похожа на полотна импрессионистов. От неё веяло дождём и туманом, под такую музыку хотелось созерцать... «Прометей» был похож на беспорядочную танковую атаку... И никакого света и цвета в этом произведении Василий не слышал и не видел. И удивлялся, как в одном композиторе уживались две таких разных стихии и почему одна из них победила?

Василий покорно не один раз прослушивал принесенные учительницей диски, хотя от авангарда и полистилистики его изрядно коробило. Да, соглашался он с Изольдой Матвеевной, мысль есть, техника изумительная, подходы неожиданные, но почему-то душа не поёт. Бьётся мысль, рвётся, но куда?! Из современных композиторов Василию больше нравился Георгий Свиридов. При упоминании о нём у Изольды Матвеевны один уголок губ приподымался, а второй, напротив, уходил вниз. «Ну это же лубок, Вася, – как-то снисходительно начинала говорить она, – конъюнктура. Ты же умный человек». Вася пожимал плечами. Спорить с учителем на полную катушку он не решался, да и не хватало ему всей этой терминологии, чтобы уверенно и аргументированно отстаивать своё мнение. Ему больше нравилось воспринимать музыку сердцем, а не рассуждать о том, из каких она сплетается форм, стилей и приёмов. Получалось, чем ближе музыка к какофонии, тем она прогрессивнее. И очень удивился Василий Морозов, когда

на областном конкурсе услышал от продвинутых студентов музыкального училища, что Моцарт – это попса. Именно за его мелодизм и доступность. До сих пор он считал попсой то, что несло со всех телевизионных каналов, радиостанций и миллионными тиражами наполняло рынки компакт-дисков и кассет. «Ну, тут они откровенно перебарщивают, хотят казаться умными, такими избранными, – пояснила Изольда Матвеевна озадаченному ученику. – Моцарт – это классика. Возьмем, скажем, математику. Разве можно сейчас её представить без таблицы умножения? Моцарт – это таблица умножения в музыке». «Значит, – ещё больше удивился Василий, – Пушкин – это таблица умножения в поэзии?». «Ты, как всегда, быстро схватываешь, – вскинулись уголки губ, – но, заметь, я не сказала, что это просто, как дважды два, таблица умножения как раз позволяет нам множить, преумножать, понимаешь?». «Понимаю», – кивнул Василий, но сравнение всё равно показалось ему обидным. Изольда Матвеевна словно прочитала его мысли: «Но разве можно недооценивать изобретателя колеса, если теперь все им пользуются?! Однако изобретать колесо во второй раз не стоит. Лучше попробовать найти что-нибудь своё...». «Самолётный двигатель?» – предположил Василий, чем вызвал восторг учительницы, но про себя продумал, что и взлёт, и посадка самолёта без колёс не обходятся. «Всякая настоящая поэзия должна быть глуповата», – вспомнил вдруг прочитанное в дневнике у композитора Гаврилина и принадлежащее Пушкину выражение.

Вчера ученик 10-го класса средней школы и выпускного класса школы музыкальной Василий Морозов написал странную (наверное, под воздействием Изольды Матвеевны) с темпом *prestissimo* пьесу «Пурга». Построенная на беглых неправильных, каких-то кривых арпеджио и лихо закрученных вокруг едва заметной мелодической оси секвенциях, с вколоченными в этот водоворот внезапными синкопами, эта пьеса должна была определенно понравиться учительнице музыки. Но в этот вечер Василий невольно подумал о том, что накликал своей композицией пургу настоящую, именно такую, какую он представлял себе, нащупывая на клавишах мелодический ход, выстраивая общую картину над нотными листами. Есть общепринятое выражение: озвучить. Озвучить фильм, к примеру. А как быть с обратным? Скрябин вслед за Римским-Корсаковым попытался «расцветить» музыку, но, в сущности, синтез искусств от обратного так и остался уделом одержимых экспериментаторов. Нет, нельзя продуктами питания написать натюрморт, а раскрашенными электрическими лампочками излить душу. Впрочем, Изольда Матвеевна возразила бы на это развёрнуто и развесисто. Зато «Русский этюд», сочиненный Василием месяц назад, она удостоила только одним словом: «вторично».

Нет, сегодня Василий шёл на встречу с Изольдой Матвеевной не спорить. На дебаты о вкусах времени не оставалось. Чуть больше месяца до конкурса. Хотя шёл он сквозь январскую пургу не только на занятие, не только на встречу со старым роялем «Petrof», белые клавиши которого пожелтели, как зубы пожилого человека или курильщика (зато голос оставался, как у новорожденного), Василий надеялся застать в школе Аню. Несмотря на такой мороз.

Одноклассница Аня в достижении своих целей была такая же упрямая и целеустремленная, как Изольда Матвеевна. Мечтала поступить в консерваторию и потому уговорила родителей платить учителю за дополнительные занятия, ковыряя часами сложнейшие фуги, чтобы развить технику. Изольда Матвеевна разумно совмещала дополнительный заработок с подготовкой Василия к конкурсу.

Тем более, что директором ему было дозволено заниматься в актовом зале, Аня же сидела в отдельном кабинете. Но после они обычно вместе возвращались домой. Иногда Аня заходила в зал, чтобы послушать игру одноклассника, и тогда сердце Василия тревожно саднило, зато выталкивало из своего объема душу прямо в руки, а пальцы, в свою очередь, колдовали звук... Изольда Матвеевна начинала крутить каштановый локон.

Ещё два года назад Василий не замечал тихую Аню Гордееву. Нет, не то слово. Замечал, конечно, но увидел её по-настоящему только первого сентября этого года, когда она опоздала на линейку. Десятиклассники «пристреливались» друг к другу после прошедшего лета, иронически поглядывали на суесящихся учителей, деловито вертели в руках мобильные телефоны и делились последними новостями. И вот, когда физруки и преподаватель ОБЖ с трудом подогнали всех под одну линейку и вот-вот должен был появиться директор, из-за угла выбежала Аня. Увидев строй, резко остановилась, выискивая глазами своих. И Морозов опять же не заметил бы её, если б не присвистнул стоявший неподалёку Брагин из 11-го «В». Василий отследил взгляд Брагина, который восторженно и липко скользил по Аниной фигуре.

Рывок ветра поднял за её спиной русую волну длинных волос. Казалось, ветер подхватил их и замер в своём порыве, чтобы ощутить их чудесную шелковистость и слиться с ними. Такие волосы у нынешних девушек даже в глубинке были редкостью. А ещё вихрь так облепил фигуру Ани лёгким платьем, что Василий поймал себя на мысли: ему тоже хочется присвистнуть вслед за Брагиным. Устыдившись такого неприличного порыва, он опустил глаза, но буквально через миг поднял их, приветливо помахал Ане рукой: мы здесь! И вот уже она рядом, благодарно коснулась его плеча: мол, спасибо, помаячил. А ученик десятого класса Василий Морозов вдруг перестал слышать многократно усиленный динамиками голос директора, да и всех вокруг, пытаясь определить, объяснить в себе совершенно новое чувство, каковое возникло от присутствия рядом Ани Гордеевой. Чувство, правда, было более похоже на мимолётное предчувствие из тех, что вспышкой высвечивают душу и не находят разумного толкования запредельной, мистической эйфории переживаемого человеком момента. Миллион пронёсшихся в голове недосказанных мыслей закончился неожиданным восклицательным знаком: Василий понял, что с этого момента Аня для него значит много больше, чем все окружающие.

Ему захотелось заглянуть ей в глаза, и он робко повернул в её сторону голову, набивая на всякий случай в уме дежурную фразу. И (о, чудо!) фраза не понадобилась, Аня тоже повернула к нему лицо, брызнула из-под прищуренных век приветливой лазурью, улыбнулась, и слова в этот миг перестали что-либо значить. В доли секунды Василий запечатлел в своём сердце образ девочки, именно в сердце, даже почувствовал, как он там отразился и запомнился, – весь, до последней пушинки на щеке и маленькой родинки под правым ухом. Отозвался и тёплой волной нежности вернулся в мозг.

Аня смотрела уже в сторону командного действия школьной линейки, а Василий ещё некоторое время любовался её профилем и только сейчас заметил, что с другой стороны навстречу ему смотрит Витя Брагин, а рядом с ним ухмыляется его закадычный друг Макс Вознесенский.

Парочка эта – не разлей вода – слыла в школе отменной шпаной ещё с начальных классов, но при всём при том учились Брагин и Вознесенский не-

плохо, ибо другого им не позволял родительский статус. Отец Брагина был директором муниципального торгового предприятия, а у Вознесенского – не последней шишкой в администрации. Помимо повальных пропусков уроков Витя и Макс были инициаторами маленьких катаклизмов (от взрыва петард в школьном туалете до массовой драки после дискотеки) и вели дружбу со шпаной настоящей, которая есть в каждом населённом пункте. За дружбу они платили родительскими деньгами в ближайших кафе, ночным извозом на отцовских иномарках, а в обмен имели угрюмую и вескую поддержку братвы в проблемных ситуациях. Какое-то время Василий находился в ближнем круге их компании, его ценили за ум (это неправда, что там признают и уважают только тупую силу), ну и за то, что он может, как Шарапов, и Чайковского, и «Мурку» слабить. Сам он не напрашивался, но как-то его позвали, и он пошёл. Пиво, карты, разговоры о драках, машинах, сексуальном опыте – всё это было для Василия пустым звуком, привлекало другое – в этом кругу ощущалось ни с чем не сравнимое чувство мужского единения, и он сам не мог себе объяснить, почему для него так важно быть своим для ребят, с которыми у него совершенно разные интересы. Василию, согласно его наклонностям, придумали не-обидную, по сравнению со многими, кличку – Маэстро. Старшие ненавязчиво оказывали юному музыканту покровительство, не позволяя другим ни словом, ни делом задевать его самолюбие, и даже приколы в отношении Морозова были вполне безобидными. Зато Морозова в любое время могли попросить взять в руки гитару подыграть на трех блатных аккордах или самому исполнить какую-нибудь, чаще всего народную, песню. Василий не отказывал, а однажды даже пришлось играть на ультрасовременном синтезаторе в ресторане. Одной из девушек вдруг захотелось услышать Шопена. Ресторанные лабухи Шопена или не знали, или забыли. Клавишник любезно (а может, за отдельную плату) выставил для Василия подходящий тембр, оставив в левой руке плывущую электронную массу для фона. В итоге получилось нечто современно-классическое: тема струилась электропиано, а общий гармонический фон витал в космосе, где парсеки отбивались редким мягким ритмом. Нечто подобное Василию приходилось слышать в исполнении японской пианистки Кейко Матсуи. Когда Морозов закончил пьесу, зал с минуту молчал, а потом взорвался рукоплесканиями и пьяным восторгом. Смягчился даже вышибала-охранник, который сначала не хотел пропускать Василия, потому как тот был в компании младше всех. Своеобразный и совершенно нехарактерный авторитет Василия в этой разношёрстной группе молодёжи рос, и долгое время он не знал, как к этому относиться.

Но этим летом Морозов резко устранился от общения с ними.

Как-то ночью после дня молодёжи накачанная пивом и чем покрепче толпа ребят отправилась к реке, чтобы у костра под рёв блумбоксов продолжить праздник. Собирались обычно у моста, где таёжная река делала небольшой изгиб, а кедровый бор переходил в песчаный пляж. В летнее время эта площадь обычно превращалась в импровизированную шашлычную, а вечером – в место романтических встреч (разумеется, если предварительно обработать себя жирным средством репеллента). Сюда же приходили старшеклассники после выпускного бала, чтобы вдали от счастливых родителей и подобревших учителей устроить оргию прощания со школой.

Той ночью в гуле толпы обертонила какая-то тревожная нота. Василий слы-

шал её чутким ухом, ощущал стороннее давление излишнего подзавода, агрессивной энергии, наперёд зная, что ничем хорошим она не выплеснется. Хотел уйти, но не уходил и сам себе не мог объяснить, почему. Именно Брагин и Вознесенский были заводилами, от них исходил этот беспокойный фон. Сначала они заводили друг друга, а потом на пару заряжали (заражали?) всех остальных. Кричали громче обычного, задирались, а пьяная развязность уже давно вышла за рамки всех допустимых норм даже в таких компаниях. Старшаки делали им ленивые замечания, но, по всему выходило, с плохо скрываемым интересом ждали какой-то неожиданной развязки.

В безумной дёрганой пляске, казалось бы, все должны были утратить бешеный пыл, но только не Витя с Максом. И когда уже сидели усталые в мутномолочном предрассветном сумраке белой ночи тесным кругом у костра, поддерживая по очереди тему об инопланетянах, о параллельных мирах и прочей загадочной лабуде, они периодически вскакивали, с гиком гонялись друг за другом, пару раз чуть всерьёз не подрались. И вдруг Вознесенский откуда-то притащил к костру большого пушистого сибирского кота. Никто даже предположить не мог, что произойдёт в следующее мгновение.

– Шашлык! – дико закричал он, и тут же бросил кота в бушующее пламя.

Запах палёной шерсти опередил несчастное животное. Горящий кот вылетел из пламени, не разбирая дороги, бросился в сторону леса. Душераздирающий вопль пронзил сонную дымку над рекой, и больше был похож на охрипший предсмертный ужас, замороженный в бесконечно длящемся звуке. Добавившиеся к нему девичьи вскрики и приглушённая ругань парней колыхнули наступающее утро. Мыслью Василий опоздал за событиями, как, впрочем, и все окружающие, только почувствовал, как сжалось сердце, как будто его самого бросили в костёр. Обезумевшему коту не повезло и во второй раз: страх бросил его под ноги Брагину, и Витя «не растерялся», острым носком ботинка поддел его навстречу. Кот подавился собственным воплем, тело его с растопыренными лапами описало в воздухе правильную дугу, и он опять-таки оказался в костре, откуда выпрыгнул уже без крика и ещё раз рванул к спасительному лесу.

– Дурак, – сказал Брагин Макс, – надо было в воду бросить, я ни разу не видел, как коты плавают. Может, он и не умеет.

Даже выдавшие виды девицы встали и, ругая напарников «придурками» и «дебилами», с разочарованием на лицах направились по домам. За ними потянулись старшие ребята, поматерив, скорее для порядка, закадычных друзей. Никто не назвал их извергами, и уж тем более никто не дал им в морду. Не сделал этого и Василий, в сознании которого ощущение гадливости от увиденного сменилось презрением к собственной трусости. Он вообще промолчал и даже не решился уйти в числе первых, вынужденный слушать подробности впечатлений Брагина и Вознесенского о палёном коте. Ему вспомнился недавний разговор с отцом о человеческих слабостях. «Трусость, – сказал отец, – самое гадкое и самое плохое из того, что может жить в сердце человека, потому как трусость позволяет злу существовать в этом мире». И в этот момент Василий больше ненавидел ни Брагина с Вознесенским, а самого себя.

– Как тебе ария кота, Маэстро?! – спросил его Макс.

– Фальшиво, – ответил более про себя самого Василий. – Пойду домой.

По пути в сознании печально звучало гениальное «Адажио» великого Альбиони...

Крыльцо музыкальной школы исчезло в снежной реке, которую гнал вдоль улицы ветер. Маленькие белые смерчи игриво намекали на место, где оно должно было быть. Нащупывая ступеньки ногами в сугробах, Василий подумал, что все эти снежные завихрения можно великолепно озвучить «Фантазией-экспромтом» до диез минор Шопена. Это было одно из обязательных произведений, на которое Изольда Матвеевна делала особую ставку на конкурсе. Ох, и летела эта шопеновская фантазия приручённым гармоничным торнадо из-под рук Василия Морозова. И, прикрыв глаза, учительница задумчиво теребила локон...

Дверь подалась с трудом, пришлось сдвигать добрый полуметровый сугроб. Так через пару часов занятий можно и не выйти из школы. Представилось: морозное утро, заваленные снегом по самые крыши дома и абсолютная тишина... Нет!.. Едва слышно над белой пустыней звучит первая токката Шпета! Неспешный орган славит готические сосульки, мёрзлую вечность или вечную мерзлоту.

Ожидая спасателей, придётся несколько дней сидеть взаперти... Но именно это Василия устраивало. А что? Чайник и печенье там всегда есть. Рояль и уйма времени, помноженная на долю романтики! Главное, чтобы помимо Изольды Матвеевны, а также единственной и ворчливой, но доброй технички Антонины Ивановны (похожей на «Рапсодию в голубом» Гершвина) в школе была и Аня.

– Ты выстрелил своего Гаврилина? – встретила на пороге Изольда Матвеевна вместо «здравствуйте», «как дошёл», акцентируя на «своего», как будто Гаврилин был родственником Морозова или соучастником в преступлении. Преступление заключалось в том, что Василий настоял: в первой части конкурсной программы, где требовалось исполнение произведений отечественных композиторов, он против угловатой сонаты № 3 Шнитке (от Изольды Матвеевны) будет играть несколько небольших: коротенькую гаврилинскую «Русскую», «Вариации на тему Генделя» Эдисона Денисова и пьесу-фантазию Рахманинова. Сергея Васильевича они любили на пару. Василий смог убедить учительницу тем, что в разных пьесах он выгоднее покажет и технику, и разные настроения, короткие произведения можно подать эффектнее, как несколько выстрелов, главное – уложиться в отведенное время.

Но с простенькой (меньше минуты) пьесой Валерия Гаврилина пришлось попотеть. Вначале был резвый пассаж, который у Василия получался не как гармоническая старт-пробежка, а будто глиссандо заводящегося автомобиля. И дело было не столько в технике, сколько в извлечении звука. Нужно было найти какую-то маленькую тайну, заложенную в этот пассаж композитором. Этого требовала пьеса, этого требовала Изольда Матвеевна, которая раскладывала музыку не только на математику, но и на движения души. Хотя иногда Василию казалось, что учительница ставит музыку на конвейер. Он жутко не любил «заигрывать» пьесы до автоматизма и возникающего в итоге к ним равнодушия. Говорил об этом Изольде Матвеевне, но та лишь сверлила его взглядом и твердила: в любое время дня и ночи ты должен быть готов выйти на сцену и оставить там душу. И заплетающиеся руки не должны тебе помешать сделать это!

– Выстрелил, осечки не будет! – улыбнулся в ответ Василий, он услышал, что в одном из кабинетов Аня «ковыряет» полифонические инверсии Мясковского. – А я тоже кое-что написал. Думаю, вам понравится.

– Надо тачать Баха, а ты занимаешься вольным сочинительством, – притворилась недовольной Изольда Матвеевна.

– Баха мы отбахаем! – с улыбкой пообещал Василий. – Здравствуйте, Антонина Ивановна, – поприветствовал появившуюся из подсобки уборщицу.

– Здравствуй, Вася. И на кой ляд вам все эти Бахи в такую непогоду? – проворчала она в ответ. – С прибабмахом все вы тут.

– Это точно, – согласился Морозов, подавая ей дублёнку и шапку.

– А девчонка-то, – кивнула Антонина Ивановна на сбивчивые звуки из-за соседней двери, – полчаса руки отогревала, какое тут играть? Что вам – памятник поставят?

– Может, и поставят, – холодно осекла её Изольда Матвеевна.

– Поставят, – хмыкнула уборщица, – как генералу Карбышеву. Кино-то, небось, про него смотрели?

– Так, Василий, горячий чай, грей руки, а потом в зал, – уже не слышала её преподаватель. – Через четверть часа начинаем, можешь разогреться своим новым сочинением. Хочешь, чтобы Аня послушала?

– Если она захочет, – уклончиво ответил Василий и понял, что не смог скрыть от пронзительного взгляда Изольды Матвеевны нахлынувшего исподволь волнения.

Теперь она обязательно скажет, что ранняя влюблённость помешает ему достичь высоких целей. Именно такое от неё более всего ожидалось. Но она вдруг задумчиво произнесла нечто иное:

– Я в десятом классе влюбилась в стройного, атлетически сложенного гимнаста.

– И? – спросил Василий, который знал, что муж Изольды Матвеевны никакой не гимнаст.

– Он предпочёл другую, и это хорошо.

– Почему же хорошо?

– Я не пошла вслед за ним в цирковое училище, а поступила в музыкальное! – В глазах учительницы мелькнул озорной огонёк. – И теперь мне не надо мотаться по городам за каким-нибудь дешёвым шапито, а всю любовь я отдала музыке. Мой муж, ты знаешь, скромный экономист, которому, как вы выражаетесь, музыка по барабану. Поэтому он любит за двоих меня, а я за двоих люблю музыку. – Заговорщически подмигнула, словно состояла с Василием в одной тайной организации.

– Мне кажется, вы любите музыку не только за двоих, а почти за весь наш посёлок.

На эти слова ученика Изольда Матвеевна расплылась в редкой благодарной улыбке и, окрылённая, отправилась ставить чайник.

Василий вспомнил, как нервно дёргаются уголки губ Изольды Матвеевны, когда волей-неволей приходится слышать несущиеся из автомобилей, квартир и частных магазинов блатные песни или тупую современную попсу. Всякий раз заметно, как она сдерживает себя и учит этому Василия: нельзя называть всех людей дураками, они несчастные, они не знают величия гармонии... Можно рассказать слепым про голубое или покрытое тучами небо, но они его не увидят, так и с глухими. С той, правда, разницей, что эти глухие сами хотят быть такими.

Аня пришла, когда Василий уже был на сцене. Начал он, вопреки предложению Изольды Матвеевны, с Шопена. Воспользовался её отсутствием. Зато, ког-

да обе уже сидели в небольшом актовом зале, учительница сама попросила:

– Ну, Василий, окажи нам честь своими новыми изысканиями. Как называется твоё новое произведение?

– Эkleктичная музыкальная поэма «Пурга»! – наигранно помпезно объявил Василий.

– Это ты вслед за погодой?

– Нет, Изольда Матвеевна, это погода вслед за мной. Не поверите, я вчера сочинял, а сегодня моё сочинение материализовалось. – «Слово-то, какое вспомнил!», – сам себя подначил юный музыкант и заметил лёгкую улыбку Ани.

Пьеса начиналась с закрученного хода в контроктаве. Затем вступала правая рука, рассыпая те самые кривые арпеджио в щедром пространстве большой и малой октав, и вдруг обе руки начинали синкопировать аккордами от малой до субконтроктавы, откуда вновь нанизывался изначальный ход. И только теперь в общую музыкальную ткань стала пробиваться мелодия. Палец Изольды Матвеевны, наматывающий локон, выжидательно замер...

– Сначала я думала, что ты решил повторить «Время вперёд!», – сказала она после более чем минутного молчания, следовавшего за кодой. – Но ты меня приятно удивил, Василий. Твоя мысль начинает догонять твои руки. Эту пьесу не стыдно показать перед самыми взыскательными слушателями. Если это поэма, то очень похожа на стихи Максимилиана Волошина... Как тебе, Аня?

– Здорово, – ограничила свой восторг одним словом девушка.

На мгновение Василию показалось, что Аня ему завидует. На такой эффект он меньше всего рассчитывал. Не зря отец после ссор с мамой говорил: «Современную женщину не понять. Такое чувство, что она не хочет быть женщиной или, во всяком случае, хочет быть немножко мужчиной. Трактор водила, в космос летала, джинсы надела, горы покоряла, начальниц женщин полно... Но от этого мужчина всё равно не научится рожать!». Опасность феминизма Василий до конца ещё не осознавал, но в главном был согласен: «не понять...».

Начиная с первого сентября, Аня благосклонно, но как-то меланхолично принимала его ухаживания. И самое обидное, не чуралась и Брагина, который ухаживал за ней, совмещая данное увлечение с увлечением девицами лёгкого поведения, кои были порой много старше его. В компаниях он щедро делился своим богатым сексуальным опытом. Не отставал от него и Вознесенский. Неужели она не видела и не понимала этого?

Во время осеннего бала на дискотеке Василий в первый раз пригласил Аню на танец. Её близость, её запах сладко вскружили голову, он лепетал ей на ухо что-то несуслазное, хотел, но не решился сказать главное. Позволил себе только одно: его рука провела плавное легато вдоль её спины, и (о, чудо!) Аня не воспротивилась этому! Но уже следующий танец она неспешно парила с Виктором и с точно таким же выражением лица слушала его бойцовские байки с обычным для него и глуповатым для окружающих похотыванием. А под конец танца его руки уже свободно дирижировали вдоль её стана. И Аня не оттолкнула его (чего ожидал от неё Василий, который косился на них, безнадежно подпирая спиной стену актового зала). После дискотеки Брагин предпочёл Ане шумную компанию, и Морозов воспользовался счастливой возможностью без соперничества проводить её домой. Дорогой он всё же решился сказать ей, что она очень много для него значит, что она прекрасна, как самая гениальная симфония... Аня с лёгкой блуждающей улыбкой слушала его, а у подъезда поцеловала в щёку,

после чего ошарашенно счастливый Маэстро ещё час бродил по посёлку, раскручивая в уме нежную серенаду для своей возлюбленной. Казалось, до полной взаимности остался только шаг. Ведь на обратном пути он держал в своей руке её руку, чувствовал ласковую мягкость подушечек её пальцев и полагал это вершиной допустимой сейчас близости.

Дня через три, опасаясь неуловимой скоротечности и воздушности сказанного слова, он доверил его бумаге и на уроке отправил ей пространную записку, где звучало таинственное и ничем не заменимое «люблю», а сверх того – готовность посвятить ей всю свою жизнь, всё творчество, как некогда безутешный Петрарка своей Лауре. А в ответ получил краткое и половинчатое: «Васенька, ты мне тоже очень нравишься, ты талантливый, ты умница, но я пока не могу понять сама себя». Как человек может не понимать сам себя? Впрочем, бывает, конечно. Или: ах, да, речь ведь идёт о девушке! Но в данном случае это означало одно: полной взаимности, скреплённой молнией первого взгляда и притяжением, преодолевающим земное, здесь нет. Тут пахло каким-то не совсем логичным девичьим расчётом, обидным и осторожным. И тогда, разумеется, представилась спортивная, почти мужская фигура Брагина... В этот день Василий купил себе гантели, хотя Изольда Матвеевна не раз предостерегала ученика: на физкультуре надо быть предельно осторожным. Руки, данные от Бога для извлечения гармонии, следует беречь. Но с гантелями он явно припозднился, качаться надо было с раннего детства. Отец дал несколько советов, но, казалось, мышцы совсем не реагируют на упражнения. И по утрам Василий печально смотрел на своё отражение в зеркале, всячески его критикуя. Мама, со своей стороны, попыталась его успокоить: мол, накачанные мышцы не главное, каждого Бог создал для выполнения своей, только ему предназначенной задачи. Не могут быть все сильными, умными, красивыми... Это было понятно, но малоутешительно.

– Мама, а за что ты полюбила папу? – задал прямой вопрос Василий.

– За то, что он полюбил меня, – не задумываясь ответила мать. – Он поступал в наш нефтегазовый институт после армии, у него была медаль за Афганистан, пришел на вступительные экзамены в форме... Тогда многие девушки на него заглядывались. Но, честно тебе скажу, я в тот момент на него внимания не обращала. А вот когда он уже после первого курса прицепил к нашему окну в общежитии на третьем этаже огромный букет с запиской для меня... Представляешь, со стороны улицы?! Это показалось мне очень романтичным и оригинальным.

– И ты в него за это влюбилась?

– Нет, я всего-навсего заприметила, кто это сделал. А потом он ещё долго за мной ухаживал. После букета я, только лишь, позволила ему провожать меня после занятий. Хотя для меня до сих пор остается загадкой, как он забрался по абсолютно ровной стене, где зацепиться не за что, до нашего окна ранним утром...

Заметив на лице сына то особое выражение романтичности, которое чревато безумными поступками, папа Георгий Васильевич вздохнул и пояснил:

– Я просто нанял за двадцать пять рублей автовышку...

– Автовышку? – разочарованно вскинула брови Наталья Павловна.

– Ну да, такая машина с выдвижной корзиной.

– М-да... – подытожил Василий. – Сейчас, чтобы удивить девушку, надо начинать, а ещё лучше – иметь лимузин. Или самолёт.

К слову сказать, Брагин частенько разъезжал по посёлку на серебристом

«Форде мондео» с тонированными стёклами. Частенько подвозил Аню...

– Вот видишь, сынок, ничего сверхъестественного. За шестнадцать лет последующей совместной жизни он больше ни разу не нанимал автовышку...

– Потому что надо было нанимать то детскую коляску, то стиральную машину, то ещё что-нибудь. Но цветы-то дарил! – попытался защищаться отец.

– Да, – подтвердила Наталья Павловна, – два раза в год, на день рождения и день свадьбы. А на Восьмое марта дарил бытовую технику или наборы посуды, говорил, что это и есть женские подарки!

В конце октября Аня пригласила Василия в гости. Анины родители уехали одни на несколько дней в областной центр по каким-то неотложным делам, решив, что дочь школу пропускать не должна. Ни общеобразовательную, где училась на одни пятёрки, ни музыкальную, где эти «пятёрки» с огромным трудом извлекались из потрескавшихся шафренных клавиш рояля «Petrof». Осень была тёплая и удивительная: небо оставалось ярко-голубым и высоким, как в мае; берёзы и осины тайги гроздьями примеряли золото, а местами смущались до багрянца от восхищённых взглядов. Медлительный пряный воздух еле плыл над водами великой сибирской реки, и оба они подражали неспешному времени, а, может, отражали ту самую бесконечность, которую всю жизнь тщетно пытается охватить человеческое сознание. Вместе с рекой за черту горизонта неспешно тянулось небо. Ничто не предвещало суровой зимы.

Василий запасся букетом дорогих орхидей, которые привозили в их болотную тмутаракань вместе с голландскими розами и герберами коммерсанты. Облачился в строгий классический костюм и, немного подумав, купил бутылку шампанского. «Всё по-взрослому», – так подбадривая сам себя, постучался в заветную дверь. И с порога был немного удивлён и даже разочарован: Аня встретила его в потрёпанном домашнем халатике, без причёски и с какой-то повседневной озабоченностью в глазах. Точно Василий пришел не на свидание, а списать домашнее задание по алгебре или помочь ей прибраться в квартире к приезду родителей.

Но экзотический букет всё же возымел своё действие. Аня поцеловала Василия в щёку и долго пристраивала орхидеи в вазе на столе своей комнаты. Колдовала с водой и размышляла вслух, как заставить цветы постоять подольше.

– Ты, поди, разорился, Вася? – спросила лукаво.

– Это не имеет значения, – ответил рыцарь.

– А шампанское? Хочешь выпить?

– Н-ну... – растерялся было Василий. – Я думал, букет и шампанское... Почти натюрморт.

– Ну, так поставим рядом с букетом или всё-таки выпьем? – улыбнулась Аня.

В этой усмешке Василий интуитивно почувствовал подвох от пра-пра-прабабушки Евы. Не с такой ли покровительственной к чужой наивности улыбкой подавалось к столу яблоко с древа познания? В любом случае, сердце ёкнуло, а внешне пришлось подпустить этакой развязности и для вящей убедительности без лишних разговоров пальнуть пробкой в потолок.

Пробка-дура срикошетила и вернулась в макушку Василию. Ойкнув, он хохотнул, Аня же залилась смехом надолго.

– Надо было чуть наклонить, – дала она поздний совет.

– Ничего, так смешнее, – нашелся Морозов.

Шампанское пили с шоколадом. Говорили о ничего не значащих пустяках, мыли кости одноклассникам и учителям. А после второго бокала Аня включила музыку и вдруг сама пригласила его на танец. Обомлевший Василий как-то неловко (попионерски) обнял её за талию. Она же внезапно прижалась к нему всем телом, отчего дыхание сначала остановилось, а потом стало синкопировать с ударами сердца. Нахлынувшая, как цунами, нежность всё же несла в себе холодный ручеек осторожности: как бы чего не сделать неправильно. Сначала он несколько раз поцеловал её в шею, а потом их губы, точно два магнита, нашли друг друга.

Вкус первого поцелуя ни с чем не сравним, нет в человеческих языках нужных прилагательных, если только речь идёт о настоящем поцелуе. Почему любовь скрепляется устами? Потому ли, что в устах хранится и произносится это самое слово? И значит ли сам поцелуй, что слова больше не нужны? Может, так объединяются не только души, но и слова? Материализуются?..

Первый поцелуй может быть только один. И сохранить его вкус человеческой памяти на всю жизнь не под силу. Неясные и счастливые воспоминания о нём в чём-то схожи с общей памятью человечества об утраченном рае.

То, что произошло далее, вконец ошеломило Василия, и в первое мгновение он растерялся, а во второе – опустился на колени. Теперь стал ясен смысл домашнего халата, который так легко слетел с плеч его возлюбленной. А он-то, дурак, и не понял сразу!.. Пораженный красотой девичьего тела, он опустился на колени. Как будто Аня являла собой памятник высшей гармонии. Но даже в момент этого таинства не забыло предательски мелькнуть в содрогающемся сознании и собственное жалкое отражение в зеркале. Тело Ани – это и была музыка. Симфония человеческого совершенства. Все античные Венеры мраморно отдыхали, топ-модели из журналов были глянцево и безнадежно мертвы! И теперь эта детально выверенная божественная гармония открыта ему! Вмиг (и только сейчас) пришло глубокое осознание поэтического преклонения перед женщиной. Полки, нет, дивизии! Армии склонивших головы поэтов, композиторов, художников... И где-то в последнем ряду худой, ничего ещё не значащий юноша Василий Морозов.

Дверной звонок заставил вздрогнуть обоих. Аня посмотрела на Василия вопросительно (что делать?), а тот пребывал в беспомощной растерянности. Какой демон нажал эту фальшивую клавишу?

Пока в голове Василия рождалась эта смелая и нужная фраза: «Не открывай!», Аня уже набросила халат, затянула на талии пояс и с каким-то едва уловимым разочарованием, больше похожим на лёгкое презрение, протянула своему Ромео руку:

– Ты же не будешь стоять на коленях, когда я открою дверь?

Да, действительно. Нелепо.

И всё! Дверь в эту тайну так же неожиданно захлопнулась, как и открылась. Или некто вломился в неё?

На пороге оказался улыбающийся Брагин. Без разрешения шагнул в прихожую и, увидев в проёме Василия, спросил:

– О, Маэстро! Ты чё, за нотами зашёл?

Как будто другого повода у Морозова оказаться в этой квартире не было. И судя по тону брагинского голоса, он такого и предположить не мог. Маэстро, по его понятиям, здесь не котиrowался.

– За нотами... – то ли повторил, то ли трусливо оправдался Василий, и тут же увидел, как окатила его гневным взглядом Аня. Этот взгляд был окончательным

приговором. А слова рассыпали в прах последнюю надежду реабилитироваться за малодушие.

– Да, Вася, вот твой «Детский альбом» Чайковского, – сказала Аня, акцентируя на слове «детский», отчего горечь и обида заполнили душу Василия, и в ней не осталось места ничему другому.

– Слышь, Маэстро, – снова обозначил себя Брагин, – ты извини, мне тут с Аней поговорить надо. – Прямой намёк, что «детям» пора убираться...

– Да я вообще-то тоже хотел, – попытался зацепиться Василий.

Ну что было делать? Тут же броситься в драку, чтобы имеющий первый взрослый по боксу Брагин расписал его в этой прихожей, и он выглядел бы ещё более жалким, нежели сейчас? Безумству храбрых не поём мы песню. Время, когда можно ещё было что-то изменить, безнадёжно утекало, измеряясь и без того краткими секундами.

– В музыкалке наговоритесь, – подмигнул Брагин, направляясь в гостиную (мол, что не понимаешь?), и с удивлением покосился на початую бутылку шампанского.

– Иди, Вася, в музыкалке поговорим, готовься к конкурсу, – торопливо поставила заключительный аккорд Аня.

Он даже не помнил, как оказался в подъезде. И уже на улице вдруг осознал, что похож на испуганного, опалённого, выпрыгнувшего из огня кота. Оставалось только напороться на чей-нибудь направляющий пинок. Ненависть к самому себе, ко всему миру чередовалась с какой-то необоснованной обидой на Аню: а, может, она сама разыграла весь этот спектакль? Смысл? Показать Маэстро, что он только за роялем что-то значит. Нет, ерунда! Но почему пустила в квартиру этого крысиного короля?

Чтобы удержать подступившие слёзы, Василий до крови прокусил губу. А заодно скомкал в руке рулон «Детского альбома». «Надо же – совсем тряпка! Даже до Щелкунчика не дотягиваю...»

Вернуться! Пнуть дверь ногой и броситься в драку! Биться до последнего и лучше умереть, чем испытывать такой жуткий и невыносимый стыд! Так он думал и, тем не менее, всё дальше уходил от дома Ани. Лёгкая расправа с противником могла быть только в воображении.

– Господи! – мысленно крикнул Василий в небо: – Почему Ты вместе с талантом не дал мне физическую силу?! – И добавил самому себе: – И почему я такой жалкий трус?..

Словно в ответ на его слова из проулка лоб в лоб вывернул Вознесенский:

– Маэстро, привет, куда летишь?

Василий замер, примеряясь, как лучше заехать ему в челюсть. Макс спортсменом не был, и, в принципе, с ним можно было потягаться. Вознесенский не стал ждать ответа и добил лежачего ехидной ухмылкой:

– А Витёк к Аньке попёр. У неё родики на большую землю слиняли. Классная тёлка! – позавидовал своему напарнику.

– Да пош-шёл ты... – процедил сквозь зубы Василий и двинулся дальше.

Огорошенный таким поворотом, Макс некоторое время смотрел ему вслед и наконец опомнился:

– Ты чё, Маэстро, рамсы запутал?! Смотри, как бы похоронный марш не пришлось сбачать!

Похоронный – так похоронный!.. Вернувшись домой, Василий включил на полную катушку реквием Моцарта и плюхнулся на диван лицом к стене.

На следующий день они не смотрели друг другу в глаза. Но Аня при этом вела себя подчёркнуто весело. Много смеялась и шутила с подругами, примыкала к шумным компаниям, заигрывала с парнями, а в конце уроков вдруг сама подошла к Василию и прямо спросила:

– Вась, я не поняла, это ты обиделся или я должна обижаться? Что ты ходишь, как в воду опущенный?

– Не надо было открывать дверь, – сказал Василий и тут же понял, что сморозил очередную глупость.

– А я и не собиралась, – надменно улыбнулась Аня.

И, чувствуя какую-то необъяснимую, но ранящую в самое сердце Анину правоту, он злился ещё больше и не мог понять, кто виноват, кроме него.

– Пора становиться взрослым, Маэстро, – этак высокомерно посоветовала Аня, и прозвище вдруг показалось очень обидным.

– Угу, – с кривой ухмылкой согласился Василий, – взрослый – это когда ведёшь себя, как троглодит. Видимо, нынешним Джульеттам это больше по вкусу.

– Фи... – изогнула губки и пошла по своим делам, будто они вообще не разговаривали.

И толкуй это «фи», как хочешь, в диапазоне от легкого пренебрежения до полного равнодушия. Но даже презрительный изгиб губ возлюбленной показался Василию привлекательным, и он понял, что никогда (во всяком случае, в обозримом будущем) не сможет её ненавидеть. Даже если Аня причинит ему боль. Вся мятущаяся буря обиды была направлена теперь только в одну точку – на образ Брагина.

Впрочем, сам Брагин не заставил себя долго ждать.

На выходе из школы Брагин стоял, поигрывая автомобильными ключами, и, как выяснилось, ждал Василия.

– Маэстро, – окликнул он, – тема есть. Пойдем пообщаемся. – И повернулся спиной, точно не оставляя никакого выбора. По его виду было понятно: ничего хорошего эта «тема» не сулит. Но в данный момент Василию было «по барабану». Ниже плинтуса не упадёшь.

Он молча, на автопилоте, направился следом. Но вёл его Брагин, на удивление, не к обычному месту мальчишеских стычек на задах школьного двора, а к своей машине. Ещё больше Василий удивился, когда увидел на заднем сидении Аню.

«Вот ещё закидоны! – подумал Морозов. – Он что, собирается меня отмутузить при Ане?». И весь внутренне подобрался. Тут же начал прикидывать, как подольше простоять на ногах и биться до последнего. Последнего – чего? Прекрасно знал, что удар Брагина поставлен профессионально. Большинству его оппонентов хватает первого. Те же, кому удаётся устоять и дать сдачи, по меньшей мере, сами незаурядные спортсмены или от природы здоровьем и силой не обижены.

– Садись, – деловито кивнул на сидение рядом с собой Виктор, – прокачимся.

Василий минуту раздумывал.

– Садись, не дрейфь.

Аня на вопросительный взгляд Морозова пожала плечами: ничего не знаю. Пришлось сесть и выдавить на лице невозмутимый вид.

Машина резко рванула с места и, постукивая, словно вагон, на стыках бетонных плит, понеслась в сторону окраины. Выехав на просёлок в таёжном бору, Брагин заглушил двигатель. Для вящей значимости некоторое время молчал. Некурящему Василию в первый раз жизни захотелось помять в руках сигарету, глотнуть едкого дыма и не закашляться, как это было когда-то на школьном дворе.

– Чё, за дурака меня держишь? – оскалился Витёк.

Морозов промолчал, а молчание, как водится, знак согласия.

– Знаю, что держишь, – ещё кривее ухмыльнулся Брагин. – А зря, Маэстро. Мне бы щас по-простому и по-быстроу навалить тебе прямо при Ане, других-то способов у меня нет. Ты так и думаешь, правильно, Маэстро? Ду-умаешь, губёхи не криви. И окажусь я жестоким идиотом, а ты добрым пианистиком. Так? И Аня будет смотреть на меня, как на... – Он на мгновение задумался, подбирая слово, насилиу вспомнил: – На ископаемое. Как их там? Неандертальцы?..

– Да ни о чём я не думал, – раздражённо ответил Василий. – Это же я ушёл, трусливо поджав хвост, а не ты.

– Упс! Правильный ход, Маэстро, пра-виль-ный! – любовно разбил по слогам. – Признавать свои ошибки и слабости надо, особенно если ты намерен их исправить. Но лучше их не совершать. Поэтому я, Маэстро, морду тебе бить не буду. И Вознесенскому скажу, чтоб не лез, а то у него со вчерашнего дня руки чешутся. А всё будет по-джентльменски. Будем бороться за даму сердца. Но, чур, условие: я – без бокса, ты – без музыки! Что скажете, Джульетта? – повернулся к растерянной от происходящего действия Ане.

– Меня Аней зовут, – только и нашлась, что сказать.

– Извини, Аня, – тут же поправился Брагин. – Принимаешь наш стратегический паритет?

Даже в этот (казалось бы, на равных) момент, Витёк выглядел таким старшим товарищем, учителем жизни, задающим тон в любом деле. И Морозову казалось, что он в очередной раз выглядит посмешищем.

– Да боритесь вы хоть с музыкой, хоть с боксом, я вам что – приз?! – Аня резко выскочила из машины и направилась в сторону посёлка.

– Ну вот, обнулила! – смущенно прокомментировал Брагин. – А значит, Вася, мы на равных, – впервые назвал Морозова по имени.

– Вряд ли, Витя, – с сомнением пожал плечами Василий. – Я ведь не смогу ходить с ней в ресторан, подвозить на иномарке после уроков. И что вы в этих тачках находите?

– Машинах! – уважительно поправил Брагин и нежно погладил руль. – Машина – тоже женщина!

– Урчит, дымит... – подлил масла в огонь Морозов.

Брагин мгновенно завёлся:

– Да ты, Вася, дурак полный или прикидываешься?! У моей ляльки даже из выхлопа дорогим одеколоном пахнет! Ты с узяками не путай! Не «жигули» черметовские!

– Не, ну это болезнь какая-то, – пожал плечами Василий.

– Целыми днями клопов на пианино давить – это тоже болезнь. Ещё неизвестно – какая хуже.

– Ладно, пошёл я, – решил Морозов.
– Да уж я подвезу, вот жалко Аня ушла. Красивая она.
– Красивая. Женственная. Сейчас таких мало.
– Да мне тоже дуры с сигаретами во рту, краской измалёванные не нравятся. Да ещё металлолома, пирсинг этот, по всему телу навешают. Тату всякие... Дуры.

– Дуры, – согласился Василий. – Это у них самовыражение.
– Слышал я их самовыражение, такого даже такелажник не скажет, когда ему труба на ногу упадёт. В натуре.
– В натуре.

Беседа закончилась вполне мирно, и Брагин подвёз Василия до самого дома. И даже протянул на прощание руку, будто и не соперники они, а партнёры. А далее – каждый занял своё место. Брагин – в шумной команде местных хулиганов, Морозов – у фортепиано. Аня – между ними.

Самое удивительное, что Виктор частенько стал приходить в музыкальную школу, где ждал Аню в коридоре, а иногда приходил вместе с ней слушать Василия. Иногда по-своему выражал восторг исполнительским мастерством Маэстро. Хвалил его собственные композиции. И Василию пришлось ходить на соревнования по боксу и, в свою очередь, не раз восхищаться боевым искусством Брагина. Аня же старательно придерживалась напускного равнодушия ко всему происходящему. Более прислушивалась к себе. И каждый из этой троицы понимал, что бесконечно так продолжаться не может. Тем более, что следом за троицей постоянно увивался разочарованный неожиданным джентльменством друга Вознесенский.

4

Конец пакта о ненападении наступил в конце ноября, когда Василий выиграл конкурс. «Выиграл» – для пианиста звучит особо.

В областной центр ездил не только он, администрация посёлка по просьбе директора музыкальной школы отправила туда ещё нескольких учащихся, среди которых была и Аня. И там Морозов, вопреки своей фамилии, дал жару! Уже после конкурсной программы его просили играть ещё и ещё, студенты консерватории диву давались технике школьника из таежного поселка, маститые профессора одобрительно кивали, все с интересом слушали его собственные композиции... Когда Василий играл прозрачные «Септимы», «Квинты», «Терции» Игоря Ильина, разученные самостоятельно (и к большому удивлению Изольды Матвеевны), он увидел в зале глаза Ани. До сих пор он был целиком поглощён музыкой. И миг чуть не потерял контроль над скользящими вдоль зебры клавиш руками. Во всяком случае, настроение ушло. «Терции» добивал уже «на автопилоте», без души.

Аня смотрела на него совсем по-иному. Никогда раньше её глаза не выражали столько проникновенного интереса, будто Василий только что раскрыл перед ней сокровенные тайны бытия, и никто другой до него этого сделать не мог – никто другой, кроме него. К неудовольствию богемной публики Морозов торопливо раскланялся и уступил сцену джазовому дуэту студентов консерватории. Выходя, те дружески потрепали его по плечу: «далеко пойдёшь». Да Изольда Матвеевна метнулась откуда-то из подсобок, радостно (уже который раз за

эти дни) обняла его и впервые, как собственного сына, поцеловала в лоб:

– Умница! Вася, ты божественно извлекал звук! У тебя на кончиках пальцев тончайшее чувствительное устройство. Ты превзошел сам себя. Вот из таких «превзошел» и получается настоящая музыка.

– Без вас, Изольда Матвеевна, ничего этого не было бы, – потупился ученик.

– На моём месте мог оказаться другой учитель, а вот на твоём уже никто не может оказаться. Дорога в мир большой музыки открыта! – И тут же прочитала его насквозь: – Ну, беги к Ане, я же вижу, тебе не хочется пожинать лавры, тебя интересует всего один цветок. Но не забудь, вечером у нас запись на телевидении, будешь исполнять что-нибудь своё. И ещё, с тобой хотели поговорить журналисты. Не возражаешь, если я при этом буду присутствовать?

– Ну что вы, Изольда Матвеевна, я к ним без вас вообще не пойду.

– Хорошо, беги, Аня в зале.

Но Аня была уже не в зале. Она ждала его в коридоре, задумчиво смотрела в окно. Когда повернулась, взгляд был тот же, что заставил Василия вздрогнуть на сцене.

– Вась, ты – гений, – просто и тихо сказала она.

– Не знаю, – честно признался он.

В этот момент для него не имели никакого значения все его таланты и стремления, потому что Анин образ полностью заслонял их, не оставляя малейшей возможности даже думать о чём-то другом.

– Ты меня любишь? – так же прямо спросила Аня.

– Да, – не раздумывая ответил Василий.

– Больше, чем музыку?

– Музыка – это для тебя, – нашелся он.

Она вдруг переменялась в лице, в глазах сверкнула лукавинка от прародительницы Евы:

– А вот интересно, как бы ты это сказал музыкой, что чувствуешь?

На секунду Василий растерялся, но только на секунду. Уже в следующий миг он взял Аню за руку и увлёк за собой в первый же по коридору кабинет специальности, где стояло старое пианино «Тюмень». Сел и вдруг стремительно врезался в клавишный строй двенадцатым этюдом Шопена. «Революционным». И руки, впитывая бурю в душе, полетели... Каждая из них – со своей темой, словно отражали два различных начала, смешивающихся в общий мелодический водоворот. Только блестящий пианист и композитор Фридерик Шопен мог вложить столько порыва, столько страсти и на такой скорости в фортепианное произведение. И Василий Морозов был одним из немногих, кто, спустя почти двести лет, мог повторить его. За две минуты нанизанных друг на друга пассажей, пробитых насквозь аккордами возвышенной темы, Василий сказал больше, чем многолетнее томление и тихие разговоры при луне. Да и какая девушка устоит перед романтизмом Шопена, если только она не предпочитает ему одесские куплеты?

Когда в эфире растаял звук последней ноты, они ещё долго молчали. Первым заговорил Василий:

– Жалко, что мы не родились в девятнадцатом веке, а эту чудесную музыку написал Шопен. Я мечтал бы написать её сам и посвятить тебе. А сейчас я боюсь что-либо писать, сочинять, боюсь повторить, потому что для тебя надо сделать что-то такое, что не сможет сделать никто.

Аня положила ему руки на плечи и с блуждающей улыбкой спросила:

– А что в этом случае могу сделать я?

– Ты уже всё сделала...

– Как? Что?

– Ты – есть...

Не вставая из-за инструмента, Василий взял Анины руки в свои и, с содрогающим сердцем, приложил ладонями к губам.

– Вась, я только сейчас заметила, какие у тебя красивые руки.

– Зато всё остальное... Так себе.

– Не себе, а мне! – шутливо поправила Аня.

– Ты серьёзно?

– Да.

Нужно было встать и повернуться к Ане лицом, а Василий не находил в себе сил. Боялся, что сердце от возвышенного и одновременно страстного волнения разорвёт грудную клетку.

– Когда читаю книги или стихи о любви, мне не хватает параллельного звучания музыки, – пытаюсь унять бурю, отвлечься, сказал он.

– На бумагу музыку можно записать только нотами.

– А жаль. Представляешь, кто-нибудь пишет о нас... И звучит Рахманинов.

– А мне почему-то слышится прелюдия и фуга Баха, до-минор...

– Это потому, что ты её долго разучивала, – засмеялся Василий.

– А то, – сделала вид, что обиделась Аня. – Там после хоть и быстрого, но размеренного тиканья тональной ноты вдруг такое ускорение, и у меня всегда заплетались руки в этой части... И вообще, Бах такой навороченный.

– Напротив, он математически выверенный. Как теорема Пифагора.

– О! А с математикой у меня – сам знаешь!

– А у меня?!

И оба засмеялись.

Виктор Брагин исчез. Его не было. Исчез криво ухмыляющийся за его спиной Макс. Единственное, чего ещё хотелось – чтобы вообще никого не было рядом. Самый лучший пейзаж: пустынный берег моря на закате... Банально? Зато красиво.

А за окном мелким зерном сыпал снег, зима вступала в свои права. И Брагин, по российским меркам, был не так уж далеко. Каких-то пятьсот километров. И он не исчез. Его просто оттенила музыка, он отступил перед высоким полётом возвышенного чувства, но такие, как Брагин, не умеют и не хотят проигрывать. Поражение для них – это конец всего. Но всегда ли нужна победа любой ценой? И кто определит, что можно вложить в эту цену, дабы не считать её непомерной?..

Были ещё два дня, которые Василий и Аня смогли отдать растущему чувству – с перерывами на встречи с журналистами, мастер-классами, посещением концерта симфонической музыки столичных мастеров и ненавязчивой, но всё же осязаемой опекой Изольды Матвеевны.

Ох уж эта тактичная Изольда Матвеевна! Входя в последний день, уже ближе к полуночи в номер, где она жила вместе с Аней, смущенно произнесла:

– Простите, но вынуждена прервать вашу идиллию, завтра тяжелый день.

– Это вы нас простите, Изольда Матвеевна, – встречно извинился Василий, выпуская из своих рук Анины, – мы тут засиделись. Обсуждали последний период творчества... Балакирева.

– Последний период творчества! Балакирева! – И еле сдержала смех. – Может, мне тоже высказать свои суждения по этому поводу?

– Нет, не стоит, Изольда Матвеевна, мы уже всё обсудили. – Василий выскользнул за дверь.

– Ну-ну... – то ли одобрительно, то ли иронично качала вслед головой учительница.

А Василий возвратился в номер, в котором жил вместе Антоном Брюховецким, весьма тучным флегматиком, которого в музыкалке прочили во всемирные теноры, а в школе общеобразовательной дразнили прозвищем Непаваротти.

– Завтра домой, – грустно сказал Василий.

– Завтра домой, – согласился Антон.

– Может, рванём куда-нибудь – когда ещё попадём в город?..

– Да не-е... Не хочу. Надо выспаться.

Другого от Антона ждать не приходилось. Но и Василий быстро согласился с таким развитием событий. Спать – так спать. Во сне можно быть с Анной. И никто не помешает, никто не ворвётся в загадочную и легкую ткань сна.

На обратном пути одиннадцать часов они сидели рядом в стареньком, громящем на каждом ухабе «пазике». Все одиннадцать часов тихо разговаривали, и Василий держал Аню за руки. Изольда Матвеевна маячила где-то впереди, перебрасываясь ничего не значащими фразами с водителем, Антон хрустел чипсами, другие пели песни или, наоборот, закрывались от мира наушниками плееров. В дорожном кафе Василий накрыл для Ани отдельный столик. Благо, первое место в конкурсе сопровождалось премией, равной месячному заработку отца. На эти деньги он купил подарки и отцу, и маме. И Ане...

Велико же было их удивление, когда на повороте к посёлку они увидели знакомый «Форд мондео». На трассу Брагин без прав выезжать боялся, а в таёжных джунглях гаишников не сыскать. На этом повороте останавливались все поселковые водители, было такое неписаное правило. Традиция. И Брагин рассчитал точно. Как только ребята высыпали из автобуса размяться, он уже стоял у входа.

– Ну, как успехи?

– Мы везём первое место, – опередила всех Изольда Матвеевна.

– Поздравляю, Василий, – нисколько не сомневаясь, кто обладатель победы, протянул пятерню Виктор.

– Спасибо.

– А я, собственно, за вами. Чего вам в автобусе кости трясти. Долетим с ветерком. Аня, ты как?

– Я, как Вася, – робко ответила Аня.

– Ну, тогда поехали. Изольда Матвеевна, вы не возражаете? – спрашивал так, будто приказывал. Было что-то такое в голосе Брагина, какой-то особый тон врождённой наглости, возразить которому рискнёт не каждый.

– Но я отвечаю за жизнь и здоровье ребят, – смутилась Изольда Матвеевна.

– Если хотите, мы поедem сразу за вами или чуть впереди.

– Н-ну... Не знаю...

– Лады, Изольда Матвеевна, я вашего победителя сразу к пьедесталу доставляю.

Василий стоял растерянный. С одной стороны, Виктор не сделал ничего, что нарушало бы джентльменское соглашение, которое Морозов считал уже выиг-

ранным, с другой, надо было ещё об этом ему сказать, а сделать такой шаг по тем же условиям должна Аня, с третьей, не было ни одной мало-мальской причины, чтобы отказаться.

– А можно, я с вами? – высунулся из двери автобуса Антон, который посчитал, что совместное с Морозовым проживание в гостиничном номере делает их почти друзьями.

– Не, там ещё Возя, – так ласково Брагин порой называл Вознесенского. – Тесно будет. Разве что стройная Изольда Матвеевна нам не помешала бы.

– Нет-нет, я с ребятами, – отмахнулась учительница.

– О! Паваротти, лови компенсацию. – Виктор с улыбкой бросил ему батончик «марса», чем вызвал бурю благодарности вновь проголодавшегося Брюховецкого.

Самое неприятное произошло в салоне «Форда». Макс с ехидной улыбкой сидел на заднем сидении, Аню Виктор посадил вперёд, рядом с собой, а Василию пришлось довольствоваться компанией Вознесенского, который не преминул поёрничать:

– Садись, Маэстро, места для пассажиров с детьми свободны.

5

Нет, это не был классический любовный треугольник. Это был отрезок, на разных концах которого были Василий и Анна, а в центре маячила точка Брагина. К тому же отрезок этот то тут, то там пересекали хаотичные лучи Вознесенского. Стоило Василию выбрать время, чтобы побыть с Аней наедине, как словно по наитию появлялся Виктор, а если не сам Брагин, то разыскивающий его Макс.

Аня снова ушла в себя, заставив Василия мучиться и гадать, что значат те три дня на конкурсе. Что, в конце концов, значат те минуты в её комнате, которые возвращались в его воображение всякий раз захватывающим дух видением. Но, как бы ни сильна была страсть, видение с каждым днём таяло. В него по-прежнему разнузданно врывался Брагин, который к тому же подчеркнуто соблюдал соглашение. Аня молчала, Василий мучился, Виктор не снижал молодцеватого напора.

Эх, должна же быть в поведении девушки хоть какая-то логика?

На Новый год Василий подарил Ане недорогую золотую цепочку, купленную в городе во время конкурса, Брагин часом позже ответил золотыми сережками, которые, разумеется, стоили много больше. Ни то, ни другое Аня не хотела брать, пришлось уговаривать вместе. Потом был новогодний бал, где два кавалера, как запрограммированные, приглашали свою возлюбленную на танец попеременно.

В конце концов это стало настолько смешным, что Аня просто ушла со школьного вечера, попросив обоих не провожать её.

– Пат! – прокомментировал сложившуюся ситуацию Брагин и направился с друзьями в кафе.

Василий пошёл домой. Запершись у себя в комнате с телефонной трубкой, после некоторых сомнений он набрал номер Гордеевых. Позвонил удачно – ответила Аня.

– Это я, – начал он.

– Слышу, – ответила Аня.

- Я хочу спросить... – И получилось, что с мыслями так и не собрался.
- О чём?
- Ань, ты меня будто специально мучаешь.
- А ты меня?

Некоторое, довольно длительное время они молчали, вслушиваясь в дыхание друг друга.

- Можно, я спрошу? – попытался унять сумбур в голове Василий.
- Ты и так всё время спрашиваешь. Ну, спрашивай...
- Ань, тогда у тебя дома... что это было? – И замер, чуть ли не зажмурился.
- Не знаю, дура я была, вот что. Мне показалось, что я именно так должна поступить. Хотелось чего-то... сама не знаю. Теперь стыдно, дура и всё!..
- Да нет, это я дурак был. И Брагин этот появился.
- Он всегда появляется, ты не замечаешь? Может, и сейчас наш разговор слушает.

Василий даже вздрогнул от такого предположения. И тут же стало стыдно собственного малодушия. В конце концов, договор он не нарушал.

Или нарушал? В зале консерватории... Или – двенадцатым этюдом Шопена?..

- Аня, я тебя никому не отдам, – твёрдо сказал Василий.
- А я ни к кому и не ухажу, – спокойно, будто они триста лет живут вместе, ответила Аня.

- Наверное, мне с ним всё-таки придётся драться.
- Зачем? Чтобы он изуродовал тебя? Мне это не надо.
- Это надо мне. Иначе он всегда будет стоять между нами. Да ещё Вознесенский этот.
- У вас же пари.
- Не пари, договор.

Аня вздохнула так, что у Василия сжалось сердце. Нужно было задать ещё один вопрос. А он почему-то застревал, Василий боялся обидеть им возлюбленную, но всё же решился:

- В тот день, когда я трусливо ушёл, вы там остались... – И не смог договорить до конца.
- За кого ты меня принимаешь, Морозов?! – Так и есть, Анин голос плеснул обидой и болью, и Василий от досады прикусил губу: ну что за идиот? Одна ошибка за другой!

- Аня, прости, я вовсе не хотел...
- Ты, Вася, ещё ему расскажи! Может, по вашему джентльменскому соглашению вы ещё рассказывать друг другу должны, кто и чего добился на любовном фронте?! Расскажи, Вася, лучше всего при Вознесенском. Представляю его сальную мордочку!

- Ань, что ты! Да никогда! Ты – самая лучшая! Ты просто идеал!
 - А ты Морозов!.. Маэстро... – И не договорила, бросила трубку.
- И Василий чуть не бросил. В стену.

Но сколько может ещё продолжаться такое состояние? И тут вдруг осенило: ещё полгода! Потом Брагин уедет поступать в институт. Вроде как собирается на физкультурное отделение университета. И у Василия и Ани будет ещё целый год. А до этого? Трусливо ждать, когда ситуация разрешится сама собой? Но что-то подсказывало: сама собой она не разрешится. Где-то сойдётся минус на плюс и будет либо короткое, либо долгое замыкание.

Выдержав паузу, он снова набрал номер Гордеевых, услышал на другой стороне провода дыхание Ани и, не дожидаясь ответа, выпалил:

– Аня, я хочу, чтобы ты знала, я люблю тебя, люблю больше всего на свете, больше музыки, без тебя вся музыка теряет смысл! Прости меня... – И теперь сам первый положил трубку.

Каникулы прошли в мучительной тоске. Изольда Матвеевна в эти дни уезжала на родину, куда-то в Поволжье, а это значило, что встреч в музыкальной школе не будет. Работать не хотелось, и за все эти дни Василий только пару раз сажился за инструмент, чтобы нехотя «проковырять» конкурсную программу. Пытался сочинять, но вдохновения хватило бы только на грустную колыбельную. Зато много и бесцельно слонялся по улицам посёлка, избегая встреч с кем бы то ни было. И много читал. За каникулы осилил книгу Георгия Свиридова «Музыка как судьба», которую привёз из Москвы отец. Гениальный русский композитор оказался ещё и гениальным мыслителем. Благодаря этой книге, Василий изменил своё отношение к хоровой музыке, к которой ранее относился весьма прохладно. Теперь специально выписал через Интернет несколько дисков с церковной музыкой и певческой капеллы Санкт-Петербурга, чтобы услышать хоры Свиридова на слова русских поэтов. После прочтения Свиридова взялся за программного Достоевского. Сначала пришлось заставлять себя идти через простую сложность другого русского гения, а потом захватило...

Аня не звонила. Зато один раз позвонил Брагин, спросил, не знает ли Василий, что с Анной, она сидит дома, от тусовок отказывается. «Не знаешь?», «Не знаю», «А сам чего сидишь?», «К конкурсу готовлюсь», «Ну, лады», – вот и весь разговор.

Неожиданное произошло в первый день занятий, которого Василий ждал почему-то как решающего. Какая-то едва уловимая, от сердца, не от ума исходящая интуиция подсказывала: что-то должно решиться. Откуда берётся такое знание?

После уроков, во время обычной толчеи у гардероба, Аня подошла к нему и спросила так, словно они расстались вчера:

– Вася, проводишь меня?

Рядом, как вечное наваждение, стоял, поигрывая ключами, Брагин:

– Да я подвезу, Ань.

– Нет, мы пешком.

В глазах его на секунду мелькнуло злое удивление, но он быстро взял себя в руки:

– Как хочешь. Сегодня вечером в клубе будет концерт. Банда какая-то выступает, из города приехали. Я заеду за тобой?

– Нет, не надо, не хочу я всю эту самодеятельность слушать, – с нескрываемым раздражением ответила Аня.

– Ну так, – скривился Виктор. – У тебя свой Маэстро есть! Да, Маэстро?

– Да, – спокойно ответил Василий, – но и на бокс дилетантов она бы не пошла.

– Ну-ну...

С этим «ну-ну» и пришлось уходить в неизвестность, спиной чувствуя вездливый взгляд соперника-партнёра.

– Хорошо, что ты тогда позвонил... второй раз, – сказала по пути Аня. – Мне так плохо было, а ты со своим дурацким вопросом. Я, правда, не знаю, зачем

я тогда так поступила. Взрослой себя посчитала. Теперь стыдно. Девчонки все про это рассказывают...

– Я ничего прекраснее в жизни не видел! – сколько мог вложил в голос убеждения Василий.

– Молчи! А то больше не увидишь! – смущенно, но с едва скрываемой улыбкой отмахнулась Аня.

Мир вокруг изменился: стал осмысленно возвышенным. Снова захотелось сесть за рояль и наполнить этот сияющий мир гармонией звука, выплеснуть переполнявшие чувства. Почти сразу зазвучала, пока ещё в подсознании, мелодия. Но сейчас у неё не было шансов прорваться в этот мир, рядом была Аня...

– Увидимся завтра, на репетиции, – сказала она на прощание у подъезда.

– Завтра обещают жуткий мороз. Я в Интернете смотрел.

– Ну ты же всё равно придёшь?

– Приду.

– Из-за музыки.

– Нет, потому что ты придёшь.

– Приду.

На том и расстались. И окрыленный Василий нёс на своей щеке легкое прикосновение губ Ани.

Дома же долго силился вспомнить мелодию, что звучала в нём, когда они шли по улице, но она исчезла безвозвратно, как многое из того, что уходит из нашего сознания в другие, неведомые миры, а может – к другим людям. Ведь бывает так: читаешь изложенные на бумаге чужие мысли, а кажется, что они твои собственные. Особенно, если изложены эти мысли талантливо. Или стоящий рядом с тобой человек произносит фразу, которую ты сам хотел сказать, но опоздал на какие-то доли секунды. А бывает: вы оба говорите – одновременно. Чаще всего такое бывает с влюбленными.

Вместо лирической мелодии «началась» «Пурга». Зато как! Нет, вдохновение – дар Божий, его не заставишь молчать! Правда, можно не обращать на него внимания, как на погоду: идёт дождь, ну и пусть себе идёт. Или погожий день за окном, а ты прожил этот день и ни разу красоте его не обрадовался.

6

– Здорово, – сказала Аня после похвалы Изольды Матвеевны.

На мгновение Василию показалось, что Аня ему завидует, но она так и сказала минутой позже:

– Вася, я тебе завидую, у тебя такой дар. Мне рядом с таким даром даже немного стыдно, что я инструменты мучаю. Но просто приятно быть рядом.

– Да, быть рядом, – многозначительно подхватила Изольда Матвеевна. – Быть музой – это тоже дар и, уверяю вас, даже более редкий, чем гениальность в любом искусстве или науке. Этот дар – дар терпения и самопожертвования.

И вдруг осеклась. Ученики смотрели на неё так, точно она вот-вот произнесёт пророчество, расскажет им всю их жизнь и любовь на сто лет вперёд. Изольда Матвеевна замолчала, выразительным взглядом ответила ученикам, потом сказала:

– Вообще-то талант существует чаще всего не потому, а вопреки. Но так как без труда он как неограниченный алмаз, то теперь давайте продолжать работать.

Аня, – твоя очередь. А ты, Василий, сегодня будешь помогать мне, попробуй слушать Аню критически, мне интересно: какие бы ты сделал ей подсказки. Может статься, твои окажутся точнее, чем мои.

– Да ну, что вы, Изольда Матвеевна, – искренне смутился Василий.

Из музыкальной школы они вышли после одиннадцати. Пурга ослабла, небо расчистилось, но звёзды отступили вглубь из-за огромной полной луны, что склонилась над верхушками сосен, как настольная лампа Бога. Эхом пурги по улицам катилась позёмка. Студёная тишина белой пустыней легла вокруг человеческого жилья, и каждый шаг по свежим сугробам будто рвал из неё клочки газетной бумаги.

– Поздно уже, может, не стоит меня провожать? – засомневалась на перекрёстке Аня. – Тут мне рукой подать.

– Мы можем ещё немного постоять в подъезде, – почти взмолился Василий.

– Ну ладно, пойдём, только, чур, недолго. – И взяла его под руку.

«Как получится», – усмехнулся про себя Василий.

– Я вот думаю, а если ты выступишь всероссийский конкурс, в чём я не сомневаюсь, то потом поедешь на международный. Выиграешь его...

– А потом?

– Ну... возьмут без экзаменов в консерваторию...

– Ты поступишь, будем вместе учиться.

– Мой папа данное высшее учебное заведение называет консервой. Представляешь?

– Да я слышал, студенты так же говорят. Ань, а ты будешь ждать меня из армии?

– Из армии? Но зачем тебе туда? Там можно... ты же талант можешь потерять! – Аня даже остановилась, тревожно всматриваясь в лицо Василия.

– Если я не пойду в армию, отец не поймёт. Ты знаешь, он у меня в Афганистане служил, у него награды есть, ранения. И мне до конца жизни будет стыдно, если я не отдам долг Родине.

– Вася, ты отдашь его музыкой, неужели ты не понимаешь? Ты только посмотри вокруг, сколько сейчас ребят всеми правдами-неправдами увильивают от службы.

– Косят.

– Да какая разница, как это называется?!

– Так и остаются на всю жизнь кривые-косые. Нет, я так не могу и не хочу. Причем постараюсь попасть не в какой-нибудь музвзвод, а в нормальные войска. У музыкантов, отец рассказывал, дедовщина жуткая. Да и играют они на разводах, парадах и на жмура...

– На жмура?

– Да, это на похоронах. А я терпеть не могу похоронных маршей. Заунывно нудная! Самому покойнику должно быть тошно. Но ты не ответила на мой вопрос: ты будешь меня ждать?

– Конечно, буду. – Аня остановилась и прижалась к Василию, будто он уже завтра должен был отправиться на службу. – Конечно, буду!

– Знаешь, Ань, мне вот сейчас кажется, что такого счастья даже быть не может.

– Какого?

– Такого, когда ты рядом, когда ты моя. Мне кажется, я тебя так люблю, что

мои чувства невозможно выразить ни словами, ни музыкой – ничем нельзя. Откуда такая любовь?

– Не знаю...

– Ань, я тебя спросить хочу, не обидишься?

– Попробуй, – лукаво улыбнулась и прижалась крепче.

– Вот если бы я не был пианистом, не победил на конкурсе, ты бы меня вообще заметила?

– Дурачок ты, Вася, – наигранно обиделась Аня, – заметила бы! У тебя в глазах, когда ты смотришь на меня, знаешь что?

– Что?

– Сама не знаю, как объяснить, но что-то огромное-огромное, светлое и доброе!

– А у Брагина?

– Тьфу, опять вспомнил!

– Забудешь тут, всё равно он где-то рядом.

– А у него, Вася, похоть. Ты спрашивал, в тот день, когда ты ушёл, что было...

Он почти сходу целоваться полез.

– А ты?... – Василий задержал дыхание.

– Я ему пощёчину влепила и сказала, что таким образом пусть подружек из своей компании обхаживает. Их можно даже не по одной, а сразу группой.

– Круто.

– Удивительно, но он понял. Сразу дал задний ход, разговоры умные повёл.

Они стояли у подъезда и входить в него не торопились. Обоим казалось, что нужно сказать ещё что-то очень важное и нужное. Сказать что-то такое, что поможет им остаться рядом навсегда. Может, немного циничный философ назвал бы это доказательством взаимности, которому необходимо длиться, дабы не допускать и малейшей возможности опровержения. Доказательства должны низываться одно на другое, разжигать костёр веры. Они торопятся, потому что нужно сделать запас веры друг в друга на время пусть даже недолгой разлуки.

Но, должно быть, уже проскакали на телеэкранах лошади ночных «Вестей». И на «Первом» отзвучали аккорды Свиридова, отбивая неумолимое время...

– Пора, уже совсем поздно. – Аня шагнула в подъезд, Василий механически двинулся следом, втайне надеясь удержать её там хоть на пару минут.

Когда они преодолели первый лестничный пролёт и повернулись лицом ко второму, пришлось остановиться. Сердце Василия дрогнуло, но потом пошло ровно и спокойно: чему быть – того не миновать.

Прямо посреди лестничного марша сидели Брагин и Вознесенский. Судя по количеству окурков и плевков под их ногами, сидели уже давно. Под ногами у Ани звякнула пустая бутылка из-под водки. А на площадке были разбросаны ещё несколько пустых жестянок от колы и пива.

– А вот и наши голубки! – оскалился Брагин.

Он был сильно пьян и, поднимаясь на ноги, пошатнулся.

– Маэстры, – сплюнул на пол Макс.

– Ну что, Вася, выходит, ты нарушил наше джент... джень... тьфу... соглашение. Нехорошо, Вася, не по-мужски. А что ты, Вася, по-мужски можешь? – Виктор шагнул на одну ступеньку ниже, упершись в Морозова презрительным взглядом.

– По соглашению выбор должна сделать я, – встала между ними Аня. – И я его сделала. Витя, ты ещё найдёшь свою даму сердца.

– А тебя вообще кто спрашивает? – высунулся из-за спины Брагина Макс.

– Аня, иди, пожалуйста, домой, – попросил Василий.

Больше всего он не хотел, чтобы драка происходила при ней. То, что она вот-вот начнется, не было никаких сомнений. Была ещё какая-то надежда на то, что Брагин пьян, но, похоже, злость его быстро отрезвляла.

– Иди, Аня, – снова попросил он, – иначе я себя уважать перестану окончательно.

– Иди, Гордеева, – опять-таки встрял Вознесенский, – Маэстро нам серенаду споёт.

– Ты хоть знаешь, что такое серенада? – спросила его Анна, проходя мимо.

– А нам сейчас Маэстро расскажет.

– Если вы не уйдёте, я позову отца, – предупредила Аня, нащупывая ключом замочную скважину.

– Аня, прошу тебя, не надо, – глухим не своим голосом сказал Василий, выдерживая взгляд Брагина.

– Сейчас я только скажу родителям и вернусь. Я провожу тебя, при мне они не посмеют...

– Аня, ты не понимаешь, что позоришь меня! – сорвался на крик Василий.

Брагин только скривил губы. Сплюнув на пол, под ноги Морозову, неизвестно к чему сказал:

– Мальчик хочет в Тамбов... – И когда дверь за Аней захлопнулась, ударил неожиданно и резко.

Василий почти сразу «потерялся», не устояв на ногах, слетел с лестничного марша на площадку и сильно ударился головой о стену. Сознание замутилось до тошноты. Зрение ещё полностью не восстановилось, когда следующие несколько ударов погрузили его в полную темноту... Успел только пожалеть об одном, что ни разу не ударил. И он уже не слышал, как Вознесенский, очень похожий в этот момент на шакала из мультфильма «Маугли», захихикал, взяв руку Василия:

– Ну что, проверим музыкальные пальчики? Пальчики-баянчики!

Он положил безвольную кисть на ребро ступени и со всей силы опустил на неё подошву берца.

Огненный фонтан прошил темноту перед глазами Василия. Дальше он уже не воспринимал происходящее абсолютно. И прежде чем озверевший Брагин вдруг замер, осознав происходящее, Вознесенский успел попрыгать на второй руке Василия, превращая кости в груды осколков. Остановить своего поделщика Брагин не успел. Всё это происходило не больше двух минут, наверху распахнулась дверь, на площадку вышел отец Ани.

– Дёргаем! – крикнул полоумно Макс, и Брагин на автопилоте рванул за ним, в два прыжка преодолев пространство до входной двери.

– Стойте, изверги!..

Они уже не слышали этих слов, как не слышал их и Вася Морозов.

В ушах у него совершенно неконтролируемо, но очень чётко звучала тема нашествия из Седьмой симфонии Шостаковича. Сколько это продолжалось, он не знал. Тема нарастала до пульсирующей боли, а когда Василию поставили укол, как-то незаметно и плавно перешла в «Болеро» Равеля, чтобы потом затихнуть совсем.

Музыка уходила...

На улице Брагин резко остановился и вдруг врезал хохочущему сквозь одышку другу. Макс сел в сугроб и, вытирая кровь с губ, оскалился:

– Витёк, ты чё?

– Ты ему руки сломал!

– Да он этими руками твою тёлку лапал!

– Без тебя бы разобрался! Ты обезбашенный, Возя, садист! – Брагин плюнул и пошел.

– А ты добрый, белый, пушистый и летаешь! Сам-то ему лампочку не хило стрёс! – крикнул обиженно вслед Вознесенский.

7

Василий окончательно пришёл в себя, когда хирург Сергей Иванович вместе с медсестрой Валентиной Ивановной гипсовали ему обе кисти. Первое, о чём подумал: «а как теперь ходить в туалет?» и нешуточно от этого расстроился. Не просить же кого-то расстёгивать ширинку! В голове словно был пластилин, который сам из себя чего-то лепил, отчего основательно поташнивало.

– О! Герой окончательно пришёл в себя. Как самочувствие? – улыбнулся врач.

– Не знаю, – честно сообщил Василий.

– Ну да, мало тут никому не покажется. Сотрясение плюс десять переломов! Все пальцы, кроме больших, и ещё лучезапястные! В каком гестапо ты побывал?

– Да тут недалеко, – попытался пошутить, но вдруг осознал самое главное. – Играть смогу?

– Футбол, хоккей, шахматы, теннис, подкидного дурака, преферанс – никаких проблем! Не сразу, конечно...

– На фортепиано?

Хирург замер, заметно растерялся. Профессиональную деловитость в глазах сменило сочувствие. Но он довольно быстро нашелся:

– Так это ты, Вася, наш колхоз на всю область прославил? Говорят, у тебя золотые руки...

– Я про ваши то же самое слышал.

– А! – подмигнул доктор. – Резать не клеить! Но ты нос не вешай. «Повесть о настоящем человеке» читал?.. Там лётчик Мересьев без ног летать смог.

– Читал, – скептически согласился Василий.

– И в отрицательном следует находить положительное. Десять переломов дают тебе освобождение от воинской строевой службы.

– Это меня как раз не радует.

– Ты что, не современный молодой человек?

– Выходит, так.

– Тогда тем более не имеешь права сдаваться. Валь, заканчивай, у меня там ещё клиент с рассечённой губой дожидается. Может, шить придётся. – Потом одобряюще посмотрел на Василия. – А одному ты, получается, врезал?

– Как врезал? – удивился Василий.

– Да сидит там у меня один... Вознесенский Максим Леонидович, дожидается, а по совместительству рассказывает участковому, как ты ему губу повредил, а Брагин тебе за это нанес несколько профессиональных ударов в голову, после

чего ты упал и поломал себе обе кисти и восемь пальцев. Как в том анекдоте: и так восемь раз. Так зацепил ты его?

– Хотел бы.

– Понятненько. Сейчас с тобой закончат, но вынужден оставить тебя в стационаре на ночь – всё-таки сотрясение. Мы тебя немножко покапаем, а утром посмотрим.

– А домой нельзя?

– Вась, тебя в полуобморочном состоянии вырвало, вон Валентине Ивановне досталось...

– Извините, – смутился Василий.

– Ничего, – только-то и сказала молчаливая медсестра.

– В коридоре сидят Аня и твои родители, ненадолго я к тебе их пущу.

– Спасибо, Сергей Иванович.

– Да не за что.

Странно, но в этот момент ему больше всего хотелось остаться одному. Возникло ощущение кардинальной перемены, после которой жизнь должна пойти уже иным руслом. Не было обиды или разочарования, требовалось просто свыкнуться с новыми обстоятельствами. Что произошло – то произошло, и, честно говоря, Василий вдруг понял, что ему стало легче. Легче потому, что, невзирая на случившееся, подспудно он осознавал свою победу. В том числе – над самим собой. Нужно было побыть одному, да не получалось.

Труднее всего оказалось успокоить отца, который обещал сломать руки обидчикам и их родителям. Метался по палате, выкрикивал ругательства, но Василий в ответ твердил своё:

– Папа, если ты вмешаешься, это будет не по-мужски.

Мать просто тихо всхлипывала и гладила его по голове. Наконец, их оставили наедине с Аней.

– Теперь я вряд ли стану великим пианистом, – грустно, но спокойно констатировал Василий.

– Ты думаешь, это что-то меняет? – Аня нежно касалась торчащих из гипса и покрытых белым налётом подушечек пальцев.

– Но ведь ты хотела меня видеть именно таким.

– Хотела, но ещё не всё потеряно. И это не самое главное. Твоя музыка позволила мне увидеть тебя. – Наклонилась к самому уху, обдав лицо чудным запахом своих волос: – Если ты меня такую бесталанную не разлюбишь, то я выйду за тебя замуж, за тебя, а не за твои таланты. Понимаешь?

Василий чуть не задохнулся от окатившей его нежности, неловко обнял Аню закованными в гипс руками.

– Я ни о чём не жалею, – прошептал он, – главное, что ты есть у меня. Знаешь, мне даже не верится, что счастье может быть таким огромным, оно не вмещается в сердце.

– А я только сейчас начинаю понимать... – Легко отстранилась. – Войдёт кто-нибудь, мне всего три минуты дали. Я просто зашла сказать...

– Я знаю.

И действительно, вошёл, правда, не кто-то, а совершенно конкретный участковый Фёдор Ильич Петренко. Усталый добрый майор милиции. С порога подмигнул ребятам:

– Прошу прощения, но мне тоже надо поворковать с Василием.

– Я пойду, приду сразу после уроков завтра. – Понимающе взглянув, Аня встала.

Василий театрально вздохнул. Мол, ничего не поделаешь.

– Заявление писать будешь? – сходу спросил Фёдор Ильич.

– Чем, дядь Федя? – кивнул на гипсы Василий.

– Я за тебя напишу. Фигуранты известны. Уж как-нибудь вдвоём закорючку-подпись поставим.

– Что это даст, дядя Федя? Даже если я соглашусь, дело всё равно замнут. Вы же знаете их родителей.

– Зря ты так, Вась, отец Брагина сам привёз его и сунул к нам в обезьянник. Но самое интересное, тот сам ему всё рассказал. Другое дело, что свидетелей нет. Вознесенский поёт, что ты ему первый въехал...

– Я знаю, всё произошло быстро, я выключился. Вот за это стыдно.

– Ты не обижайся, придётся взять у тебя кровь на содержание алкоголя.

– Пусть берут. Там всё чисто, – улыбнулся. – Изольда Матвеевна даже запаха не переносит, я себе сейчас представил, как я хотя бы с запахом пришёл на репетицию. Знаете, как она умеет одними глазами выражать своё презрение? Глянет – на месте сгоришь.

– Дело мне всё равно придётся заводить по факту, – сам себе сказал участковый. – А будет, чувствую, висак, как с мелкой кражей из ларька. Эх, тут же нанесение тяжких телесных... А свидетелей нет. Хреново, Вась.

– Да уж, – согласился Василий.

Рано утром в палату ворвалась Изольда Матвеевна, стряхивая с себя сонную медсестру:

– Почему я в этой деревне узнаю всё последней?! Не останавливайте меня, я должна его увидеть.

Увидела – и тут же зашлась навзрыд. Жалостливо поджала свои тонкие выразительные губы, и вся затряслась от рыданий.

– Да что же это делается?! Изуверство какое! Васенька, бедный! Ты только не расстраивайся, мы ещё выйдем на большую сцену. – Верила сама себе или нет?..

– Изольда Матвеевна, не плачьте, а то я тоже сейчас разревусь, а мне нельзя.

Эти слова ученика немного привели её в чувство, хотя слёзы бежать не перестали. В первый раз Василий видел, как его учительница безоглядно выражает свои эмоции.

– Вася, – продолжала причитать Изольда Матвеевна, – ты не переживай, этот случай всего-навсего бемоль. Временное понижение тона.

– Мне вчера Сергей Иванович про лётчика Мересьева напомнил, – понимающе улыбнулся Василий. – Только, я думаю, это не бемоль, Изольда Матвеевна, это бекар. И ниже уже нельзя, и выше дорога закрыта. То есть – ищи третий путь. Я, конечно, буду очень стараться, Мересьев без ног летал, но, мне кажется, асом не был...

– Вась, ты чего такой не по годам умный?! – вспыхнула Изольда Матвеевна. – Ты сам, как бекар! Ни выше, ни ниже! Ты мне это брось!

– Да ничего, Изольда Матвеевна, самое главное любовь к музыке, которой вы меня научили. Это навсегда, а если пострадает техника – сочинять я всё равно смогу.

– Сможешь, – утерла мокрым насквозь платком последнюю слезу учительница, – ты только не сдавайся. Аня как?

– Ночью у меня была.

– Ну и прекрасно, прости, что я так раскисла.

– Я знаю, вы очень на меня надеялись.

– Да я не надеялась, я точно знала... Уже продумывала программу для международного конкурса в Польше. Ах, как бы ты их удивил своим Шопеном. Они бы узнали, что такое по-русски мороз по коже... Нет, Морозов по коже!

Она так сказала, точно Шопен был близким другом Василия.

– Через сколько тебе снимут гипс?

– Сергей Иванович сказал, дней сорок. Потом надо будет руки разрабатывать. Надо мячик для большого тенниса. – Посмотрел на руки. – Два мячика и два эспандера.

– Я поеду в город, хочешь – привезу? Да о чём я, привезу да и всё!

– Спасибо, Изольда Матвеевна.

На глазах её снова выступили слёзы, но в этот раз она справилась с собой. Встала, одернула юбку, глянула в маленькое зеркальце из косметички, хмыкнула на опухшие веки и нос и уже с порога подчеркнула:

– Бекар так бекар, Вася, это всего лишь временный знак! Главное – общая гармония. А знаки просто так не ставят!

Следующим гостем в палате стал отец Алексей. Его увидеть Василий никак не ожидал. Отец Алексей появился в посёлке недавно, после того, как всем миром восстановили церковь. Был он молод и худощав, а выходящая русая борода была реденькой и несерьёзной. Зато добрыми и пронзительными были серые глаза, и взгляд был такой, точно у человека за плечами целая жизнь. Несколько раз он приходил в школу, разговаривал с ребятами и учителями. Интересно, что раньше некоторых учеников водили к психологам, а теперь – к священнику. Но Василию близко с ним сталкиваться ещё не приходилось.

– Позволишь? Я тут прихожанку соборовал в соседней палате, решил и тебя проведать.

– Проходите.

– Ты можешь называть меня отец Алексей, а можешь просто – батюшка, как тебе покажется правильнее.

– Батюшка? А вы такой молодой.

– Что ж, на Руси так принято, тысячу лет это никого не смущало. А русский язык не только самый красивый, но и самый точный.

Василий так и не знал, как ему лучше называть отца Алексея, потому немного смущался.

– Вы, наверное, пришли, чтобы я не отчаивался, но я не отчаиваюсь.

– Я пришёл, потому что твоя история очень похожа на мою.

– Вот как?

– Да-да, – располагающе улыбнулся священник. – Но сначала расскажи мне, как ты оцениваешь то, что с тобой произошло. Мне известно, что Бог одарил тебя большим талантом музыканта и даже композитора, о твоей победе на конкурсе весь посёлок говорил.

– Было, – согласился Василий, – а теперь уже и не знаю, что от этого останется. Знаете, батюшка, – так называть священника ему захотелось больше: ближе, что ли, человек становился; – все, что со мной произошло – из-за любви

к девушке. Но она ещё одному парню нравилась. Он меня на год старше и сильнее. Боксёр. Кандидат в мастера спорта по боксу. Честно говоря, я сначала его боялся и чуть было не сдался. А вот теперь лежу битый, но мне всё равно кажется, что я победил. Потому что свою силу он, в общем-то, от слабости применил. Обидно, конечно, что я не могу ему, как следует, сдачи дать, но, получается, и он ничего не добился. С ним друг был. Кажется, это он мне руки сломал. Смутно всё помню. Участковый приходил, я не стал на них заявление писать. Жалко, конечно, что на конкурс не поеду. И больше всего почему-то учительницу мою жалко, Изольду Матвеевну, она столько сил в меня вложила, столько надежд, всё напоминала: руки береги... считала, что я запросто поступлю в консерваторию, без колледжа, на фортепианное отделение.

Василий замолчал, собираясь с мыслями, священник внимательно слушал. Почему-то захотелось рассказать ему всё без утайки. И Василий начал заново, с первого сентября. И когда дошёл до сегодняшнего дня, сам собой возник вопрос:

– Вот вы говорите, батюшка, Бог мне дал талант. Ещё я слышал, что зарывать талант нельзя. Притча есть такая, что слуга, который зарыл свой талант, его не преумножил, получается, не преумножил то, что ему было дано.

Священник кивнул.

– Тогда почему Бог позволил у меня этот талант забрать?

– А ты помнишь, как в притче? Таланты – это такие деньги были. Причем очень большие. Золото и серебро в талантах измерялись. Так вот, двое других слуг свои таланты вложили в дело и удвоили их. Как ты правильно говоришь, преумножили. Но могло ведь повернуться и так, что дело не выгорело, и прибыли бы не было, и талант бы был растрочен. Могло?

– Могло, – согласился Василий.

– Итак, первое: Господь каждому даёт ту меру таланта, которую он может вместить. Поэтому: одному – пять, другому – два, третьему – один. И с каждого спросит за данное. И каждому даёт согласно его способностям. И важно не струсить, пойти на разумный риск, чтобы преумножить эти таланты, а не сидеть над ними, как Кощей над золотом. Вспомни слова своего отца о трусости. Очень правильные слова. Ты не закапывал свой талант, но и не ценил его. А кое в чём проявил малодушие. Та же история с котом. Так вот, Василий, до поры до времени у тебя шло всё, как по маслу. Так? Всё давалось легко, и не с легкой ли иронией ты смотрел на упорный труд твоей возлюбленной? То, что тебе давалось легко, она постигала с огромным трудом.

Василий потупился, он только что рассказал об этом сам, но другими словами.

– И ты полагал, что так будет всегда, – продолжал отец Алексей. – Ценил ли ты в достаточной мере, что было тебе дано? Помнил ли ты о том, Кто тебе это дал или ты горделиво полагал, что тебе это и так положено? И ещё вот о чём вспомним: Брагину тоже дан был талант, пусть не в искусстве, пусть в спорте. И вот два ваших таланта пересеклись. За то, как он употребил свой талант, он сам и ответчик. Господь дал, Господь спросит, и уж понятно, что не Он вёл руку Брагина, наносящую тебе удары, а неправильно понятая Брагиным высшая свобода да бесы, которые под той рукой тут как тут. Но мы вернёмся к твоему дару. Твоему таланту выпали испытания, как выпали испытания твоей любви. Правильно?

Василий согласно кивнул. Теперь он уже опережал мысль батюшки. Он уже всё понял, но продолжал вежливо слушать.

– Любовь испытание выдержала и стала прочнее, так?

– Значит, испытание таланта тоже должно принести свои плоды! – не выдержал Василий.

– Да, я в это верю. Когда я учился в семинарии, нам рассказывали интересную историю из жизни Сократа. Этот греческий философ жил задолго до Рождества Христова. Однажды в день рождения этого философа к нему пришли его ученики, и каждый принес ему что-то в дар. Но один ученик был настолько беден, что не имел ничего и, пока шло поздравление Сократа, сидел, понурясь. Он встал самым последним и сказал: «Дорогой наставник! Ты знаешь, что я нищий, мне нечего дать тебе. Единственный мой дар – я отдаю тебе самого себя как раба. Делай со мной, что хочешь!». И Сократ сказал: «Это самый драгоценный для меня дар. Я принимаю его, но лишь с тем, чтобы вернуть потом тебя самому тебе в еще лучшем виде!».

– Здорово! – восхитился Василий. – Обязательно расскажу всё это Изольде Матвеевне! И Ане... Можно?

– Можно. Только помни о том, что понимание слов раб Божий разнится от принятого в обществе понимания слова «раб». Быть рабом Бога – это счастье и надежда. Если бы мы могли принадлежать Господу всем умом, всем сердцем и душой! Если мы не рабы Бога, значит – мы рабы этого мира, рабы дьявола, рабы собственного эгоизма. И тут как раз важно, чтобы Господь не прогнал нас во тьму, как недостойных рабов. Помнишь конец притчи о талантах?

– Да. Знаете, батюшка, я, честно говоря, читал только детскую Библию.

– Значит, настало время взять в руки, пусть и такие, – он улыбнулся, глядя на гипс, – Священное Писание. Я вот каждый день понемногу читаю. Это как родниковой воды испить, как чистого воздуха глотнуть.

– Но вы сказали, что моя история похожа на вашу? Расскажите!..

– Представь себе, что в школе я занимался парашютным спортом, удачно всё складывалось. А вообще я мечтал поступить в Рязанское военное училище воздушно-десантных войск. Слышал о таком?

– Слышал.

– И поступил! И всё было хорошо...

– Как по маслу?

– Точно. Но уже на третьем курсе во время одного из тренировочных прыжков я неудачно приземлился, повредил позвоночник. О дальнейшей службе не могло быть и речи. Никакое лечение, никакие тренировки не помогли бы. Точка, и всё! Ни про какого Мересьева врачи и слышать не хотели. Честно говоря, я тогда думал, что жизнь моя на этом кончилась. Мечта в буквальном смысле разбилась о землю.

– Да... не позавидуешь.

– Не знаю, сколько бы продлилось моё безысходное отчаяние, а самое главное – я не понимал, почему так произошло именно со мной? Были ребята, у которых всё получалось много хуже, чем у меня. А они могли вновь и вновь подниматься в небо, с гордостью нести службу и называть себя десанниками. А я вдруг оказался на обочине. – Отец Алексей на минуту замялся, снизил на полтона: – Только тебе скажу, никому не скажешь?

– Никому.

– Я тогда неумеренно пить начал. Это у русского человека блажь такая – горе заливать. Но было ли горе-то? Так вот, преподавал у нас один легендарный подполковник. Он побывал на всех войнах, которые, в том числе, называют локальными конфликтами. От наград у него левый борт кителя перетягивало. И когда я собирал уже вещи ехать домой, он пришёл ко мне и сказал: «Знаешь, Алексей, самое страшное в жизни это не то, что произошло, это когда не знаешь, почему. Я столько похоронил товарищей, что всякий раз, когда я думаю, что мне плохо, я вспоминаю их близких: жён, матерей, детей. И мне становится стыдно, потому что им хуже, чем мне. Однажды я услышал одну важную мысль, которая теперь всегда со мной. Говорят, есть три главные тайны: когда мы умрем, от чего мы умрем, и где мы будем после смерти». «Где вы это услышали?» – спросил я. «На проповеди», – ответил он. «Вы что, верующий?». «Конечно, – удивился он моему вопросу, – как же можно выбирать работу, на которой каждый день нужно быть готовым умереть, и не быть верующим? А знаешь, что слово «служба» лучше всего соответствует только двум профессиям: военной и священника?». Так, Василий, я оказался в духовной семинарии... А бекар – это ты интересно придумал... Ниже нельзя и вверх. Я разовую твою мысль – вверх можно, но только согласно предписанной гармонии. Кажется, я не нарушил правил музыки, применяя их к правилам духа?

– Нет! Всё точно! У меня даже рифма родилась: если есть Икар – будет и бекар! Я бы так не смог мысль подвести и сказать.

– Смог бы, просто нужно немного опыта.

– Мой отец воевал в Афганистане, и когда мы приезжаем в город, он всегда идёт в церковь и заказывает там молебен за упокой. И всегда жалеет, что не все его погибшие сослуживцы были крещены. Он рассказывал, что сам крестился после войны, когда вернулся домой. А вы молитесь за тех, кто когда-то с вами учился?

– Обязательно. И за победу, и за упокой. Некоторые из моих друзей уже погибли на Кавказе. И не только за них, а за всё российское воинство надо молиться.

– Хорошо, что вы пришли, – признался Василий, – мне намного легче стало. Теперь не кажется всё таким бессмысленным.

– Вот и Слава Богу, а мне ещё надо с соперником твоим повстречаться. Ничего не имеешь против? – вопросительно вскинул брови отец Алексей.

– Нет, да и как я могу возражать. Может, ему даже нужнее, чем мне.

Соперник пришёл в этот день последним, когда Василий всеми правдами и неправдами отпрашивался у Сергея Ивановича домой.

Брагин хмурой тенью нарисовался в палате, молча сел на табурет у кровати Василия. Прежде чем сказать что-либо, он сидел некоторое время, опустив голову. Так и начал говорить в пол:

– Вась, я так не хотел. Участковый сказал, что ты не стал писать заявление, хотя Гордеевы готовы выступить свидетелями. Отец мне выговорил, что заступаться не будет... Короче, можешь сломать мне руки. Вот. – И в подтверждение он вытянул вперёд руки, кончики пальцев заметно подрагивали.

– Вить, ты же знаешь, что я этого делать не буду, – ответил Василий.

– Да, стрёмно получилось. Я себя таким дерьмом чувствую. Макс тоже хотел прийти. Но его отец запер. И правильно. Самое поганое то, что ничего исправить нельзя. Отец мне сказал: никаких тебе институтов, пойдёшь в армию. Я думаю, правильно. А тебе что врачи говорят: сможешь играть?

– Они не знают. Наверное, так, как играл, уже не смогу. Буду сочинять. И буду много работать.

– Слышь, Вась, если чем надо будет помочь, можешь в любое время на меня рассчитывать.

– Ладно.

Снова повисла неловкая тишина. В какой-то момент Василию вдруг показалось, что это не Брагин ему, а он Брагину изломал жизнь. Даже совестно стало. Не такое ли чувство выгоняло русских женщин на улицы, когда мимо шли этапом колодники. И подавали им еду или одежду – кто что может, хотя вчера каждый из этих угрюмых, закованных в цепи людей, мог вынести всё вчистую из их небогатого дома, ударить ножом или топором, изнасиловать... Надо спросить об этом у отца Алексия.

8

В июне Василий уже мог играть токкату и фугу ре-минор Баха, не очень ровно, но уже цельно. Руки, как раньше, не летели, более того, некоторые пассажи он мог исполнять, преодолевая боль. Между делом он мял в руках теннисные мячи, которые привезла Изольда Матвеевна, и кистевые эспандеры, что привез из города отец. Невзирая на предоставленную директором отсрочку, он пошел сдавать выпускной экзамен в музыкальной школе по специальности. Отыграл так, как это мог сделать любой среднестатистический ученик, но ему поставили явно завышенную «пятёрку», хотя все, и, в том числе, Василий, понимали: это за прежние заслуги. Зато после обязательной программы он порадовал и учеников, и преподавателей двумя новыми произведениями: сонатиной, которую написал специально, чтобы разрабатывать руки, и фортепианным ансамблем, который они исполнили в четыре руки с Аней.

Аня тоже сдала на свою заслуженную «пятёрку». Теперь им оставалось главное: окончить общеобразовательную школу. Изольда Матвеевна продолжала заниматься с обоими. Василий нацелился на теоретико-композиционный факультет, Аня – на фортепианное отделение.

В июле Морозовы и Гордеевы, внимая просьбам детей, вместе поехали на юг. А остаток лета Василий ходил к отцу Алексию, чтобы поближе познакомиться с церковным пением.

Поздней осенью пришло письмо от Брагина, который лежал в ростовском госпитале после ранения, полученного на Кавказе. Сам он писать не мог, поэтому за Виктора это сделал сосед по палате.

«Здравствуй, Василий! У меня всё хорошо. После учебки попал в разведроту, а это очень почётно. Правда, повоевать толком не пришлось, да и реальных боёв теперь не так много. Не поверишь, к нам сюда приезжала группа «ДДТ» и Юрий Шевчук. Хорошие ребята, настоящие мужики. Они уже не в первый раз приезжают. Дали концерт. Знакомые песни подпевала целая дивизия. Слышал ведь: «что такое осень?..» А вокруг, действительно, осень! А когда он пел «это всё, что останется после меня», пацаны даже плакали. Были и новые песни. Классно! Говорят, ещё приедет «Любэ». А я сразу вспомнил про тебя и твою музыку. Знаешь, здесь даже классику бы слушать стали, я представил, как бы ты мог здесь сыграть и все наши парни тебе бы аплодировали. А я бы гордился.

Даже если ты мне не ответишь, хочу, чтобы ты знал, почему это письмо пишет под мою диктовку мой сосед Вадик. Рядом со мной взорвалась мина, и я получил осколочное ранение. Самое интересное, что два осколка прошли насквозь ладони, а один засел в черепашке. Из-за этого осколка и придётся здесь ещё поваляться. Ребята, глядя на мои руки, смеются, а я вспоминаю ту злополучную ночь. Наверное, теперь мы точно в расчете, хотя ты, я это знаю, зла не держал.

Кстати, а Макс сейчас в экономическом колледже. Замутил какие-то дела, уже купил себе тачку. Даже фотографию прислал. Странно, но у него всё хорошо. И – с руками, и – с головой. Но, может, так и должно быть?

Ане от меня огромный привет. Если бы мне сейчас писала сюда письма такая девушка, я был бы самым счастливым человеком на свете. Ну вот вроде и всё.

Хотя нет.

Хорошо, что я попал сюда, отсюда жизнь выглядит совсем по-другому. Если с руками и головой всё будет в порядке, попробую поступать в военное училище. Чувствую, это моё. Так что – держись, Маэстро.

Мл. сержант Брагин».

КАК МЫ ВЫБИРАЛИ ПРЕЗИДЕНТА

Рассказ

Мартовский день выдался определенно теплым, и я, посоветовавшись со своим расположением духа, взял паспорт и решил выполнить свой гражданский долг. Выборы президента хоть и не каждый день, но вместе с другими всевозможными избирательными кампаниями примелькались. Поэтому путь к избирательной урне по талому почерневшему мартовскому снегу отнюдь не представляет собой радостное шествие благополучных граждан (которых еще и поискать надо), а больше похоже на вялотекущее стечение усталых зомби с единственной мыслью в голове: хоть мой голос ничего и не решит, но пусть ТАМ кто-нибудь будет, раз так нужно. Авось, выживем.

На крыльце избирательного участка, блистающего на фоне общей серятины свежесшитыми триколорами, я встретил друзей детства, обитающих в том же дворе, но где-то в другой жизни. Каждый – в своей. Наверное, я стал тем детонатором, который дополнил боекомплект, потому что, поочередно поздоровавшись со мной, они, не сговариваясь, выпалили терзавший каждого по отдельности вопрос: «Ну, за кого?!».

– Ни за кого, как всегда, – разочаровал их я.

– Зря ты так, Сергей, – с укоризной заметил мне Андрей Бобров, инженер одного из умирающих заводов, – нужно определиться! Страна в развале...

– Я вот, например, за Зюганова! – нетерпеливо отпарентовал бандит Игорь Климин.

И пусть это никого не удивляет. Бандит ныне такая же обыкновенная профессия, как, скажем, менеджер или специалист по лизингу и консалтингу. И как во всякой профессии, специалист бывает хорошим или плохим. Игорь являлся хорошим бандитом, в том смысле, что простых и добрых людей не обижал, с соседями жил душа в душу, имел кодекс чести Робина Гуда и так же, как большинство бывших советских граждан, даже от новой «профессии» больших барышей не нажил. Но было все-таки как-то удивительно, что он собирается голосовать за Зюганова, обещающего раз и навсегда покончить с криминализацией страны.

Ему попытался возразить наш участковый Миша Болдырев:

– Порядок сможет навести только «Единство», оно же «Медведь»...

– Это потому что там мент, ты за них и голосуешь в добровольно-обязательном порядке!.. Вам не президент, а презимент нужен!..

Климин хотел еще что-то возразить, и, наверное, по старой дружбе назвал бы Мишу «мусорком», но я не позволил ситуации выйти из-под контроля:

– Не, мужики, тут без бутылки никак не разобраться.

Минуто в жующем снег и чавкающем ногами избирателей пространстве висело рожденное нами безмолвие. Это был вынужденный тайм-аут, во время которого каждый взвешивал, может ли он убить день, начав выборы президента с поклонения Бахусу. При этом в расчет бралось все, вплоть до детальной реакции жен и фраз типа: «донавыбирался!». Но возразить предложению попытался только Андрей Бобров, супруга которого одной фразой вряд ли ограничится.

– А нас в подогретом виде на избирательные участки пустят?

– Еще и бюллетени на блюдечках с голубыми каемочками принесут и специальные розовые очки выдадут, чтобы мимо квадратиков не промахнулись, – успокоил его капитан Болдырев.

Через десять минут мы уже сидели в ближайшем кафе, продолжая предвыборную кампанию в обществе четырех рюмок, двух бутылок «столичной», нескольких бутербродов и грустно-капустных салатов.

– И все же, мужики, я считаю, – ожил, разливая горячительное, инженер Бобров, – только знающий дело Примаков может навести порядок в нашем общем доме. Ведь не зря же маразмирующий Ельцин снял его с поста премьера в самые напряженные для страны дни.

– У нас с семнадцатого года всё, как в первую брачную ночь, напряженное, – хохотнул Болдырев.

– Фигня, – начал, было, Игорь Климин.

– За единство! – поднял я тост, чтобы не позволить ситуации накалиться.

– За какое? – спросили все, кроме Болдырева.

– Тьфу, – осознал я свою оплошность, – за наше с вами, конечно. Остальные единства и множества меня не волнуют.

– А-а... – согласились мужики.

– Сколько же мы не собирались вместе, в натуре? – спросил Игорь.

– Да, пожалуй, с того самого девяносто первого года, когда стране капут пришел, – загрустил Миша.

– Восстановим справедливость? – налил я по второй.

Вторая и третья из-за осознания торжественности момента прошли в полном молчании, под одобрительный хруст капустного салата. Но размоченная водкой жажда справедливости и политического просвещения «темных и одураченных» масс просилась наружу.

– Я уже больше никому, кроме Зюганова, не верю, – разбил тишину Игорь. – Уж пусть лучше все будет так, как было десять-пятнадцать лет назад.

– Назад пути уже нет! Так не бывает! Зато посмотрите, как начал операцию в Чечне Путин! – не выдержал Болдырев.

– Начал к началу избирательной кампании, хорошо, если она закончится к началу следующей избирательной кампании. Вот подожди, он еще и Березовскому с Гусинским страшилки покажет, но дальше этого не пойдет, – спрогнозировал Бобров.

После произнесения вслух двух последних фамилий вся наша компания язвительно поморщилась. Пришлось наливать по четвертой, открыв вторую бутылку, чтобы запить оскомину.

– Коммунисты – верняк! – утвердил Климин. – Зюганов хотя бы на серьезного мужика похож. Говорят, он даже докторскую диссертацию сам написал.

– А Примаков ГРУ возглавлял!

– А Путин ФСБ...

– Народ, разделившийся сам в себе, погибнет, – вставил я.

– В смысле?... – остановились мужики.

– В прямом, это не я сказал, это из священного писания. Разделять и властвовать – дело сатаны. А что сейчас происходит за этим столом? Чем сейчас заняты некогда единые советские граждане, бывшие пионеры и комсомольцы?

– Я комсомольцем никогда не был, – поправил Климин. – Ты-то, Серый, за кого, я никак врубиться не могу. Наливаешь часто, а молчишь.

– Он у нас монархист, – ответил за меня Андрей.

– За царя, что ли?

– Что ли...

– Не, ну ты, Сергеич, поделись соображениями. – Игорь подмигнул барменше, чтобы она подтянула на наш стол еще одну поллитровку, дабы процесс имел достойное продолжение.

– Начну с того, что в 1917 году был нарушен естественный ход истории...

– Ну, знаешь, неужто ты будешь утверждать, что восемьдесят лет мы жили неестественно? – перебил Бобров.

– Как извращенцы? – ухмыльнулся Миха.

– Вовсе нет, я в другом смысле...

– Ну вы, в натуре, мужики, не перебивайте, – вступился Климин. – Давай, Серый, про самодержавие. Я со школы помню только про тюрьму народов и кровавый царизм.

– Да все просто, – опять начал я, – каждые четыре года мы теперь обречены выбирать президентов, так?

Все кивнули, опрокидывая по шестой.

– А они обречены рассчитывать за свои предвыборные кампании, да и вообще нормальному человеку не под силу выставить свою кандидатуру, согласны? Получается, избирательное равенство избирательно...

– Ни фиги себе, масло масляное, – задумался Климин.

– Более того, каждые четыре года страну будет лихорадить в зависимости от направления политики того или иного кандидата, его человеческих и деловых качеств, а также от подергиваний кукловодов, от которых он так или иначе зависит.

– Кто ему бабки отваливал? – не удержался Игорь.

– И отваливает, – согласился Болдырев.

– В США, например, власть, как мячик, перекидывают две партии, номинально, а фактически она остается у одних и тех же людей. Но средним американцам эта игра нравится, потому что им обеспечивается средний по их меркам образ жизни. По нашим же – запредельный... Все потому, что американцы со всего мира тянут на себя одеяло, именно этим занято их государство. Поэтому тамошний безработный может жить лучше, чем наш работяга.

– В натуре...

– Короче, Америка паразитирует на теле планеты. Это аксиома, доказывать ее надо только полным идиотам.

– Но, Серый, тогда почему вся эта ушлая экономика на их баксах держится? – развил сомнение Игорь. – Значит, они умнее нас...

– Умнее и хитрее – разные понятия. Те же доллары, если их со всего мира собрать в одну кучу и всю эту кучу в одночасье предъявить Соединенным Штатам, то можно будет у них купить не только все, что у них над землей есть, но и метровый слой почвы со всего континента. Вся хитрость в том, что доллар стоит три цента, как полоска бумаги с рисунком. Доллар – это миф, такой же миф, как и вся мировая экономика.

– Ясно, нам от мировой цивилизации, стало быть, не обломится. Давай про самодержавие, и выпьем за вас с нами и за хрен с ними. – Болдырев налил по седьмой.

Дальнейший счет вести уже было невозможно.

– Я не буду ничего говорить про тысячелетние традиции монархического управления, сложившиеся в России. Не буду сравнивать темпы экономического развития, хотя они будут не в пользу большевиков и нынешних демократов. Не буду говорить об огромной роли Православной церкви, хотя надо бы... Просто не хочу все...

– В чем?

– За бутылкой об этом не говорят.

– А-а...

– Я вам, мужики, как детсадовским, на пальцах все объясню, только не обижайтесь.

– Валяй.

– Итак, царь. Рождается наследник престола, он уже наделен властью, регалиями, богатством. То есть ему не надо кому-то чего-то доказывать, дать наворовать команде, он ничего никому не должен. Он получает лучшее в стране воспитание и образование. С детства его воспитывают как будущего отца нации. Отца народа.

– Как Сталин, что ли?

– Вроде того, только нежнее. Ему не придет на ум ставить эксперименты над своими детьми. Ко всей России он относится, как к собственному Дому. И всю свою жизнь, прекрасно понимая, что этот Дом достанется в наследство его сыну, он улучшает его, делает светлее, расширяет при первой же возможности, рачительно следит за хозяйством...

– А ведь правда!

– И ему даже в голову не придет, что задний дворик этого Дома или флигелек можно кому-то отдать, даже если этот кто-то назвал себя младшим братом и он-де тоже строил этот дом. Он соседям даже коврик на пороге не уступит. И он также прекрасно понимает, что о домочадцах надо заботиться и держать их в узде, иначе они от обиды или по пьяному буйству начнут бить окна и друг друга. Его воспитывают так, что он несет ответственность за эту страну перед Господом Богом! Кому-то ныне покажется данное утверждение смешным и малозначимым, но сто лет назад на нем держалась целая страна. Народ видел в царе Помазанника Божия, царь видел в них своих детей.

– Что-то я помню со школы, – озадачился Андрей. – Православие, самодержавие, народность...

– Совершенно верно.

– Слушай, Серега, все это, в натуре, как правда. Просто, блин, и понятно. А чем тогда в семнадцатом году не хватало? – Климина разобрало.

– А чего сейчас не хватает? – ответил я вопросом на вопрос.

– Вот этим «не хватает» постоянно пользуются политические проходимцы, – согласился Болдырев.

– Легче пообещать рай на земле, чем сказать откровенно, что путь может быть только долгим и трудным, особенно через наши снега и непролазную грязь, – взгрустнул Андрей.

– Просторы, – добавил я.

– Но ведь на царя сейчас никого не разведешь, даже кулаком не вдолбишь, – сомневался Игорь. – А то были и плохие цари. – Он пристально посмотрел на меня.

– Тогда назови хоть одного хорошего генерального секретаря или президента? Чтобы при нем все жили более-менее счастливо, люди не гибли на улицах, войн

не было... – возразил я. – А вот если сравнить с царями, то цифры будут в пользу самодержцев. История не девочка, ей не эмоции нужны, а факты.

– Вот, блин, безысходность какая-то! – отчаялся Игорь и заказал следующую бутылку.

Над столом повисла унылая тишина. Друзья моего детства прокручивали сомнения по поводу выбранных ими кандидатур и сравнивали их с жидкими школьными знаниями о русских царях. Как-то легко да под пьяную лавочку я разрушил их стройные политические убеждения.

– Как ты это в самом начале сказал? – наморщил лоб участковый.

– Народ, разделившийся сам в себе, погибнет.

– Выходит, мы все полные идиоты? Иваны, не помнящие родства?

– Выходит.

– А я никогда в эти избирательные системы не верил! Так, по инерции ходил голосовать.

– Ты сам-то за кого голосуешь все эти годы? – хитро прищурился на меня инженер.

– Ни за кого, с тех пор, как осознал то, что сейчас вкратце изложил вам. Не беру грех на душу. Так и Антихриста можно выбрать.

– О-о-о...

– Ё-ё-ё...

– Сгущаешь ты, Серый, дышать грустно...

– Давайте еще по одной.

– Сыночки, на хлеб не подадите, милые? – К столу подошла старушка – Божий одуванчик, коих сейчас тысячи бродит по Руси с сумой и тростью...

Каждый из нас молча достал допустимую для милостыни наличность. Получив ее, старушка перекрестилась, попросив у Господа для нас здоровья, но уходить не торопилась.

– Я вот пирожок в сторонке кушала да вас слушала, – заговорила бабуля, внимательно заглядывая каждому из нас в глаза. – Простите меня, старую, но, может, немного и меня послушаете. Я непридуманное скажу.

– Валяй, мать, – великодушно разрешил Игорь, – нам все равно еще чего-то не хватает. Я чего-то голосовать нынче раздумал.

– Я тоже лучше свой голос еще соткой граммов залью, – поддержал Болдырев.

– А мне жена все равно избирательный бюллетень на больничный поменяет, – махнул рукой Бобров. – Она, по правде говоря, у меня и за президента, и за премьер-министра, и все силовые структуры в одном лице...

Мужики улыбнулись, зная проблемы Андрея еще со студенческих времен, когда его жена Лена стала делать из него талантливого инженера, захлопывая двери перед нашими нагловатыми лицами.

– Фигня, Андрюха, этот парламентский кризис у тебя только на пару дней, во вторник подашь апелляцию, и все утрясется. А не утрясется, пригрозил процедурой импичмента, – подбодрил Болдырев.

– Не путай эмансипацию с инаугурацией, – буркнул Бобров.

Бабуля между тем, ласково улыбаясь, терпеливо ждала, когда закончится предварительная вечерняя поверка. Когда все замолчали, посмотрела на всякий случай и на меня, но мне нечего было сказать. Я принадлежал сам себе.

Климин во время вынужденной паузы докупил еще одну бутылку для поисков

истины, а также тарелку, с верхом наполненную бутербродами, которую поставил поближе к старушке.

– Я разговор ваш слушала, а сама про свою жизнь думала. Прадед у меня из крестьян в заводчики и купцы выбился, а дед уже имел дворянское звание. Было у него два сына, один из них, стало быть, мой отец. Когда гражданская война началась, мой отец за красных пошел, а брат – за белых. Мать рассказывала, что перед самым концом войны они встретились. Где-то в Крыму. Убивать друг друга не стали, но разговор меж ними крепкий состоялся. Белый поручик сказал тогда в сердцах красному командиру, что тот нарушил присягу, предал Родину, а народ обманут горсткой безбожников-сатанистов. Мой-то отец посмеялся над ним, и пожелал ему помирать в полной безвестности на чужбине без того самого народа, а тот и говорит: подожди, мол, посмотрим, как ты помирать будешь. И сказал еще, что в России все равно если не белый, так красный царь будет, и все вернется на круги своя. Но раз уж научились у нас царей свергать, то так до скончания веков и будет, пока не вернут венец Помазаннику Божию. На том и расстались...

Я-то в двадцать четвертом родилась, а отца в тридцать седьмом арестовали, припомнив и о происхождении его, и брата белогвардейца не забыли. И более мы его с мамой не видели. Вот тогда она мне и рассказала разговор двух братьев и велела всю жизнь помнить, чтобы узнать, кто из них прав.

Маму арестовали через год после отца. А меня определили в детдом. Тамошний директор быстро поменял мне имя и фамилию, на что я сначала обижалась, но только потом поняла, что благодарить его должна. Приходили на мое имя запросы из НКВД, а с такой фамилией в детдоме никого не числилось. Так и стала я жить с другим именем. Окончила школу, поступила в педагогический институт, тут и война началась. Я тогда вместо института в госпиталь работать пошла. Там до сорок пятого и проработала. Уж после войны кое-как заново в институт поступила, забыла уже все. Зато другое заметила: за время войны Сталин окончательно царем стал, даже погоны в армию вернул и церковь разрешил... А слово его – закон. Красный монарх да и только. Оставалось дожидаться, когда его свергнут, а имя испоганят. Но при жизни никто не решился, сила в нем была харизматическая, да и треть страны он через лагеря профильтровал, особенно сотоварищей своих по революции. Поделом им... Но после смерти Сталина Никитка власть выгрыз у других крысят, ну а потом начал на тени Сталина топтаться. Потоптался, и самого до срока свергли, а вместо него Ленку в цари назначили, чтоб потом на его имени также топтаться. Потом и Мишка без власти остался, а уж от Борискиного имени даже тех, кто его выбирал, тошнит. Посмотрим, какой толк от Путина будет...

– Так его не выбрали еще! – вздыбился Бобров.
– Это вы еще не выбрали, а там где надо уже и выбрали, и утвердили...
– Бабуля, а тебя-то что на улицу с сумой толкнуло? – прищурился Болдырев.
– Тут никакого секрета, сынок. Учительская пенсия. Знаешь такую? В репрессированные с новой фамилией меня тоже не зачислили, теперь уж и не доказать ничего.

– А дети? Внуки?! Не помогают? – спросил Климин, готовый в этот момент из-под земли достать нерадивых детей ради справедливого наказания.

– Кабы были, – на глазах у старушки выступили слезы. – Муж у меня военный летчик был. Мы в пятидесятом поженились. В пятьдесят первом у нас сынок

родился. А в пятьдесят втором мужа в Азию отправили, по-моему, корейцев на наших самолетах летать учить. Или вместо них на боевые вылеты летать. Там он и пропал без вести. С тех пор и жду его... Сын по его стопам пошел. А то и полетел. Только училище закончил и напросился во Вьетнам. Тогда модно было всем помогать. Уж там вроде и заканчивалось все. До Парижского соглашения считанные дни оставались. А он, как и отец, тоже не вернулся...

– Блин, – горько покачал головой Игорь.

– Так кто прав, бабуля? – Болдырев решил вернуть разговор к началу, не хотел тревожить чужую боль.

– Из двух братьев, – поддержал его Андрей.

– Он, – неожиданно кивнула она на меня.

Из кафе мы выходили уже затемно на нетвердых ногах. Разговаривали уже ни о чем. На крыльце закурили, расходиться не хотелось. Во всяком разговоре четырех пьяных мужиков остается какая-то недосказанность, граничащая с недопитым. Наверное, поэтому мы с сомнением топтались на крыльце, не решаясь разойтись. Об избирательном участке никто уже не вспоминал. И неизвестно, сколько бы еще мы взвешивали опасность продолжения застойной беседы, но благоразумие инженера и правильного мужа все же вытолкнуло Андрея из наших рядов.

– Извините, мужики, но я домой. Там Ленка уже, наверное, морги обзванивает.

– Будь здоров, – без обид кивнули мы.

– Я, пожалуй, тоже пойду, иначе завтра день кувырком, – решил я.

Климин с Болдыревым переглянулись.

– Слушай, Игорек, ты когда у меня последний раз в гостях был? – улыбнулся Болдырев.

– В прошлой жизни, – ответил Климин.

– Ну, так пошли?

Участковый и бандит в обнимку ринулись в гастроном, откуда появились уже через минуту с позвякивающим пакетом. Трудно было представить себе двух более близких друзей в этот час на этой улице.

– Серега, мы сделали свой выбор! – помахали они мне звенящим пакетом. Махнули и свободными руками, мол, пойдем с нами, но я отрицательно покачал головой.

До восьми вечера оставались считанные минуты, и я надеялся еще успеть воспользоваться конституционным правом и выполнить гражданский долг: поставить галочку в самом нижнем квадрате избирательного бюллетеня. «Против всех». А, может, за всех. За сто не родившихся с 1917 года миллионов россиян...

КРЕСТ ПЕРЕКРЕСТКА

Рассказ

Снег падал даже не пухом, а целыми лохмотьями. Будто тысячи рук наверху резали, кромсали зазубренными ножницами белый тюль. Рассвет был еще где-то в двух часах к востоку, а пока в свете уличных фонарей сквозь вселенское безветрие причудливо падал снег. Первым его заметил Миша. Он подошел с сигаретой к форточке и замер. В голове шумел пивной прибой и тупой негритянский рэп, от которого в восторге были Лариса и Андрей, что слились друг с другом, качаясь под барабанный речитатив, и готовы были слиться еще плотнее, но для этого Миша с Леной должны были уйти в другую комнату. А Михаил вдруг замер у окна...

Мир за спиной показался ему безобразно жухлым, как гниющая под дождями осенняя листва, перемешанная с грязью. Останки креветок, пакеты из-под чипсов, опустошенное стеклянное царство «сибирской короны»... Подумать только: выпитая сибирская корона! Измеренная пузыристыми литрами и выпитая, «корона» давила на голову, соответственно, не снаружи, а изнутри.

Четыре свечи на столе теперь уже не казались интимным интерьером, а виделись факелами в разрушенном, разоренном городе. Только стеллажи с отцовскими книгами и стоявшие под торшером два наследственных кожаных кресла были последним оплотом романтической респектабельности. Даже родственник креслам диван уже опухал на глазах от возможных непристойных действий. А за окном с темно-фиолетовых небес спускалось холодным пеплом очищение.

Музыка, в конце концов, затихла, а друзья не могли попросить еще – им мешал долгий поцелуй. Лена подкралась к нему на цыпочках, и, обняв за плечи, поцеловала в ухо. Миша повернулся и приложил палец к ее губам, кивнул на окно. Она прижалась лбом к холодному стеклу, сжимая его руку, и затаила дыхание. Уловила его настроение и погрузилась взглядом в пушистую тишину. Наверное, небо шептало баркаролу. Всю многоэтажку, казалось, слегка укачивает, баюкает, и спать следует не до утра, а до весны.

Кто придумал сравнивать русских с медведями? Медведям суждено проспать всю эту красоту!

За спиной звонко чмокнули, разомкнувшись, губы друзей. Лариса обиженно вздохнула, Андрей предупреждающе кашлянул. Им ничего не оставалось делать, как только присоединиться к Лене и Михаилу.

– Лепота! – оценил и одновременно испортил все Андрей. – На улице сейчас кайф! Миха, погнажи, прокатимся, а потом баиньки?!

– Правда! Поедте! – порхнула руками Лариса, ей хоть ехать, хоть плыть, хоть лететь... Были бы у дивана или двуспалки колеса, плавники, крылья!

– Я тоже хочу, – шепнула в хранящее тепло губ ухо Лена.

Это уже был приговор.

– Я же гонщик, – буркнул Михаил, направляясь в прихожую.

– Ты го-о-нишь, – наигранно потянула Лариса, вытягивая следом за руку Андрея.

Громкой компанией они вырвались из подъезда, девушки тут же начали лепить снежки и бросать их в своих возлюбленных. Пришлось провести короткий пози-

ционный бой вокруг ярко-красной машины Михаила – Toyota Celica. Снег брали с капота и багажника. Потому скоро стала видна хищная мордочка приземистого японского покемона. Она тоже хотела принять участие в сражении. Раскосые аэродинамические фары ждали команды «банзай». Не самая крутая в мире спортивная машина, но Миша любил ее чуть меньше Лены и чуть больше родительской квартиры – родового гнезда. За нее (в материальном смысле) он отдал все, что у него было, и все, чего у него не было, но что смогли отдать ему родители. Да, она во многом уступала 924-му Porsche, но это была его, Мишина, машина. Вообще-то он видел ее как машину для двоих, потому и предпочитал складывающиеся задние сидения, но в эту ночь ему пришлось сделать исключение. Пьяный азарт затолкал четверых друзей в мягкий, стального цвета салон, завораживающий комфортом и обещанием покоренной скорости.

Даже в приличные морозы машина заводилась одним поворотом ключа, а в это утро – даже с каким-то, присущим живому существу, вождением. Они еще не успели выехать из двора, как Андрей с Ларисой переплелись на заднем сидении в долгом поцелуе, предполагающем полное отсутствие в окружающей действительности. Зачем тогда поехали?.. Михаил решил не смотреть в зеркало заднего вида, но все равно несколько озлобился, нога невольно придавила педаль газа. Лена на соседнем сидении ойкнула, но больше это походило не на испуг, а на подначку. Короткая юбка и телесного цвета колготки, подчеркивающие длину и стройность ног, падающие на них через верхний люк снежинки – куда ехать?! Приехали...

Улицы были пусты, как марсианские каналы. Переулки кончались, не успевая начаться. Дворники с трудом разгоняли звездопад на лобовом стекле. Красная японская пуля по имени Celica, заправленная русским адреналином, «сибирской короной» и смятением чувств, неслась к сердцу города, рассчитывая пробить его навывлет, чтобы широкой аортой проспекта уйти в сторону окружающего жилые массивы леса. Эх, катались раньше на тройках да в санях, а тут ревут под тобой сто девяносто лошадей, и уже не клиренс нужно измерять, а высоту воздушной подушки! Как в анекдоте: я слишком быстро еду? Нет, вы слишком низко летите.

Ноги и глаза Лены, разрез джемпера, где глубоко и часто вздымалась аккуратная и красивая грудь с вишенками на вершинах, закручивающийся спиралями снег и растворяющийся в нем свет фонарей, мерцание приборной доски... И вышедшая из рассветной мглы на дорогу фигура старушки – светло-серое в свете фонаря пальто и пуховый платок.

Михаил увидел ее слишком поздно. Слишком поздно для скорости, которую можно развивать в пустыне, если она это позволяет. И снег, поднявшийся волной до бампера, не сократил самый длинный в жизни Михаила тормозной путь. Нажимая короткими движениями на тормоз, он осторожно выворачивал руль, выигрывая у пространства хоть какие-то сантиметры, но последние метры машина снижала скорость уже боком, шла к цели задним правым колесом.

А старушка, как замороженная, замерев с прижатой ко рту вязаной варежкой, ждала. Косоглазая, злая с виду, Toyota пренебрежительно ударила пожилую женщину красным, дразнящим едущих за ним водителей, задом, отбросив на несколько метров. Лена вскрикнула, на заднем сидении прервался без звука поцелуй. У Михаила подпрыгнуло и остановилось на мгновение сердце.

– Жми на газ! Дергаем отсюда! – крикнул с заднего сидения Андрей, на что Михаил только зло зыркнул в зеркало и дрожащей рукой открыл дверцу.

Как в триллере, в тихую ночь ворвался ветер, утробно загудел вдоль улиц и, разбрасывая рыхлый белый прах, стал биться в темные глазницы окон, стекла витрин и двери подъездов.

Старушка была жива. Михаил опустился рядом с ней на колени и провалившимся в сердце голосом позвал:

– Бабушка...

Она открыла глаза и стала шептать сквозь рваное, неровное дыхание.

– Ты не виноват, не виноват ты...

– Бабушка, простите меня...

– Господь простит. Ты не виноват, а то они поломают тебе жизнь-то. Я сама, дура старая, на дорогу выскочила. По сторонам не смотрела... Ты не говори им...

– Скорую! Вон автомат! – крикнул Михаил Лене, которая все же решилась выйти из машины и теперь стояла в нескольких шагах, боясь подойти ближе.

– Быстрее!!! – Михаил крикнул с такой силой, что замер даже ветер. Лена очнулась, бросилась к телефону-автомату.

Старушка то замолкала, то снова начинала шептать. Минуты неповоротливыми валунами падали одна на другую, секунды стучали в висках.

– Я-то пожила уже... А тебе жить надо... За меня и помолиться некому будет. Ой, больно чего-то в груди, дышать больно...

– Бабушка, вы молчите, силы берегите, я боюсь вас на своей машине в больницу везти, вдруг вас трогать нельзя, носилки надо.

Михаил стянул с себя «Аляску» и укрыл женщину. Та шепотом запричитала:

– Чего ты?.. Простудишься сам...

Скорая «примчалась» минут через двадцать, из кабины вышел подчеркнуто нерасторопный доктор, а увидев лежащую на земле пожилую женщину, почему-то спросил:

– Милицию, ГАИ вызвали?

– Нет, – удивленно взглянул на него Михаил.

– Бабушка, ноги чувствуете? – соизволил наклониться к пострадавшей врач.

– Не знаю, сынок, не знаю... Ты вот что, главное, ты запомни, и милиции обязательно подтверди, парень этот не виноват, я сама неосторожно на дорогу вышла.

– Сейчас фельдшер носилки подаст, – не слушал ее врач.

– Да ты главное-то запомни, а то если я вдруг не смогу потом сказать, свидетелем будь. Парню-то чтоб жизнь не сломали!

– Хорошо, хорошо, бабушка, сейчас мы вас аккуратно на носилки положим, а потом в больницу поедem.

– Да уж лучше сразу на кладбище, мне уж пора давно... – И замолчала, дыхание становилось тише.

Рядом ударил колокол. В Никольской церкви. Гул первого удара словно стряхнул с неба последние снежинки. Снегопад прекратился. Замер ветер.

– К заутрене хотела... – прошептала старушка, когда носилки ставили в кабину неотложки.

Под благовест гаишники пытались найти и измерить тормозной путь. Негромко и неуместно матерились. Михаил сидел на водительском сидении боком, свесив ноги на дорогу: подбородок на кулаках, локти на коленях. В глазах – бездна пустоты. У него что-то спрашивали, он отвечал невпопад, гаишники злились, пыта-

лись его растормошить, Андрей с Ларисой извинились, по-тихому поймали такси и уехали, Лена мерзла где-то рядом, но он не ощущал ее присутствия. Низкое небо остановилось над перекрестком, кто-то сверху смотрел в этот бетонно-кирпичный прицел, в центре которого замерла красная машина, похожая на монстра из иностранного мультфильма.

Самым удивительным оказалось то, что тест на алкоголь был отрицательным.

* * *

Старушка умерла в больнице через неделю. За эти дни Михаил, носивший ей фрукты и соки, узнал, что звали ее Антонина Павловна, что мужа и двух сыновей она потеряла на Великой войне, что с тех пор жила одна, как перст, и последнее, что связывало ее с этим, да и с тем миром, была маленькая церковь.

До последнего своего дня, оставаясь в сознании, Антонина Павловна донимала докторов и приходивших к ней следователей упрямым враньем о невиновности Михаила. Ей никто не верил, задавали вопросы с подковырками, но старушка обижалась, требовала бумагу, чтобы парня «не замаяли», и периодически впадала в беспамятство, выходя из которого первым делом требовала: «Парня не трогайте! Сама перед его красной машиной, слепешарая, выскочила...». И парня не замаяли. А он часами сидел в коридоре все с тем же пустым взглядом, и легче ему не становилось. Хотел, было, напиться, но водка не пошла, почувствовал в ней какой-то сернистый привкус, будто кто добавил в нее сероводорода. Купил другую бутылку – то же самое. И вылил обе, соответственно запаху, в унитаз.

Андрей с Ларисой на похороны не пошли. Были только несколько старушек из храма, что шептали молитвы да косились, кто с неприязнью, а кто с пониманием на молодого парня в дубленке и джинсах. На поминках Михаил сидел, не решаясь притронуться к блинам или кутье. Лена пришла ненадолго, побыла для приличия, шепнула несколько слов ни о чем на ухо, повздыхала в тон старушкам, полистала альбом с фотографиями и удалилась, не рассчитывая вызволить за собой Михаила. Что тут скажешь: всем хочется быть подальше от смерти, потому как собственная кажется если и не невозможной, то, во всяком случае, маловероятной в данный проживаемый отрезок времени.

Одна из бабулек подсела к Михаилу и тихо посоветовала:

– Ты, паря, сходи на исповедь к отцу Михаилу. К нам, в Никольскую. А то ведь поедом себя съешь. Нельзя так. Сходи-сходи. Ему все расскажи, и на душе, увидишь как, легче станет.

– Машину, что ли, разбить? – спросил пустоту Михаил.

– Нет, ты наперво сходи, батюшка наш, тезка твой, он душу читать умеет.

Дома Михаил прочитал в отцовских книгах об исповеди, об епитимьи. Он мог часами лежать на кожаном диване, глядя в одну точку на потолке, и точка эта проецировалась куда-то в космическое пространство и витала там вопросом о смысле жизни, который, в свою очередь, распрямлялся в восклицательный знак, последующий за криком: «жизнь – нелепость какая-то!»! Никак не получалось хоть немного убедить себя в невиновности, хоть часть вины свалить на свою компанию, и не получалось это именно потому, что невиновным его назвала сама Антонина Павловна. Грубый реализм ситуации дополнился тем, что в один из дней к Михаилу явился Андрей и попытался его «успокоить»: ничего, мол, страшного не произошло, есть такие перекрестки, на которых две прямые

обязательно пересекутся, и радуйся, что не ребенок выскочил под машину, а бабуля, которой прогулы на кладбище ставили... «Она не выскочила, потому что бабуля», – ответил Михаил, отвернувшись к спинке дивана, – не нашел в себе сил послать друга подальше вместе с его демагогией. Тот же, в конце концов, успокаивать и сочувствовать пришел, облегчить страдания, подвести под научную основу оправдание ошибки.

Потом можно было продолжать жить дальше. Хочешь не хочешь, а двигаться во времени приходится. Лежа, сидя, ползая или на бегу, разговаривая или пребывая в глубокомысленном молчании. Человек ко всему привыкает, и к чувству вины – тоже. Лена приходила, бродила по комнатам, как приведение, гладила его по голове, когда он лежал на диване, и больше между ними ничего не происходило. Так или иначе, она была рядом.

На исповедь у Михаила духу не хватило. Он несколько раз вставал в очередь к амвону, но какая-то сила выбрасывала его из храма, ему становилось душно и тяжело, происходящее вокруг казалось нелепым и ничего не решающим. Так ходил он несколько дней между бесами и ангелами, что тянули его в разные стороны: одни в храм, другие из храма. И тогда Михаил сам на себя наложил епитимью. Каждый день после службы он подъезжал к храму и предлагал калекам, что просили милостыню у ворот, и старушкам,ковыляющим после службы домой, бесплатно подвезти.

Первое время его чурались, отмахивались, не верили, что бесплатно, незаслуженно называли Михаила бандитом и машину бандитской. Но однажды из ворот Никольской церкви вышла та самая женщина, что уговаривала его на поминках пойти на исповедь.

– Ой, Миша, – обрадовалась она, – и правда подвезешь? Как раз у меня ноги чего-то болят.

И еще позвала с собой подругу.

С тех пор его не боялись, и машина, всегда полная, отъезжала от храма, чтобы петлять по узким улочкам старого города, а после «забрасывать дальних» в какой-нибудь из микрорайонов. Несколько раз подвозил опаздывающих на дом дьяконов, а один раз – даже благочинного.

Через месяц Михаил стал приезжать за полчаса-час до окончания службы, в зависимости от того, как позволяла работа. Теперь он без опаски и тяжести в душе входил в храм. Стоял на службе, подходил к иконе святителя Николая и подолгу смотрел в его строгие, но добрые глаза. Отец Михаил подарил ему молитвослов, и по вечерам Михаил открывал его, чтобы прочитать сбивчивым шепотом несколько молитв, которые казались ему белыми стихами. Дошли руки и до Библии, правда, Ветхий Завет осилить не смог, а вот Новый и Деяния – прочитал несколько раз. Он сам не заметил, как в жизни появился совершенно новый смысл. Правильнее сказать, не «новый смысл», а смысл вообще, ибо предыдущее существование представлялось ему теперь беспорядочной и глупой суетой. Друзья, которые, получалось, не были друзьями, постепенно отходили от него. Кой прок от человека, который не ходит на шумные вечеринки, не обсуждает новую серию «Властелина колец» или «Матрицы», не интересуется современным автомобилестроением и не волнуется о курсе доллара? Рядом оставалась только Лена, и ее Михаил вдруг увидел совсем другими глазами. В один из теплых февральских дней она перестала быть просто объектом вождения, слепой страсти, у чувства появился совсем новый привкус. Нет, страсть не улеглась совсем, не

исчезла, просто обрамилась бережливой нежностью. Это когда женщин носят на руках не ради себя, а ради них самих.

В один из мартовских гололедных дней, перед страстной неделей, к машине Михаила раньше старушек или священников подошел бритоголовый здоровяк в кожаном плаще.

– Брателла, до Воровского не подбросишь? – попросил он. – У меня товарищ где-то завяз, а у мобилы батареи сдохли.

– Садись, – кивнул Михаил, обет есть обет.

Попали в «красную полосу», и на каждом светофоре приходилось стоять. Пассажир явно нервничал.

– А быстрее-то нельзя? Машина – зверь!

– Я по городу больше шестидесяти не езжу.

– Че так?

– Правила такие.

– Да ты че, братан, правильный? Ты че – нерусский? Быструю езду не любишь?

– Люблю, но только на трассе Париж – Дакар.

– О, как. – И замолчал с таким видом, точно сидеть рядом с таким водителем для него жуткое оскорбление.

На улице Воровского остановились у одной из многоэтажек. Пассажир деловито полез в бумажник.

– Сколько лавэ, брат? Сотки хватит?

– Я денег от храма не беру.

– Слышь, я тоже ведь не урюк какой, специально в церковь ездил Николе свечку поставить. Это мой святой. Поэтому ты меня не обижай, одного бензина скока сжег. Короче, вот... – И оставил на сидении сложенную пополам сторублевку.

Михаил посмотрел на нее так, будто она сейчас прожжет сидение. Но успокоился, подумав: «Отдам нищим». Правда, с места рванул, как давно уже не делал. Toyota утробно рыкнула и понеслась.

Уже после Пасхи Михаила разыскал Андрей, который иногда выступал его менеджером на гонках регионального масштаба. Нашел он его вечером у храма.

– Ну, не надоело еще извозчиком у Господа Бога работать? – это он сказал вместо «здравствуй» или хотя бы «привет».

– Нормально, – бесцветно ответил Михаил.

– Есть предложение. Тут областная федерация проводит кольцевые гонки по грунтовке. Первый приз – три тысячи баксов, второй – две, третий – одна, участие – двести. Ну, разумеется, тотализатор, можно ой как накрутить. Заявки подают еще три дня. Я пока застолбил на нас местечко. Спонсором выступает банк «Коммерциал». Ну как?

Михаил закусил губу. Он не думал о соревнованиях уже несколько месяцев, упустил пару лестных предложений. В итоге – его могли вообще списать со счетов. В кровь плеснуло адреналина, сердце ёкнуло и припустило, вспотели ладони: прямо таки почувствовал на своих руках беспальные кожаные перчатки.

– Ну?! Рожденный летать не может ползать! – Андрей растянул улыбку, замечая, как загорелся подзабытой страстью взгляд Михаила.

– Я ж не большой специалист по кольцевым, – последняя капля сомнения покинула душу гонщика.

– Чепуха! Ты прирожденный пилот! Ты и вокруг столба смог бы.

Михаил грудью лег на руль. Тихая улочка от Никольской церкви упиралась впереди в центральный проезд. Там наступающие сумерки разноцветными пулями рвали иномарки. Еще недавно – от светофора до светофора – Михаил всегда был первым. Прошлое поманило его азартом и беспечностью. Ну не в монастырь же теперь уходить...

– Садись, – кивнул он на соседнее сиденье Андрею и повернул ключ зажигания.

Включил фары и вдруг...

Всего на пять-семь секунд в свете фар появилось видение: старушка в сером пальто и пуховом платке, испуганный взгляд, прижатая к губам вязаная варежка... Антонина Павловна! Как в ту злополучную ночь. Холодный пот выступил на лбу, ледяными горошинами покатился по спине.

– Ты видел? – спросил Михаил Андрея, успевшего сесть рядом.

– Чего? Кого? – улыбался Андрей.

– Нет.

– Чего нет?

– Я не буду участвовать.

– Да ты что, Михаил!? Тебя же спишут!

– Пусть...

– Ты же ничего больше не умеешь. У тебя же дар от Бога!

– А я, как ты заметил, на Него и работаю...

– Шум трибун на церковный хор поменял.

Домой Михаил вернулся поздно. Лена ждала его, давно приготовила ужин. С тревогой посмотрела в глаза, знала, что Андрей разыскивал его.

– Мне тут работу предложили.

– Ну и?

– Благодетелю водителю нужен, пока со своей машиной, потом «Ниву» купят. Платить будут неплохо, не хуже, чем в какой-нибудь коммерческой фирме.

– А ты?

– Согласился.

– Слава Богу.

– Батюшка обещал нас обвенчать.

Через некоторое время Михаил прочитал в газете, что на областных кольцевых гонках произошло несчастье. Несколько машин попали в свалку, трое гонщиков крепко покалечились, двое погибли.

В этот день Михаил заказал сорокоуст за упокой души рабы Божией Антонины.

Евгений Валентинович Кононов (Век) родился в Башкирии в 1959 году. Окончил Уфимский авиационный техникум, служил в армии. После службы поступил в Кубанский государственный университет и в 1985 году окончил его. Специальность – экономист. Ныне Е. Кононов работает финансовым директором одной из транспортных компаний города Радужный.

Диапазон его творческих интересов широк. Это не только поэзия и проза, но и бардовская песня. Евгений Век – автор двух книг: «Толпа» и «Цербер», выпустил также кассету собственных песен. Его проза и стихи печатались как в коллективных сборниках, так и в региональной периодике («Кедровая грива», «Тюмень литературная», «Кубанский писатель» и др).

ТОЛПА

Повесть

В том, что сибирская тайга изобилует кедровыми орешками, я убедился на первом же уроке. Прямо передо мной сидел долговязый парень, ноги его не помещались за школьным столом, высываясь острым углом треугольника, напоминая о скучном уроке геометрии.

Парень небрежно швырнул через плечо сырую шелуху этих орешков, словно позади него находилась урна для мусора, а не такой же стол, за которым сидел новенький. Шелуха живописно разлетелась по столу, прилипнув к чистому листу тетради, и пока я раздумывал над тем, как мне стоит поступить, последовала новая порция.

Класс, затаив дыхание, слушал самозабвенное доказательство теоремы потрясенной редким вниманием учительницы Марии Сергеевны – дамы преклонного возраста. Однако причина столь пристального внимания была иная. Класс на самом деле наблюдал за мной, стараясь угадать реакцию на попытку долговязого познакомить меня с географией, что совершенно ничего общего не имело ни с темой урока, ни даже с предметом.

На ринге было бы, конечно, труднее провести такой великолепный хук. Ноги долговязого медленно выпрямились. Я вытер о него облепленную шелухой тетрадь.

Мария Сергеевна осеклась. У нее задрожали губы.

– Извините, – сказал я. И сам вышел из класса.

Мне показалось, что в глазах девочек восхищения было больше, чем сострадания. Сильная же половина к происшествию отнеслась спокойно, даже равнодушно. Следующий урок мне пришлось провести в кабинете директора. А весь последний урок долговязый бурлил, как электрочайник с испорченным реле.

После звонка он первым выскочил из класса. Остальные домой не спешили, видимо, полагая, что я заслужил право покинуть класс вторым. Тогда-то ко мне впервые и подошел Виктор, как он себя назвал, протягивая руку и делая ударение на последнем слоге на французский манер. Церемонии удивляли. Нравы в школе царили скорее уж техасские, если не брать во внимание Робеспьера и иже с ним.

Как теперь понимаю, в этой школе не учились. В ней тусовались по необходимости. Кто зачем. Одни делали вид, что преподают. Другие – что учатся. Хотя бывали, конечно, исключения из правил. Где их не бывает? Среди учителей попадались толковые. К ним еще интересно было ходить на уроки. Такие, например, как наша классная, которая сама недалеко ушла от школьного возраста и еще не забыла проблемы, волнующие нас. Она пыталась наставить нас на путь истинный, устраивала праздники и встречи, могла потолковать по душам. Но даже для нее не могли открыться некоторые стороны истинного положения дел в школе. Уж не говорю об остальных.

Дурь и колеса в школе продавались почти свободно. Те, кто этим занимался, в школьной среде если и не имели большого авторитета, имели гробовые крыши. Связываться с ними было опасно. Жаль, что все это стало мне понятно немного позже.

Виктор объяснил мне, в какую сторону следует свернуть, выйдя из школы. Нисколько, похоже, не сомневаясь, что совет будет услышан. Я заартачился.

Их было пятеро всего. Один из них годился мне в отцы. Он и начал базар на правах старейшины.

– Ничего тазики, – сказал он, глядя на мои кроссовки, – снимай!

Я показал ему кукиш. Это лишило его не только красноречия, но и дара речи вообще. Говорить он больше уже не мог. Видно было, что осерчал ужасно. Резкий его удар пришелся аккурат в бетонную стену, на которую я оперся спиной. Стена была совсем не такой гладкой, как это выглядело со стороны, и достаточно твердой, в общем, достойной того, чтобы мнение о ней старейшина начал выражать вслух. Десяток рук и ног замолотили воздух вокруг меня, замахали, как вертолетные лопасти, все быстрее и быстрее...

Когда я поднялся, кроссовок на ногах уже не было, зато около меня аккуратно стояли старинные стоптанные башмаки, которые вполне подошли бы папе Карло. Легкий намек на благородство великолепной пятерки плохо вязался со всем предыдущим. Я только подумал о том, что уютный гарнизон, где мне все время было скучно, в сравнении с городом, куда занесла нелегкая, – заповедник для возвращения счастливого жизнерадостного потомства.

Моя маман, элегантная и неотразимая, на самом деле такая и есть. Эти ее качества, может быть, и не бросаются в глаза всем подряд, однако своевременно были замечены отцом. Когда он был почти одного со мной возраста. И чувство самоотверженности ей явно присуще. Ну кто еще посвятит свою жизнь прозябанию в гарнизонах с офицером, предпочитающим комфорту собственные честь и достоинство? Ну и, конечно, маман как гарнизонный обитатель знает толк в макияже.

Наутро я явился в класс, благоухая французской косметикой, почти без следов на лице, и только стоптанные корки портили впечатление, произведенное мной. Класс онемел. Долговязый попытался встать, но запутался в собственных ногах. Вероятно, перед моим появлением он пышно расписывал рыцарский турнир накануне. И я сводил на нет все его героические усилия. А мне было горько. Мне хотелось триумфа. Хотелось повергнуть и пощадить. Не знал только кого.

Поэтому на первой же перемене я вычислил подходящие мне кроссовки, подошел преспокойно на виду у всех к их счастливому обладателю, мирно жующему жвачку в уголке, и предложил поменяться обувью на время.

Мне очень хотелось посмотреть, как же будет чувствовать себя этот жвачный, оказавшийся в моем положении, не взбрыкнет ли, часом. Жвачные инстинкты ему отказали. Но кроссовки он снял безропотно.

Как только я переобулся, ко мне вторично подошел Виктор и дружески ткнул в бок кулаком, явно давая ощутить набитые костяшки. Мне совсем не улыбалось бесконечно увеличивать число врагов, поэтому я сделал вид, что тычок его вежлив, хотя это и стоило определенных усилий, учитывая вчерашнее боевое крещение.

– Ты прокололся, Реш, – сказал Виктор, назвав меня почему-то Решем, а не Игорем. – У малька мама в ментовке работает, так что тазики верни.

– А ходить в чем? – поинтересовался я.

– Ладно, должен будешь. – Виктор увлек меня за собой к долговязому. – Даю за него подписку, понял? И если завтра ботусы не будут украшать его ноги, сам знаешь...

Долговязый не ответил ничего, но, видимо, знал нечто. Потому что на следующий день кроссовки мне принес. Больше того, оставил мне на память стоптанные башмаки. Очевидно, с ним случился очередной приступ благородства.

В свою очередь, я вернул кроссовки жвачному, дал ему пять, попросил не сердиться. Его авторитет среди мелких рос по мере того, как удлинялись развязываемые мной шнурки.

В классе я обулся, оглядел себя и пустил в ход крылатую дядину фразу:

– У меня только один недостаток. Я чертовски красив!

Все захохотали. То ли фраза такая убойная, то ли все действительно подумали, что это имеет место, не знаю. Но я, будто айсберг, откололся от материнского шельфа и пустился в плавание, растворяясь в теплых южных водах. Буквально за пару дней жизнь моя изменилась сказочным образом. Девчонки так и лезли на глаза. Да что толку? Была, правда, одна особенная... Непонятная. И очень уж красивая. Очень. А Виктор снисходительно посмеивался.

Мне еще только предстояло окунуться в истинную жизнь. И весь этот внешний блеск действительно оказался вершиной айсберга, а сам он мрачно погружен в темноту и холод, и вся его подводная часть была от меня пока скрыта. Мне только предстояло ее узнать.

Отец пропадал на службе. Дежурства, тревоги, учения. Маман интеллигентно ожидала, изредка снисходя до нравоучений в мой адрес, но с ней можно было мурлыкнуть по-свойски, и она расцветала, прощая все. К тому же родители мои постоянно были заняты. Отец – службой, маман – добытанием средств. Так как-то получилось, что когда офицерское довольствие стало «недовольствием», маман быстро надоело собирать грибы и клюкву вокруг гарнизона. А вот рыночные отношения оказались для нее более понятны, чем для большинства ее подруг. Она и раньше обшивала многих своих знакомых, а тут поставила дело на широкую ногу, открыла собственное производство, где работали ее же подруги. Отчасти из-за этого, как я понимаю, мы и покинули гарнизон. Маман, а вместе с нею и мы с отцом, стали постепенно белыми воронами. Нам некогда было собираться в компании, где за дешевой выпивкой и скудной закуской принято было поносить всех и вся. Отец матерью гордился, думаю. Защищал, как мог. Было от кого. И за что тоже было. Мне рановато, конечно, разбираться в отношениях взрослых, но так, кое-что становится понятно. И как грамотно мама выбрала место для переезда! Я, на что уж маленький, и то сразу почувствовал запах сибирской нефти. Шевелится тут все в отличие от гарнизона.

Жизнь катится. Последний класс. Впереди Новый год, экзамены, но так далеко еще. Да и не до учебы стало как-то. На первый план вышли новые друзья и знакомства. Мало-помалу Виктор вводил меня в местную жизнь. Рисовал заманчивые перспективы.

Оказывается, я стал членом толпы, именуемой «октябрятами». Жизнь в городе вне толпы никуда не годится. Любой, кто входит в подобное братство, запросто может обидеть кого захочет, и редко обиженный предпринимает что-то в ответ. В основном, стараются с нами не связываться, если никого нет за спиной.

Мы тоже не лыком шиты, на рожон не прем, но и себя не даем в обиду. Получается, что город – этот монстр урбанизации, в целом принадлежит сам каким-то монстрам, а те, в свою очередь, еще каким-то. И все они пытаются как-то прижиться уже друг с другом, и сколько этих монстров в городе, черт его знает. Толпы ошиваются по подъездам, распевая песни под гитары, будоража жителей, иногда, если случается возможность, зависают у кого-нибудь на квартире. Что-то делят с другими толпами, изредка дерутся, но в основном просто разбираются на стрелках.

У каждой толпы свое излюбленное место обитания, своя территория, где чужие редко появляются. Представители разных толп почти все знают друг друга в лицо, а вожаки-то, конечно, наперечет, на слуху. Кроме того, толпы делятся по возрасту и рангу. В отношениях между ними существуют правила, знать которые следует назубок, не то что школьные предметы. Нарушение правил грозит не двойкой в журнале, а проблемами куда серьезнее. Да еще занятия в спортзалах. А как же! Гордость любой толпы – победители и призеры соревнований по любым видам единоборств. Знание, куда и как ударить, ценилось во все времена, а уж теперь и здесь – тем более. Теперь, когда соперники на ринге редко расстаются на нем друзьями, оставаясь соперниками по жизни.

Мне предстояло еще понять, за счет чего толпа живет и как это что-то зарабатывает. Я начал покуривать и потягивать пива понемногу вместе со всеми, незаметно для родителей, и никто у меня денег за это не спрашивал. Вообще как-то не принято было мелочно болтать о деньгах, о молоке и хлебе. Общеизвестно было наличие необходимого количества денег у толпы.

А говорят еще – бедность не порок. Может быть, порок? За той вон дверью?

Как-то вечером мы с отцом вышли в подъезд. Отец – покурить, а я просто так, за компанию. Был тот редкий случай, когда отец раньше обычного оказался дома.

– Скажи, отец, ты же умный? – спросил я его.

Он пожал плечами.

– Все так говорят, – не отставал я.

– Кто все? Опять ты за свое...

– Нет, ты все-таки ответь.

– Ну, давай попробую. Если говорить об уме, то есть определенные параметры его, что ли. Ум классифицируется точно так же, как любое другое физическое или химическое понятие или явление. Только все это достаточно абстрактно. И может существовать множество теорий на этот счет и множество различных классификаторов, построенных на этих теориях. Только все они в результате могут так же мало стоить, как и твои собственные. Ты об этом хочешь узнать?

– Нет, ты ответь мне как-то приземленно...

– Ладно. На самом деле я встречал множество людей куда умнее себя. Это не нужно доказывать. Это просто чувствуешь, когда сталкиваешься с интеллектом, способным подавить твой собственный.

– Хорошо, а как, по-твоему, таких людей много?

– Они есть.

– Ты странно как-то отвечаешь, расплывчато, как будто все время пытаешься ничего не сказать.

– Они есть на самом деле. Есть среди моих знакомых и среди твоих.

– Почему же я их не замечаю?

– Просто не хочешь замечать.

– Как это?

– Да так, от переоценки самого себя. Вообще редко встречаются люди, которые склонны оценивать себя правильно, близко к объективной стороне. В основном люди либо унижают себя, если недооценивают, либо превозносят, если переоценивают.

– А к каким ты относишь себя?

Отец снова пожал плечами.

– Давай, мы с тобой поговорим обо всем лет через двадцать. Тогда нам легче будет друг друга понять.

– Неужели неясно, не могу я ждать так долго. И чего ждать? Я просто живу. Сейчас. И что там завтра будет, зачем загадывать?

– Наверное, и мы были такими же. Жаль.

– Чего жаль?

– Что мы плохо понимаем друг друга, точнее, так мало хотим понять.

– Почему мы не ездим на машине, например? На твоей убитой «шестерке»?

– А для чего? До ближайшего магазина на лифте можно доехать. Весь город пешком за сорок минут можно обойти.

– При чем здесь это?

– При том, что нецелесообразно ездить. За машиной нужно в гараж идти, бензин, запчасти – для чего?

– Ты не понимаешь. Скучно это... Целесообразность.

– Нормально. По мне, лучше устроить лишний раз праздник с шашлыком или виноградом. Для всех своих, и для тебя, в том числе, заметь. Для всех.

– Но и поездка на машине может быть праздником.

– Верно, может. Если она так уж нужна тебе, ты ее купишь сам, со временем...

– Вот-вот, со временем. Сейчас хочу. Сейчас!

– Так не бывает.

– Ты еще скажи, не заслужил, не заработал...

– Да, скажу. Это действительно так. Для того, чтобы что-то иметь, нужно, чтобы это что-то кто-нибудь для тебя сделал, и чтобы ты, в свою очередь, чем-то с ним поделился. А чем ты можешь поделиться, если ничего не сделал?

– А Серега сделал? А Витек? А ведь катаются!

– Так ведь это не их машины, родителей.

– Ну и что? Почему у моих родителей нет такой?

– Я же тебе говорю, не нужна она мне сейчас.

– Мне нужна.

– Снова да ладом!

– Не пойдем мы друг друга.

– Ну как не пойдем? Да как же втемашить в твою башку, что все, что тебя окружает, портится, изнашивается, ТЛЕННО все! Ценности человеческие не определяются тем, чем человек распоряжается или владеет! Машина не мешает, может быть, счастьем, но ведь и не определяет его! Ничто его не определяет. Разодень тебя в царские одежды, посели в хоромы, завали яствами, не станешь ты лучше, чем есть, скорее уж хуже. Как ты этого не поймешь? Люди по одному и тому же поводу плачут, по одному и тому же смеются и тысячу лет назад, и теперь, и тысячу лет после нас будут смеяться и плакать все потому же.

– Прав дядя, когда говорит, что с тобой спорить бесполезно. Какой ты нудный со своей логикой.

– Ну, вот, приехали.

– Да, поговорили.

– Знаешь, я ведь тоже таким был. Это сейчас я понимаю, что мои родители тоже желали мне добра, а я набивал, как все, шишки и делал ошибки. Может быть, делаю их до сих пор.

– Вот видишь!

– Вижу, вот и хочу оградить.

- Не нужно. Они мне самому нужны, мои ошибки, мне их и исправлять!
- Может быть. Только знаешь, может ведь не хватить жизни, чтобы все исправить.

Вьюга выла меж коробок многоэтажных домов, словно ведьма. Метались ее седые жесткие космы, нещадно хлеща прохожих по лицам. Вадика долго не было. Заработался, бедолага. «Бабки» у толпы закончились, поэтому и решено было тряхнуть Вадика, компьютерного гения, новоявленного коммерсанта, перспективного, а главное – молодого.

Заставить его отстегнуть, а заодно – дать понять, что заработать деньги вовсе не так легко, как это ему кажется. Если сам Бог велел делиться, то почему чаша должна миновать Вадика? Пускай и явит миру пример.

Ну, наконец-то!.. Вадик вынырнул из тамбура двойных северных дверей весь в снегу – прямо Дед Мороз. Собрался было отряхнуть снег с одежды, но тут увидел нас, с явным интересом взиравших на него. Интерес наш был, вероятно, так отчетливо написан на лицах, что Вадик сразу все понял.

- Иди сюда, – сказал ему Виктор подчеркнуто миролюбиво.

Вадик моментально оценил и подчеркнутость, и миролюбивость.

- Сюда, я сказал! – добавил Виктор металла в голосе, одновременно давая понять Вадика, что первоначальная цена совсем не установлена.

Вадик замешкался. Голова его умная отчаянно соображала. Он понял, что предстоит очередная, не слишком выгодная для него сделка. В его глазах так и мелькали цифры, будто на мониторе компьютера, когда зацикливается формула на информатике.

Торги прошли напористо и скоро. Сошлись на том, что Вадик будет отстегивать по сотне в неделю, а мы, в свою очередь, перенесем чего-нибудь в случае надобности. И уж, конечно, никому в обиду не дадим. Все, оказывается, так просто. И не очень дорого. Можно, оказывается, запросто прийти к согласию без долгих военных действий, без мордобоя и оскорблений, красиво и благородно.

Ну, Виктор, ну, голова! Одно слово – лидер!

- А теперь – в спортзал, – Виктор прячет в карман первый взнос. – Колич рассердится, если опоздаем.

О Количе разговор особый. Взрослый друг, защитник обиженных и сирых, отец родной. Кому как. С виду – увалень неповоротливый, огромный, как гризли, но и силища соответственно. Голова упрямая наклонена вперед, идет, что твой крейсер форштевнем океан рассекает, отваливая волну. А что такое крейсер в смысле мощи – по виду не раз наблюдали. Разговорчив, как гурами в аквариуме. Самое большее, на что способен, так это сказать «молоток!» тому, кто чересчур понравится.

А понравиться ему многие хотят. Только вот Колич не каждого примечает. Говорят, Боцмана он подобрал избитого на пустыре. Здорово Боцману досталось. Как раз Колич мимо шел. Поднял он его за шкуру, встряхнул, поставил на ноги и повел, шатающегося, с собой. Привел в спортзал – и по залу Боцмана, устроил продолжение. Потом уже Боцман понял, что если бы его Колич не нашел и не погонял, как следует, на следующий день он и встать бы не смог. А так доковылял Боцман до спортзала и на следующий день, и еще через день, и до сих пор ходит.

Теперь Боцман за Колича – в огонь и в воду. Даже походкой все больше Колича напоминает. И молчать учится. Прорывает его, правда, иногда. Пробивает на раз-

говоры. Тогда только слушай. Такого может понарасказать. Прямо энциклопедия ходячая. Такие имена заворачивает – отродясь не слыхал никто. А на Колича до того заглядывается, что запросто во время тренировки может лбом о грушу, не заметив, треснуться.

Да не ори ты, Колич, ходишь сам, телеса развесив, а мы тебе – скачи, кувыркайся! Тело ноет уже, татами – как деревянный. Не видишь разве, устали! Да только жалости в Количе ни на грош.

– Работай. Работай!

Руками, руками надо, да не бояться упасть правильно. Разбегается Колич, переворачивается в воздухе, упираясь в коня руками, падает на татами, хлопает прямой рукой, как стреляет, кажется, не вскакивает даже, а отскакивает от пола, как резиновый мячик.

– Понял? Давай!

После – растяжки невозможные, болючие. В голове шумит, кажется, жилы от косточек отрываются. Мах, еще мах – нормально. Обмотать руки! Спарринг. Держать удар, держать.

– Шея у тебя на что? Принимай удар! Принимай, амортизируй, говорю! На мостик, если не можешь. На мостик, я сказал!

Нервничает Колич. Орет, трудится, потеет. И млеешь после тренировки, как после бани все равно. Но зато, если не запускать, через полчаса – подвижный, легкий, невесомый прямо. Да ведь и не Количу это в конце концов нужно, а нам. Мы и стараемся. И девчата у нас – что надо. Щечки горят, пяточки розовенькие, кругленькие, кожа, как у молодого поросенка, а как заедет пяточкой. Доволен Колич. Еще бы!

Задолго до этой тренировки состоялись мои смотрины. Поначалу, говорят, Колич и слышать обо мне ничего не хотел, наболтали лишнего. Про драки во дворе. Не любит этого Колич. Считает, из драчунов хорошие спортсмены не получаются. Не знаю, как Виктор уговорил его хотя бы взглянуть на меня одним глазком. Смиловатился Колич.

Как вспомню, так вздрогну. Обычная тренировочка по сравнению с тем, что мне Колич устроил, все равно, что кругосветное путешествие на самолете и пешком без плавсредств. Все бы ничего, но плохо то, что Колич после тренировки поставил меня в пару с Лосем. Это, конечно, потому, что хотел меня сломать окончательно. Честно говоря, надеялся я на человечность Лося, на то, что он видит мое состояние и поэтому не станет делать из меня отбивную.

Лось, говорят, Колич с иглы снял. Вызволил из милиции, можно сказать, увел со скамьи. Так что есть за что Колича Лосю уважать. Ударчики у него – будь здоров. Жаль, конечно, Лось не из нашей толпы, но ведь тренируемся вроде вместе. Хотя многие у Колича тренируются. Не только наши. И все здесь как будто дружат. Что-то вроде перемирия у водополя в засуху. Здесь Колич – царь, и слово его – закон. Лось, конечно, не Боцман, засматриваться не станет, но тоже уважает Колича по-своему.

Лось оказался хуже моих самых плохих предположений. Мало того, что он дубасил по мне, как по тренировочной груше, невзирая на разницу в весе, так ведь еще старался ехидно так, с лентой, зацепить. Мне много не надо, чтобы зацепить, да еще так открыто. А когда я, сидя на полу в центре ринга, пытался зубами развязывать перчатки, Лось бросил с усмешкой через плечо еле слышно: «Бык».

Бык – самое последнее слово. Быки, это те, кого мы пасем по аналогии с крупным рогатым скотом, те, на ком крутимся, делаем деньги. Вот Вадик – бык, но и

то вслух этого никто никогда не скажет. Зачем обижать? И если кто-то из толпы услышит в свой адрес хотя бы намек на это слово, он обязан драться. Несмотря на возможный плачевный для себя исход. Бычится, не дает отпора только слабый, и если ты начинаешь бычиться, пиши – пропало.

Не знаю, что думал Колич о методах воспитания, но готов поспорить, что я ему не понравился. И то, что каша заваривается с его подачи, тоже понимал. А раз так, то они с Лосем заодно действовали. Мысли эти я для себя приберег. Раз проблемы с Лосем возникли, значит, и со всей толпой «ангелов». Авторитетная толпа, ничего не скажешь.

Но, получается, не из куража на нас наехали. Не с кем попало базарят. Подмять, ясное дело, решили. Оттого и Лось нетактичный такой. Видно, наш кусок поперек горла встал и спать не дает спокойно. Может быть, кто-то пожаловался, Вадик, например...

– Теперь ясно хотя бы... – грустно сказал Виктор, наблюдая алчущую крови толпу «ангелов». Она густела возле выхода из спортивного комплекса. Мы тоже собирались. Только не с такой бравадой, спокойнее, как будто заранее уступая. Даже девчонки наши и те приуныли, будто их тема касается.

Ну уж нет, так просто у них ничего не получится! Конечно, Лось – чемпион города, но ведь не все в толпе «ангелов» чемпионы. Так что мы посоветовали девчатам заготовить все на случай оказания медицинской помощи, гордо пообещав вернуться с победой или не вернуться вовсе.

«Ангелы» гурьбой повалили к котловану, мы за ними. Кодекс есть кодекс. Ничего не попишешь. Все предсказуемо. Котлован вырыт под строительство нового дома. На краю города. Место удобное для встреч. Не видать, что происходит на дне котлована, пока не подойдешь к самому краю. По вечерам далеко не многие отваживаются сюда ходить.

– Тактика такая: постараться как можно удачнее ударить и не дать ударить себя. – Виктор короток, как апперкот.

Как происходят драки толпа на толпу? Становятся стенкой и молча смотрят друг ни друга. Тишина давит. Каждый выбирает себе соперника, когда толпа стоит и готовится. Каждый – из своих соображений. Начинается все вроде несерьезно. Так, толчки, тычки, пока не разойдутся как следует. И все молча поначалу, только сопят изредка, да слышны звуки ударов. Удары все жестче, все серьезнее.

Мы, конечно, могли проиграть, но когда дело подошло к концу, выяснилось, что против одного Лося, способного держаться на ногах, нас осталось трое. Нет, не зря Лось стал чемпионом города в своем приличном весе. Казалось, он непробиваем. Даже когда Виктор заехал ему ногой по позвоночнику, он устоял. Правда, Виктор мог ударить больше для эффекта. Тоже ведь понимал, что нас больше, ну и не убивать же мы друг друга собрались, просто разобраться. Лось совсем озверел, начал молотить кулаками. Зацепил Боцмана, тот, странно всхлипнув, упал. Вышел все-таки Лось из себя, смотреть стало страшно. Только точность ударов была уже не та. А попасть сразу в меня и Виктора не так-то просто, если мы этого не хотим.

В общем, отоспались мы на Лосе, как хотели. В результате он больше всех и пострадал. Все закончилось со звуками милицейской сирены. Тут уж все врассыпную кинулись, таща за собой и друзей, и врагов. Против милиции все уже сообща. И мелькнул на краю котлована, на фоне светлой полосы неба знакомый огромный силуэт. Уходил кто-то, переваливаясь. Уж не Колич ли?

Не успел я ни с кем поделиться, пока смывались, а потом уже поздно было.

Подруги дожидались нас в нервном нетерпении, увидели наши радостно разгоряченные лица в синяках и кровоподтеках, принялись за работу. Подруги у нас – что надо. Больше всех Боцману досталось. Повалывается на «больничке», книжечки почитает, он, слышал, любитель.

Оценки за полугодие немного отвлекли родителей от моих синяков. Неважные оценки. Это еще хорошие. Первую четверть я в гарнизоне закончил, так что прежние заслуги в усвоении наук приняли к сведению. Маман снова приставала больше с примочками. Отец поинтересовался, что произошло, но так, на ходу. Некогда ему было. К тому же отца пригласили в школу. Если бы не просьба нашей классной, я бы не стал и приглашение передавать. Классная у нас классная. Вместе с нами на всех тусовках. Как молодая. Она и в самом деле молода по сравнению с родителями. Мы у своих – те еще оболтусы, а она только в декрет собирается. В общем, уговорил отца.

Отец пришел строгий, подтянутый – одно слово, офицер. Может быть, по профессии своей он не так уж и интересен – армия теперь не в почете, – но в очень скором будущем может стать всем выпускникам школы, и не только нашей, очень полезен. Даже мне самому. Черт знает, какие только вопросы могут прийти в голову моим одноклассникам. Только как-то так вышло, что отец совсем уже неожиданно и стихи читал, и фразы бросал такие забойные, что буквально растрогал всех. А когда уходил, ему подарили букет цветов, и он зарделся слегка, так было ему приятно. Но на меня смотрел прохладно и строго – все воспитывал, наверно.

Я пожал ему руку, провожая, и спросил насчет стихов что-то. На что отец, застывшая наглухо шинель, ответил, что не вчера на свет народился и не сразу майором стал. После визита отца мой рейтинг взметнулся вверх, как Андреевский стяг на свежем ветру. Я стал при случае прислушиваться к отцу и запоминать его выражения. У меня была возможность убедиться в опытности и безошибочности его суждений. Потому что сказанные спокойно и достойно моими молодыми, далеко не мудрыми устами, они иногда вызвали состояние ступора у моих нечаянных собеседников.

С тех пор, как мы разобрались с толпой «ангелов», наша жизнь пошла еще лучше. Теперь уже никто в районе не осмеливался стоять поперек дороги, если мы шли все вместе. Для полного счастья не хватало презренного металла, но существовала на то голова Виктора. Боцман к Новому году совсем был на ногах. Новогодние праздники напоминали о своем приближении серпантинном, треском петард, хлопушек и лютыми морозами.

В один из таких вечеров собрались по случаю отсутствия предков у одной из подруг. Пили кофе, сигаретками баловались. Настена, изображая хозяйку дома, бегала, мурлыкала. Ничего девчонка, с правильными понятиями, охарактеризовал ее Виктор. Не знаю, как он к девчонкам относится на самом деле, но складывается впечатление – чисто потребительски. Правда, в отношении Настены я полностью согласен с ним был. Правильная девчонка. Надежная.

– А что, Настя, предки надолго исчезли?

– Да нет, передачку поехали относить на «большуху» бабуле. Вахта уезжает. К самолету. Туда-обратно часов пять на машине.

– Хорошо, – сказал Виктор. – Хорошо, когда дети заботятся о своих старых родителях. – Он задумался.

– А ведь верно, мало стариков в городе. Почти не видно. Все норовят под старость увезти свои косточки в теплые края, а, Боцман?

– Желают упокоить прах в пухе родной земли, – подхватил Боцман мысль.

– Че так длинно? – сделал Виктор замечание.

– Не длинно, а красиво. Только город поэтому временный как будто. Все в нем будто временные. И мы, выходит, ненадолго. Как все. А приезжих на самом деле – пруд пруди.

– Вот за что я тебя, Боцман, люблю, это за то, что ты иногда мысли говоришь умные, хотя и не их думаешь.

– Да ладно, Виктор, что ты пристал к Боцману?

– А представь, приехал ты в незнакомый город, не знаешь никого, какого тебе? – опять задумался Виктор.

– Да ладно, познакомлюсь...

– Вот именно. Так наша цель тогда – не дать пропасть в незнакомом городе одинокому человеку.

Лохов и в самом деле на улице полным-полно. Во всяком случае, найти такого одного нам труда не составило. Уже через час мы сидели у Настены и смотрели видик, взятый нашим новым знакомым напрокат. Еще через час отношения между нами испортились настолько, что лоху пришлось делать ноги.

Он не особенно медлил. Видик, конечно, остался у нас, в качестве моральной компенсации за испорченный вечер. Не мы же его напрокат брали, пусть теперь разбирается. А мы, сдав его за полцены, неплохо наварились. Лох тоже не внакладе. Жизнь испортить мы умеем. Посоветовали, правда, деньги заплатить. Так что все завершилось к обоюдной выгоде, посчитал Виктор.

А когда продавали видик, ко мне обратился некто с характерным произношением и тихо спросил:

– Тэвочка нет?

Не знаю, почему ко мне именно, добрый я такой с виду, что ли? Зато Виктор сразу сообразил, что делать с такими запросами. В любой уважающей себя толпе должна быть тварь. И сразу после Нового года мы занялись тем, чтобы найти ее.

Натали мы вычислили довольно быстро. В том, какие занятия ей по душе, сомнений не было. Давно по школе добрая слава ходила. Но даже ее могло шокировать предложение стать тварью. Нужно было облагородить и обезопасить его. Для этого провели необходимую комбинацию. Снимки получились не очень хорошие, но понять, кто на них изображен, и чем занимается, можно было. Напечатав фотокарточки, мы с Виктором отправились в гости. Натали моложе нас на год. Поэтому разговаривать с ней легко. Не люблю старших, строят из себя...

– Здравствуй, Наташенька, здравствуй, золотце, – голос Виктора – елей, фи-миам. Наташенька расплывается, сияет, тает просто. Еще бы! Наше внимание ей, конечно, льстит, мы достаточно известны всей школе. Она кокетничает и жеманится, набивая себе цену, явно полагая, что ей уготована участь подруги в нашей толпе.

Виктор так, между прочим, случайно, вскользь, напоминает в разговоре некоторых ее знакомых, некоторые пикантные подробности. Натали растеряна чуть-чуть, она еще плохо понимает, что от нее хотят, но отнюдь не смущена. Ну и что? Пустые все разговоры. Наветы злые – не больше. Ее на пушку пытаются взять.

Но подробности сильны своей точностью. Это видно по глазам Натали, она отводит их упорно. Виктор режет предложением в лоб. Натали просто ошарашена, она порывается уйти, но тут Виктор вынимает фотокарточки. Они производят ошеломляющее впечатление. Натали начинает плакать. Ее прямо трясет. Но кто же виноват? Теперь она уступчива и сговорчива. Она даже не то чтобы против, но кто даст гарантии, что ее доброе имя не растреплют по всей школе?

Виктор успокаивает ее. Его голос – снова елей. Он отдает все фотокарточки Натали. Нет, больше у него нет, а вот что касается негативов, то пусть они пока полежат в надежном месте. Кто знает, что может произойти завтра? А за свое честное имя она может быть спокойна. Октябрюта – хорошие ребята.

Дело сделано. Отныне Натали – тварь толпы, или дама, не имеющая права сказать слово «нет». Теперь она себе не принадлежит, и только имя ее будет держаться в секрете от подруг толпы и всех остальных. И за этот секрет можно поплатиться очень жестоко. Это Натали знает, так что действительно может быть за себя спокойна.

Теперь мы сами можем предложить «тэвочка» и заработать на этом. Первый раз мы продали Натали на двоих сразу. Понятно было, что в городе они впервые, в цехах совсем не шарили. Мы быстро все распланировали и понеслись.

– Не подставляйся сразу, – инструктировал Виктор, поломайся, побрыкайся, плачь, в общем, строй из себя, чтобы у нас появился повод для разборок. Короче, лей слезы и тушь размазывай по лицу.

Натали поступила как надо. Когда она выбежала, нам действительно стало обидно за нее, мы так и пылали негодованием, стучась к тем двоим.

– Вы что же, ребятки? – Виктор на месте не стоял, пританцовывал, покачиваясь пружинисто на носках. Мышцы его играли, как у резвого жеребца, готового сорваться в галоп.

– Нурэк, – спросил один из них другого, – ты развэ не платыл?

– В чем дэло?

– Вы что с девчонкой сделали? Она там слезами давится!

– Что дэлал, что дэлал! Что платыл, то и дэлал, да?

– Нет, мужики, платили за девчонку, а не за издевательства над ней!

– Как такие издевательства?

– Товарищ не понимает... – Виктор погладил свои костяшки. – Будем драться?

– Э, что хочешь? – Поняли, наконец.

– Так, за моральную травму, скажем, пять штук...

– А? – вытянулись лица.

Виктор погрузился.

– Она там заяву сочиняет, – качнул головой, – не знаю, сколько будет стоить заява, когда у прокурора на столе очутится...

Двое принялись что-то выяснять между собой.

– Ладно, завтра приходи...

– Э, нет, – возразил Виктор, – завтра заява будет. Да, совсем забыл, девочка молодая, несовершеннолетняя, ребенок еще, можно сказать. Нехорошо... Как же это вы, мужики?

– А-а-а! – засуетились, завозмущались двое, доставая деньги. Пачка шлепнулась смачно о стол. Горячие...

– На, потавис!

– Возьми деньги, Реш, а «подавись», это вы зря, мужики. Мы же за то, чтобы все честно было...

Натали, получив свою долю, так была довольна, что глазки ее даже в темноте засияли.

Мы все видим и все понимаем: все вокруг пытаются нахапать, а раз так, почему мы должны отставать? И стараемся. Если наши методы не всем нравятся, извините. Но ведем мы себя скромнее – вакуум немедленно заполнится другими, несколько не великодушнее или честнее нас. Только тогда нам самим придется переходить на положение быков. Перспектива не из приятных. Все бьются за какую-то абстрактную справедливость, и все за чей-то счет. Это же невооруженным глазом видно. Калейдоскоп справедливых лиц на экранах телевизоров с такой скоростью вертится, что мало кого запомнить успеваешь. Да и что такое справедливость? Это то, что утверждает Джеки Чан? Или Чак Норрис? Или то, что проповедуют приверженцы религий от Иисуса до Магомеда? И которые никогда не найдут общего языка? Или это все, чему хотят научить все кому не лень? Да ведь не только мы по причине своей молодости не можем ни в чем разобраться, но и те, кого в этом не упрекнешь.

Мы тоже верим. Верим в то, что сможем дожить до завтра, в то, что молоды и что молодость для нас только начинается. Мы верим в собственные силы. Верим своим шмоткам, заменяющим визитную карточку на улицах, верим Вадику и Натали, и у этой веры – зверские стимулы. Да, мы можем внимать учительнице, когда она молода и красива. Но ведь противно, когда тебе преподносят мир на уровне пестиков и тычинок, а на самом деле он – каннибал. Когда стыдливо преподают анатомию на пальцах, а на экранах жизнь трепещет и изгаляется. Только и с экраном жизнь не имеет ничего общего.

Разница все равно, как между хорошим кофе, к которому успел привыкнуть, и какой-нибудь ароматизированной гадостью.

Давайте-ка лучше «Лунную сонату». Нам дела нет, кто и почему ее написал. И мы люди без комплексов, нормальные люди. Белье Натали нас интересует меньше, чем место в очереди к ней. И что нам предки со своим «когда мы были...».

Милые мои, тогда ведь ни нас, ни этого города не было и в помине, и даже вы не знали, каким он будет, и будет ли вообще.

Очень скоро я понял, что толпы делятся еще и по национальному признаку. Может быть, и равны все перед законом, деньгами, братством и оружием, а только со временем начинаешь замечать, что хохлы – с хохлами, москали – с москалями, прочие с прочими. И редко кто, кроме нас, русских, виноват. То ли сами мы себя виним, то ли на самом деле виноваты. Знать бы еще, в чем. Но заметно восточнее становится город. Ходишь, как я не знаю, в Адлере. Причем мы – все больше пешком, они – ездят. Нас – все меньше, их больше становится. К девчонкам пристают, да и те – не против, чувствуют, значит, силу, опору видят. Единственное, чем можно их взять, это смелостью. Когда ты не боишься ничего, приходишь один против толпы и кое-что можешь, не ломаешься, значит. Это только и понимают.

Но и надо отдать им должное, друг друга в обиду не дают. Если что, так вплоть до собственных бабушек на стрелки приводят. Концерт, конечно, но эффект поразительный, ну какие тут разборки? При бабушках и внуках? Смех.

Погано, что начинают приставать, даже если идешь с девчонкой. Неприятно это. У нас не принято. У нас ходят по квартирам свидетели Иеговы и проповедуют тонкими голосами. Все больше о смирении. Все больше для маман.

Не было никого дома раз, когда пришли. Начал один мне петь про благодать Божью и литературу предлагать дармовую. А сам – чуть меня старше. Ну я ему и врезал.

– Ты что, – говорю, – сам-то святым духом питаешься?

Волосенки длинные жиденькие, бороденка, лик одухотворенный.

– Негоже фарисействовать, – говорит, – брат мой.

– Чего?

– Ты вот пытаешься злобствовать, а сам-то не таков.

– Каков же?

– Хороший ты, но не ведаешь, что творишь.

– Кто же ведает?

– Господь.

– Надо же! Удивил. Да ты сам живешь догмами, ничтоже сумняшеся!

У свидетеля чуть бровь изогнулась от удивления, но чинно так, аж приторно.

– Вижу я, образован ты, брат. Нам найдется, о чем поговорить, если ты меня пустишь.

Я отошел от двери, пропуская свидетеля в кухню. Налил чаю, поставил печенье.

– Благодарствую.

Ладно, пусть изгаляется, промолчал я.

– Сам-то отчего не пьешь?

– Не живу подаванием.

– Опять?

– Что опять?

– Пытаешься казаться хуже, чем есть на самом деле.

– Почему же пытаюсь, может, я на самом деле плохой.

– Однако пригласил же меня, угощаешь, да и смятение в душе твоей вижу.

– Что это ты такое видишь, интересно, и как можешь видеть вообще что-нибудь, недалеко от меня уйдя?

– Далеко на самом деле. Я ведь пришел уже к Господу, это ты еще блуждаешь в темноте своей.

– Ты разговаривать-то нормально умеешь?

– Я нормально разговариваю.

Вот что в нем мне понравилось, так это невозмутимость.

– Ну, давай, обращай меня во что-нибудь, – уставился я на свидетеля. – Объясни, чего хочешь, чего ждешь, как жить учишься.

– По Писанию.

– И чего же такого в Писании твоём есть, что мне неизвестно?

– Все, что нужно, есть, а прочее все – от лукавого.

– Вот как?

– Истинно.

– И что же, по-твоему, все мы рано или поздно к вере придем?

– А без веры нельзя. И живу я, ибо верую.

– Отчего же нельзя? Или я не живу? И чем таким твоя вера от любой прочей отличается?

– Господь един.

– Может быть. Отчего же тогда веры разные? Отчего враждуют все и ненавидят друг друга? Мусульмане – православных, протестанты – католиков и наоборот?

– Не сможешь ты сам прийти к ответу на вопросы, которые задаешь, но на все есть ответы у Господа. Веруй и повинуйся.

– Это когда бьют по одной щеке – другую подставить, знаменитое непротивление злу?

– Это смирение и послушание.

– Кому? А если не хочется? Если хочется сопротивляться? Если хочется ответить? Ты вот мне толкуешь про смирение, а Коран – про джихад. Концепции ведь совершенно разные, не кажется ли тебе, что с послушанием и смирением, воспитанным вашей верой, все мы рано или поздно очутимся у кого-нибудь под каблуком, и ты, и я?

Свидетель качнул головой в сторону своих книг.

– Прочти. И приходи к нам.

– Нет, – ответил я, – не приду. И ты не ходи сюда больше. Не мешай, не сей ничего. Чепуха все это. Чуть.

Колич тоже решил заняться нашим воспитанием после Нового года.

– Мужики, – веско сказал он после очередной тренировки, – какого черта вы морды друг другу колете без толку? Вам что, тренировок недостаточно, так я прибавлю нагрузки, если заняться больше нечем.

Мы как будто виновато опустили головы.

– Вот думаю про вас, – продолжал Колич, – про славян, и обидно мне становится. Посмотрите, как кавказцы живут. Помогают своим, как родственникам, случись что, а вы воюете. Или не знаете, с кем надо?.. Хрен знает, какой водкой народ травят, и никому дела нет.

Разошелся Колич. Редко таким разговорчивым бывает. Видать, задел кто-то за живое. Тогда и решили акцию провести. Солидно собрались, к общаге на автобусе подкатили, растеклись по комнатам уничтожающей лавой. Ни одной бутылки, ни одного пузырька целого не оставили. Кое-кто попался под горячую руку. Вместе мы – сила, да еще какая! Только организовать нужно правильно. Попадали, возбужденные, в автобусе на сиденье после акции. Устали. Едем назад, в спорткомплекс. Нормальная получилась тренировочка. Сзади засигналили назойливо, обогнали автобус три легковушки, и – круть – стали посреди дороги. Тяжелый автобус сразу не остановишь. Катится по ледяной дороге. Бам-м! Уткнулись. Из машин повыскакивали и давай по стеклам – кто чем.

– Ложись! – кричит Колич, сдергивает ближних к себе пацанов с кресел, бросает в проход на пол. Стекла посыпались. Над головой ураган из кирпичных обломков. Где успели набрать зимой?

– Ребятки! – ревет Колич. – По команде «пошел» выскакиваем!

Мы слышим, лежим себе, только водитель стонет, досталось значит.

– Пошел! – орет Колич.

Мы выскакиваем, кто из дверей, кто, вышибая окна, вытаскиваем припрятанные прутья. Понеслось! На! На!

Черт, не так просто лобовое стекло высадить, оказывается. Машины мнем, конечно, основательно. Озверели. Все быстро заканчивается. Все, кто мог, разбежались. Переворачиваем легковушки, освобождаем дорогу. Автобус вообще боево выглядит. Колич садится за руль.

– Так, пацаны, разбегаемся в городе по домам и сидим, как мыши. – Колич встревожен. И не зря.

Утром его арестовали. Об этом сказала Мама. Есть такая. Она-то есть, да не каждый об этом знает. Только лебезят перед ней все без исключения. Чем занимается, понятно. На вид – прямая, гордая. Сама в магазин не ходит. И все время кто-то сидит у ее подъезда. Только вышла – за ней следом. И упаси обидеть ее или посмотреть не так. Правда, каждый к ней запросто прийти может, если захочет. В любое время. Был бы повод. Каждого выслушает внимательно и непременно поможет. Разговаривает она тихо и замысловато, но понятно, говорят. О том, что Колич через день в камере повесился, тоже она рассказала. Она всегда в курсе. Черт! Толпа скорбит. И не только наша. В городе, похоже, траур. И непонятно, как это вдруг Колич повесился и зачем? Но заметно, что замерла торговля. Никто не может продать ни бутылки водки, ни пачки сигарет. Никто из нас ничего купить не смеет. Только что флагов черных не вывешено. Говорят, переговоры идут какие-то. Кто и с кем их ведет, нам неизвестно, да и не наше это дело. Тихо в городе, и все чего-то ждут. А мы пока слушаем Цоя, наигрываем на гитаре, гадаем.

*Я хожу по росе,
Ноги в ней я мочу,
Я такой же, как все...*

Нормальная песенка, своя, прикольная. Зависаем. Тащимся. Только Колича жалко.

- Скажи, пап, почему мы враждуем?
- Ты не так выразился. Вы не враждуете, вы соперничаете, можно сказать, соревнуетесь.
- Это соревнование? Мордобой с последствиями для жизни и здоровья – соревнование?
- Да.
- Интересно. И как долго это... соревнование будет продолжаться?
- Оно будет всегда. Пока существует человек. Это условие эволюционного развития.
- Значит, так всегда было? Было и у тебя?
- Да, конечно.
- Но мы ведь враждуем по национальному признаку!
- Нет, неправда. Вы просто находите этот признак. Не было бы его, вы бы враждовали с кем-нибудь еще. Например, с соседним районом или с подъездом, или с этажом, или даже с соседней квартирой. Абсурд? Да нет. Это соревновательный дух.
- Откуда ты все знаешь?
- Я не знаю все. Больше того, знаю на самом деле очень мало, просто стараюсь анализировать события, все, что поддается моему анализу.
- Должно быть, это скучно...
- Не знаю, я так привык. Так жить привык. Это мой образ жизни.
- Скучно же вы, взрослые, живете.
- Живем, как умеем. Я же не навязываю тебе свой образ жизни. Нормально то, что ты молод, что впереди у тебя целая жизнь. Мне тоже когда-то так казалось. Но, поверь мне, на самом деле это именно кажется. Все хорошее быстро заканчивается.
- А сам ты в ЭТО верил, когда был молод?
- Нет.

Никогда раньше отец не разговаривал со мной настолько откровенно и честно.

– Скажи, а что для тебя имеет значение?

Он задумался.

– Очень многое, на самом деле.

– Что именно?

– Ты хочешь проболтать всю ночь?

– Хочу, во всяком случае, понять...

– Не сможешь. Не потому, что глуп, а потому, что никто не может. Самое интересное, что чем больше хочешь что-либо понять, тем меньше понимаешь.

– Как это?

– Ну, все равно, как если бы ты пытался заглянуть за горизонт. Ты все идешь и идешь, а горизонт все на том же месте, сколько бы ни шел...

– Что же тогда, по-твоему, имеет смысл в этой жизни?

– Ничего не имеет, на самом деле.

– Вот как? Ты странно говоришь. Загадочно, нет, обреченно.

– Просто откровенно. Может быть, горько. Но такова, на мой взгляд, жизнь.

– Разве можно жить с таким взглядом? Это же тяжело. Невыносимо.

– А что легко? Что? Что бы ты ни делал, все требует труда, упорства и времени.

– А стоит того?

– Не знаю. Но могу сказать, что чем больше думаешь и стараешься понять, тем тяжелее живешь.

– Почему?

– Вероятно, потому, что начинаешь чувствовать себя ответственным за то, что понял.

Поминки Колича стоили нам дорого. Поскольку ящик водки для нас – плевое дело. Мало кто помнил, чем все закончилось. Только наутро выяснилось, что у толпы проблемы. Да еще какие!

Отходили туго.

– Откуда взялись на наши головы? – злился Виктор.

– Стрелка на пять, – напомнил Боцман. – Хорошо бы в норму прийти.

– Нет, все бы ничего. Если бы не старшаки, не разглядели спьяну.

– Так ведь и не трогали никого вроде. Я так не в состоянии, точно, был. Только помню, как самого колотили мордой о колено. Хорошо, хоть лоб дубовый, я его и подставляю. У Козыря, видать, даже коленка заболела. Его-то мы хоть не трогали? – спросил я.

– Да нет, он же после драки появился... А наши, что, все были?

– Да в том-то и дело. Только расходиться собирались...

– Значит, толпу накажут, – подытожил Виктор.

В «Полюс» мы с Виктором пошли вдвоем. Выпили по чашке кофе. Козырь был уже здесь, но к нам не подходил. Не замечал как будто. Марку держал. Огляделись. Все, в основном, свои. У всех шапочки норковые – у кого какая по высоте – положению соответственно. Солидная у Козыря. Виктор злится что-то.

– Ничего, наше время придет, покруче будем.

Снизошел Козырь, заметил. Подсел, шапочку какую-то в руках крутит.

– Ваша работа?

– Какая?

- Я говорю, шапочку вот порвали. Дорогая шапочка по нынешним временам... Черт его знает, не помним, может, и в самом деле порвали.
- Ладно, – вздыхает Козырь, – стоит она скромно, четыре штуки всего. Срок – неделя, потом – счетчик, да что мне вас учить?
- А если взамен такую же?
- Несите, поглядим... – говорит Козырь. – Ну и без обиды, пару штук за моральный ущерб, сами понимаете...
- Ладно, какие обиды...
- Что там у нас осталось? – спросил Виктор, когда Козырь отошел.
- Что-то около двух...
- Да, погуляли...
- Мы выпиваем еще по чашке, отдыхаем, хотя скверно на душе.
- Ладно! – поднимается Виктор решительно, – завтра и собьем шапочку. Что тут говорить. За неделю надо найти четыре штуки. Не отдадим – себе дороже. Лучший выход – действительно сбить приличную шапку.
- Может, отстанут? – предположил Боцман. – Да не рвали мы ничего. Я не пьяный был, точно знаю.
- Знаешь, лучше бы был как все. Вечно ты со своими заморочками книжными. Герой! Да тебе с твоей челюстью щелчка хватит. Старшаки – это тебе не ангелы, всех отделают, если что не так.
- Ноги сделаем...
- Ну да! Широка страна моя родная... Всей толпой? Да нет, сумма хоть и приличная, но не та, из-за которой делают ноги.

Норку решили сбивать возле магазина в центре города. Там и библиотека, и Дом культуры рядом. Народу полно, есть возможность выбрать, и уйти легче. Боцман кружится у входа, присматривается, выбирает. Вкус у него хороший, изысканный, как сам говорит. Достаточно посмотреть, как он одет.

Вот, вроде, выбрал, сопровождает кого-то. Мы двигаем навстречу. Виктор из-за киоска быстро догоняет мужика сзади. Все спешат по своим делам, милиции нет поблизости, все нормально. Встречаемся в одном месте все. Виктор резко срывает шапку и бежит в нашу сторону. Мужик замирает от неожиданности, быстро приходит в себя, кидается следом.

У них обоих на пути – мы. Расставляем руки, как будто пытаемся поймать Виктора, он ловко уворачивается, бежит дальше, а вот мужик застревает. Кого-то из нас сбивает с ног, сам падает. Все бестолково суетятся, куча мала на снегу. Чего же ты, мужик, налетаешь? Мы же помочь хотели, а ты нас с ног сбиваешь, растапа!

Поднимаем его, отряхиваем заботливо, поднимаем воротник дубленки, советуем шарфом голову обернуть, холодно ведь. Какой там, запомнили! Все так быстро произошло, теперь ищи его.

Мы возмущаемся вместе с мужиком. Но вежливо отказываемся идти в милицию. Мы только жить начинаем, нам это ни к чему. Расстаемся. Жмем руку пострадавшему. Счастливо!

Виктор уже успел переодеться в подъезде. Уходит. Прикид – что надо, ничего общего с ханьгой, стащившим шапку.

Мы принесли Козырю одну за другой три шапки, и ни одна ему не понравилась. А ведь снимали не всякую. Зажрался. Или опасается, что шапочку на нем узнают.

Мир тесен. Времени остается все меньше. Едем в область, спуливаем шапки там. На должок хватает, хотя и сдаем едва ли вполновину цены.

Козырь берет деньги не считая. Какие непонятки между своими пацанами? Кое-что остается и нам. Душа свободна и просит праздника. Да и не пора ли встретиться с Натали? Скучает, наверное...

Мои предки в честь праздника поехали в гарнизон. Мне тоже через пару дней туда. Отойду душой, оттаю. Тем более, что там почти юг и не то что снега, даже мороза нет.

«Любовь – не вздохи на скамейке...». Что такое любовь, мы, конечно же, знаем. Это нечто ухарское, залихватское.

– Верно, Боцман?

Боцман улыбается широко.

– А что, Наташа Ростова, она, конечно, не Натали, но тоже, в общем, ничего.

– Что? Уж не читал ли ты, часом, Толстого? И как это тебя угораздило, Боцман?

– А что, классная книга, толстая только.

– Может, потому и классная?

– Нет. Я серьезно. У Толстого слог...

– Ну, ты даешь!

Я внимательно посмотрел на Боцмана. Как-то странно было присутствие книгочея в очереди к Натали. Может быть, Боцман не совсем того... Не совсем пуст на самом деле. Это надо умудриться – Толстого прочитать. Подискутировать с ним, что ли?

– А что, Боцман, такого в... ну, как ты сказал, в слог?

– Как тебе объяснить? Ну, к примеру, куришь ты вот «Приму» без фильтра, а потом вдруг на «Мальборо» перешел... Примерно то же самое, если после кого-нибудь Толстого считаешь или того же Булгакова. Вкусно! – Боцман расплылся и зажмурился.

– Брось, – махнул рукой Виктор, – ненормальный он.

– И давно ты читаешь? – не унимался я.

– Да с детства. Лет с пяти, как читать научился.

– Да ты феномен просто.

Боцман пожал плечами:

– Ну почему. Нормальный я. Учиться люблю. Времени вот только не хватает.

– Уж не мы ли у тебя время отнимаем?

– Да нет, не вы. Если честно, сам не пойму, кто.

– Как это?

– Да так. Головой вот понимаю необходимость нашего единения, а душа чего-то другого жаждет.

– Ну все, достал. «Жаждет», «единение», ты че, блин? – разозлился вдруг Виктора. – Самый умный, мать твою? Или ты, может, не за тем сюда пришел? Давай, слюняй, чеши себе. Дешевый какой-то.

– Зря ты, Виктор, на него. Он ведь откровенно...

– Да насрать мне на его откровенность кучу огромную. Соплями позамазал кругом тут. Ростова, Ростова!.. Курва, как и все, та еще.

– Не прав ты, – вдруг серьезно сказал Боцман. – Душа у нее хорошая.

– Да ты че, в самом деле, охренел совсем? Какая душа? – вышел из себя Виктор. – Может, и у Натали душа?

– И у нее, – упрямылся Боцман. Вдруг решительно поднялся и пошел к двери. Уже на пороге добавил: – И у тебя тоже. Не знаю, правда, какая. Пока.

Я задумался на вечную тему. В самом деле, а что же такое любовь? Что такое любовь, например, для Надьки? Вон той, которая сидит на второй парте слева. У нее вечно носовой платок в кулаке. В кулачке. Платочек. Чистенькая такая вечно. Что для нее любовь, интересно? И замечает ли она кого-нибудь, выделяет? Штудировать физику. На кой ей физика, для чего? А для Ирины? Для красавицы. Золушки. Нет, принцессы.

Натали опоздала. Она ввалилась в квартиру, прямо упала нам на руки. Нос покраснел и опух, руки и лицо перепачканы косметикой. Прикол. Заревела, как баба. На ногах еле держится, попахивает от нее.

– Что такое? – бестолково спрашивает ее Виктор. И бесполезно. Натали только воет.

– Больно... – наконец выдавливают она из себя, и снова воет.

– Да объясни же, в чем дело, – начинает психовать Виктор.

– Не хотела я – сухо там...

– Да где, черт возьми! – не понимает Виктор.

– В ж... – выкрикивает Натали.

– Кто?

– Ко-о-о-зырь... – тянет она.

– Так. Где?

– До-о-ма...

– И сейчас он дома?

– Не знаю... я сюда... сразу...

– Как ты у него оказалась?

– Позвал...

– Ты что, не знаешь, кто он такой?

Молчит.

– Не могла сказать, что есть кому за тебя подписаться?

– Говорила...

Картина ясная. Натали обидели. В общем-то, она, конечно, тварь, но подписку имеет. И если Козырь об этом знал, то просто не ставит нас ни во что. Виктор достает из ящика стола кухонный нож. Теперь и мы можем запросто вынести двери у Козыря в квартире. И хотя он старше нас, но обидел толпу, так что мы можем вести себя некорректно. Теперь уже мы Козырю имеем право претензии предъявить. И зверское желание сделать это есть.

Козырь сам открывает двери. Причина нашего появления ему, похоже, ясна, но он спокоен.

– Есть тема для базара, – говорит Виктор, демонстративно поглаживая лезвие.

– Заходи, – приглашает Козырь.

Вопреки нашим ожиданиям, Виктор беседует с Козырем за дверями спокойно. И быстро выходит. Возвращаемся. Виктор шарит по карманам курточки Натали, вынимает мятый комок денег, новую косметичку.

Натали, пока мы отсутствовали, уже разобрала постель, расположилась.

– Ты что, подставлять? – Виктор швыряет Натали деньги и косметичку.

Она зарывается в одеяло. Виктор срывает его.

– А ну, где у тебя болит?

Натали испуганно молчит и совсем не сопротивляется.

Да, не получается что-то про любовь. Боцмана не хватает, что ли?..

Я пошел домой. И не нужно меня провожать, когда поеду в гарнизон. Не люблю. Да и прощание было бы каким-то тягостным теперь.

Чем отличается стиль рококо от стиля барокко? Отчего у совы глаза круглые, а рак пятится? Это все далеко не простые вопросы на самом деле. Это жизненно важные формулы, загоняющие в тупик оппонентов, или противников, или соперников, следуя логике отца.

Эрих Мария Ремарк. Странное имя. Что-то писал об армейских туалетах. Хемингуэй тоже что-то писал о смерти. Много чего о смерти пишут. Вообще много ее, смерти. Ровно столько, сколько в живых существует. Еще одна формула. Количество жизней и смертей стремится к равенству во времени. Вот это да! Аксиома. Догма. Рок.

Собираюсь в армию. Чечня воюет уже лет восемь. И все вокруг нее воюют. Скромно так, тихо, незаметно, подпольно почти. Не сразу угадаешь. Если Афганистан тяжело было понять, то Чечню вообще понять невозможно. Мы же выиграли Отечественную войну у Наполеона. У Гитлера. А сами ведем почти такую же. И не хотим в это признаться. Но кто-то же должен служить в армии. Все-таки должен. Почему же не я? Значит, я. Кто же, как не я. Маман категорически против. Помоталась по гарнизонам, повидала. Отец – за. Офицер. Не генерал, однако. Да и не может стать генералом уже. Не в обиду будь сказано. Из его же слов следует, что задатки генеральские и шарм, и дурь уже во младенчестве проявляются. На роду написано, кому генералом быть. Они в фуражках рождаются или со звездой на лбу.

Но вот что странно для меня лично. Численность населения России за последние десять лет уменьшилась со ста шестидесяти до ста сорока пяти миллионов. На пятнадцать миллионов человек. Кажется, такая цифра фигурировала на уроках истории в связи со второй мировой войной. Война длилась четыре года. Урожай ее – пять миллионов смертей в год. У нас, вроде бы, время относительно мирное. Смертей не многим меньше. Спрашивается, куда же деваются люди? И как долго это будет продолжаться и чем для нас всех закончится? И все это на фоне рока, попсы, роскоши и придури отдельных. Пир во время чумы. Очередной.

И что, спрашивается, делать мне лично? Остается браться за оружие. На законных основаниях. В армии. Каждый день в ДТП погибает 53 человека. В год – 19345 человек. Почти как в Штатах. В полтора раза меньше, чем во время войны в Афганистане. Меньше, чем в Чечне. Но все равно это не полтора миллиона человек. Куда же деваются остальные? Господа, кого же мы, умирая такими темпами, будем ставить под ружье, о ком будем заботиться, кого учить послушанию, терпению, кого обирать и обманывать, а? Не пора ли нам серьезно подумать? Сесть вот, как я, и подумать? Можно и опоздать ведь, можно просто опоздать. И какие из всего этого выводы, личные мои выводы? Все-таки армия. Получается, что в ней достаточно безопасно. По сравнению со всяким другими местами. Даже в сравнении с этим конкретным городом. Вопить об этом, конечно, не стоит. Все равно никто ничего не поймет и даже не поверит вот так сразу.

Отвлек меня от мыслей звонок в дверь. Странно, я никого не ждал. В глазок увидел Натали. Падшая пришла каяться, подумал я, открывая дверь. Зря подумал. Намерения ее были гораздо приземленнее. В пространство между дверью и косяком тотчас протиснулось плечо Козыря, стоявшего за дверью так, что мне нельзя было его увидеть.

– Привет! – Козырь оттеснил меня, улыбка у него странная была, мутная какая-то. Послышался топот, и с лестничной площадки из-за шахты лифта деловито спустился человек десять, как говорится, обоего пола. Они завалились в прихожую, деловито раздеваясь, осматриваясь.

– Да вы что? – удивился я.

– Понимаешь, морозяка, зависнуть негде. Вот и решили заглянуть как к хорошему знакомому.

– Прокол, Козырь, уезжаю я.

– А мы не возражаем, ключики оставь. Жалко, такая хата – и пустовать будет.

Глаза у Козыря лихорадочно блеснули. Я начал понимать, какая блажь привела его. Ну, Натали. Ну, стерва!

Отомстить решила, что ли? Однако. Не иначе, в подруги решила податься, а ведь и впрямь – тварь.

– Не пойдет, вышвыривайтесь!

– Ну, зачем так грубо, при дамах. Когда вы ко мне пожаловали, я ногами не сучил. Вежливо себя вел, вежливо.

– И что дальше?

– Вот. Косячок забьем, соломки заварим. Ширнемся, приколемся, сам понимаешь, не по приколу в подъезде. Ладушки? Ну и тебя приглашаем, как хозяина. В ментовку же не попрусь...

– Верно, не пойду, но и ключа не дам, не бык.

– Тихо, буян, по-доброму прошу, слышишь.

А – пропадай все пропадом! Пару раз я успел врезаться как следует. Потом свалили, связали. Отнесли, правда, как к хозяину уважительно. Бережно положили на кровать в моей комнате. Пошучивали:

– Дернешь?

– Да пошли вы...

– Ну и кто тебе виноват? Отдыхал бы себе за компанию. А теперь что? Пока не свалим, не отпустим ведь.

Сваливать они не собирались. Основательно зависли. Понимали, что если отпустят – толпу приведу. Октябрюта – дружные ребята. Самое обидное, что никто ко мне прийти не мог. Все знали, что уезжаю. Скоро всем не до меня стало. Слонялись по комнатам, гремели на кухне. Как назло, небо за окном серое – взгляду зацепиться не за что. С голодухи, конечно, умереть не дадут, хотя, судя по активности на кухне, домашних припасов ненадолго хватит. Ладно, родители снова заготовят. Ерунда.

Интересно, что они сейчас делают? Вот бы приехали сюрпризом, я бы удивился. А уж они... Нет, пусть лучше отдыхают, сам выкручусь как-нибудь. Знали бы... А если бы и знали? Стал бы отец хотя бы драться? Не верится что-то. Они, наверно, до сих пор думают, что сынуля у них – пай-мальчик, у которого одни учебники на уме.

А телки ничего, нормальные телки.

К вечеру засопели, завозились на кровати напротив. Не знаю, какие фантазии обуревали, но явно считали, что одни. Пришлось повернуться спиной. Шуршало, скрипело, шлепалось на пол. Получалось плохо. Бедолаги, эфедринчиком нужно было запастись, каждый школьник знает.

Козырь зашел с Натали. Натали почти нагишом. Рыжие волосы растрепаны, глаза зеленым горят – ведьма ведьмой, но и красива, черт! Тело, будто фарфоровое, как огнем изнутри подсвечено.

– Извини, место нужно освободить, – поднял меня Козырь.

Он поддерживает, пока я прыгаю на связанных ногах. Да не хочу я в туалет! Ах, это ты хочешь, чтобы я хотел, тронут, такая забота. Спросонок – на горшок. Маман, прямо. Ну а если еще кому понадобится? Выведут? Отлично.

Козырь закрыл за мной дверь и включил свет, чтобы, значит, я не испугался в темноте. Славно провести каникулы верхом на унитаза. Куда меня денут, если туалет понадобится по прямому назначению? В ванну? Хорошо бы. Там коврик на полу, лечь можно...

Родителям я сказал, что опоздал на регистрацию. Своим тоже ничего говорить не стал. Решил все забыть. Натали тоже никакого резона болтать не было. Разберусь сам как-нибудь. Переживу пока.

Спасибо Количу, успел нас познакомить с умными людьми. Одного Контролером зовут. За привычку кататься в автобусе. Не зря, видно, катается, конспиратор. Есть время подумать, когда белый снег плывет за окном. Виктор трется с ним рядом. Присаживается.

– Работенку?

– Хотелось бы...

– Ладно, дам наколку, ставка моя известна, доводить до исполнительного листа не советую...

– Какой базар, чай, не маленькие, – успокаивает Виктор.

На самом деле просто все. Северные морозы люты. Моторы глушат редко. Главное, лишь бы водитель далеко ушел и надолго. Поначалу мы просто катались, собственной смелостью опьяненные, со сладким ужасом минуя посты милиции. Потом и Контролер понадобился.

Боцман среди нас лучшим водителем оказался, хотя и погоняло у него совсем не сухопутное. Только он да еще Виктор знают адрес, переданный Контролером. Улыбнулся Боцман, захлопывая дверцу. Новенький автобус с липовой путевкой и сбитыми номерами рванул по адресу – только пыль снежная следом взвилась. Риск, конечно, но деньги большие, настоящие деньги. Так не только для толпы заработать можно. Так ведь и на всех, каждому на что-то серьезное хватит. А может, дело какое, как маман, открыть? Со временем.

Приуныла толпа. Как там все обернется? Боязно с непривычки. А ну как заметут Боцмана, несмотря на маскарад? Долго уже катается. Контролер терпелив. Как там в зоне? Срок мотать все-таки только теоретически хорошо. Надо бы нащупывать следы Боцмана.

– Дела! – негодует Виктор пару дней спустя. – Кто бы мог подумать, что Боцман на измену сядет? Встречаю, значит, мамашу, слегонца удочку закидываю, а он, оказывается, вовсе не нары полирует, а живет преспокойненько у сестрички. С такими-то бабками!.. В общем, шлем гонцов.

Боцман прикинулся неплохо. Идет. Спешит куда-то, не ожидает, видно, что вычислим так быстро. Встречаем.

– Что, Боцман, помочь?

На лице у Боцмана растерянность.

– Деньги помочь истратить? – спрашивает Виктор.

Боцман молчит.

– Что, испугался? Ладно, мы зла не держим. Не знает еще никто. Верни должок, и квиты.

– Нет у меня денег...

– Да ты что, опупел? Как это нет? Деньжищи такие.

– Понимаете, дочка у сестры... больная, операцию вот сделали...

– Да все мы, Боцман, понимаем и даже ценим твое благородство, но вот как это все Контролер поймет? Ему-то мы что скажем, а? Поехали, блин, объясни, попробуй. Ну какие тут отмазки? Ты что, штраф в состоянии заплатить или сестричку без хаты оставить? Мы не говорим уже о своем. Нам ничего не нужно. Нам просто нужно жить. Грешен, Боцман, ответь. Едем.

– Чума... – объявляет Козырь, выходя из подъезда. У описанного Боцмана хватает сил выползти следом. Уж лучше бы он остался в подъезде. Он страшен просто. Мокрый, в крови, ухо разодрано. Козырь оглядывается, сваливает Боцмана ногой. Невозможно на это смотреть, непроизвольнодвигаюсь на помощь.

– Разве неясно, Чума! – заметил мое движение Козырь.

– Не дергайся, – цедит Виктор, – опустят следом.

Все, Боцман, свободен, как птица в полете. Можешь ехать назад, к сестричке. Лечиться дальше. Не везет тебе, Боцман, или так на роду написано...

– Ништяк, Реш, есть повод забухать, – Виктор стукнул костяшками по столу. – Весточку на хвосте сорока принесла. Хаза без крыши совсем, беспонтовая крыша то есть. Может, они думают, чем меньше ее пасут, тем надежнее?

– Может. А может, пасут лучше, чем ты думаешь.

– Почему? – Виктор вздернул брови.

– Посуди сам. Ну кто тебе обо всем рассказал, просто так, что ли?

– Да мелкий ведь совсем, дурак ведь.

– Может, и дурак. А может, и нет.

– Это почему же?

– А что, если подсказал кто-то мелкому или специально слил, чтобы растрепали где нужно. Или кому нужно, а?

– Ну ты даешь, Штирлиц.

– Да не Штирлиц, а Шерлок Холмс, чего уж.

– Че-то не пойму я, Реш, ты что, быкуешь?

– Да нет, просто подумать предлагаю.

– Не нравишься ты мне, Реш, последнее время.

– Понимаешь, когда часто отшибают мозги, начинаешь сомневаться как-то.

С милицией пора познакомиться очно. Пора обзавестись опытом общения с ней, опытом поведения и противостояния. Но то, что произошло на старый Новый год, как-то не воспринималось серьезно.

В подъезде девятиэтажки, куда меня угораздило забежать перекурить и согреться, аккурат оказался опорный пункт милиции. Знакомство с участковым состоялось бесподобно вежливо. Только я прикурил, как распахнулась дверь и входит детина в полушубке с погонами, здоровенный, как медведь. Входит, замечает неожиданно меня (запросто мог ведь и не заметить при своих габаритах) и говорит, как Зевс-громовержец:

– Пошли.

Я пошел за ним. Он открыл дверь квартиры номер два, зашел в опорный пункт,

я следом. Бросил мне: «Садись». А сам достал папку из стола, из нее – ручку и не первой свежести бланк.

– Фамилия? – Участковый не утруждал себя многословием.

Я ответил. Кроме того, я ответил также на другие немногословные вопросы, после чего расписался в протоколе за административное правонарушение, выразившееся в курении в общественном месте, коим является тамбур подъезда, а вовсе не наличие в нем пункта охраны общественного порядка.

Участковый сообщил мне свою фамилию. Я ему – домашний телефон. После чего мы расстались, сойдясь на том, что сума штрафа за нарушение вполне подьмна для меня и крайне необходима бюджету.

– Кино! – не сразу даже поверил Виктор в то, что такое возможно.

– Фараон!

– Знаешь, что-то не разделяю твоего веселья по поводу.

– И не надо. Давай-ка лучше по пивку. Промочим, забудем и все такое...

Мы вшестером расположились за столиком и, потягивая пиво, поглядывая на танцующую молодежь, базарили и расслаблялись.

По бару шарахались малолетки с разрисованными фейсами, в нарядах с претензиями на кутюр. Гости постарше отплясывали быстрые и шевелились в медленных. Компания празднующих день рождения все время заказывала «варенички» и выходила вприсядку, приставая к малолеткам. Компания деловых загадочно руководила неизвестным процессом, отсылая куда-то появлявшихся в баре парней. Изредка заходила компания в плащах, упрямо и в упор разглядывающая присутствующих. Но нас никто не задевал. Наши девчонки в круг не выходили. Им достаточно было общения с нами и пивом.

Вечер подходит к концу, мы было собрались «на коня», но тут в бар пожаловала еще одна компания. В погонах. Возглавлял ее участковый, с которым я не далее как несколько часов назад имел счастье познакомиться. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он встретился со мной взглядом. Надо ли говорить, куда он после этого направился? Я даже догадался, что он скажет, подойдя к нам. И нисколько не ошибся в предположениях. Он произнес: «Пошли» – точно так же, как и несколько часов назад.

Компания поднялась и проследовала к выходу из бара.

– Пили, – не то спросил, не то подытожил участковый: – Поехали.

Во дворе стоял милицейский «уазик». Девчат и двоих наших посадили на заднее сиденье. Нас с Виктором – в заднюю часть салона, называемую «воронком» по причине тесноты в салоне. Выгрузили компанию у наркологического отделения. Честно говоря, все мы почему-то глупо улыбались. Настолько смешно и нереально казалось все то, что происходило. Весь этот маскарад с трубочками, протоколами и сумасбродством.

Домой меня привезли в два часа ночи. Маман, заламывая руки, высокопарно проповедовала прописные истины. Папа сердито молчал, дымя как паровоз. Я изображал глубокое раскаяние, хотя, откровенно говоря, мало понимал, в чем. Радужные перспективы в виде педсовета, проблем с окончанием школы и дальнейшим моим образованием, объяснениями на комиссии по делам несовершеннолетних меня волновали куда меньше моих родителей. Волновало другое – мне ужасно начинал не нравиться мир, в котором жили взрослые, и в котором, кажется, начинал жить я сам.

Все произошло именно так, как и предсказывал папа. Вначале мы все вшестером поприсутствовали на заседании комиссии по делам несовершеннолетних, где

взрослые люди учили нас правильному поведению в общественных местах и азам юриспруденции. Единственная из всех родителей, не согласившаяся с выводами комиссии, мать Натали грозила подать в суд на всю комиссию и на каждого ее члена в отдельности. У нее случилась истерика прямо на пороге «белого дома». Настроение после всего было наимерзостное. Кроме того, всех шестерых посадили под домашний арест примерно на неделю. От нечего делать я занялся изучением кодексов Российской Федерации. И сделал интересный вывод относительно того, чем грозило разоблачение хазы, о которой говорил Виктор, ее владельцам.

– Нет, Виктор, давай сразу определимся, я с тобой не пойду и тебе не советую.

– Ну хоть на шухере постоишь?

– И на шухере стоять не буду.

– Что, ссышь?

– Не в этом дело. Ты же знаешь в чем.

– Что, слишком умный?

– Да нет, не я умный, а ты...

– Ну что замолчал? Говори, давай. Глупый, да? А ты забыл, кто тебя, умного такого, из дерьма вытащил, а? Ты забыл, что один ты – червяк? Никто. Каждый может ноги вытереть.

– Нет, Виктор, не забыл, память еще не отшибли. Но могут.

– Боишься.

– Нет, не боюсь, не в этом дело...

– Да что ты заладил, как попугай: дело, дело... Ты же знаешь, чье все это. Знаешь же. Так вот и отпустишь просто, не сделаешь ничего, при том, что они тебе...

– Виктор замолчал.

Знаю, Виктор, знаю. Может быть, этим ты меня и купил. Единственное, что я оговорил, так это то, что не буду никуда заходить, ничего брать, просто, если что, свистну. И так на языке кодекса все это называется соучастием.

Я видел, как Виктор вышел из подъезда. Под курткой у него бугрился сверток, который он поддерживал руками, засунутыми в карманы. Он кивнул мне, и мы пошли в разные стороны. Черт его знает, как там оказалась Натали. Она подошла ко мне как раз, когда я поджидал Виктора. Правда, ушла немного раньше, чем он вышел из подъезда. Видела ли она Виктора, я так и не узнал. Мне казалось, что нет.

Карусель завертелась через неделю. До этого Виктор жил как персидский шах. Хорошо жил, а потом вдруг исчез. Как сквозь землю провалился. Оказалось, что в городе у него на самом деле множество друзей. По дороге из школы ко мне подошло все множество и, для пущей убедительности показав внушительный тесак, посоветовало молчать, если что.

Из полученного совета следовало, что о случившемся это самое множество осведомлено. Посему нужно было готовиться к неприятностям. Хуже всего было то, что неприятности не могли произойти незаметно для родителей. Получалось так, что назидания их мне, как всегда, не пошли на пользу.

Вероятно, я достаточно упорно раздумывал над тем, как их избежать, потому что маман что-то поняла. На то она и маман. Когда я ей вкратце рассказал историю, она посоветовала уехать куда-нибудь на время. Одновременно ко мне стали проявлять интерес лица противоположной стороны. Но, памятуя о совете, я старался отнекиваться, даже когда меня вывезли куда-то за город и представили аргумент куда более серьезный, чем кухонный тесак.

Я все еще валял дурачка и терпеливо топал пешком вдоль дороги, думая о том, как все-таки оказался прав. Но не до конца. Куда более прав на самом деле был мой отец. Может быть, у него не было достаточно информации о случившемся, но выводы из рассказов маман он сделал сразу. Поэтому, когда вечером за мной в очередной раз приехали, отец вышел за мной следом.

– Привет, – сказал он сконфузившимся гонцам и молча пошел вниз по лестнице. Когда все мы вышли из подъезда, он добавил: – Я с вами, не возражаете?

Гонцы не возражали. Они не нашли, что возразить человеку, не умеющему разговаривать на пальцах.

В комнате, где мы все оказались, как будто не происходило ничего. Не то чтобы странного или необычного, или серьезного, а как будто вообще ничего. Прошла женщина, пробежал босой ребенок. Зашел мужчина. Молодой. Присел у стены на корточки. Ничего не говоря, не спрашивая, будто вовсе нами не интересуясь. Как будто это вполне нормально, что мы тут сидим. Посторонние. Потом зашел мужик полный, неопрятный. Он обратил на нас внимание.

– Ты кто? – ткнул он пальцем в отца.

– Отец, – пожал отец плечами.

– Чего же так плохо смотришь за сыном? Я вот за своим смотрю, каждый шаг знаю.

– Ладно. Как я понимаю, ребята в дерьмо вляпались?

– Правильно понимаешь. Разбираемся еще. Но не в этом даже дело. Пусть говорит правду. Больше ничего от него не нужно.

– Не настолько виноват?

– Был бы виноват больше, мы бы не разговаривали. Знаешь, за общак всю семью опускают? Разбираться будем не с ним. Он пусть расскажет. Не мне. Тому, куда отвезут.

– Одного не пущу. Затем и приехал. Отвечаю перед законом. Любым, какой ни будь.

– Пустишь. Ты там не нужен. Ничего с ним не будет, я сказал.

– Нет. Давай добром разойдемся. Как я понимаю, тебе нанесен ущерб. Сколько?

– Правильно ты понимаешь, только платить будешь не ты. Ты не будешь.

– Не понял.

– Я сказал, ты не будешь платить. У нас к твоему сыну вопросы.

– Задайте при мне.

– Тебе что, не достаточно моего слова?

– Не знаю. Пока.

– Нехорошо говоришь, плохо.

– Честно говорю.

– Смотри, смелый, решение еще не принято.

– Я не смелый, просто пытаюсь себя уважать. Если сам себя уважать не буду, то никто не будет.

– Уходи пока и живи спокойно. Через полчаса твой сын будет дома. Если ты нам понадобишься, мы тебя найдем.

Когда я вернулся домой, мы долго сидели в разных комнатах с отцом. В конце концов я не выдержал.

– Скажи, пап, как ты думаешь, они отстанут?

– Конечно.

– Почему?

– Да ведь ты им не нужен. Неужели до сих пор ничего не понял? Здесь столкнулись интересы двух компаний, в игрушках которых вы ничего не значите. Если бы это были не вы, то был бы на вашем месте кто-то другой. Кто кого тут подставил, им самим гораздо понятнее. Они прекрасно понимают, что развели вас, сопливых, на что захотели. Ты вот думаешь, наверно, что все уже закончилось. А это не так. Они еще появятся. Не знаю пока – кто. Но ущерб-то возмещать придется. А он не маленький, судя по вашим рассказам. Обычно ведь не только долги возвращают, но и отступного платят. Штраф, если так можно сказать. Как ты думаешь, на кого его переложат? Что с тебя возьмешь?

– И ты станешь платить?

– Понимаешь, речь ведь идет не о тебе и не обо мне. Я бы, может, и не стал. Но это хорошо говорить абстрактно, когда никого больше дело не касается, но ведь есть еще мать, верно. Она-то здесь совершенно ни при чем. Не стану же я портить жизнь и тебе, и себе, и ей в придачу. И только потому, что сын у меня – дурак. Вот от меня они просто так не отстанут. Есть еще возможность обратиться в милицию. Мне будто не с чем. Тебя наказать только. Хочешь – иди.

Отец куда-то ездил пару раз. С кем-то говорил. Потом приехали ребяташки, пошуршали купюрами, забрали кое-что по-крупному. Маман проплакала неделю. Тем более, что все ею и заработано было. Ну что тут будешь делать. Сами отдали. Ни за что.

Что-то произошло со мной, что ли? Бешеный стал какой-то. Особенно, когда приму на грудь. А как без этого? Не ширяюсь зато, не нюхаю.

Виктор в бегах. На его родителей тоже наехали. Круче еще.

Теперь мы все друзья по несчастью.

Как-то потихоньку наша компания стала распадаться. Кто усиленно готовился к вступительным экзаменам, тем более что стало модным зачисление в «вышки» по результатам выпускных. Зачастили в школу представители всяких. Всем денежки нужны. Нам тоже. Мы еще по привычке продолжали собирать дань. Но почему-то все неохотнее ее платили. Как-то стали должать. Меры нужно было принимать экстренные. И незаметно снова возник национальный вопрос, вырос, как колосс на пути благосостояния в виде проблем с лицами определенной национальности.

Был у меня, можно сказать, друг из них. Познакомились мы достаточно прозаично. Пару раз столкнулись в школьном коридоре плечами. Оказались примерно равны в драке. Мне почему-то не хотелось драться с ним серьезно. Я почувствовал, что и ему не очень хотелось. Хотя ударить он мог – будь здоров. Его толпа могла, конечно, вмешаться, но он не захотел. Разошлись мирно, а потом стали здороваться при встрече. Получилось, что и в гости друг к другу из вежливости попали. Пару раз он даже здорово меня выручал. И очень неожиданно уехал в свой Дагестан, даже не окончив учебного года. Один раз позвонил мне домой. В телефонной трубке стреляли короткими очередями.

– Это так, балуемся немножко, – серьезно ответил он. – Дежури́м, а тут небольшой праздник. С автоматом сажу. Черт возьми, вот она, взрослая жизнь!

– А как школа?

– Какая школа... – вздохнул Абдулла. – Ладно, привет всем.

Снег уже не падал. Ляпал мокрыми хлопьями в раскисшее месиво. Зима сдавалась. Выпускные экзамены на носу, шпаргалки заготавливались впрок. Это сколько же по стране уходит на них бумаги ежегодно?

Мне не грозила участь попасть в студенты. Потому что резко упало количество хороших отметок в журнале, и на экзаменах мне предстояло только подтвердить свое право на приемлемые государственные оценки.

Не знаю почему, но я был уверен в успешной сдаче выпускных, волноваться не было причин. Стоило заняться тем, что мне представлялось важным.

Прежде всего следовало упорядочить сборы толпы. Узаконить время и место сборов, и никому уже не давать спуску.

Ладно, раз уж я считаю себя умным, как мой отец, то надо соответственно начинать себя вести. Прежде всего нужно наладить дисциплину в толпе. Пооборзели все. Звонишь – не приходят, обещают – не делают. Наказывать нужно. Рублем и поркой. Удивительно, но факт: когда прибавишь интонации в голосе, это действует. Собрались все. Послушайте, братва, что за приколы городка, что за разброд и шатание? Я понимаю, у всех проблемы. Но они не главнее общих. Или вы снова решили перейти на положение быков? Кушать травку? До вас не доходит, что поодиночке нас растопчут? Или надеетесь на кого, или у вас у всех крутые крыши отыскиались?

Еще удивительнее то, как охотно, оказывается, все подчиняются. Как удобно, оказывается, для всех, когда находится желающий подобрать брошенные бразды в собственные руки. Октябрюта выросли. Им пора заняться большими делами. А для решения своих проблем есть ночное время. Еще, как говорится, кто рано встает...

Для начала решил помочь Малышу. Вернее, получилось так, что он сразу за меня спрятался, так что мне уже и деваться некуда было.

Наехали на Малыша. Наезд пустяковый. Но для Малыша – паршивый. Потому что наехали старшие, а они ведут себя свирепо, если чувствуют свою безопасность. Малыш испугался и подставил меня тем, что, даже не поговорив со мной, пообещал привести на стрелку.

Получалось так, что если я теперь бы не пришел, это выглядело бы дешевле некуда. Я пошел вместе с Малышом. Вдвоем.

Толпа сидела около подъезда, точно мухи на куске дерьма. Внушительная толпа. Малыш напел им про крутизну столичную или что-то в этом роде, ну и, соответственно, эту крутизну встречали. Толпа сидела, едва удостоив вниманием наше появление.

– Ну, кто тут старший? – спросил я, подойдя.

Никто мне не ответил.

– Ну что же, разговаривать, стало быть, не с кем, – добавил я. – Видишь, Малыш, как все просто, даже претензии предъявить некому. Пойдем.

Я обнял Малыша за плечи. Мы развернулись с ним, намереваясь уйти.

– Э! – окликнули нас.

Я обернулся.

– Ты чу тут такой? – Кажется, Боцман называл это аллегорией.

– Такой вот тут да, – не менее витиевато ответил я.

– Кончай мести-то... пургу.

– Ветер метет, язык чешет, да хвост пылит, – добавил я.

– А?

– Б – тоже буква алфавита, если вы не знаете. – Я оставался вежливым до безобразия.

– Ты, что ли, за базар отвечать собрался?

– За что? Базар? Помилуйте, да мальчишка не то что слова такого не знает, а даже вон зарделся от стыда. Вы розги что, тоже приготовили? И как пороть собрались, порознь или сообща?

Видно было, что в беллетристике никто из них особенно не силен. А то, что непонятно, либо пугает, либо вызывает уважение у противника. Старший теперь нашелся.

– Ладно. Не тронем Малыша. Платить ты будешь?

– Я? За что, собственно?

– За оскорбление.

– И кого же этот пацан оскорбил и как?

– Поднял руку на старшего.

– Не понял. И что, старший позволил? И теперь разбирается вместо того, чтобы на месте уши надрать... Да нет, не складывается что-то. По-моему, вы все должны быть благодарны пацану за урок. За то, что как раз он не упал на кости перед кем ни попадя.

Тот факт, что я пришел совершенно один, совершенно спокойно, все-таки подействовал. Видно было, что кое-кто из толпы недоуменно поглядывает по сторонам, все дожидаясь, откуда же появятся остальные. Поняв, что никто больше не придет, толпа осмелела. Однако психологически поединок я уже выиграл. Я понравился вожаку. Довести разговор до развода на кофе теперь уже было делом техники. А ведь все могло закончиться совершенно иначе.

Вскоре мы проводили Малыша домой и отправились вдвоем со старшим ударить по пивку в «Полюс».

Из «Полюса» я вышел скоро. Настроение, что греха таить, было приподнятое. Совсем неожиданно увидел Ирину. Как же. Неожиданно. Я ее искал. Я искал ее всюду и всегда. Просто не признался бы в этом никому и никогда. Себе даже. Ирина пыталась освободиться от назойливых ухаживаний владельца изумрудной «девятки».

Владелец приглашал Ирину в машину, крепко держа ее за локоть. Во мне будто щелкнул затвор, приводя оружие в боевое состояние. Я сделал как можно более дружелюбную улыбку и направился к Ирине.

– Добрый день, пошли, Ирина. – Взял ее за локоть с другой стороны.

– Ты кто такой, слюшай! – Парень был явно старше меня.

– Извините, мы задержались, дети без молока... – начал было я.

– Давай отсюда! – обрезал парень. – Пацан!

Оружие внутри меня взяло парня на мушку. Но я попытался еще раз замять скандал. Уводя Ирину, сказал:

– Мы вам желаем счастья! – Сказал, как можно миролюбивее.

– Казел! – воткнулось в спину.

Ирина была достаточно напугана, хотя парень от машины не отошел. Я мог уйти, уже мог уйти вместе с Ириной, если бы не последнее замечание в ее присутствии. Я уже не слышал, как Ирина сказала: «Не надо».

– Ты что хочешь? – привычно спросил парень, когда я подошел.

– А что ты можешь? – так же привычно ответил я.

Он мог многое. Он был старше и сильнее. Только излишне самоуверен. Перед ним стоял в общем-то, мальчишка, который к тому же попался на первый же ложный выпад. Настоящий удар был очень силен.

Я оказался в нокдауне. Пытаясь как можно глуше уйти в защиту, упал, чувствовал пинки ногами, постепенно приходил в себя. Хорошо хоть зима, куртка толстая, свитер, не очень-то запинаешь. Подкатился к машине, начал подниматься. Парень хорошенько рванул меня за плечи, намереваясь «взять на бычка», но я уже почти оправился. У него не вышло. Тогда он поволок меня к машине, попробовал, войдя в раж, отходить головой о капот. Шапки на мне уже не было, лицо было в крови, капот испачкался.

Лежа на капоте, я заметил, что прохожие пытаются обходить машину как можно дальше, быстро минуют место драки, услышал, как плачет Ирина, подумал о том, что все время достается моей голове. Может быть, потому, что я Овен, а голова у Овнов – слабое место. Капот оказался неожиданно мягким. Впредь нужно иметь в виду, что битьем о капот ничего не добьешься. Последнее, что успел предпринять парень до того, как я окончательно пришел в себя, это захватить мою шею в замок. Бросок для него стал полной неожиданностью, так же, как все остальное. Он уже устал. В результате ответных действий я усадил его в машину и пинком захлопнул дверь.

Ирина теперь смеялась сквозь слезы. А еще, когда мы уже уходили и я оглядывался в поисках шапки, мне ее подал мужчина. Подал, а потом протянул руку и молча пожал мою.

Телефонный звонок разбудил меня утром.

– Игорь, – как будто не ожидал возражения низкий уверенный голос. – Не надоело еще кулаки чесать без толку?

– Не понял, – на самом деле не понял я.

– Приходи вечером в «Полюс», если желаешь заняться настоящим делом.

– Это каким?

– Настоящим, я сказал.

– У меня есть время подумать?

– До вечера.

– А все-таки, что за дело?

– Настоящее, я сказал, как и пушка. Нам нравятся те, кто может за себя постоять.

– Как я вас узнаю?

– Мы сами тебя узнаем, если придешь. И учти, дважды не приглашаем...

Трубка была еще в руке, но гудков отбоя я не слышал. Должно быть, долго держал ее, пока решал, как быть.

В «Полюс» я не пошел.

Неожиданно быстро учебный год подошел к концу. Так же неожиданно хорошо я сдал выпускные экзамены. Главное – без нервотрепки, спокойно, не в пример отличникам, мучившимся перед каждым экзаменом до лязга зубов. Всего одна тройка. По русскому. Красота! Студенчество мне не грозило. Да и, честно говоря, попасть в другом городе в новую мясорубку не хотелось вовсе. Меня ждала армия. Все складывалось так, что ждала.

Отец устроил меня на работу. На самом деле такое участие и возможность такая – благо по нынешним временам. Далеко не каждый из окончивших школу одноклассников смог так устроиться. Конечно, мое удостоверение слесаря по ремонту автомобилей больше тянуло на удостоверение, чем на профессию, но и работенка у меня поначалу оказалась не очень квалифицированная. Бери себе кувалду, переобувай «КамАЗы» и «Уралы». Ну, еще в качестве домкрата работаю.

Подозреваю, что отец таким образом решил наставить меня на путь истинный. Думал, небось, помашу денек-другой, и живо за учебники. Ни черта. Я взялся за гири. После них кувалдой махать легче. Да и моя зарплата, честно говоря, мне понравилась поначалу. Даже больше, чем я сам думал. Половину или даже две трети я сразу отдавал матери. Зато остальных денег мне вполне хватало на то, чтобы собирать до сих пор неохотные сборища. Еще бы. У меня и сигареты водились постоянно, и пиво изредка, и никто ничего мне за это не платил, ну, может быть, благодарности чуть больше, чем раньше. Чуть больше, чем положено.

После первой же зарплаты мне попытались поставить условия. Речь шла о трети получаемой суммы. Только я сразу дал понять, что им не обломится. Он ведь не-глупый, Козырь, на самом деле. И толпа его тоже под кем-то ходит. Уже одно то, что я вообще работаю, говорит, что кому-то есть за меня постоять. Обо всем этом я, конечно, не говорил. Сказал просто, что ничего никому не должен, а за наезд прощаю. Они посмеялись, конечно. Пообещали сладкую жизнь на завтрак, обед и ужин. Тогда я сказал Козырю:

– Видишь вон того, в плаще?

Он видел, конечно, и не только он.

– Сколько из моих денег ты ему отнесешь? Я что, не видел, как ты к нему на полупущенных, как бобик, бегаешь? А я ему ничего не давал и давать не собираюсь. И ты считаешь себя сильнее? Пошли, подойдем, спросим.

Козырь крутнулся на каблуках, приспичило ему куда-то вдоль улицы. Остальные отошли слегка. Я их тогда прямо спросил, какого черта помогают чужим. Ну, какого черта? И за что? Никто мне ничего не ответил.

Но на следующий день я на всякий случай приехал на стрелку. Каюсь, зря одолжил машину. Долго думал, стоит ли подъезжать к деловым. Стоило. Было бы хуже, если бы не подъехал. Постояли, посмеялись, пиво дунули. Ладно, говорят. Чего приехал-то?

– Садись, Козырь, прокачу.

Сели в машину.

– Что хочешь, говори?

– Послушай, машина новая совсем. Пять тонн баксов. Не моя. Стенку бетонную видишь? Заедем?

Помолчали.

– А вон ту «Тойоту» в бочину двинуть слабо?

Я включил передачу. Взвизгнули шины. Потом еще раз. Я заехал бампером сбоку на вираже. Остановились.

– Дурак, – сказал Козырь, – совсем без тормозов. – И вышел.

А треть я лучше на своих потрачу. И тратил. Даже больше. Крутились деньги как-то колесом, то в долг кому дашь, то сам займешь. Ни в чем себе не отказывал.

Ирина поехала поступать. Странно все как-то у нас получалось, вернее, не получалось, пожалуй. Не хотелось так думать, но думалось иногда. Правда, как только

приехала, прибежала ко мне сразу. Да и другие вились. Серьезнее даже. Не такие красивые, правда. Да и постарше.

Звезды в августе огромные. Светят. В армию я ухожу, понимаешь. Что такое армия? Что такое армия сейчас? Это раньше под гармонь с радостью провожали, с гордостью. А сейчас... Думаешь, ждешь буду? Знаю, что не будешь.

Так подцепить друг друга пытались. Скрипели зубками, тешились. Проводы когда? А вы когда на учебу? В понедельник. Вот и кончится август. С грибами, ягодами, морокой, заботой, а там – приказ. Выпить, что ли. «Смирновской» в руке – целый литр. И сквозь водочку в бутылке звезды сияют, окаянные. А почему бы не выпить? Последний-то раз, на прощанье. Три года – срок не маленький, если во флот. Уже и учеба закончится почти, и много звезд попадает. Ты что, спятил? Нет, отчего же? Ты ведь девушка скромная, правильная, отличница. Сможешь? Смогла. Смогла ведь. Черт меня опять дернул. Не должна была смочь. Закачало ее минут через пять. Меня и то закачало. Понял я, что переборщил слегка. Пошутил черно как-то. Ладно, домой пора. Пошли, отведу. Отстань! Дернулись руки, нога криво зацепилась за ступеньку высоким каблуком, подломилась. Женщины не умеют летать. Они иногда хотят, но не умеют. Тогда они падают. Больно. Вниз головой. На бетон.

Да что же это такое, а? Да ну почему же все так криво, все косо? Да ну вставай же, наконец! Ну что же ты расплываешься, как холодец, а?

– Э, козел, ты чего делаешь?

Я не сразу даже понял, что это ко мне обращаются.

– Да пошел ты!..

Объяснение было как раз кстати.

Лучше бы на самом деле оно было. Но ничего объяснить я бы просто не смог. По разным причинам. Состояние было такое, что я бы бросился на стадо слонов, если бы оно вздумало мне помешать.

– Ба, да это наш старый знакомый! – обрадовался мой неожиданный помощник – участковый. Уж он-то не мог меня испугать определенно.

В себя я приходил на полу комнаты для посетителей. Как потом выяснилось, около дежурной части. Был я великолепен. Еще никогда мне собственными глазами без зеркала не удавалось рассмотреть такое количество фрагментов собственного лица. Они несли яркую боевую раскраску. И не было уверенности в отсутствии перьев на голове. Во всяком случае, ощущение было такое, что их пытались ночью воткнуть.

Вместе с ощущениями приходили мысли. Их нужно было отлавливать и удерживать. Они трепыхались и ускользали, как мелкие рыбешки. Пока не появилась одна – огромная, как кит, и проглотила все остальное. Все потемнело и стало невозможно дышать некоторое время. Скользкие рыбешки теперь представлялись радостными картинками из азбуки, но поймать их и удержать хотя бы на время, не было никакой возможности.

– Ну, боевик, вставай.

Я с трудом повернул голову и увидел своего участкового. Лучше бы он оставался все таким же немногословным. Но, судя по фразе, его прямо-таки распирало красноречие, как будто он копил словарный запас с момента нашей последней встречи как сюрприз для меня.

Он действительно говорил слишком много. Спрашивал, рассказывал, зачитывал, вопрошал. Не допрашивал пока, правда.

Из его слов и со слов моего ночного визави следовало, что я, находясь в состоянии невменяемости, вызванном злоупотреблением спиртных напитков, причинил тяжкие телесные повреждения гражданке Н. Гражданка Н. находится в реанимации, и мне остается только молиться о том, чтобы она не преставилась. Я попытался вспомнить хоть что-нибудь.

«Интересно, – думал я, – как это я мог в состоянии невменяемости причинить нечто гражданке, которую в глаза не видел. И почему я?».

Но тут опять наплыла тень кита, потому что неожиданно я понял, что гражданкой участковый называет Ирину. Очевидно, моя прострация была так глубока, что участковый, не дождавшись ответа, вышел, заперев дверь на ключ.

«Так, – дошло до меня, – докатился». Окна, забранные мрачной увесистой решеткой, не оставляли сомнений в серьезности ситуации. Люди в серой форме с короткими автоматами наперевес – тоже.

– Черт! – я стукнул в бессилии кулаком по стене. Затем осмотрел руку под свитером. На сгибе красовался огромный синяк со следом от иглы. «Подсадили, что ли? Опять замельтешили рыбешки, а потом выплыла размытая тень в белом со шприцем в руке. В сознании зашевелились воспоминания о медицине. – Да нет, укол просто». Отлегло.

И тут же навалилось многое другое. На левой руке не хватало часов. На правой – серебряного перстня с камнями. Понятно, что я угодил в серьезные руки. И хотя стоило что-то предпринять ради собственного вызволения, предпринять на самом деле я ничего не мог. Все пятнадцать часов, которые показались кошмаром длиной в жизнь.

Казалось, что с кошмаром я один на один, а все только и желают его продлить или хотя бы подлить маслица в огонь, на котором меня предстояло поджарить. И в конце этого кошмара мне уже была почти безразлична собственная участь.

На самом деле были те, кто пытался кошмар прервать. И, как ни странно, в первую очередь родители. И друзья.

Через пятнадцать часов отец приехал за мной в отдел. Я снова оказался дома, откуда меньше суток назад мне так хотелось сбежать и куда я так благодарно вернулся.

Отец почему-то молчал. На этот раз молчал. Понимая, что случилось нечто совсем ужасное. Он, как всегда, искал причину случившегося в себе. И вряд ли ее находил, как я догадывался. Он куда-то поехал и привез Боцмана. С ним мы проболтали всю ночь. Совершенно не хотелось спать. Только к утру прилегли.

Теперь мне все стало более менее ясно. Фабула, как сказал бы участковый, была такова. Ранее не отличавшийся примерным поведением оболтус докатился до того, что по причине беспробудного пьянства нанес тяжкие телесные повреждения девушке, которую вызвался проводить домой. Для того и вызвался, чтобы причинить. Весь предыдущий букет ясно дополнял картину.

Сама девушка пояснений дать не в состоянии по причине наличия тяжелых повреждений.

Утром отец разбудил меня и сказал:

– Собирайся. Считаю, ты должен поехать к родителям и все рассказать.

– Да, конечно, – согласился я.

Дома оказалась мать Ирины. Она выглядела, пожалуй, хуже моей собственной. С минуту ходила около нас, когда мы с отцом вошли, потом молча села на диван и заплакала.

- Ну почему, Игорь, за что...
- Я ее не бил, – понял я недосказанный вопрос.
- А как же синяки, ведь она избита!
- Не знаю, – ответил я. И подумал. – Пока не знаю.

Ответить я постарался как можно спокойнее, чтобы не раздражать мать, не задеть ее нечаянно.

– Не знаю... – теперь уже сказала она. – Будет экспертиза. Да и сама она расскажет.

– Вы, как я понимаю, собрались к дочери, – отец кивнул в сторону плаща и зонтика на диване. – Мы вас можем подвезти.

Молча собрались. Поехали в больницу. Так же молча вышли из машины.

– Я думаю, – сказал отец, – вам стоит поговорить с дочерью. И, может быть, она захочет увидеть сына...

Мать Ирины промолчала. Я пошел за ней. Довольно скоро в вестибюле, где я остался, появилась медсестра и сказала, что видеть меня желания не испытывают.

– Почему? – спросил меня отец, когда мы приехали домой. – Почему она не захотела тебя видеть?

– Я не знаю.

– Так не бывает. Не бывает так, чтобы парень пошел девушку провожать и она согласилась, а потом вдруг не хочет его видеть. Так почему?

– Не знаю. Я ее не бил. Ты понимаешь, если бы я ее бил так, как это все говорят, ее не в реанимацию бы надо было везти...

– Покажи-ка свои руки, – неожиданно сказал отец.

Я протянул руки ему. Он взял их в свои, внимательно осмотрел.

– Да, не похоже, чтобы этими руками ночью пытались убивать человека. Собирайся, поедем искать судмедэксперта. Время теперь дорого.

Он словно спросил сам себя:

– Почему я должен верить всем, кроме собственного сына?

Нам повезло. Эксперта мы нашли сразу. Он, оказывается, осматривал труп, полученный накануне. Несмотря на выходной. Эксперт оказался нормальным мужиком. Видно было, что ему нравится работа. Во всяком случае, он внимательно осмотрел меня со всех сторон. Очень честно описал результаты повреждений вследствие одного удара по лицу, а также отметил абсолютное отсутствие повреждений моих собственных конечностей, несмотря на недавнее злостное неповиновение.

Я начинал понимать логику отца. А также то, что меня на самом деле вовсе не собираются бросать на произвол судьбы в целях полноценного воспитания.

Повестка была выписана на понедельник, тринадцатое число. Я не был суеверным, но обстоятельства складывались так, что можно было им стать. Теперь я всюду был в сопровождении родителей. Оказывается, закон склонен был защищать мои права на том простом основании, что я несовершеннолетний. И я продолжал бы им оставаться как раз к решению вопроса о возбуждении уголовного дела.

Время, указанное в повестке, совпадало со временем начала совещания участковых. Или общего сбора их. Или планерки. Планерка шумно проходила за дверями напротив стула, сиротливо стоявшего в коридоре. Участковые совещались долго. Потом долго расходились, а когда все почти разошлись, на нас никто почему-то

не обратил внимания. Отец сам зашел в кабинет. И тут выяснилось, что наш участковый уже час как отдыхает после суток и что нам лучше подойти завтра. В то же время. И следует показаться эксперту. Когда отец предъявил заключение эксперта, в кабинете удивились тому, что экспертиза уже проведена двумя днями раньше. Тому, что проведена в выходной день. На это отец резонно заметил, что она определяет судьбу человека все-таки, а не место в очереди за бананами.

Завтра наш участковый оказался на месте. Но он уже не занимался вопросом, поскольку происшествие произошло не на его территории. Теперь уже другой участковый, который занимался, был выходной после дежурства. Правда, отец пришел в форме, и из уважения к ней прежний участковый удостоил отца беседой в коридоре.

Нам снова посоветовали прийти завтра. Завтра отца не было. Он не мог себе позволить отсутствие на службе каждый день даже по повестке.

В среду тот самый участковый оказался на месте. Вместе со мной к нему пришла маман. Она молчала. Она молча наблюдала за тем, как участковый раскладывает материалы на столе. Молча заслушала объяснения свидетелей в лице сотрудников милиции. Затем односложно ответила на заданные вопросы и подписала свое объяснение, написанное участковым с ее слов, о чем сделала соответствующую пометку.

Отец же, как оказалось, в тот же день встретился с отцом потерпевшей, имея намерение поговорить. Похоже, они поговорили. Отцы есть отцы. Они спокойнее. Пока не выходят из себя.

– Извини, – просто сказал мой отец.

Иринин – пожал плечами. Покурили. Помолчали.

– Я не стану ничего предпринимать, – добавил мой отец. – Что виноват – то виноват. Если помощь нужна, обращайтесь.

И все.

А повестку нам не выписали. Новый участковый записал домашний телефон и сказал, что сообщит нам, когда нужно будет появиться. Потянулись тягостные дни. Не совсем, правда.

В один из них мне позвонили.

Оказывается, у моей бывшей теперь уже знакомой были почитатели кроме меня. Скромные почитатели, стеснявшиеся о себе заявить. Но ужасное состояние потерпевшей вывело их из состояния стеснения. Мне назначили стрелку. Честно говоря, если бы мне кто-нибудь предложил сосчитать количество набитых стрелок, я не смог бы этого сделать.

Состояние было такое паршивое, что я пришел один. Почитатели сидели в машине в количестве четырех и курили. Окна дверок были открыты. Из окон валил дым.

– Будет суд, – сказал тот, что сидел за рулем, – И если будешь виноват, будешь платить.

– Кому? – спросил я.

– Нам.

– За что?

– За то, что виноват.

– А если не буду виноват? – спросил я.

– А как же она упала?

– Выпила.

- Сколько пила?
- Пол-литра.
- Ты нэ мужчина, нэ берег дэвушка.
- Просто самэц, – согласился я.
- Вах, много. – Юмора не поняли.
- Действительно.
- Будэш виноват. И будэш бит еще.

Машина уехала. Опять все становилось ясно, как божий день. Нельзя ничего сделать просто так. Но тогда получается, и против меня ничего просто так не может быть сделано. Значит, и не будет. Не должно. Не может быть. И нечего мне бояться.

Дни потянулись снова. Мои раздумья сводились в основном к тому, что как же это так получилось, что так много людей сразу от меня отвернулось? Подруги. Их я понимал. Они были ее подруги, а не мои. Родители. Тоже не мои. Но почему же все так легко поверили рапортам и объяснениям кого угодно, кроме моих собственных?

Я понимал, что рассчитывать на чье-то снисхождение не приходится. Я на него и не рассчитывал. Честно говоря, мне на самом деле ужасно было жалко Ирину. Вдобавок я даже не мог ее увидеть. Даже не мог ей ничего сказать. А она не хотела, получается, ничего от меня услышать. Строить предположения относительно поведения потерпевшей стороны был не в состоянии. Я решил поговорить серьезно с отцом.

В один из вечеров мы пошли в гараж.

– Послушай, пап, – начал я, усаживаясь на перевернутый ящик. Отец понял мои намерения. Подсел ко мне и закурил.

– Как так получается, что никто мне на самом деле не верит?

– Так бывает в жизни.

– И у тебя?

– У всех.

– Почему?

– Сложно сказать. Просто мы такие. Люди.

– Все?

– Большинство. Мы верим в то, во что хотим верить, и наоборот. Оттого, что хотим. И все.

– Но ведь есть еще правда.

– Правда? Если откровенно, то она вряд ли кому нужна. Вся правда. Голая правда. Ее, такую, никто не хочет знать. Она только вредит на самом деле.

– Как вы, взрослые, оказывается, тяжело живете. А еще пытаетесь учить нас. Да у вас тоже толпа, только опасней. Старше, больше, размером с государство. А хочешь, я тебе честно скажу. Я тратил на пьянство все деньги. На все деньги, которые вы оставляли мне, и на те, которые вы мне давали, я поил всех, кто был рядом и кто хотел этого.

– Так ты их просто покупал тогда. И ты знал это. Не мог не знать. И они не могли. Если хочешь, ты оскорбил их всех своей щедростью. Ты их всех подставил. Заставил признавать свое финансовое превосходство. Это плохо. И для них, и для тебя, как ты теперь понимаешь. Потому что это уже не дружба.

– А ведь ты прав. Потому что Боцман как раз не пил. Он вообще не пьет и не курит.

- Значит, его ты не смог купить, или он не захотел быть купленным.
- А как же Ирина? Ведь все это ради нее.
- Тоже ведь получается, что не ради, а как раз наоборот.
- Да, я виноват, согласен. Но виноват в том, что не прекратил этот дурацкий спор, не отобрал у нее бутылку, в том, что все так произошло, но ведь не в том, в чем меня теперь обвиняют.
- Это ведь говоришь ты один. Все остальные говорят другое.
- Получается, что она верит всем, кроме меня?
- Я уже говорил, что верит она в то, во что хочет.
- Она так плохо ко мне относится?
- Не знаю. Я не хочу ее осуждать. Особенно сейчас, когда ей так тяжело. Вы сами во всем разберетесь. Обычно беда делает близких людей еще более близкими.
- Выходит, мы не такие близкие?
- Отец промолчал.
- Ну, хорошо. Они меня посадят. Что им с того?
- Во-первых, если посадят, то не они. Во-вторых, у каждого поступка есть свой резон. Ничего не бывает просто так.
- Но ведь она так и не написала заявления, – сказал я.
- Ты кого на самом деле жалеешь, себя или ее?
- И ты не станешь меня откупать?
- Нет, не стану. Ты должен научиться отвечать за себя. По полной программе. Сам. За свои слова, поступки, за все. Кроме того, я ведь это обещал.
- Ты всегда держишь слово?
- Стараюсь. Как офицер.

Отец Ирины приехал поговорить с моим отцом накануне десятого дня после случившегося. Когда мы сидели каждый в своей комнате, хотя каждый думал об одном и том же.

Ирину выписали из больницы. Слава Богу. Только она по-прежнему не хотела меня видеть. Вероятно, с ее точки зрения, причина тому была. Она даже не позволила ни разу. Приехал ее отец.

Взрослые на кухне закурили. Отец всегда курит, кто бы ни пришел. Это у него как ритуал. Такая вот трубка мира... Только мир не всегда получается. Можно представить следующий разговор, зная обоих.

- Твой сын виноват, – тяжело сказал отец Ирины.
- Да, – согласился мой отец.
- Ты обещал помочь.
- Верно.
- Мы посоветовались и решили, что ты должен заплатить пятьдесят тысяч...
- Мой отец помолчал немного. Покурил. Подумал.
- Я не могу заплатить такие деньги. Мне их просто неоткуда взять.
- Отец Ирины пожал плечами.
- Ты же сам обещал помочь...
- Да. Но в моем представлении помощь если и должна быть финансовая, то в пределах возможностей сына. Он натворил, он и должен ответить. И еще, я понижаю, есть лекарства, билеты, путевки, наконец, но вот так с бухты барахты...
- Тогда он будет отвечать.

- А разве я предлагаю что-то другое? Он в любом случае будет отвечать.
- Но тогда мы напишем заявление.
- Это ваше право, только о чем?
- О том, что ваш сын напоил и избил нашу дочь.
- Откуда вам это известно?
- Милиция говорит.
- А милиция не сказала вам о том, кто избил моего сына?
- Я не знаю, кто его избил.
- Я тоже не знаю, но могу догадаться. Ты ведь тоже только догадываться можешь. И знаешь, что странно, ты в этой ситуации больше веришь милиции. Вы все больше ей верите. Потому что это вам выгодно.
- Он виноват.
- Это не вопрос. Вопрос в том, в чем именно он виноват.
- Будет суд.
- Конечно, будет. Когда я приходил к вам с извинениями, разве говорил что-то другое?

Отец Ирины поднялся и ушел, не попрощавшись.

Новый участковый начал разговор с того, что сухо поздоровался со мной. Сухо и очень официально. Потом спросил:

- Ну, что, как у тебя с памятью?
- Нормально у меня с памятью.
- Вспомнил чего?
- Все вспомнил.
- Так расскажи.
- Уже рассказал.

Не знаю, что именно ожидал от меня услышать участковый.

- А с совестью у тебя как?
- Что?
- С совестью...
- Я все сказал. Мне добавить нечего.

– Ну-ну, – покачал головой участковый. – Самый умный, думаешь?.. Ну, ладно. Честно тебе скажу – нет доказательной базы. Не могу я доказать, что ты девчонку избил – раз. С точки зрения закона, тот, кто против тебя свидетельствует, лицо заинтересованное – два.

– Ну да, он говорит, что стукнул меня один раз для того, чтобы я в себя пришел. А челюсть вывернута и зубы шатаются – это так, это я по полу катался. Он, значит, правду говорит. Ему вы, значит, верите.

- А что, тебя по головке нужно было погладить?

– Когда я пытался привести ее в чувство и шлепал по щекам, это так же походило на избиение, как объяснения вашего работника на правду... Послал я его подальше, чтобы не мешал. Только и всего.

- Есть люди, которым не нужны доказательства...

Я внимательно посмотрел на участкового.

– Есть, верно. А вам самим не страшно оттого, что они есть? Оттого, что вы мне сами об этом говорите? И загадочно так... Они что, ваши друзья? Или вы их сами боитесь?.. В ресторане не меня и моих друзей нужно было в милицию забирать. Было, кого там забирать.

- Дурак, тебе же лучше сделали. Чтобы чего хуже не случилось.
- А может быть, ничего бы и не случилось, если бы вы как раз не нас забрали, а тех, кого нужно – с дурью, с девочками?
- Ты что-то не в свое дело лезешь.
- Может быть, не в свое. Только когда я сам начинаю дело свое, вы – тут как тут. И вот я для вас – свое дело.
- Ладно, умник, гуляй пока и помни, что тебе сказали.
- Хорошо. Только люди, о которых вы говорили, уже появились. И разбираться с ними тоже мне. А вы ведь теперь не при чем. Вы снова появитесь для того, чтобы предъявить мне претензии, когда я с ними разберусь или они со мной.
- Топай, я сказал.

Маман ждала меня возле опорного пункта. Мы пошли с ней вдоль дома. Тут только я заметил, что осень в городе. Тихая, печальная, красивая, легкая, как летящая паутина.

- Мам, – спросил я, – вы не собираетесь отмазывать меня от армии?
- Нет.
- Спасибо.
- За что?
- Да так... Почему? Не достоин?
- А тебе самому приятно оказаться предметом торга?
- Довольно странный вопрос... Отцовский.
- Нормальный. Честный. Ты ведь не станешь упрекать нас в том, что он нечестный, руку на сердце положи?
- Я подумал.
- Нет, не стану.
- То-то.
- Но другие ведь так поступают.
- Так поступают те, кто считает нормальным торговать желаниями, людьми, родиной.

Дома меня ждал сюрприз. В почтовом ящике лежала повестка. Красивая. Отпечатанная на цветном принтере. С фигурами солдат в форме различных родов войск.

Павел Рудольфович Черкашин

родился в 1972 году в селе Мужы Шурьшкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. В Тюмени окончил педагогическое училище № 1 и филологический факультет государственного университета. С 1999 года живёт в Ханты-Мансийске, ныне работает ответственным секретарём газеты «Самарово – Ханты-Мансийск».

П. Черкашин пишет прозу, стихи, занимается публицистикой и литературными переводами. Печатался в областной и окружной периодике, в альманахах «Врата Сибири», «Обская радуга», «Эринтур», журналах «Югра», «Наш современник», «Литературная учеба» и некоторых других изданиях. Лауреат литературных премий Министерства внутренних дел, Международного телевизионного фестиваля «Золотой бубен» и т.п.

Он автор книг прозы «Анастасия», «Чарушинская скамейка», «Кулаково – Каменка – Кулига», трёх стихотворных сборников, а также сборника стихотворений и прозы о чеченских событиях «Под чужими звёздами Кавказа».

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Автобиографическое эссе

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Сергей Есенин.

О, память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной.

Константин Батюшков.

Григорьич, как позволял подчинённым без малейшего намёка на панибратство называть себя начальник штаба временного отдела Михаил Андреев, подошёл как-то после ужина ко мне и, будто что-то вспоминая, спросил:

– Ты у меня сколько дней в отгуле не был?

Я изумился и прежде, чем ответить, успел про себя подумать: «Здорово же, наверное, сегодня Григорьич набегался по службе, если такой вопрос вычудил».

– Четыре недели и два дня. Итого – месяц.

– То есть как? – опешил начальник штаба. – Постой-постой, мы ведь как раз месяц как в Чечню заехали. Так-нет?

– Так.

– И что?

– Вот, с самого начала командировки я в отгулах и не был, – внутренне радуясь удачному розыгрышу, ответил я.

Григорьич пристально посмотрел мне в глаза, пытаясь засечь обман или подвох, но тут же сообразив, что я ничуть не кривлю душой, усмехнулся в густые рыжие усы, хмыкнул:

– А ведь точно. Как же я тебя из виду-то упустил?..

Я молча пожал плечами, а сердце вдруг забилося от неожиданных, по-отцовски заботливых слов Григорьича. Капитан тем временем положил мне ладонь на плечо и, деловито размышляя, продолжил:

– Тогда, значит, так: завтра с девяти утра сутки можешь отдыхать... Как же я тебя из виду-то упустил? – после паузы с рассеянным видом снова повторил он и уже уверенно закончил:

– Как-то я всё машинально тебя в графики дежурств проставлял. Сегодня вот тоже два определил: с двадцати одного до часу и с пяти до девяти.

– Знаю. Видел.

– Знаешь! А что молчал-то всё это время? – с притворным недовольством вскинулся он. – Все уже по два раза в суточных отгулах были!.. Ладно, на вечернее дежурство я тебя кем-нибудь заменю, а утреннее всё-таки надо будет отдежурить. Ну, бывай! Да почаще мне глаза мозоль, боец, – уже смеясь, торопливо проговорил Григорьич, направляясь в дежурную часть. – А то вдруг опять забуду отгул дать!

Вечером я сидел в сумрачном кубрике, топил «буржуйку» и с добродушной усмешкой вспоминал последние слова начальника штаба. Легко сказать: «Отдыхай». И рад бы заснуть, да где там. За минувший месяц организм настолько привык к жёсткому графику боевых дежурств, что попробуй-ка переломи по-новому устоявшийся режим, даже во благо ему. Нетушки! Только будешь без толку ворочаться на нарах да, как совёнок, таращить хронически воспалённые из-за недосыпа глаза в облупленный потолок, слушая ночную перестрелку.

Нет. Лучше уж так – сидеть при скудном свете вздрагивающего от сырого сквозняка огонька свечи, придвинувшись почти вплотную к жаркой буржуйке, цедить из оббитой эмалированной кружки крепкий сладкий и, как на охоте, слегка припахивающий дымком чай и вспоминать мирную жизнь, далёкую милую родину.

Как всё-таки безмерно обостряется чувство человека к родным краям, когда каждый день бои! Нигде я ещё не вспоминал с такими нежностью и тоской, с таким сладостным щемлением в сердце любимые места, как на войне. Сколько раз я ловил себя на том, что с зудящим, физически ощущаемым нетерпением жадно жду любого более-менее свободного часа, минуты, чтобы где-нибудь, совершенно неважно где – в доте у бойницы в период тревожного ночного затишья, в послеобеденное время короткого перекура, в малый промежуток между сном и усталой мимолётной дремой после очередной боевой смены, когда лишь одиночные выстрелы да сухие хлопки сигнальных и осветительных ракет нарушают нервную тишину разрушенного опального города – можно будет молниеносно унести мыслями к незабвенным местам материнской приобской земли. Земли, на которой родился и вырос, которая не только наяву, но и вот так, в воображении, радушно примет меня, как самого дорогого и искренне желанного. И можно будет без всякой робости, на правах сына пройти воспоминаниями по заветным уголкам, что с трепетом и святостью бережёт память, именуя одним простым словом: родное.

Доходило до того, что из-за постоянного недостатка свободного времени приходилось заранее «планировать», «заказывать» в уме, куда при ближайшей возможности устремить бег воспоминаний.

Выглядело это примерно так: «Завтра у меня дежурство в доте днём. Значит, четыре часа относительно спокойного времени. Без стрельбы, без напряжённого ожидания боевой тревоги. Значит, можно неторопливо «прогуляться» по Тильтимской дороге до Харьегана, а то и до Кузьёля. А сегодня перед сном малость «поброжу» в окрестностях Бурудана, поем лесной жимолости».

От такого мечтательного «планирования», мысленного ожидания уже загодя приятно щекотало в груди, и как будто в бездонную пропасть радостно ухало сердце, напрочь забыв обо всех невзгодах и неизбывных трудностях военной жизни.

Так и сейчас, неподвижно сидя возле раскалённой железной печурки, я без труда перенёсся мыслями в родное приполярное село Мужи.

Вот я в походной одежде, с небольшим рюкзаком за плечами вышел из дома, стремительно спустился с высокого, в двенадцать ступеней, крутого крыльца и направился налево через узкий двор вдоль нашего трёхподъездного дома. В два шага перемахнул через деревянный короб теплотрассы, наискосок пересёк гулкую лежнёвку и споро пошёл по дощатому, местами вконец расхристанному, белёсо-серому узкому тротуару в сторону звероводческой фермы.

Навстречу мне проглядывает между домами лесистый косогор гряды Мужинский Урал – это последние невысокие отроги каменного Полярного Урала. Он дремно, невозмутимо взирает из-под хвойных век на сутулые покатые холмы, на которых вдоль илистого берега нетесно расстроились Мужы, и на всё низменное обширное междуречье Малой и Большой Оби с его многочисленными озёрами, хитро петляющими протоками, сорами и сухими ягодными пугорами.

Далеко-далеко цепляет пристальный взгляд пойменные просторы с плоскими тальниковыми островами. А если даст погода подарок – безветрие да кристально чистый, без марева, воздух, и если по неожиданному оптическому капризу природы вдруг продавится земля, и выгнется, поднимется восточная сторона горизонта, то увидишь воочию, на удивление рядом, коренной правый берег Большой Оби. И не только крохотный Анжигорт предстанет, как на ладони, но и крепкое большое село Горки, что в шестидесяти километрах от мужевского берега.

Самому не довелось увидеть, но старожилы хорошо помнят и рассказывают, мол, однажды в конце августа какого-то года горизонт с севера настолько прогнулся, что видны были не только Шурышкары и пойма Соби, но и даже Салехард можно было ясно разглядеть. А на северо-северо-западе, обманчиво близко, прямо-таки за Ханты-Мужами, выдавился в небо из-за нашего косогора сам Полярный Урал, и забелела в глубокой синеве величественная снежная шапка Пайера...

Все эти картины настолько красочно и подробно предстают перед внутренним взором, что в какое-то мгновение невольно забываюсь до такой степени, что, вдруг очнувшись от грёз из-за громко треснувшего в буржуйке полена, не сразу осознаю, что я – за пять тысяч вёрст от Приполярного Зауралья, простирающегося на границе Югры и Ямала между шестьдесят четвёртой и шестьдесят шестой параллелями северной широты. И что за хлипкими, криво растрескавшимися после недавних частых бомбёжек стенами сырого кубрика – совершенно другие горы и абсолютно чужой для сердца пейзаж. Поэтому возбуждённое памятью сознание само по себе, без натуги старается побыстрее нырнуть из безрадостной действительности обратно в пучину желанных воспоминаний...

Заканчиваются последние дома, и я неторопливо иду вдоль забора южной части мужевского погоста. Могилы отца и крёстной матери Анны отсюда не видать, они в противоположной стороне кладбища. Об этом я успеваю вспомнить лишь мельком, увлекаемый течением мыслей всё дальше и дальше.

За последними могильными крестами начинается умеренно крутой спуск к Югану – небольшому таёжному притоку Малой Оби, извиристо огибающему Мужу с запада и севера. Спуск к сырой пойме Югана чем ближе к воде, тем больше изуродован глубокими рывтинами с застоявшейся мутно-рыжей водой. Летом верхний слой вечной мерзлоты успевает на полметра оттаять, глинистая почва набухает, раскисает от влаги, и имеющие обыкновение пастись здесь сельские коровы и лошади без труда продавливают копытами тонкий дёрн, погружаясь в топкую неверную твердь чуть не по колено.

Спускаться по таким колдобинам – приятного мало, по неосторожности ничего не стоит и ногу подвернуть. Но это в действительности, а в мыслях все эти кочки и ямины значения не имеют. В мыслях легко быть невесомым.

Вот я уже перебрёл по каменистому мелководью Югана, ещё раз оглянулся на село и знакомой тропой углубился в тайгу в сторону раскорчёвки.

По времени года мне сейчас представилась август. Благодатная в большинстве случаев пора для нашего края, если не надвинутся, не перевалят из-за уральских

хребтов затяжные ленивые циклоны со своим пасмурным характером и продолжительными, хотя и не слишком холодными ещё дождями. Но всё-таки чаще это удел сентября. А в августе погода по возможности старается баловать последней благодатью мужевский околотов.

Только-только закончились белые ночи полярных широт. В ночь с четвёртого на пятое августа в белёсом сумраке неба, почти в зените, неуверенно, словно с опаской, но тем не менее проклюнулась слабым, трепещущим лучиком первая звезда. Это Вега из созвездия Лиры. Пройдёт дней десять, и в меркнушем небе появятся новые мерцающие вехи-ориентиры: Арктур, Капелла, Альдебаран, Денеб, Алголь. Полярная звезда обозначится на небосводе чуть позже. Она хоть и считается по праву основополагающей звездой в северном полушарии, но всё-таки много слабее своих более ярких космических подруг и не в силах сразу победить слабеющую летнюю власть земного светила в высоких широтах.

Чем ещё замечателен август в Приполярье? Многим. Уже нет изнуряющих полчищ гнуса, ощутимо меньше надоедливых комаров. Солнце хоть и стало день ото дня всё больше скатываться к южной стороне горизонта, ещё ласкает землю последним теплом, ещё довольно быстро и уверенно разгоняет воровато стелющиеся по утрам вдоль берегов Оби и протока рваные клубы тумана. В тайге наливаются соком осенние ягоды, вздыбливают бугром и властно разламывают мох тугие шляпки молодых грибов, созревают под смолистой чешуёй шишек вкусные кедровые орехи.

Все эти наблюдения из прошлого исподволь всплывают в памяти, пока я неспешно поднимаюсь по склону на вершину первого холма к раскорчёвке. Сейчас она уже не может в полной мере оправдать своё название. В былое время облысевшая после вырубki леса ровная вершина невысокого увала теперь во многих местах заново оделась берёзовым и осиновым молодняком, а кое-где уже свежо зеленеют маленькие островки кедрача в половину человеческого роста.

Мысли послушны обрётённым в минувшие годы не только впечатлениям, но и обычаям. Поэтому даже в плену воспоминаний, хотя и не устал, делаю здесь первый короткий привал.

Стройный осинничек звонко, шумно аплодирует моему появлению. Его чуткие к дыханию ветра листья-ладошки уже блёкло-зелены. Совсем скоро остывающая земля замедлит ток сока от корней к листве, и кроны до неузнаваемости преобразятся, ярое заогневеют на фоне неизменной малахитовой густоты кедрача и ельника.

До чего же хорошо присесть где-нибудь возле ветвистого куста карликовой берёзы, а ещё лучше расслабленно повалиться спиной на пёстрый моховой ковёр и, запрокинув голову, через полусмеженные от солнечного света веки скользить умиротворённым взглядом по низким неторопливым облакам, попутно воображая в причудливых очертаниях небывалые существа, и навсегда провожать их за близкий, отороченный неровными зубцами тайги окоём.

Почему-то именно здесь я чаще всего вспоминаю Сергея Есенина. Каждый раз переполняет сожаление, что этот замечательный, горячо любимый мною поэт родился не на мужевской земле. Для меня он навсегда останется непревзойдённым певцом родного края. Всё мечталось, вот если бы ему довелось быть моим земляком! Как искренне, точно и сочно был бы воспет морошковый край! Невольно охватывает смущение за свои куда более скромные литературные способности. Он-то не видел никогда всех здешних красот, а я не только родился, но и вырос

на этой богатой разноликой земле, кому как не мне поделиться с людьми гордостью за свою суровую родину и переполняющей сердце любовью к ней. А всё боюсь, что не сумею, не найду верных слов.

Как всё-таки здорово, непритворно и легко, без малейшей вымученности ещё в начале прошлого века Есенин выдохнул о своей Рязанщине: «Гой ты, Русь моя родная...». Возможно, в тот день, когда появились эти проникновенные строки, поэт был далеко от Константиново, но так же, как я сейчас, ожившей памятью сердца, всей своей сутью находился там, где-нибудь в просторах приокских лугов, прислонившись плечом к любимой берёзе-шептунье.

Первый раз я услышал и запомнил на всю жизнь эти есенинские строки от мамы.

Шёл 1982 год. Вторая половина марта. Месяц солнечной зимы. У народа ханты он именуется образом-приметой: «Месяц появления наста». У нас, в низовьях Оби, на «опушке» Северного полярного круга, пора весеннего равноденствия обычно мало отличается от календарной зимы. Ещё продолжаются уверенные морозы, случаются снегопады, а то и, глядишь, запуржит дня на два.

Но всё-таки есть одна неоспоримая примета весны: от восхода к восходу всё длиннее световые дни. А если выдастся ясный, с отчаянной синевой небес день, то ослепительно белые, ещё и не помышляющие таять сугробы беспощадно, до рези, бьют по глазам отражёнными лучами набирающего силы светила.

Вот в такой погожий день, в выходной, мама впервые отважилась взять меня в далёкую пешую прогулку по Тильтимской дороге. Мне было уже девять лет. Год назад подобное путешествие по тайге при всём желании не могло состояться. В январе 1981 года мама родила моего младшего брата Юру, и всё её время уходило на обычные материнские хлопоты.

Теперь брату уже шёл второй год. Мама со спокойным сердцем оставила Юру на попечение тёти Нюры и дяди Андрея Чупровых, моих крёстных, и вскоре мы были на окраине села.

До кораля, конечной цели нашего путешествия, от Мужей километров пять или шесть, смотря откуда начинать отсчёт. Всего-то час пути для взрослого человека, но мы с удовольствием растянули дорогу в один конец на два с половиной часа.

Торопиться нам было некуда, да и ни к чему. Мы шли, часто останавливаясь, то разглядывая и угадывая на снегу следы лесной живности, то удивляясь замысловатым снежным нахлобучкам на верхушках молодых елей, то подолгу любясь живописными видами тайги, открывающимися за каждым новым поворотом неуклонно поднимающейся вверх дороги.

Почти на подходе к коралю мама случайно обернулась назад и мгновенно остановилась. Я семенил за ней и от неожиданности ткнулся головой ей в живот.

– Посмотри-ка! – восхищенно прошептала она, кивнув туда, куда был устремлён её завороченный взгляд.

Я оглянулся и тоже оцепенело замер, приоткрыв от изумления рот.

Мы стояли на вершине высокого увала. (Позднее я узнал, что укрытые тайгой отроги Мужинского Урала в самой высокой точке не дотягивают до трёхсотметровой отметки над уровнем моря лишь каких-то одиннадцать метров.) Оснеженное междуречье Малой и Большой Оби вогнутой лепёшкой расползлось от кромки леса до непривычного, неимоверно далёкого горизонта, убежавшего на добрые полсотни вёрст.

В следующее мгновение я увидел Мужа и на секунду испугался: так далеки и крохотны были они! Но почти сразу короткий испуг сменился радостным удивлением от вида махоньких, чуть ли не игрушечных домишек: «Надо же, как мы далеко и высоко забрались!».

И вот тогда, среди торжественного безмолвия, когда у меня то и дело от избытка чувств перехватывало дыхание – зрелище было воистину ошеломляющим и величественным, – за спиной тихо, но ясно зазвучал голос мамы:

*Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.*

Слова слетали с её губ неторопливо, напевно. Мой взгляд был очарован бескрайними заречными далями, и я слушал маму, не оборачиваясь, но с жадностью впитывая каждое слово стихотворения, казавшегося мне чудесной волшебной клятвой в любви к родной земле. В том, что это клятва, я уже несколько не сомневался, когда мама более торжественно, как заклинание, закончила:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

– Это Сергей Есенин написал, – сказала она с благоговением после некоторого молчания.

Возвращаясь назад, мама ещё не раз повторяла вслух это стихотворение, чтобы я лучше запомнил его, и мы оба с каким-то особенным наслаждением, восторгом неожиданного открытия снова и снова радовали себя двумя последними строчками первого четверостишия.

Этот эпизод из детства припомнился попутно, и я вновь мысленно перенёсся обратно на раскорчёвку. Короткий привал позади. Напоследок переворачиваюсь со спины на грудь, приникаю подбородком к податливому прохладному бархату кукушкиного льна и с наслаждением глубоко вдыхаю его влажный травянисто-пряный запах. На расстоянии вытянутой руки замечаю одинокий игольчато-пушистый стебелёк водяники с тремя налитыми тёмными ягодами, тянусь к нему и осторожно срываю нежные сочные бусины. Раздавлив их о нёбо, с удовольствием ощущаю, как растекается по языку хорошо утоляющий жажду, лишь чуть-чуть сладковатый сок.

Только после этого поднимаюсь и уверенно иду дальше.

Вскоре тропа, повиляв по вершине холма, начинает незаметно убегать вниз, в ложбину, и вот почти теряется в сыром, безлесом, густо заросшем лишь карликовой берёзой распадке. По многим приметам чувствуется близость таёжного сойма, именуемого Первым Ручьём, который, замысловато виляя между увалами, впадает в Юган как раз напротив сельского кладбища.

Под ногами начинает звучно чавкать и чмокать густая, почти чифирного цвета жижа. Это от торфа. По всей видимости, в стародавние времена на месте нынешнего распадка было болотце. Потом оно поднялось, захирело, а вековые слои

сфагнома перегнили, переродились в торф. Но, наверное, бьётся ещё где-то в глубине слабая жилка одинокого ключа-живуна, которая и не позволяет пока зреющему торфянику обрести большую прочность. Видать, не время ещё. Потому-то и приходится идти торопливым шагом, а замешкаешься, то и из сапога запросто выскочишь.

Минут десять спорой ходьбы, и под ногами перестаёт хлюпать. Вновь обозначается твёрдая тропинка и вдруг обрывается. Вернее, здесь её устье. Проводив меня через первые, ближние к Мужам увалы, она вливается в «левобережье» Тильтимской дороги метров на сто двадцать выше Первого Ручья...

Ближний разрыв осколочного выстрела гранатомёта швырнул меня через тысячи километров, заставил вздрогнуть и открыть глаза.

Чечня. Почти полночь. Я обвёл тревожным взглядом полутёмный кубрик. Закреплённая в пустой консервной банке свеча на две трети расплавилась, пламя насквозняке судорожно трепетало, металось из стороны в сторону и, чадая, сердито потрескивало. Снаружи, со стороны площади Минутка, слышалась длинная автоматная очередь. И сразу вслед за ней взмахлёт застрочили ещё несколько АКМов.

Это окончательно вернуло в суровую действительность войны. Осознание этого, грубо нахлынув, повергло в тоску и отозвалось саднящей болью в груди. Чтобы развеять это, сродни шоковому, состояние, я заставил себя подняться с колёсного стула, открыл дверцу печки и подбросил в топку на рдеющие угли новые поленья. Пошавя густым дымом, они шумно вспыхнули жадным пламенем.

Его бойкие языкастые всполохи напомнили мне ночные таёжные костры в сезон охоты, когда вот так же жизнелюбиво пляшет пламя по сухим веткам, потрескивая и с тонким свистом вгрызаясь в смолистый замшелый валежник.

Недаром говорят, что созерцание открытого огня чудодейственным образом очищает, просветляет душу. Тяжёлое чувство и вправду постепенно отлегло от сердца, даже наоборот – неуловимо переродилось в тихую радость.

Я неожиданно понял, что наперекор всему доволен сегодняшним вечером и по-своему счастлив. Мне удалось на целых два часа обмануть войну. Пускай не наяву, а памятью сердца, силой воображения, но я устроил себе настоящий праздник: короткую побывку в родном крае. И ничто другое не способно тягаться с такой наградой.

Понимание этого подействовало на меня, как стакан спирта. Тело приятно расслабилось, и я почувствовал, что хочу спать. Раздевшись, забрался по простой, но крепко сколоченной лесенке на свои верхние нары. Ни холодная жёсткая постель, ни безнадежно отсыревшая от промозглого климата Чечни подушка, ни продолжающаяся перестрелка не могли сейчас нарушить моё умиротворённое состояние.

Я коротко помолился и быстро задремал с единственным желанием, чтобы мне приснилась родина.

БАБА ГАНЯ

рассказ

Если бы не ремонт автомобильного моста через Туру, из-за которого весь городской транспорт уже больше года попадает с одного берега на другой только в объезд, то моя встреча с жизнестойкой бабушкой Ганей вряд ли когда-нибудь произошла бы.

Был конец марта. Из заречной части города я ехал на работу. Сижу, на коленях две сумки. В одной книги да общая тетрадь, в другой изредка побрякивают банки с едой. Это заботливая супруга снабдила на суточное дежурство. Сторожем я работаю в областном Доме писателей. Что поделаешь – студент, да ещё и семейный. На одну университетскую стипендию никак сыт не будешь.

Автобус с металлическим скрипом тормозит у остановки «Луговая». Пока зима, здесь выхожу. Отсюда узкой улочкой в сторону закрытого на ремонт моста, затем через Туру по заснеженному льду, а там и старая деревянная лестница в сто десять ступеней на высокий берег реки. Поднялся, и считай, что уже на работе. Вон она, четырёхскатная крыша. Удобно. А лёд уйдёт – опять вкруговую добираться.

Мартовский лёд – усталый, просевший. Шагаешь по нему, то тут, то там потрескивает-постанывает. Зима нынче тёплая была, самое большее недельки две до ледохода осталось. Наверно, последний раз через Туру иду. Страшновато уже.

Вот и первые ступеньки жалостливо поскрипывают под ногами, подрагивают хлипкие перила. Сколько ж лет этой лестнице? Девять пролётов разной длины и ни одного целого. Там ступеней нет, там перила обломились. Не идёшь, а скачешь, как заяц, через прогнившие доски. Только под ноги и гляди, на другое не засматривайся. Преодолею так половину лестницы, вдруг слышу позади слабый надтреснутый голос, и вроде как меня окликает:

– Внучек!

Обернулся. Вижу, смотрит на меня снизу вверх какая-то древняя старушка. В руке потрёпанная авоська с оторванной ручкой, за спиной вдобавок сетка, не видать с чем. Пальтишко на ней не бог весть какое. Я, наверно, ещё с букварём в школу ходил, когда оно было куплено. Глаза глядят доверчиво и устало.

– Что, бабуля? – с невольным участием спросил я.

– Внучек, – так же хрипловато повторила она. – Помоги мне до верху добратся. Из сил выбилась.

– Конечно, помогу.

Я осторожно спустился к началу лестничного пролёта.

– Давайте вашу сумку. Да за руку крепче держитесь. Тут и вдвоём свалиться – дело нехитрое.

За мою кисть, словно боясь потерять единственную опору, неуклюже схватились её иссохшие пальцы. Почти невесомая рука немощно подрагивала.

– Позавчера с ишшо только одной ступеньки не было, а сёдне уж и вторую проломили. Вон-де лежит, – сокрушённо выговорила старушка и слабо кивнула в сторону берегового откоса. – Через одну-то ишшо мало-мальски карабкалась, а через две-то уж нога не шагает.

Пока поднимались, я увидел, что в сетке за спиной у бабушки капуста, четыре

кочана. Правда, сильно нетоварного вида. Удивился такой неудачной покупке.

– Что-то, бабуля, капусту вы беда неприглядную купили. Где вас так обманули?

– И-и-и, кабы купить. Она вить, внучек, дорогушая шибко. Где мне? С моей пенсией в магазин сходишь – все продукты в одной сумке уместятся, если кроме хлеба ишшо что-то брать надумашь... Капуста-то, вишь, мёрзлая, с берега. Там с самой осени целая баржа её стоит. Всю зиму кто хошь брал. И на машинах даже приезжали.

– Надо же. И не запрещает никто?

– Так, наверно, нет, коли берут. Среди бела дня. Уж почти всю баржу вычистили. Я и сама зимой брала. Никаких сторожов не было. Пусто. Не знаю, почто так. А капуста хорошая, мёрзлая только. Но в ши-то всё равно сгодится.

– Да-а, вот я-то не знал, рюкзачок бы набрать не лишним было.

– Так сходи после. Ишшо можно выбрать.

– Ладно, наведуясь. Ну, вот и конец нашим «Альпам».

Старушка выпрямилась.

– Вот спасибо-то! Дай бог тебе здоровья! Не оставил бабушку. Так бы и застряла я там одна-то.

– А вам дальше куда? Может, по пути? Я пока что сумку понесу.

– Ро-одненький! – сердечно залепетала она. – Добрый ты... Мне-то хоть куды по пути будет, – продолжила она, когда мы снова пошли. – В любую сторону. Моя работа не хитрая.

– Ой, неужели работаете ещё? Где? – с сомнением воскликнул я. – Вроде уж годы почтенные.

– Да, конечно. Какая моя работа! Каждый божий день по городу хожу, бутылки подбираю да сдаю. Много ли, мало найду – всё ж к пенсии прибавка. Бывает, весь день по улицам шаркаюсь, в каждую урну заглядываю. Вечером приплетусь – разогнуться не могу, всю спину ломит, ноги стоямя не держут. Вот так и живу. Слава богу, шибко не голодую, – закончила она и прокашлялась.

– Да-а, стойкая вы бабушка. Не все таким жизнелюбием да терпением могут похвастать. Это хорошо, что мы встретились. Сейчас на мою работу зайдём. У нас во дворе с прошлой осени бутылки копятся. Наберёте, вам по городу не надо будет ходить. Пойдёмте?

– Ой, внучек, и благодарить не знаю как! Пойдём, конечно. Вот радость-то где!

На том, может, и завершилась бы эта встреча с неожиданной попутчицей. Набрала бы бабушка бутылок, поблагодарила ещё раз и ушла восвояси. И даже имя её осталось бы для меня загадкой.

Но старость есть старость. Прихватило вдруг больное старушечье сердце прямо на крылечке Дома писателей.

– Ох, сильно как кольнуло. Аж в глазах тёмно стало, – успела выдохнуть она и ухватилась за мою руку. – Ох, дыхоты не даёт! Ох! Как шильем тычет.

– Ну вот, бабушка, опять без меня никуда, – попытался сказать я бодрым голосом, хотя сам на мгновение растерялся. – Давайте я вас потихоньку в свою сторожку отведу. Сядете, отдышитесь, а там посмотрим, как быть.

С горем пополам добрались. Гляжу, бабуля уже ртом воздух ловит, ноги одна за другую заплетаются. Я её скорей на стул усадил поудобнее и со всех ног к соседке, тёте Томе, может, есть у неё что-нибудь сердечное.

Вот и старая скособоченная дверь её дома. Стучусь.

Тётя Тома – добрейшей души человек. Правда, бывает, пьёт сильно, но чужой беде всегда помочь старается. Помню, однажды, когда я на дежурство ехал, у

меня в автобусной давке банки с едой разбили. Тётя Тома только узнала, сразу отменным борщом накормила. Да и так: то картошки с луком для супа принесёт, то карасей, что муж наловил, на уху, то беляшей горячих, то сала. При этом частенько приговаривает:

– Ты только, самое главное, учись, брат. Если учиться бросишь, я тебе этого ни-ко-гда не прощу.

Вот и сейчас, как поняла в чём дело, сразу нырнула в дом и, минуты не прошло, вынесла на ладони четыре таблетки валидола.

– Ой, тётя Тома, зачем же столько? Одной хватит.

– Держи-держи. Пусть с собой про запас возьмёт. Мало ли что. С сердцем, брат, шутить нельзя.

– Спасибо большое!

Прибежал обратно в сторожку. Бабуля у меня уже руки к сердцу прижала, охает тихо.

– Ну, куда вы теперь в таком состоянии, – говорю я. – Прилягте пока на кровать. Вот лекарство подействует, тогда и легче станет.

Старушка только молча кивнула.

Помог ей лечь, обувь снял, а у самого в голове мрачные мысли так и крутятся. Как бы ещё хуже не сделалось! Вдруг умрёт? Что тогда? Сообщить ведь придётся. «Скорая» или кто там ещё приедут, спросят: «Родственница?» – «Нет». – «Как зовут покойную?» – «Не знаю». – «А как у вас здесь оказалась?» Что я скажу? «Так, мимо шла?» Вот незадача.

Сию, прислушиваюсь. Пока представлял в уме возможные последствия, бабушка всё это время едва слышно постанывала. Я уже немного успокоился, как вдруг стоны прекратились. «Господи! Неужели – всё, преставилась!». Вскочил, наклонился над ней – не-ет, дышит. Уснула. С меня будто камень свалился. Ну, пусть спит, сон тоже лечит. А сам сел книгу читать.

Вот уже час прошёл, другой, третий. Время обеда наступило – бабушка всё спит. А у меня желудок есть начал просить. Если, думаю, на цыпочках да не шуметь, то, наверно, получится суп разогреть. А повезёт, так и, обедая, не потревожу.

Легонько поднялся и пошёл на носочках к сумке с банками. Но куда там! У старых людей сон чуткий. Едва скрипнула подо мной половица, и уже зашевелилась бабуля, заворочалась. Оторвала голову от подушки и стала медленно подниматься с кровати. Села и распрямилась.

– Как спалось? Как сердце? – деловито спросил я, водружая на плитку кастрюлю с супом.

Моя гостя тщательно протёрла глаза и смущённо улыбнулась. Потом рассмеялась:

– Хи, вот и бабушка! Храпелка старая! Сама не заметила, как уснула. Давно-о уж днём-то не спала. Вот вить как. И сердцу-то как хорошо, ровно и не болело вовсе.

– Вот и замечательно! Сейчас пообедаем вместе, уже всё греется.

– А можно? – робко и недоверчиво спросила старушка.

– А почему нельзя? – искренне удивился я. – Конечно, можно.

– Добрый ты, – почти нараспев проговорила она.

Мне в ответ оставалось только улыбнуться.

– Ты здесь сторож, значит?

– Да.

– Надо же.

– А что?

– Сторож, а стол как у дилектора какого. И полочки есть, и стульев мягких с дюжину будет. Люстрочка даже висит.

– Так ведь это не моё всё, я только охраняю.

– А-а. А всё равно, хорошо так работать.

Я снова улыбнулся.

– Вы лучше скажите, как вас зовут, а то до сих пор не познакомились. Моё имя – Саша.

– А-а, Саша. Хорошее имя, христианское. А меня бабой Ганей зовут. Агафья, значит.

– Старинное имя. Сейчас таких не дают.

– Ну так мне его ишло когда дали. В одиннадцатом году. Я вить уж шибко старая. Восемисят четыре годочка мне.

– Ну, что ж, баба Ганя, садитесь суп отведавать. Вот вам ложка, хлеб. Не стесняйтесь.

Баба Ганя под села к столу, взяла ложку, несколько раз зачерпнула. Потом подняла глаза и спросила:

– Суп-то сам, что ль, готовил?

– Нет. Светланка, жена моя.

– Женатый, значит.

– Да.

– А я гляжу, колечко на пальце, да, думаю, молодой ишло, наверно, просто так носит, модничает.

– Не-ет. Два года вместе живём. И в церкви венчались.

– Вот молодцы какие. Жене поклон передай. Суп шибко вкусный, сы-ытный. Дай ей бог здоровья. Живите долго.

– Спасибо. Вы-то как живёте? С кем?

– А я, Саша, одна живу. Уж питнацать годочков одна.

– Что ж так? Ни детей, ни внуков нет?

Баба Ганя как раз доела суп, облизала и отложила в сторону ложку, вздохнула и начала говорить:

– Внуков-то, угадал, нет, да и не будет уж. А дети-то вот были. От первого мужа. Фёдором звали. Я с ним как познакомилась? Первомай был. Черёмуха как раз цвела. Я и надумала к празднику букетик наломать. Вышла в лесок неподалёку, выбрала деревце понаряднее. Только первую веточку обломила, вдруг за спиной-то и слышу: «Это зачем же вы деревцо раните, красоту губите?».

А я в девках-то не пуглива была, оглядываюсь – парень молодой, рослый, с усиками, я ему смело так отвечаю: «А какой же праздник без цветов!».

Гляжу, он улыбается, а сам всё в глаза мне смотрит и говорит: «Оно так, конечно. Но если все кому не лень к празднику так делать будут, то через десять лет в округе ни одной черёмухи не останется».

А я как будто обиделась на него и говорю: «Если умный такой, взял бы и настоящих цветов подарил!».

Он смеётся. «Полюблю, – говорит, – так и подарю. Не жалко. Пойдёмте, я вам лучше сломанную черёмуху покажу, вчерашней грозой выворотило. Там и наломаете себе сколь надо, а то всё равно засохнет».

А я что, взяла да и пошла. Так вот и познакомились с ним. Через полгода свадьба была. Шибко его полюбила! Прямо всем сердцем прикипела!

– И сколько ж у вас, баба Ганя, детей от него было?

Её засиявшие было от светлых воспоминаний глаза вдруг мигом померкли.

– Три раза носила... Да только третьего вырастила. С тридцать седьмого года который. Второй квёлый был, до года не дожил, помер. А первый-то и говорить страшно: сразу мёртвый родился. Как уж я горевала тогда! По первенцу-то! Страх божий! Мальчик был. В больнице-то прямо при врачах сразу разревелась, насилу успокоили.

А через три месяца в тот же год мама в деревне от тифа скончалась. Отец-то раньше ишло, в гражданскую погиб. Я и помнила-то его смутно. Ох, было горюшка в моей жизни. Аж сейчас реветь хочется.

Потом только вроде всё направилося, война началась с Гитлером. Будь она проклята! Володьке пять лет сполнилось – с фронту похоронка пришла на Фёдора. Под Ленинградом погиб. Вот с того дня и сидеть начала, с тридцати-то лет.

– Да уж, как-то всё на вас сразу свалилось. Не позавидуешь. И сына, выходит, сами воспитывали.

– Десять лет поднимала. Всё одна да одна. Мужиков-то сколько в войну убивало. Не я одна вдовой осталась. А тут Сталин умер, аминистия была заключённым. Вот один-то из таких и привязался ко мне. Я подумала-подумала, не королевича же до смерти ждать. Согласилась, в общем.

Он ничего, хорошим мужиком оказался. Сидел-то не как бандит. Начальником цеха был, да авария там какая-то случилась, вот его за недогляд и упекли. Раньше с этим шибко строго было. Расписались мы с ним, Анатолием его звали, а долго-то и не пожили. Меньше, чем с Фёдором. Через пять лет помер. От чухотки. Видать, на зоне ишло заболел. А мог бы и дальше жить – полвека жизнь, что ли?..

Опять одна с Володькой осталась. Мне сорок шесть полных, ему двадцать один. Уже после армии пришёл. Там шофёром был и на гражданке в таксопарк устроился.

– Что-то вы путаете, баба Ганя. В пятьдесят восьмом вроде ещё не было в Тюмени таксопарка.

– Так мы вить до семисят пятого в Свердловске жили, потом уж сюда переехали. Володька захотел. На новое место, говорит. Чудной он у меня, непутёвый.

– Почему вдруг непутёвый?

– Да вот так. До лысины дожил, а так ни разу и не женился, внучат мне не оставил. Мне, говорит, мать, и так хорошо. Ох! Живой бы если был, так уж сам дедушкой стал.

– Так и Володя ваш умер?

– Помер, Сашуня, помер. В восьмидесятом ишло.

– Постойте, так это... господа, в сорок три года выходит! Отчего же?

– Врачи сказали, что сердце остановилось. Не знаю. Он вить и не жаловался никогда.

– Может, скрывал?

– Может. Володька шибко меня жалел.

Я в тот день утром подошла к нему, чтобы на смену разбудить, а он холодно-ушенок лежит, лицо белое-белое, только губы синюшные. Как сама тогда не померла – не знаю! Оно вить шибко горько – ребёнка своего пережить. Ни-ко-му

не пожелаю! А вот живу. Уж питацать лет. На могилку к нему иногда езжу, сама пла-ачу, разговариваю, скоро, мол, тоже в землю лягу.

– Как знать, может, ещё годика три-четыре поживёте. Сердце только берегите.

– Бог даст – поживу. Чего ж не пожить-то. А так уж всё на похороны пригостила. Отдельно лежит. Бельишко там, платье, чулки ненадёванные. Ситцу припасла, свечи с ладаном да ленты чёрные. Не стыдно чтоб помереть-то было. Я бы и на крест, может, ишшо наскребла, поднатужилась. Он, говорят, пока не шибко дорогой. Сорок тысяч. Так опять как нести-то его, громаду такую! А машину заказывать накладно.

Она помолчала.

– Господь-то наш, знаю, нёс на себе, так он хоть молодой был. И то тяжко. А я уж и без того через всю жизнь крест несу, потяжельше берёзового будет. Ишшо вот саван да иконку купить надо... Ну, ничего, через месяц Пасха, к церкви буду ходить, милостыню просить. Бутылок-то не насдаёшься.

– А что ж сейчас к церкви не ходите?

– А что сейчас ходить? Там и без меня калекам едва на хлеб с молоком хватает. Сердобольных-то не так уж и много. Вот пост к концу подходит будет, тогда все в церкву потянутся грехи замаливать, каждый сколько-нибудь да подаст. А пока одна подмога – бутылки да банки. Сейчас вот в «Восход» пойду, сдам их, глядишь, три тысячи прибавилось.

Баба Ганя неторопливо встала со стула.

– Ну, Саша, спасибо тебе. Как в сказке с тобой побывала: напоил, накормил, спать уложил да ишшо и вылечил и про жизнь мою выслушал. Добрый ты человек, дай бог тебе здоровья! И Светлане твоей того же.

– Вам, баба Ганя, спасибо на добром слове.

– Живи долго. Ты меня, Сашуня, теперь только сведи с лестницы на крыльцо, а дальше уж я сама как-нибудь.

Мы, не спеша, спустились с крутых ступенек, и я проводил бабу Ганю до ворот. Она благодарно поклонилась напоследок и медленно побрела к перекрёстку. Я стоял и смотрел ей вслед.

Где-то невдалеке густо и зычно ударил соборный колокол, созывая прихожан на вечернюю службу. Я увидел, как баба Ганя остановилась и застыла на месте. А когда величественный звук повторился, бережно поставила сумку и сетку на асфальт, выпрямилась и благоговейно трижды перекрестилась. Снова подняла поклажу и, по-старчески передвигая ноги, стала едва заметно удаляться в сторону заходящего солнца.

В ГОСТЯХ У НАЙДЫ

рассказ

*Светлой памяти моего деда
Михаила Фёдоровича и бабушки
Йулионии Клавдиевны Черкашиных посвящаю*

В Мужах зимы лютые, долгие. Приполярье. Сразу за селом укутанная, заметённая частыми буранами тайга. Последние отроги. А дальше, ближе к Салехарду – тундра с редкими чахлыми островками леса. Бескрайняя, оснеженная на долгие семь, а то и восемь месяцев. Тягуче медленно, как капля смолы из обломленной ветки кедра, выдавится из-за южного горизонта усталое декабрьское солнце, нехотя лизнёт верхушки елей за Мужами, и снова мимолётные сумерки да бесконечная ночь.

Не зря говорят, что детская память цепкая, яркая. Всё, что связано у Виктора с Мужами, с малолетством, отрочеством, до мелочей помнится. То одно, то другое вдруг всплывёт из-за громады дней светлым облачком, добрым эхом откликнется. Постучит в окно ветер с родины, зашелестит по заиндевело-му стеклу сухим, колким снегом и всколыхнёт, расцветит полярным сиянием воспоминания в душе, грустные и весёлые, но каждое дорого и мило его сердцу. Так и в этот вечер.

Старый дом на две половины, в котором жила Витина семья, и по сей день молчаливо встречает восход солнца да умудрённо глядит помутневшими стёклами окон на заречный тальниковый берег Оби. Лишь тихими ночами скупое перешёптывается с двумя вековыми елями, что стоят рядом, у самой дороги, с незапамятных времён.

Этот дом и две ели – молчаливые свидетели Витино-го детства, и наверняка помнят все его шалости и приключения. А особенно этот забавный случай.

Сколько ж ему тогда было? Лет пять, не больше. Несмышлёный любопытный проказник.

Стояли жуткие рождественские морозы. Даже старики головами качали, мол, лет двадцать пять такого не было. Витя третий день сидел дома. «Алёнушку» – детский сад, в который он ходил, закрыли из-за холодов. Он сам видел, как шляпки гвоздей на полу в его группе покрылись толстым слоем инея.

Пока мама на работе, Витя в первой половине дома, у бабушки с дедушкой. Баба Юля посадит мальчугана рядышком на диван, возьмёт в руки азбуку и буквам учит. Ей в этом умении равных нет. Всю жизнь баба Юля в системе народного образования проработала. Сначала учителем начальных классов была, затем заведующей в детских садах. И всё на Тюменском севере, где дополнительных проблем всегда непочатый край. От заготовки дров для школы до вечной нехватки канцелярских принадлежностей и книг.

Сегодня баба Юля с внуком до буквы «пэ» добрались. Бабушка показывает на рисунок и спрашивает:

- Что на этой картинке нарисовано?
- Дерево, – говорит Витя, – срубленное.

Баба Юля по-доброму усмехнётся, помолчит и иначе спросит:

- А как называется то, что от срубленного дерева остаётся?

Внук напряжённо моргает и вдруг, вспомнив, счастливо выпаливает:

– Пень!

– Правильно! А теперь послушай, как я говорить буду: п-ень, п-алка, п-арус, п-апа... Что я для тебя голосом выделила?

– Пы.

– Так. Только правильно надо говорить «пэ».

– Пэ!

– Молодец. Вот, это ещё одна буква. Запомнил, какая она?

– Да.

– На табуретку похожа. Правда?

– Ага.

Баба Юля берёт карандаш и что-то пишет на бумаге, аккуратно выводя печатные буквы. Потом протягивает листок Вите.

– Ну-ка, догадайся, что я тут написала? Все буквы в слове тебе уже знакомы. Мальчик старательно хмурит брови и шевелит губами.

– Пэ-е-лэ-и-кэ-а-нэ.

– Ну, что получилось?

Витя неуверенно говорит:

– Пеликан... А что это?

– Это птица такая, – поясняет баба Юля, – далеко на юге живёт. У неё, представляешь, под клювом большой мешок из своей же кожи есть.

– А зачем?

– Птица пеликан крупной рыбой питается. Поймает в море рыбину, летит и в этом мешке её к берегу несёт, чтобы самой съесть или птенцов своих накормить.

Тут шумно хлопает тяжёлая входная дверь. Внук резво спрыгивает с дивана и мчится в коридор.

– Деда Миша пришё-ол! – возвещает он не то бабушке, не то самому себе.

Дедушка осторожно отстраняет мальчика в сторону и, кряхтя, говорит:

– погоди-погоди, стрекулист. Застудишься ещё от меня. Дай разденусь.

А Вите не терпится, вертится около него, в ладоши хлопает, подпрыгивает.

Деда Миша, наоборот, серьёзный, в милиции работает, но внуку, как и бабушка, благоволит. Вот сейчас разденется, пригладит поседевшие волосы и наклонится к его уху, приобнимет да чмокнет в щёку. А потом все вместе обедать сядут.

После еды опять развлечение. Дед отогреется, наденет валенки, полушубок, шапку-ушанку, а бабе Юле велит пострелёнка потеплее одеть. Это они пойдут Найду кормить.

Найда в конуре у поленницы живёт. Северная лайка. Конуру ей дедушка сам сколотил. Прочную, просторную, даже с крышей двухскатной. Будто домик. Над входом брезентовый лоскут прибил, чтобы ветром снег внутрь не намело, на дно ворох сена положил для тепла.

Деда Миша берёт кастрюлю с отходами и выходит с внуком во двор. Заслышав стук двери и шаги, Найда сначала высовывает из конуры морду, потом резво выскакивает на притоптанный снег и радостно виляет хвостом. Витя каждый раз с интересом наблюдает, как она жадно, с громким чавканьем ест, прижав уши. На морозе у неё мелко-мелко дрожат ноги.

– Деда, а Найде разве не холодно?

Тот в раздумье слегка пожимает плечами.

– Может, и холодно, стужа-то вон какая.

– А вдруг она замёрзнет? – пугается Витя. – Давай её к нам домой запустим.

– Не бойся, – успокаивает дед. – У неё, видишь, какая шерсть густая. Да и не на снегу ведь голом она спит, а в конуре.

– Всё равно жалко.

– Не переживай. Её теперь ещё и еда греть будет. Сытый меньше мёрзнет. Пойдём в дом.

Найда уже всё съела и, довольная, залезла обратно в домик. Витя садится на корточки и с любопытством приподнимает брезент перед входом в конуру. Заглядывает внутрь. Найда лежит тугим калачиком, морду глубоко в шерсть упрятала, только уши настороженно торчат. «Наверно, всё-таки мёрзнет», – думает он и невольно с сочувствием вздыхает.

– Пошли, – окликает дед с крыльца, и мальчик, поднимаясь, нехотя семенит за ним в дом.

Старинные семейные часы немецкого производства девятнадцатого века размеренно и басисто бьют четыре раза...

Считать Витю тоже баба Юля научила. Правда, пока только до двадцати. Как пойдут с ней куда-нибудь, она непременно считать просит, чтобы внуку не скучно было просто так идти, а то она сама в силу возраста и полноты медленно ходит.

– Иди, – скажет, – вперёд, сосчитай, сколько в этом заборе палочек?

А ему и радость. Шагает, рукой до каждой палочки дотрагивается. Потом обратно спешит и кричит на бегу, пока не забыл:

– Двенадцать раз по двадцать и ещё восемь!

Бабушка в ответ улыбнётся и головой кивнёт. Дойдут до конца забора, она и скажет:

– Молодец, правильно сосчитал. Я проверила. – И другое что-нибудь сосчитать просит...

В этот вечерний час в старом доме уютно и тихо. Баба Юля растопила печь и готовит ужин. Витя предоставлен самому себе.

На улице уже совсем темно, когда приходит мама. Сын радостно бежит ей навстречу. Соскучился. Мама с бабушкой обстоятельно обмениваются новостями дня, затем баба Юля застёгивает внуку шубку, и Витя с мамой идут через улицу в другую половину дома.

Мама у Вити в школе работает, учителем, и поэтому почти сразу садится за подготовку конспектов к завтрашним урокам. Хотя и холода, но самые старшие классы учатся. Витя уже понимает, что подготовить урок – дело далеко не простое, и по-своему помогает маме: старается не мешать. Сядет у заиндевелого окошка и оттаивает пальцем дырочку, чтобы на фонари да на звёзды смотреть.

Так и в этот вечер было. Правда, не слишком мальчику на месте сиделось. Всё Найду вспоминал: как она там, на морозе? Не вытерпел, подбежал к маме.

– Мама, можно я пока к бабе Юле схожу?

– Что? – Мама задумчиво оторвалась от учебника и записей. – А, сходи, конечно. Давай, я тебя одену.

Со стучащим сердцем мальчик выскочил за дверь и бегом к конуре Найды. Лоскут приподнял и в проём голову засунул. А там темно – хоть глаз выколи!

– Найда! – негромко позвал Витя. – Ты живая? Где ты тут?

В глубине что-то зашевелилось, и влажный тёплый язык лизнул мальчугана в щеку.

– Так ты живая! – обрадовался он, протиснулся в конуру и стал ласково гладить собаку по шерсти. Найда ещё раз лизнула его в лицо и тихонько приветливо заскулила.

– А я думал, ты замёрзла. Собачка моя! Хорошая моя! – с жалостью в голосе проговорил Витя и обнял Найду за шею.

В конуре было не холодно. Пахло прелым сеном и ещё тем особым запахом, каким пахнут собаки. Витя для удобства прилёг и продолжал гладить Найду. Темнота и густой аромат сена, видимо, разморили его, он подтянул ноги к туловищу и незаметно задремал.

Что произошло дальше, Вите стало известно только потом из рассказов мамы и бабушки.

В восемь часов вечера мама закончила писать конспекты и пошла к бабушке с дедушкой.

– Ну, вот и я. За сынулей пришла, – возвестила она с порога.

Баба Юля и дед недоумённо переглянулись.

– А он не у тебя разве?

– Нет, – насторожилась мама, – часа два прошло, как к вам отпросился.

– Господи! – испуганно всплеснула руками бабушка. – Он и не заходил к нам вовсе!

– Как? Совсем?!

– Совсем! – баба Юля в растерянности опустила на стул. – Где же он?

– Не знаю, – упавшим голосом обронила мама и кинулась к телефону. – Михеевым позвоню, может, к Алёшке убежал, заигрался. Господи, в такую погоду! И, главное, не спросясь! К вам, сказал, пойдёт. Вот негодник!

Мама вздрагивающей рукой набрала трёхзначный номер. Во время недолгого разговора она всё больше хмурилась, нервно покусывала губы и от волнения теребила пальцами телефонный провод. Потом растерянно положила трубку на рычаг.

– Его там нет!

– Боже мой! Витенька! Замёрз уж, поди, где! – стала всхлипывать бабушка.

А дед наоборот: сразу весь подобрался и говорит:

– Вот как сделаем. Ты, Людмила, всех соседей сейчас беги, поспрашивай, может быть, видел его кто, а потом обратно. Если никто не знает, я на работу оперативному дежурному буду звонить. Только побыстрее давай. А ты, Юля, пока Людмила ходит, своих знакомых обзвони. Чупровых не забудь. Может, Витя Анну или Андрея Михайловича встретил да к ним зашёл. Они бы, конечно, позвонили, но вдруг не сообразили или замешкались, забыли.

Баба Юля сразу к телефону села, а мама бегом по соседям, только калитка хлопнула.

От этого резкого звука Витя и проснулся. И никак понять не может, где он находится. Слышит, что сопит кто-то рядом. Снял рукавичку, дотронулся – мягкое что-то, словно волосы. Тут и вспомнил, что он в конуре у Найды. Вылез наружу и быстрее в дом.

Баба Юля как увидела внука, так и застыла с телефонной трубкой в руке. А дед нахмурился, поднялся со стула и строго спрашивает:

– Ты где был, варнак? Откуда в сене весь?

Витя поглядел на себя – и правда, вся шубка и валенки в былинках сена. Испугался, что ругать будут, виновато заговорит, а сам уже хнычет:

– В конуре-е... У На-а-айды...

– В конуре? – опешил дед Миша. – Какой леший тебя туда понёс? Мать уже с ног сбилась! Ищет по всем Мужам!

– Я её от моро-оза гре-ел... Я больше не бу-уду...

– Не будет он! Перестань реветь!.. Нет, это ж надо! В конуру залез!.. Не реви! Распустил нюни, мужик!

– Ну, ладно, – вступилась бабушка. – Чего на внука накинуся? Он уж сам перепугался, дрожит вон весь. Нашёлся, и слава богу!.. Айда, Витюша, я тебя раздену, и спать пойдёшь. Хорошо?

Витя только торопливо кивает в ответ головой и трёт кулачком глаза. Дед умолкает и лишь недовольно провожает их взглядом. Потом изумлённо восклицает:

– Ну на-адо же! В конуру забрался! Тут и с милицией не сразу найдёшь!

Баба Юля ведёт Витю в комнату, расправляет постель, укладывает внука и поправляет одеяло.

– Спи. Спокойной ночи.

Уже в полудрёме Витя услышал, что пришла мама, и затих. Прислушался.

У неё грустный, чуть сдавленный голос.

– Нет... никто не видел... Всех обошла.

– Да дома он, – негромко ответил дед Миша. – Успокойся. Спит уже. Ты только ушла, и он в двери. Гулеван.

– Да где ж он был столько времени?

Дед сперва нарочно, для большего эффекта, выдерживает паузу, а затем, озорливо и смеясь, отвечает:

– Где был?! Нипочём не догадаешься! В конуре он был! У Найды нашей! От холода, понимаешь, её спасал, чтоб не замёрзла!

– Ох, горе мне с ним! – устало, но с облегчением выдохнула мама и присела за стол.

– Не переживай. Что ж за горе! Хороший парень растёт. А то, что глаз да глаз за ним нужен, так все мальцы такие. И не то ещё бывает.

Мама согласно улыбнулась.

– Ну, ладно. Пусть у вас спит. Я тоже пойду, а то набегалась по морозу, самой бы под одеяло скорей.

Она ещё раз вздохнула, встала, пожелала приятного сна родителям и ушла.

А когда легли дедушка с бабушкой, Витя уже крепко спал. И снилась ему Найда.

МАЛЬЧИК И ЗВЁЗДЫ

Лирический этюд

Брату Юрию посвящаю

Разверзлась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне – дна.

М. Ломоносов.

Это было прошлой зимой в городе Салехарде, который расположен на Северном полярном круге.

Я стоял поздно вечером на автобусной остановке на улице Маяковского и ждал нужного маршрута. Автобуса всё не было. Невдалеке от меня переминались в молчаливом ожидании ещё человек двадцать. Они ёжились от холода и постукивали обувью по утопанному снегу, чтобы согреть озябшие ноги. Хмурые взгляды горожан были направлены вниз, и лишь иногда кто-нибудь поглядывал в тёмный проём улицы в надежде увидеть долгожданный автобус.

И только один мальчик лет девяти явно выделялся из толпы.

Мальчик смотрел в небо.

Он не жался от холода, как остальные, не расхаживал монотонно из стороны в сторону, а наоборот, стоял и, запрокинув голову, заворожённо смотрел вверх. Как будто чего-то ждал оттуда.

Я заинтересовался и тоже взглянул вверх.

Далеко в небе мерцали яркие звёзды, похожие на крохотные льдинки. Была на редкость ясная ночь, и чёрный купол переливался от блеска этих холодных искринок. Звёзды действительно привораживали.

– Дяденька, – услышал вдруг я детский голос и оторвал взгляд от звёзд.

Это мальчик подошёл к стоящему по соседству от меня мужчине. Тот рассеянно курил и сначала не услышал, как к нему обратились.

– Дяденька!

– М-м, ты мне? Чего?

– Дяденька, скажите, пожалуйста, что это за звезда? – И мальчик указал рукой в небо.

Мужчина скудно посмотрел на звёзды, пыхнул сигаретой, потом пожал плечами и буркнул:

– Не знаю.

– Извините, – с сожалением отозвался мальчик и отступил в сторону. Тихо вздохнул. Затем обернулся в надежде спросить ещё кого-нибудь и встретился взглядом со мной. Я едва заметно кивнул. Он обрадованно улыбнулся и подошёл ко мне.

– Вы – знаете?!

– Может быть. Тебе какую?

– Вон ту! Видите? – И вновь маленькая рука потянулась к небу.

Я наклонился к плечу мальчика и почти сразу увидел жёлтенькую звёздочку. Тотчас успокоился, узнав её.

- Это Арктур, – произнёс я, когда повернул голову к мальчику.
- Правда? – удивлённо и с радостью выдохнул он.
- Да.
- Арктур... Красивое название. А в каком он созвездии?
- Кажется, Волопас... Да, Волопас.
- Волопас? А что это значит?
- Это... хм-м... Это человек такой. Волов который пасёт. Быков таких больших. Есть ведь – свинопас. Вот и волопас тоже есть.
- А звезда, значит, Артур называется?
- Нет. Арктур.
- Арк-тур, Арк-тур... Спасибо! А какие ещё есть звёзды?
- Звёзд, сам видишь, тысячи.
- Нет, ну таких, чтобы запомнить можно было и найти.
- Ну, смотри. – И я стал перечислять, показывая знакомые мне звёзды. – Вот это – Капелла, а вот та, что ниже – Альдебаран. Вон Кастор и Поллукс – братья-близнецы.
- А я родился под знаком Близнецов!
- Ну вот, теперь знаешь, где находится твоё созвездие. А во-он там, видишь, яркая, часто переливающаяся звезда? Это – Сириус. Правда, красивая?
- Ага! Здорово!.. Я так люблю на звёзды смотреть! Всегда бы смотрел!
- И он снова устремил взор в звёздное небо.
- А я невольно с благодарностью вспомнил свою маму. Те далёкие северные ночи моего детства, когда мы гуляли с ней по затихшим улицам села Мужи. Она с вдохновением рассказывала об огромной таинственной стране созвездий, а я с затаённым дыханием слушал её и во все глаза смотрел на опрокинутую чашу блистающего ночного неба.
- Неожиданно из темноты поперёк Млечного Пути ярко чиркнул зелёной – фосфорического света – полоской метеор.
- Звезда упала! – быстро проговорил мальчик и обернулся ко мне. – А расскажите ещё про звёзды. Пожалуйста.
- Ещё... Знаешь, какое созвездие считается самым красивым?
- Какое?
- Орион. Вот оно, правее и выше Сириуса. Нашёл?
- Ага! Я раньше уже замечал эти три звёздочки в один ряд. Как волшебная палочка.
- Это не палочка. Это – пояс Ориона. А чуть ниже кинжал...
- Подождите немного, – попросил вдруг мальчик, расстегнул школьный ранец, вытащил из него тетрадку и карандаш. – Я сейчас всё запишу.
- Он пристроился поудобнее и замёрзшей рукой коряво и крупно вывел: «Ари-он».
- Эх ты, грамотей! «О» – первая буква.
- Мальчик добродушно улыбнулся и поспешно намалевал поверх буквы «А» жирную «О». Потом записал под мою диктовку все остальные названия и положил всё обратно в ранец.
- Спасибо большое! Я теперь много звёзд знаю!
- В это время на остановке оживлённо зашевелились. Сверкнул фарами приближающийся наконец-то автобус. Люди нетерпеливо столпились у входа. Из откинутых дверей дохнуло тёплым воздухом салона.

Поехали. Мальчик сел чуть впереди меня у окна и стал усиленно дышать на заиндевелое стекло, чтобы протаять толстый слой изморози.

А я задумался. Как всё-таки мы меняемся с возрастом. Мы редко смотрим в небо, на звёзды. Глядим либо вниз, либо вперёд, по горизонтали. Да и мыслим зачастую «горизонтально». Ходим, словно придавлены небом. Почему? Боимся?.. Странно, куда уходит всё то, что было в детстве?

Вот этот мальчик: он не боится неба, он любит звёзды, и не равнодушен к ним. Мне было даже неловко, когда паренёк искренне поблагодарил меня за то, что я рассказал ему о ночном небе.

Милый мальчик, это я должен быть благодарен. Ты помог вспомнить мне детство, когда я не был равнодушным к небу, когда мысли и мечты мои простирались не только вперёд, но и ввысь, к далёким мерцающим светилам.

Спасибо тебе! Спасибо за звёзды!..

Я посмотрел в сторону, где должен был находиться мальчик.

Но его уже не было.

Александр Александрович Козловский родился в 1967 году в Тюмени. Окончил Тюменский индустриальный институт, а затем и Тюменский юридический институт МВД РФ. Он автор трех книг: двух прозаических («Люди сказывают», «Откровенно говоря») и одной поэтической («Стихи?»). Публиковался в региональной и центральной периодике. Член Союза писателей России.

В настоящее время проживает в г. Сургуте. Проходит службу в УВД ХМАО, майор милиции.

БУДНИ

Рассказ

Жара стояла невероятная. Безразличное ко всему солнцу бездушно таращилось на задыхающийся от пыли и выхлопных газов город. Асфальт плавился, становился мягким, и на нем четким рисунком отпечатались подковки ботинок милицейского старшины, несколько минут назад лениво прошедшего мимо вытянувшихся в ряд и пышущих жаром бронированных ларьков. Измученные деревья тихим шелестом, похожим на сдавленный стон, отзывались на каждое дуновение жаркого ветра. Скоробившаяся понурая листва давала лишь слабое подобие тени, никого не способной спасти от жары.

В пыли под высоким тополем у самой ограды стадиона, положив голову на вытянутые передние лапы, спал старый бездомный пес. Сваливающаяся рыжая шерсть прикрывала его впалые, испытывшие на себе немало ударов, пинков и других человеческих подлостей бока. За всю свою собачью жизнь пес понял, что от людей лучше всего держаться подальше. Не так, чтобы уж совсем – тогда и вовсе с голоду лапы протянешь, но и близко тоже лучше лишний раз не подходить. Изредка какая-нибудь сердобольная старушка кидала ему корку хлеба или на мгновение оказавшийся вне взора бдительных родителей ребенок пытался погладить. И тогда пес был почти счастлив своим собачьим счастьем. Чего еще нужно, как не частицу, пусть самую маленькую, тепла и участия. Но все же чаще доставались ему от людей лишь пинки да колотушки, которые можно было получить ни за что ни про что. Особенно от подростков. «И почему это из милых детишек такие уроды вдруг получаются? – рассуждал порой пес. – Да и взрослые не намного лучше. Может, им силу свою показать хочется? Так зачем на мне-то? Знают ведь, что все равно сдачи не дам... Одним словом – подлые существа».

Сон его был беспокойный. Он то тявкал, то повизгивал, скребя лапами, то вдруг вскидывал голову и начинал протяжно и печально выть. Потом как-то резко успокаивался, обрывал свой вой, открывал глаза, удивленно смотрел по сторонам, словно недоумевая: чего это я вдруг? Опускал голову на лапы и снова засыпал.

Иван Семенович остановился, тяжело дыша, поправил галстук и, достав из кармана сложенный вчетверо клетчатый носовой платок, вытер покрытое крупными каплями пота лицо. «Ну и погода!» Он укоризненно посмотрел на бича с грязной авоськой в руках, выискивающего в мусорной куче позади ларьков пустые бутылки, будто бич этот и был во всем виноват. «Выпить бы чего-нибудь...».

Словно угадав его мысли, из окошечка ближайшего ларька высунулся не то армянин, не то азербайджанец:

– Жарка тэбэ, атэц, да? Савсэм маленький Ташкэнт тут у вас. Бери пива, а?

– Знаю я ваше бери, – сердито ответил Иван Семенович, – в три шкуры дерете с русского человека. Почему?

– Зачэм так гаваришь? Как всэ бэру, дэшэвле нэт.

– То-то и оно, что нет, – проворчал Иван Семенович, – давай, ладно, бутылочку.

Он тщательно пересчитал сдачу, забрал пиво, которое не то азербайджанец, не то армянин тут же и откупорил – «все сдэлаем, атэц», отошел к одному из стоящих перед ларьками столиков и, посапывая от удовольствия, стал потягивать холодное, леденящее зубы пиво. С каждым глотком чувствовал Иван Семенович, как по телу разливается блаженная прохлада, на душе у него повеселело, он огляделся по сторонам. Не то армянин, не то азербайджанец, улыбаясь, смотрел из окошечка ларька на редких прохожих. Поднимая облака пыли, по дороге сновали туда-сюда автомобили. Иван Семенович отметил, что большинства их названий он и не знает даже – иномарки какие-то. Чуть поодаль, за дорогой на остановке скопилась толпа с корзинами, ведрами и прочим хозяйственным скарбом – дачники, ожидающие автобус.

– Простите...

Иван Семенович обернулся. Перед ним стоял тот самый бич с авоськой. Поиски его увенчались успехом – в авоське позвякивали пустые бутылки.

– Простите, бутылочку оставьте, а?

Иван Семенович с чувством собственного превосходства оглядел его с головы до ног, словно обдумывая что-то, повел носом (запах от бича был не из приятных) и наконец кивнул, сделав при этом знак рукой – хорошо, только не мешай пока, мол. Бич покорно отошел в сторону и стал терпеливо ждать. «Надо ж так опуститься», – брезгливо подумал Иван Семенович, демонстративно отвернулся в другую сторону и стал смотреть на дорогу.

Мчавшийся, казалось мимо, оливковый «Форд» вдруг резко свернул в сторону ларьков и затормозил. Машину развернуло, она пошла юзом, едва не сбив столик за которым стоял ошеломленный Иван Семенович, и остановилась в каком-нибудь метре от ларька. Не то армянин, не то азербайджанец как-то сразу скис.

Хлопнув дверцами, из машины выскочили два дюжих молодца.

– Вы это чего?! Чуть не стоптали! – возмущенно сказал им Иван Семенович. – Ездить не умеете, так дома сидели бы. И как таким только права дают.

Один из молодцов глянул на него так, что Иван Семенович явно ощутил, как у него мурашки по спине забегали.

– Заткнись, пердун старый! Катись отсюда, пока я тебе не навешал! Понял? Ка-азел!

Иван Семенович понял, что самым лучшим для него будет промолчать. «До чего дожили, – негодовал он, – сопляк какой-то, а строит из себя. Скинуть бы мне лет двадцать... На машине такой разъезжает. Ясно, откуда деньги взял. Я вон всю жизнь честно работал, а на мотоцикл только едва скопил, а эти... Ни совести, ни стыда, такие и убить могут ни за что». На душе у него стало до того тошно, что даже расхотелось ехать на совещание общества ветеранов, куда он, собственно, и собирался.

Парни, казалось, забыли уже об его существовании. С первого взгляда их можно было принять за братьев-близнецов: приблизительно одного роста, крепкие, с одинаковыми короткими стрижками, футболки с нерусскими надписями, синие спортивные брюки-трико, белые кроссовки. Они были увлечены разговором с продавцом.

– Ты бы хоть пивом угостил гостей в такую жару, – сказал один из парней. – Где ж твое кавказское гостеприимство?

Не то азербайджанец, не то армянин молча выставил на прилавок шесть бутылок пива.

– Вот, совсем дело другое, – похвалил его парень и предложил товарищу, – бери, не стесняйся, Камиль угощает.

Он взял бутылку, сорвал зубами с нее пробку, эффектно сплюнул ее на землю, отхлебнул порядочный глоток и спросил:

– Приготовил?

Продавец, пошарив где-то под прилавком, все так же молча протянул ему пухлый конверт.

Парень сделал вид, что обрадовался:

– Вот помнишь, Филя, – сказал он самодовольно, – я же тогда Бизону говорил, что Камиль мужик хороший. Подумает, и согласится. – Говорил он с издевкой, нарочито растягивая слова. – Видишь, он подумал правильно и согласился. А все потому, что мужик он хороший. Ты ведь хороший мужик, а Камиль? – спросил он, засовывая конверт в черную кожаную сумочку на поясе. – Я тоже хороший. Видишь, Камиль, даже не считаю. А все почему? Потому что хорошие люди должны друг другу доверять.

Иван Семенович, невольно оказавшийся свидетелем всего этого безобразия, творящегося прямо среди бела дня, оторопело смотрел на парней. «Да разве это возможно? Где ж милиция, черт подери?! Куда ж люди смотрят. Надо народ позвать. Сейчас...». И тут Иван Семенович понял, что ничего он сейчас не сделает, потому что просто-напросто боится.

– Посмотри-ка, он еще здесь, – сказал Филя, кивнув в его сторону, – Тебе чо, казал, надо, чо зеньки таращишь? – закричал он на Ивана Семеновича. – Да я тебя сейчас. – Он сделал шаг в его сторону. – А ну вали отсюда, а то...

Иван Семенович понял, что лучше не связываться. Он поставил недопитую бутылку на столик, повернулся и, оглядываясь через плечо – кто знает, эти и в спину ударят! – быстро пошел в сторону остановки.

Парни по-хозяйски огляделись кругом.

– Ну, чо, поехали, чо ли. Слышь, Гвоздь, а то ведь Бизон еще в три места заехать сказал, – предложил деловито потягивающий пивко Филя.

– Погоди минутку, – ответил Гвоздь, хитро подмигнув.

Бич, дождавшийся ухода Ивана Семеновича, опасливо покосился на парней, подошел к опустевшему столику, допил одним глотком недопитое пиво, положил опустевшую бутылку в авоську и двинулся было прочь.

– Стоп! – резко скомандовал Гвоздь.

От неожиданности бич чуть не выпустил сетку из рук. Гвоздь сделал строгое лицо.

– Ты чего без спросу мою бутылку берешь?! Кто тебе разрешил? Положи на место, – сказал он сердито.

Бич покорно поставил бутылку назад и хотел было идти прочь. Но Гвоздя это явно не устраивало:

– Ты куда? Стоять!

Бич остановился.

– Так и быть, забирай, – милостиво разрешил он. Но как только бич потянулся к бутылке, вновь скомандовал:

– Стоп! Иди сюда!

Бич нехотя подошел.

– Не по понятиям получается, братан, – Гвоздь говорил подчеркнуто вежливо, – неправильно поступаешь, дорогой товарищ без определенного места житель-

ства. Вот сейчас ты эти бутылки сдашь по пятерке, доход получишь, а налоги кто платить будет? Нехорошо государство наше обманывать. А нынче все фрайера налоги платят, вон и Камиль платит, – кивнул он в сторону ларька. – Недаром ведь у нас налоговая полиция организована. А ты не платишь. Несправедливо. Короче, гони рубль: пятая часть стоимости – НДС называется.

Бич потоптался на месте, порылся в карманах, вытащил засаленную смятую бумажку и протянул ее парню.

– Вот, – сказал он тихо.

Гвоздь явно не ожидал такого оборота. Тем не менее шутник быстро поборол распивавшую его злость и сладко заулыбался.

– Молодец, – одобрительно похлопал он бича по плечу, – правильно понимаешь налоговую политику демократического государства. Только ты, – лицо его стало серьезным и каким-то бычьим, ноздри широко раздулись, – только ты, падаль, неужели в самом деле вообразил, – чеканил он зло каждое слово, – что я твой зачморенный рубль возьму?! Ох, падла!

Он оттолкнул протягивающую деньги руку и резко ударил бича под дых. Тот поперхнулся, согнувшись, схватился за живот, и тогда парень другой рукой ударил его в лицо. Бич опрокинулся навзничь, ударившись головой об асфальт, авоська выпала из его рук, послышался звон стекла. Парень пнул его ногой в живот, потом еще и вдруг неожиданно для себя самого начал наносить удары один за одним.

– Падла! Мразь! Да я ж тебя сейчас!.. Дерьмо жрать заставлю! – яростно выкрикивал он, распаляясь все больше. – Скотина! Вонючка! На тебе, казел. Мне – рубль. Да на зоне за это!..

Бич и не пытался встать: силы были явно неравные. Он только прикрывал голову руками и тихо стонал. Гвоздь все не унимался.

– Сволочь! Мразь!

Стоны перешли в хрип.

– Ладно, Гвоздь, хватит, это уже не прикольно, – схватил его за локоть Филя, – еще в самом деле окучишь его, разруливай потом с ментами. Пошли, времени нет.

Тот еще раз наддал бичу ногой в живот – «пусть знает, скотина», – плюнул на него и пошел к машине. Презрительно фыркнув, «форд» выпустил облачко дыма и рванул с места, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Азербайджанец посмотрел ему вслед, произнес что-то по-своему и затворил окно, будто ларек не работает. Бич медленно поднялся, придерживаясь за угол ларька. С лица его капала кровь. Он утерся грязным рукавом рубахи, размазав кровь по лицу, подобрал авоську, вытряхнул из нее осколки, собрал оставшиеся после парней бутылки и, пошатываясь, медленно поплелся прочь.

Спавший под высоким тополем пес вдруг встрепенулся, вскинул голову и завыл. Завыл протяжно и долго. И редкие прохожие невольно оборачивались в его сторону, недоумевая: «Чего это он?».

– Чего это он? – спросил мальчуган лет пяти у шедшей рядом с ним мамы – молодой женщины с корзиной в руке, одетой в футболку и джинсы.

– Не знаю, – ответила та. – Может, от голода, а может, чью-то смерть почуял – говорят, собаки смерть чуют. Ну, куда ты? Илья, я кому сказала! Не видишь, какой он грязный. Не смей его трогать! Пойдем. – Она взяла сына за руку. – А то мы на автобус опоздаем, а бабушка на даче волноваться будет.

Так же неожиданно, как и начал, пес резко прекратил свой вой, огляделся по сторонам, опустил голову на лапы и вновь заснул. Что ему снилось? Бог знает...

ПОПУТЧИК

Рассказ

Он вошёл на одной из крохотных безымянных станций, каких полным-полно на пути от Фрунзе до Свердловска, вновь ставшего Екатеринбургом. Впрочем, и столицу Киргизии в ту пору уже мало кто называл Фрунзе, все больше – Бишкек.

Плацкартный вагон наш был самый что ни на есть перестроечный: полки, покрытые толстым слоем пыли, грязные разводы на полу – следы недавней «уборки», порезанные сиденья, серые, с желтыми пятнами непонятного происхождения полусырые простыни. Словом, набор того самого «сервиса», обрушившегося на народ после скоропостижной кончины Советской власти, к которому на удивление быстро все стали привыкать. А что делать – жалобные книги, увы, почтили вместе с социализмом, а капиталистическая конкуренция еще не возродилась.

Но что, бесспорно, осталось от прежних времен, так это надпись, выцарапанная чем-то острым на перегородке над самой моей головой: «Аркадий, п. Московский, 1992 г.». Кто из нас таких надписей не делал. А для чего – пожалуй, никто толком и объяснить не сможет. Наверное, это способ заявить о своем существовании тем другим, которые существуют как бы параллельно и упорно не желают обращать на тебя внимание. Что ж, что-то в этом есть. Я, например, теперь точно знаю, что живет в поселке Московский, что в двух часах езды от Бишкека, некий нехороший человек по имени Аркадий, который портит стены вагонов. В каждом из нас, по-видимому, есть что-то от Герострата.

Хотя стоит ли винить мальчугана, его способ – невинная детская шалость по сравнению с теми, кто ради собственного увековечения посягает на истинные святыни, разрушает устои, перемалывая народы и поколения в мясорубке социальных переворотов, разрушая национальное сознание, ставит над собственными странами чудовищные эксперименты. Впрочем, что о них говорить? Не много ли чести? Вернемся лучше к моему попутчику.

Он был из числа тех, на кого сразу обращают внимание: несмотря на здоровенный рюкзак за плечами, шёл твердой уверенной поступью, ничуть не сгибаясь под тяжестью своей громоздкой ноши. Во всем его облике было что-то крепкое, матерое – то неуловимое, что отличает русского человека. Потертый серый пиджак, старая клетчатая рубаша, широкие суконные, заляпанные воском штаны, огромные, на толстой «альпинистской» подошве ботинки – все это подчеркивало сокрытую в нем силу. Он был стар, но не дряхл, а крепок, как мореный дуб, просоленный временем. Темное, чисто выбритое лицо его производило впечатление довольно странное: глубокие борозды морщин, прорезавшие высокий лоб, казалось, несли в себе одновременно и обретенную с годами житейскую мудрость человека, немало повидавшего, и отпечаток суровых испытаний, которые, по-видимому, выпали на его долю; выцветшие, словно покрытые пеплом глаза смотрели на мир тепло и в то же время печально; массивный подбородок как-то сдвигался в сторону, стоило старику улыбнуться. Лишь одно было несомненным – это очень добрый человек.

Сбросив ношу с плеч, он уселся на нижнюю боковушку, дружески подмигнул мне и, извлекая из своего тугого безразмерного рюкзака пару бутылок пива, вдруг совсем по-свойски спросил:

– Открывашка есть?

Низкий грудной голос его многократным эхом пронесся по вагону так, что из-за перегородок соседних секций повыглядывали любопытные, а я сразу же мысленно окрестил говорящего Громогласным Дедом. Настоящее его имя я узнал чуть позже – Григорий.

– Вот, пожалуйста, – протянул я открывалку.

Он откупорил бутылку и предложил мне:

– Угощайся. – И, видя, что я ищу глазами стакан, добавил: – Да прям из горлышка.

– Спасибо.

Это было уже несколько необычным для нового времени, когда люди начали привыкать, что каждый должен быть сам по себе. И невольно сравнил я старика с остальными пассажирами вагона, жавшимися к своей поклаже, с подозрением поглядывающими по сторонам: «нужно ухо остро держать – сами знаете, какое время настало, бардак кругом». И опять же невольно подумалось: «До чего же народ довели, сволочи. Года два назад еще совсем всё по-другому было».

Старик посмотрел в окно:

– Ну, с Богом... Тронулись, кажись... Ты, я гляжу, нездешний?

– В гости приезжал, – ответил я, прикладываясь к бутылке с пивом; пиво было холодным и слегка горьким, как и полагается ячменному пиву. – К другу. Служили вместе...

– Сразу видно. Весь белый из себя. В гости – это хорошо. Особенно, когда к другу. Я вот тоже в гости собрался... к Курганскому областному прокурору.

Говорил он по-прежнему громко, ничуть не понижая голоса, и при последних его словах, по меньшей мере из-за перегородок трех ближайших купе по обе стороны от нас, высунулись любопытные лица. Громогласный Дед на это никак не прореагировал, словно не замечая их.

– Слух прошел, сейчас репрессированным незаконно компенсацию какую-то выплачивают за землю. Вот и решил съездить, узнать, да и на места эти мне больно охота посмотреть перед смертью. С ними у меня жизнь ой как связана.

Он замолчал, и неясно было, говорил ли это мне, остальным ли попутчикам, или же слова его были неожиданно вырвавшимися наружу отзвуками пережитого, таившегося в самых сокровенных уголках души и вот теперь непонятно кем или чем потревоженного.

Старик похлопал по карману своего пиджака, достал мятую пачку «Беломора».

– Покурю пойду. Ты не куришь? – Это уже опять относилось ко мне.

Я покачал головой. Он печально вздохнул и отправился в тамбур. Мне показалось, что он как-то ссутулился, словно на плечи его неимоверной тяжестью обрушилось вдруг время.

Поезд еле тащился. Лежа на своей верхней полке, я сквозь покрытое грязью мутное стекло лениво разглядывал тянувшийся мимо однообразный пейзаж. Мы уже пересекли границу Казахстана. Киргизия с ее зелеными садами осталась позади, и теперь нас окружала бесконечная степь. Куда ни посмотришь, всюду

одно и то же: грязно-желтая от высохших трав надоедливая равнина, редкие холмы, покрытые все той же травой, мелкие, с изрезанными краями овраги, одинокие столбы, часовыми стоящие вдоль дороги, параллельная железнодорожная ветка и снова степь...степь...степь...

– Скучаешь? – раскатистый зычный голос словно гром небесный раздался над самой моей головой.

От неожиданности я чуть было не свалился с полки. Громогласный Дед стоял в проходе, опершись руками на столик, и лицо его было как раз на уровне моего.

– Слезай вниз, поговорим. Все веселей будет, чем в окошко глядеть.

* * *

Мы сидели и разговаривали. О том, о сем. О погоде, о дурной политике нашего руководства, развалившего страну, о рыбалке, охоте и даже о проблеме космических полетов. Словом, это был обычный вагонный разговор, когда ты неожиданно для себя сближаешься с попутчиком так, что хочется рассказать ему самое-самое, а потом вдруг спохватываешься и понимаешь: вот сейчас твой собеседник сойдет на какой-нибудь станции, и вряд ли ты когда-нибудь еще увидишь его. А если и встретишь случайно, то наверняка не узнаешь в толпе спешащих по своим неотложным делам людей. Впрочем, может это и к лучшему, ведь люди часто оказываются совсем не такими, какими стараются себя показать.

Но вряд ли мой собеседник принадлежал к их числу. Он не жаловался на жизнь, «душу не изливал», как это делают многие, не выставлял себя напоказ, как это модно нынче, но и не хаял, что тоже теперь в большинстве случаев используется лишь в целях саморекламы, а если и рассказывал что о себе, то говорил без особых прикрас и преувеличений и потому казался до конца искренним. И это невольно подкупало. К тому же рассказчиком он был великолепным. Конечно, речь его была проста, без новых модных словечек вроде «плюрализм» и «эксклюзивный», но до того он располагал к себе, так увлеченно говорил, вникая при этом в самую суть дела, что я невольно заслушивался. Заметив это, Громогласный Дед неожиданно прерывал свой рассказ и спрашивал:

– А вот ты сам-то как думаешь об этом?

И внимательно слушал, не перебивая, даже если я нес полную чепуху.

Лицо его постепенно преобразилось. Морщины разгладились, в пепельных глазах заиграли веселые искорки, он шутил, смеялся вовсю. Смеялся искренне и беззаботно, как ребенок, и только голос его по-прежнему гремел на весь вагон.

Один за другим к нашей беседе присоединились и другие пассажиры. В большинстве своем это были люди в возрасте, все они ехали с огромными тюками, везли, говоря их же словами, «плоды солнечной Киргизии в суровую Сибирь».

Их тоже сумел разговорить мой старик. Интересно было наблюдать, как постепенно проясняются лица попутчиков, теряя настороженное выражение, как, забыв про свой багаж, люди принимались отпускать реплики по поводу и без. Нет, не умерла еще в нашем народе душа. Не умерла, не очерствела. Не сломали, господа бизнесмены-джентльмены. Натек-ка вам! Выкусите!

Время летело незаметно. Честно говоря, я уже устал и потому вновь забрался на полку, но слушать не переставал.

Моя соседка по купе, толстая морщинистая старуха в очках, вдруг сказала:

– Пряма не знаю, что делать-то. Как дальше жить? Мы ж теперь здесь вроде как в загранице. Киргизы вон коситься начали уже. Мол, чужаки, понаприехали, уезжайте к себе. А куда ехать? Я ж почти коренная здесь. Как сослали нас сюда, раскулачили, так и живем. С тридцать второго году тут. А ведь, можно сказать, повезло еще. Чем тут не жизнь? Край-то какой – все растет, знай, работай, не ленись. Отец потом на фронте того встретил, который нас сюда сослал, так даже спасибо ему сказал. Представляете? Мол, если б в Сибирь, то неизвестно еще, жив ли бы остался, а на это – грех жаловаться! Верите-нет, но так и было, отец сам про это говорил после войны уже. А тот мужик, энкавэдэшник-то, погиб. Вот ведь как оно случается. А вас, – обратилась она к старику, – тоже, наверное, сюда сослали? Вы говорили, что из репрессированных тоже, к прокурору едете.

– Нет, не сослали, – ответил тихо Громогласный Дед, какая-то серая тень набежала на его лицо. – Нет, не сослали, – повторил он, – сам приехал.

И замолчал надолго.

Старушка заерзала на месте:

– Вы простите великодушно, коли я вас обидела случаем. Не хотела я этого.

– Да чего мне на вас-то обижаться? – голос старика вновь приобрел обычную свою силу. – А что замолчал, так оттого, что не люблю я про это вспоминать. Я для себя давно понял: если только об одном плохом помнить, так и жить не стоило б. А вы попробуйте в плохом этом хоть что-то, хоть самую маковку доброго найти. И сам я тем живу, и детей своих этому учил.

* * *

Убаюканный тряской, я погружался в сладкую дрему. Кто-то незримый настойчиво, хоть и не без осторожности опускал мои ставшие липкими веки.

– Сейчас станция будет, – голос Громогласного Деда широкой волной разлился по вагону.

Поезд притормозил. Старик посмотрел в окно, поискал глазами кого-то на перроне, затем, не говоря ни слова, вытащил из-под сидения свой огромный рюкзак, подхватил его сильной рукой и направился к выходу.

Вернулся он через пару минут. Рюкзак его был теперь совсем пустым и оттого походил на сдувшийся воздушный шар.

– Знакомые просили передать, – пояснил он, заметив мой удивленный взгляд. – А то стал бы я сам с такой тяжестью таскаться. Много ли мне-то одному в дороге надо: рубаху да белье не смену.

– А сад у вас есть? – сам не зная зачем, спросил я.

– У кого ж в Киргизии его нет? – Старик улыбнулся, отчего челюсть его пошла вбок. – Разве что в городах... Стало быть, и у меня есть. Как же в наше время без хозяйства? Да и на земле работать – первое дело для человека. Спокон повелось зря, что ли. Кто ближе к земле, тому она силы дает. К этому меня отец с матерью с детства приучили. Земли у нас достаточно было, хозяйство крепкое. Но хоть работников держали, а все одно на земле не меньше их работали. Трое нас детей в семье было, я да две сестры. И все при деле, баклуш никто не бил.

Поезд еле тащился, останавливаясь, как говорится, возле каждого столба, и от этого вагон наш походил на проходной двор. Одни пассажиры, не успев сесть, сходили, их место тотчас же занимали другие. Сошла и моя соседка по купе – та самая, которая рассказывала, как ее отца сослали в Киргизию. Я думал, что ее место займет ушедший в тамбур Громогласный Дед, но его опередили.

По проходу, смешно семеня короткими ножками, с большой спортивной сумкой через плечо и двумя полными, с горкой, ведрами алычи в руках, от тяжести которых он согнулся в три погибели, шагал маленький человечек на вид лет пятидесяти. И хотя роста, как потом оказалось, он был не намного ниже среднего, выглядел человек почему-то совсем хрупким. Он улыбался, но улыбка его была какая-то вымученная, неестественная – этакая божья птичка, ангелочек, какими их изображают на своих открытках немые, либо косящие под немых, торговцы, время от времени появляющиеся в поезде. Костюмчик его был староват, но опрятен, как говорится, ни пятнышка.

Заметив свободное место, незнакомец осторожно, будто опасаясь, что его прогонят, присел на краешек, придвинул свои ведра поближе к себе, подозрительно озираясь вокруг (кто, мол, вас знает), но при этом вежливо поздоровался со всеми присутствующими:

– Мир вам, люди добрые. – Голос его был под стать улыбке – такой же сладковато-вкрадчивый и потому фальшивый. – Пошалуста простите, если помешал вам. – Легкий шипящий акцент выдавал в нем немца. – Меня Степан Карлович звать.

Вернулся Громогласный Дед, взгляд его мельком скользнул по новому попутчику, он чуть заметно улыбнулся, но ничего не сказал, а отвернулся и стал смотреть в окно.

Степан Карлович, как оказалось, молчуном не был. Увидев в моей руке книгу, он не утерпел и спросил:

– Молодой человек, что это вы читаете? – И, услышав в ответ: «детектив», предложил: – Хотите что-то получше? Та и всем, кому нато, у меня Евангелие есть, берите, читайте. Мошно насовсем взять.

И, не дожидаясь ответа, достал из сумки целую кипу брошюр всевозможных форматов и цветов, буквально всучил всем по одной. Довольный своей оперативностью, сказал:

– Это всем нато прочесть. А ешли кому что непонятно, не стесняйтесь, спросите, я поясню. Вы, молодой человек, отчего не читаете? – спросил он, видя, что я отрешенно держу в руках подаренную им брошюру.

Не желая выглядеть невежливым, я раскрыл книгу на первой странице и прочел: «Исаак родил Иакова». Почему-то сразу же напомнилась сцена из любимого в детстве кинофильма про неуловимых мстителей: экскурсовод, чтобы потянуть время, читает протяжным нудным голосом сгрудившимся вокруг него посетителям музея длинную родословную Христа. Вспомнив отрешенные, отупевшие их лица, я не мог не усмехнуться.

Вопросы к Степану Карловичу были. Мудреные евангельские писания малопонятны и человеку, читавшему Библию, а для тех, кто первый раз взял их в руки, представляют собой и вовсе что-то непонятное. Степан Карлович отвечал неторопливо, с чувством собственного превосходства, как будто уже был уверен о забронированном на том свете хорошем месте. Он, казалось, даже как-

то вырос от собственной своей значительности и хотя и старался вести себя скромно и смиренно, как велит ему христианский долг, значительность эта никак не хотела уместиться в скромных размерах его слабого тела и потому порой нет-нет, да и выплескивалась через край. Он внимательно выслушивал вопросы и, почти не задумываясь, отвечал, но использовал при этом все те же изречения, которые пытался объяснить, потом вдруг, словно спохватившись, добавлял, а вот так об этом же сказано в такой-то главе, в таком-то стихе. И зачитывал вслух. Его голос при этом как-то утрачивал свою слащавость и становился довольно нудным. Слушатели, скорее для того, чтобы подобное объяснение не затягивалось уж слишком надолго, при каждом его «понятно?» согласно кивали головами.

Все это сильно смахивало на недавнюю нашу историю, какой-нибудь очередной партсъезд, когда все делают вид, что внимательно слушают докладчика, кемаря потихонечку, но никто так толком и не может понять, для чего же все это нужно. Впрочем, сегодняшние «маяки перестройки» не намного лучше. Всё знают и кричат о том, что надо что-то делать, поскольку «процесс пошел», но вот что именно делать и куда этот самый «процесс» лыжи наострил и почему все так происходит, мало кто понимает, а кто понимает, сидит себе где-нибудь тихонечко да похихикивает.

Степан же Карлович, войдя в роль проповедника, коим, с его же слов, он и являлся, не умолкал ни на минуту. Время от времени он вновь повторял, потрясая брошюрой:

– Читайте эту книгу. Здесь все сказано.

Кто-то из слушавших (а их становилось все меньше) сказал:

– Как вы много знаете!

Степан Карлович не смог скрыть своего удовольствия:

– Это потому, что я читаю Евангелие постоянно. Молюсь Господу, вот Он и тает мне разумение. Вы читайте, я вам тал книги, и вам тоше будет. Читайте! Больше другого ничего не нушно. Пускай, что уготно будет в мире. Это – вечно. Отним этим шить надо, любя всех. И сразу шить легче станет.

– Вот слушаю я, – молчавший с самого появления Степана Карловича Громогласный Дед не выдержал, – ох и врешь ты, дядя!

От неожиданности проповедник чуть было не лишился дара речи: оппонент был явно старше его. Он покраснел, как вареный рак, и лишь спустя какое-то время сумел, наконец, выдать из себя:

– Я вас не понимаю.

– А чего тут понимать? – Громогласный Дед пристально посмотрел на немца, отчего тот сразу как-то осунулся, сделался меньше. – Вот говоришь ты всем, что нужно только одну эту книгу читать, – он указал пальцем на Евангелие, которое держал в руках проповедник. – Хорошая книга, согласен с тобой. Но только как ты прикажешь на то смотреть, что вокруг творится? Страну на части рвут, каждый стремится себе кусок пожирнее оттяпать. Людей какой год за нос водят. А мы, по-твоему выходит, должны молча все это сносить да головы в книжку уткнуть, как страус в песок. Но на то это и птица глупая, чтобы думать, что так ото всех бед укроется. А мы же люди все-таки. Вот ты тут долго про царство небесное, про геенну огненную рассказывал. А не лучше бы было с людьми о жизни поговорить, коли ты человек ученый. Такого ведь многие хлебнули, что адом книжным их не проймешь. Видал ли

ты когда-нибудь, как люди будто мухи от морозу мерзли? Не один, не два – сотнями, тысячами!

Говорил он по-прежнему громко, слова словно разрубали воздух, чувствовалась в них, нет, не озлобленность, а какая-то нестерпимая боль, словно разбредили давно отболевшую, зарубцевавшуюся рану. Лицо его стало суровым, непроницаемым, и, казалось, нет в мире силы, способной смягчить его. А старик все говорил:

– Как скот какой гнали нас на поселение. Были женщины на сносях, рожали, так детей выкидывали, как щенят. Отбирают: все равно, мол, кормить-то вам нечем, отпилился народной кровушки.

Проповедник как-то виновато посмотрел на него и отвернулся.

– Что, дядя, не так складно, как ты, сказываю? Но ты слушай. Я тебя слушал, так теперь и ты меня уважь. Пригнали нас на голое место: «Стройтесь!» А как? Инструмента, и того серьезного нет, отобрали ведь, а у многих и вещей нет. Позволили лишь то взять, что на ком надето было. А уж осень, по утрам подмораживает. Кой-чем на разъезде разжились (там разъезд верстах в пятнадцати был). Стали землянки строить. Мужики на работе из сил выбиваются – хотят до зимы успеть. На той работе отец мой и надорвался. Слег. Лечить бы надо, а нечем. Какие там лекарства, о докторе уж и не говорю... Фельдшера с разъезда привезли, правда, да он лишь руками развел, поздно мол, если бы на недельку раньше хоть... Помер отец. Я в семье за старшего остался. А самому и пятнадцати не было – мальчишка совсем. Морозы ударили. В землянке углы насквозь промерзают. С едой и того хуже. Кору с деревьев есть приходилось – в муку добавляли, чтоб до весны дотянуть. Те, кто покрепче был, держались еще. А кто здоровьем слаб... Много народа та страшная зима унесла, мать мою тоже, сестер...

И потом, в лагере, в сорок восьмом, когда пайки вполтину урезали – вот уж где настоящий ад увидеть довелось. Сколько народу зазря загублено было.

И иуд встречать приходилось. В другом аду. В сорок первом, под Москвой. Как война началась, меня поначалу-то в Красную Армию не брали, раз из спецпереселенцев. А когда немец к самой Москве попер, тут уж не до разбору было, лишь бы столицу отстоять, не вышла у них война на чужой территории. Я добровольцем записался, решил, как бы там ни было, а страну защищать-то надо. Не спорю, и такие были, которые говорили, мол, конец коммунистам придет – всем легче станет. Только есть такая русская пословица хорошая: хрен редьки не слаще. Эти-то хоть свои...

Привезли нас на позиции, путем не обучены все, не обстреляны, едва в шинели одеть успели – и на передовую. И вооружить-то как следует не успели, выдали каждому по гранате, остальное потом подвезут вам, мол, все. Оружие и в бою можно добыть – такие тогда лозунги были. Так и воевали. Один стреляет, а двое ждут, когда его убьют, чтоб винтовку его взять. Не выдержал я. «Что ж, – говорю, – нас как скот на убой гонят? Ведь люди ж мы!». В горячности, конечно, сказал. Да зря. Донес кто-то. На другой день за мной людей прислали, забрали в особый отдел. Вот где я настоящих палачей увидел. Ох, и били меня на допросах. Припомнили происхождение! До сих пор памятка осталась. Я поначалу все пытался объяснить, что никакой я не враг, а потом вижу: что бы ни сказал, все против меня оборачивают. И в чем только ни обвиняли: и что в Красную Армию я нарочно записался, и что агитацию разводил,

уговаривал к немцам переходить... Решил тогда: хоть убейте, слова больше от меня не услышите.

Вот вызвал меня их уполномоченный на допрос. Вопросы задает: кто ваши сообщники? От кого получали задания на проведение агитации?..

Я молчу. Он вконец из себя вышел: «Молчать любишь?! – кричит. – Хорошо! Ты у меня надолго замолчишь!». И заматерился. Сам знак подает. Помощник его, младший лейтенант, молоденький – парнишка совсем, а уж выслуживаться научился, подскочил да как даст мне по лицу. Умел бить, видно, не раз приходилось. У меня сразу челюсть набок, в глазах помутнело. Упал я, кровь из рта хлынула.

Сдержал уполномоченный свое слово: долго я потом не то, что разговаривать, есть не мог. Кормили-то нас: хлеб-вода – вот и вся еда. Так я хлеб в кружке размачиваю и кашу ту ем. Челюсть-то уж потом, в лагере правил – кирпичи каленые прикладывал, да так до конца выправить и не удалось. Заметили, поди, что когда улыбаюсь, челюсть у меня кривит. Вот тебе, дядя, и жизнь моя вся. Ну, а коли бы, я всего этого на своей шкуре не испытал, так, может, в Библию и заглядывать бы не стал. Но коли живой я после того, что пережить пришлось, так я и без тебя знаю, что Бог есть. К этому каждый человек своим путем, умом своим дойти должен. Ты уж не серчай, что накричал на тебя. Но только не о том ты людям толкуешь, многие из них, поди, побольше меня повидали. Вот сейчас коммунистов все хаут, а ведь не совсем же они дураки были: гордился народ родиной своей, это ведь не просто слова красивые, как сейчас представить пытаются. Нельзя же всем сидеть, руки сложить, когда вокруг такое творится. Заврались совсем наверху, а новым нашим «друзьям» иностранным только это и надо. И такое отношение ко всему, за которое ты агитируешь, им ой как выгодно. А скажи мне, разве может человек по-настоящему в Бога верить, коли он о своей стране родной не заботится?

Он встал.

– Ладно, разболтался я что-то с тобой, целую речь задвинул, хоть на митинг прямиком. Пойду-ка покурю лучше.

– Та, многое, по-видимому, человек в жизни испытал, – промолвил Степан Карлович ему вслед. – Но, наверное, не все понял. Как же можно про Библию так говорить? Люди из-за нее шизнью иногда рисковали. У нас есть брат один, Анатолий (у нас все, кто на собрания ходят – братья). Он то же в лагере сидел. Пять лет. И все время с Евангелием не расставался. Он его в хлебе хранил. Так сказать, хлеб небесный в хлебе насущном. Им пайки хлебные выдавали по столько-то граммов на человека. Режут буханку на части, потом на весах взвешивают. У кого меньше положенного получается, тому довесок дают, маленький такой кусочек. Прямо на палочке и приткнул его к основной пайке. Так Анатолий до чего додумался: мякиш съест, корочку оставит, мешду двумя корочками Евангелие полошит (она веть небольшая книшица) да довесочком и приткнет, как защелкой. Никому и невдомек. Вот какое разумение Господь тем дает, кто в него верует. И что случилось с Анатолием – тому подтверждение.

Их там, в лагере, целый крушок верующих образовался. Собирались где-нибудь в укромном местечке, молились, Евангелие вслух по очереди читали. Однажды собрались, помолились, начали читать. Один почитает, другому передаст, и так по кругу. Дошла и до Анатолия очередь. Вдруг чувствует, кто-то

ему через плечо заглядывает. Оглянулся – солдат-охранник за спиной стоит. Так они увлеклись, что и не заметили, когда он подошел. Приказывает: «Давай сюда, что читаешь!». У брата Анатолия аш оборвалось все внутри. Взмолился он про себя: «Господь милосердный мой, не лишай меня радости видеть слово твое!». И, представляете, посмотрел Евангелие охранник, полистал, повертел в руках, пошал плечами и обратно отдал. Повернулся, ушел. Они упали все на колени, стали Бога благодарить. Вот что вера истинная делает. Уверуйте, и вам то же будет, – закончил свой рассказ проповедник.

Вернувшийся Громогласный Дед молчал, хотя Степан Карлович всем своим видом ждал его одобрения.

– Что вы на это скажете? – не выдержал он наконец.

– Да ничего не скажу. – Дед Григорий пожал плечами. – Наверное, все так и было, как вы рассказываете. Только, признаюсь, ни разу о таком не слыхивал. Повезло брату вашему. Обычно в лагере принято: если шмон наводит начальство, то все отбирают, хлеб – и тот на куски разламывать часто заставляли. А впрочем, спорить не стану, всяко случается в жизни.

* * *

Рыночные отношения на железнодорожном транспорте существовали задолго до начала перестройки, а с появлением данного направления развития экономики социалистического государства и вовсе расцвели. По вагону то и дело шныряли торговцы. Ассортимент предлагаемых товаров был весьма разнообразен, так сказать, полный плюрализм: газеты, фотографии (от ангелочков с пустыми кукольными лицами до голых девиц с выражениями лиц, мало чем отличающимися от лиц поделочных ангелов, – так и неясно, выражали они великое духовное просветление или же экстаз ухоженных похотливых тел; наверное, каждый приобретавший такую продукцию видел в этом то, что ближе ему), какие-то брошюры, карты, брелки, прочие безделушки. Продавали также и продукты: вяленую рыбу, вареную картошку, хлеб, мороженое, ну и спиртное, конечно же.

Мы с Громогласным Дедом, скооперировавшись, накупили пива, несколько вяленых рыб, взяли бутылку водки, выбрали большой арбуз, и время для нас вновь полетело незаметно. Не раз потом, вспоминая эту поездку, удивлялся я, как умел расположить к себе этот человек. Он был почти вдвое старше меня, но разницы в возрасте я не ощущал, и казалось, живи он где-нибудь по соседству, были бы мы друзьями.

Громогласный Дед оказался прекрасным специалистом по части арбузов. Выбранный им арбуз был на славу: едва притронулись к нему ножом, как он с хрустом треснул, обнажив сочную мякоть. Аромат, исходящий от него, был настолько сильным, что сумел, казалось, освежить спертый воздух вагона. Выпив по стопочке, мы принялись за пиво, переговариваясь о том о сем. Предложили выпить и Степану Карловичу, однако тот отказался:

– Спасибо, но мне вера не позволяет.

– Не помню, чтобы об этом в Библии сказано было, – подмигнул мне Громогласный Дед. – Ну тогда вот арбуза попробуйте. – И протянул ломтик немцу.

Проповедник отказывался поначалу, но было видно, что он совсем не прочь отведать такого угощения. Наконец он не выдержал и взял кусок. А потом еще и еще.

– Вот молодец, – одобрил его действия дед Григорий, – а то сидишь один, скучаешь.

В самом деле, проповедник давно уже остался в одиночестве. Слушатели постепенно устали и все под каким-нибудь предлогом один за одним покинули его. Он сидел теперь какой-то печальный и одинокий, как Богом обиженный. Обходительное отношение со стороны Громогласного Деда настолько тронуло его, что он, скрепя сердце, взял из каждого своего ведра по крупной алыче, протер их застиранным вафельным полотенцем, входящим в состав выдаваемого белья, и протянул нам:

– Угощайтесь.

Мне стоило большого труда, чтобы не засмеяться, но Громогласный дед казался невозмутимым:

– Спасибо. Благодарим сердечно.

Степан Карлович был доволен. Он вновь повеселел и, не желая оставаться более в стороне, сказал:

– А знаете, я ведь еще не все про нашего брата, про Анатолия вам рассказал. С ним в лагере и вовсе интересное происшествие случилось немного времени после первого спуска. Хотите, расскажу?

– Рассказывайте, конечно, – согласно кивнул я.

К тому времени на столике нашем уже скопилось достаточное количество пустых пивных бутылок, и мне стало возможным слушать все, что угодно. Громогласный Дед был такого же мнения.

– Ну, если не до конца, то досказывайте, конечно. Всякое дело до конца доводить надо.

– Перед Пасхой перед самой случилось все, – начал Степан Карлович, подвинувшись на самый краешек сидения, чтобы быть поближе к нам. Говорил он как-то особенно вкрадчиво. Его, видимо, очень заботило, чтобы ему поверили. – Я говорил уже, что у них там целый крушок образовался верующих. И хотелось им очень по-человечески, как положено, Пасху справить. Анатолий две недели постился, паек и так невелик, а он и его не съедал, молился ночами. И представьте себе, за несколько дней до Пасхи вызывают его – посылка пришла. А от кого непонятно – адрес на ящике как бы водой размыт. Да, а родных у него не было никого, вон как у вас. Сирота. Так и не понял он поначалу, от кого эта посылка. Поскольку адрес размыт, подумало начальство, что и содержимое подмокло. Потому, наверное, его и позвали. А могли бы и не отдать. Раскрыли (там ведь проверяется все), а в ящике пакетик. В нем мука, порошки яичные, сало. Это тогда, когда голод во всей стране был. Почтарь его спрашивает, мол, откуда такое богатство. Анатолий плечами пошимаet. Почтарь пошутил таше: «Поди, завел себе какую из вольнонаемных...».

Случайно я взглянул на Громогласного Деда, полагая, что он, как и я, слушает только из вежливости. Но ошибся. Лицо старика побледнело, он буквально приник взглядом к рассказчику. Было в его глазах что-то удивленное, я бы даже сказал, ошарашенное, будто все, что он только что услышал, задело за самое сердце. Но Степан Карлович, увлеченный своим повествованием, не замечал этого. А, может быть, и заметил, но отнес это на счет интересности рассказа.

– Анатолий братьям своим верующим вначале ничего не сказал, захотел сюрприз устроить. Припрятал все до времени. Перед праздником самым напек блинов. Сковородка-то у них имелась.

Вот собрались они все вместе, помолились, псалмы потихоньку попели, по-славили Иисуса. Решили было расходиться. Тут Анатолий и достает что-то в тряпицу завернутое. «Угадайте, – говорит, – что это такое?». Те понюхали воздух: «На блины похоже». Тут Анатолий тряпицу развернул. А там на самом деле блины. Все сразу: «Откуда такое?». Рассказал он им все. Встали они на колени, Иисуса поблагодарили. Вот как Господь дает тем, кто в него верует.

– Да... – сказал я, открывая очередную бутылку пива, – интересная история.

Было в рассказе столько напускной праведности, что при всем желании не мог я в нее поверить. К моему удивлению, Громогласный Дед к пиву не притронулся. Он выглядел не просто удивленным, каким бывает человек, услышавший что-то необычное, но поверивший рассказчику, а каким-то подавленным, будто само время обрушилось на него всей своей тяжестью. Казалось, из пепельных глаз его льется на свет божий вековая печаль.

Напрасно я пытался его разговорить. На все вопросы он отвечал коротко. И хотя голос его по-прежнему звучал на весь вагон, чувствовалось, что ему не хочется поддерживать разговор. И лишь теперь, впервые за все эти часы, я буквально на ощупь ощутил тот громадный, непроницаемый пласт времени, разделяющий нас. А ведь я почти забыл о его возрасте, воспринимал как ровесника, друга, которого всегда могу понять. Громогласный Дед уставился в окно, делая вид, что рассматривает дорогу. Но время от времени он молча отхлебывал из стакана, и тогда видно было, как чуть-чуть, будто от волнения, дрожат его сильные руки.

Мне же ничего другого не оставалось, как разговаривать с немцем, который, воспользовавшись случаем, пытался наставить меня на путь истинный, объясняя всю греховность образа жизни современной молодежи.

* * *

Смеркалось. В вагоне зажегся свет, народ постепенно укладывался спать. Давно уже перестали появляться торговцы, прекращались всякие разговоры, и лишь колеса нарушали тишину. Монотонная песня их казалась тоскливой и печальной, какой бывает порой судьба человеческая.

На одной из остановок сошел Степан Карлович. Громогласный Дед проводил взглядом его щуплую фигурку и вдруг сказал:

– Чудно все-таки устроен человек, вот я жизнь прожил, а так и не могу понять, что к чему. Вот иногда человек искренне верит в то, что говорит, а другие ему не верят. А иногда и сам он не ведает, про что рассказывает, а на деле правдой оказывается. Ты пить будешь еще? – Он плеснул водки по стаканам. – Вот только где та граница, за которой правда кончается?

Не чокаясь, мы выпили.

– Извините, – начал я, – вы что, ему поверили? Очередная сказка! Уж больно все гладко у него получается.

– Гладко, говоришь? – Громогласный Дед в упор посмотрел на меня. – В самом деле, гладковато. Только вот правда. Хоть и не вся, но есть правда в его словах. Только ведь это он не про брата какого-то ихнего рассказывал... Про меня это.

– Про вас?! – от удивления я даже привстал.

– Про меня, – повторил он.

– Как?

– А вот так, как он говорил, почти и было все. Конечно, может, это и совпадение, но уж больно похоже. Ты не поверишь, наверное, коли расскажу... Дали мне двадцать пять лет лагерей. Спасибо, что не расстреляли хоть – на мое счастье, немца под Москвой разбили. А то шлепнули б, не церемонясь. Это уж потом в штрафбаты посылать стали, да и то не всех, кого особисты дергали. Я ведь тогда совсем молодой парень был, моложе, чем ты сейчас. Правда, и половины срока не отсидел – девять лет и три месяца. Там такие цифры на память должен знать: в любой момент кто-нибудь из лагерного начальства может подойти и спросить, сколько тебе осталось – должен ответить, не то побьет, а то и в БУР угодить можно... Вот так повоевать мне пришлось... Только перед тем, как посылке прийти той, такое со мной случилось, что до сих пор понять не могу: то ли в самом деле все было, то ли с голодухи привиделось.

Я поначалу-то ничего, крепкий был из себя, уголовники – и те опасались на рожон лезть, но только место это, сам понимаешь, не курорт, понемногу-понемногу, а сдавать начал. В сорок восьмом и вовсе доходить стал. Верно Степан Карлович подметил, голодное время тогда для всей страны было. И на воле хреново с хлебом, а уж в лагере – и вовсе. Пайки вдвое сократили, известно: враги народа – не люди, что на них зазря добро переводить. Весь день ходишь голодный, одна мысль в голове: как бы съестное что найти. Те, кто ходить не могут, лежат на нарах, пока не помрут. И помочь-то им нечем, да и некому. Каждый о себе лишь думает.

Люди сотнями мерли. Каждый день из лагеря полные сани мертвецов вывозили. Нагрузят штабелями, как бревна какие-нибудь. Подвозят к воротам, там охрана свое дело знает: один человек пересчитывает, другой – мертвецам головы ломом пробивает, инструкцию соблюдает. Это на случай, если среди мертвых живой кто спрятался. Часто я думал, какой же человек до такого додуматься мог, до инструкции такой. Хотя, с другой стороны, были, наверное, на это причины. Вот только какие, хотелось бы мне у самого у него спросить, в глаза ему посмотреть. Но это потом уже, после лагеря мысли такие меня одолевать стали. А тогда, самое страшное, что ко всему этому привыкать я начал. Поначалу думал, с ума сойду, неужели кошмар этот никогда не кончится. Но человек существо такое, что ко всему быстро привыкает. И тут опять перед тобой выбор есть, только вот понять-то ой не просто, где та граница, через которую переступить нельзя. Незаметна она, будто ниточка, многие не видят. А переступят – совсем другим человек становится. И не человек уже, а так, подобие его. И тут уже одно из двух: либо становится такой сволочью, что лишь о себе самом думает, как волк дикий, либо в животное забитое превратится. Самое сложное в жизни – человеком остаться. Но да не про то разговор у нас с тобой сейчас. – Он налил себе в стакан, залпом осушил. – Разволновался я что-то. А может, и к лучшему это. Нельзя все в себе держать столько лет. Ты не перебивай только. А ведь я и сам со всем, что там было, свыкся. Самое страшное, когда смиряешься с тем, что вокруг тебя не то что-то делается. Тогда тебя голыми руками брать можно. Знаешь, почему выжить удалось мне? Потому что понял я это. Ой, как понял.

К весне совсем доходить стал, на работу меня не выводили уже. Целыми днями почти с нар не вставал. Чувствовал, что не протяну долго, что скоро и меня из ворот на санях вывезут. Один раз с силами собрался, вышел на свет божий из

барака. Воздухом весенним на меня пахнуло. Чистый воздух, особенно по сравнению с тем, что в бараке. Смотрю, как местами на солнышке снег посунулся, потемнел. В такую погоду радоваться бы надо – все признаки, что зиме конец скоро, ну а мне тогда это за издевку показалось, будто бы кто нарочно надо мной смеется. Не сказать, чтобы уж больно я в Бога верил, но тут взмолился даже: «Господи, возьми ты душу мою, мочи терпеть больше никакой нет!». И как черт меня под руку подталкивает. «Сейчас вот на охранника брошусь, чтоб пристрелили. Все одно – помирать, так хоть чтоб не мучиться».

Но только человек столько живет, сколько ему на роду написано. Кто-то меня сзади за плечо трогает. Оглянулся – какой-то незнакомый человек. Ростом высокий – с меня где-то приблизительно, по одежде вроде как бы ээк: телогреечка на нем без воротника, валенки, ушанка, личный знак на груди с номером, как у всех. А все ж не похож на других – у ээков у всех глаза настояренные, злые, лица темные: хоть каким ты белым будь, все одно почернеет. Мое вон до сих пор не отмылось. А у этого – лицо светлое, чистое такое, глаза добрые, и вроде как свет от него какой-то идет. С добром на меня глядит. «Вот, – говорит, – возьми». И протягивает мне целую буханку хлеба, перед самым носом моим держит. И где взял только – большая буханка, ржаная, домашней выпечки. И такой от нее аромат исходит, что голова у меня кругом пошла. «Ты это чего? – спрашиваю, – не видишь разве, нет у меня ничего». Это я думаю, что он мне обмен предлагает. А сам слюной давяюсь. А он: «Бери, пока дают, чудило!». Я такому не поверил сразу, надсмеяться, думаю, решил. «Ты, – говорю, – ошибся, неверное». Он только улыбнулся, по-доброму так: «Нет, не ошибся». Всунул мне в руки хлебушек, повернулся и пошел.

Я буханку держу, а она теплая, будто недавно выпеченная, смотрю ему вслед, а он сделал несколько шагов и как в воздухе растворился. Тогда мне подумалось, что от голода так показалось – буханка-то вот она, у меня в руках. А я его и поблагодарить не успел.

Была, признаюсь, у меня мыслишка эту буханку самому съесть. Всю, целиком. «Что, – думаю, – не осилю, в снегу припрячу». Только до того мне вдруг совестно стало. «Что ж ты, собака, – сам себе говорю, – совсем не человек, что ли?».

Принес, словом, я эту буханку в барак, разломил на куски: «Ешьте». Ну и себя не забыл. И, поверишь, хоть и досталось мне немного, а наелся я. Представляешь, в первый раз за долгое время.

Я потом долго по отрядам ходил, спрашивал того человека, хотел спасибо сказать. Но никто такого не знает – как в воду канул. Так и не узнал, кто это. Но только с того дня на поправку пошел. Мало-помалу и вовсе оклемался. Летом-то полегче с едой стало. А осенью мне посылка та и пришла. Все как раз, так и было, как Степан Карлович рассказывал. Только не к Пасхе, а в конце сентября где-то. Адрес размыт, да и получать-то мне ее не от кого. У почтаря спросил, от кого, мол. Он в ответ: «Я почему знаю, может, каку себе из вольнонаемных завел, вот и подкармливает».

Вот только, как про это брат ихний Анатолий узнал? Я-то никому про это не рассказывал. И блинов я не пек. Сало так съели, а муку и порошок яичный на болтушку пустили. Не до блинов было.

Старик улыбнулся, глаза его потеплели. Он разлил по стаканам остатки пива.

– Давай допьем, что ли? Заболтал я тебя совсем. А зачем это тебе, спрашивается?

– Да нет, что вы, – запротестовал я, – такое бы каждому услышать.

– И освободился я тоже чудно как-то. Привезли меня в пятьдесят первом году ни с того ни с чего в Курган. Я думал, с этапом куда-нибудь пустят. А меня посадили в одиночку и вроде как забыли. Месяца полтора держали, ничего не говорили. Наконец повели на допрос.

Приводят в большой кабинет. За столом какой-то в гражданском сидит, бумаги читает свои. Сам из себя важный, конвой перед ним в струночку вытягивается, сразу видно – шишка немалая. Голову поднял, конвой отпустил, а сам опять в свои бумаги уткнулся. Я стою посреди кабинета, а он на меня и не смотрит, словно меня вовсе нет. Долго я так стоял, может, час, а может, и больше. Наконец, начитался он своих бумаг, встает из-за стола. Подошел ко мне поближе, но не вплотную, а так в паре шагов от меня остановился. Это в ихних инструкциях предусматривается, чтоб на случай, если зэк бросится, отскочить успеть. Стоит, руки за спину заложил. И я стою. Потом обошел меня кругом, близко однако не подходит, сам внимательно смотрит на меня, пристально так, и говорит:

– Понравился ты мне, Григорий.

Медленно говорит, слова растягивает:

– Пон-равился ты мне, Гри-го-рий.

Сам вокруг меня ходит. Разов пять обошел, не меньше. Потом снова говорит: «По-нра-а-вился ты мне, Гри-го-о-рий». Сел на свое место и опять в бумаги уткнулся. Потом вдруг вызвал конвой и велел меня увести. Так до сих пор и не понял я, чего он от меня хотел-то. Почему по имени называл? Не принято так у начальства с зэками обращаться.

Отвели меня в камеру. И опять, как позабыли о существовании моем. А через пару месяцев выпустили насовсем. И половины срока не отсидел. Вышел. Куда идти и не знаю. Родных – никого. Ни дома, ни работы. В больших городах жить нельзя, да и не испытывал я большого желания – в городе-то легко опять туда попасть, откуда вышел, особо церемониться не станут. Тут как раз народ на стройку в Киргизию вербовали. Ну и я решил счастья своего попытать. И опять повезло мне. Взяли. В пятьдесят третьем, когда Сталин помер, хотел я на родину переехать, да не получилось. Я к тому времени женился уже, ребенок родился, другой потом. Их у меня пятеро – три сына, две дочки. Вот так и получилось, в первый раз за все время сюда и еду.

Я слушал его как зачарованный.

– Ты б пошел, покемарил, поздно уже. Да и я прилягу, устал как-то. Вот покурю схожу, а потом лягу. А знаешь, все-таки хорошо, что немец этот в попутчики попался: не будь его, не стал бы я никому ничего рассказывать. Не случайна эта встреча. Все на свете предусмотрено. У каждого человека – судьба своя. Верить только надо, что все хорошо будет. Нельзя человеку без веры никак. Только не в том она, чтобы поклоны бить да псалмы во все горло напоказ распевать. Нынче это вроде как в моду вошло, целыми толпами народ крещение принимает, а на деле только одна говорильня получается. Сотнями сюда из-за границы проповедники приезжают, чего только не несут в выступлениях своих. И ведь позволяют им. Стадионы целые народу собирают. А на кой они нужны тут? Что, у нас своих священников мало? Страну христианскую христианству учить хотят... Ехали б к папуасам каким-нибудь да и обучали их, коль без этого не могут.

* * *

Он сошел поздно ночью. Свет в вагоне давно отключили, и лишь скудные лампы ночного освещения тупо пилились с потолка. Заметив, что я не сплю, он подошел к моей полке, сказал: «Ну, бывай» и направился к выходу. Я спрыгнул вниз и пошел его провожать.

На улице было прохладно. Подмерзлый воздух искрился в свете фонарей у перрона. Мы стояли на какой-то маленькой станции, вагон наш был в конце состава, и при всем желании я не смог бы прочесть ее название.

– Что-то на Курган не похоже.

– Я раньше решил сойти. Вот где-то здесь недалеко и был тот самый разъезд. Могил родительских не найти, конечно, но хоть перед смертью побываю еще раз в этих местах... Подождет прокурор.

Поезд тронулся. Я пожал старику руку, вскочил на подножку и, не обращая внимания на ворчание проводницы, долго махал ему рукой. Старик одиноко стоял на перроне, и в свете мелькающих фонарей я еще какое-то время мог различить, как холодный туман поглощает его крепко сбитую фигуру. И тут только я понял, что зря не спросил его фамилию. В памяти осталось только имя. Григорий. Красивое имя!

Антон Геннадьевич Кузнецов (Салтанов) родился в Сургуте в 1980 году. Окончил нефтяной техникум, учился на филологическом факультете Сургутского государственного педагогического института. Как многие прозаики, начинал со стихов. К 2002 году относится его первый опыт в прозе.

А. Кузнецов – участник окружных и региональных творческих семинаров. Его прозаические произведения публикуются в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Мир Севера», всероссийском альманахе «Литрос», коллективных сборниках. Не так давно в альманахе «Литрос» был напечатан роман А. Кузнецова «Дороги лета».

LORDS OF THE BOARDS*

Повесть**

СВЕТ. Ярко-белый, обезоруживающе слепящий, обжигающий свет. СВЕТ. И боль. Нет, не так... БОЛЬ. БОЛЬ. БОЛЬ. БОЛЬ. Безликие, бездушные четыре буквы, не несущие никакого смысла, наполняют тело своим объемом. In extremis¹. Чувственная абстракция, от которой нельзя отвернуться. Эту БОЛЬ не передать. И свет. Настоячивый, беспощадный свет, выжигающий едким напалмом глаза. Боль белоснежного света. Белоснежного? Это невозможно. Но это так. Как преодолеть эту боль? Он не знает ответа. Мысли медленно и хаотично двигаются в измученной голове, транквилизируемые морфием. Всё, что он может видеть, с трудом преодолевая боль и разлепляя глаза, это серый глянец потолка. Бездушный больничный потолок. С него светят яркие галогенные лампы. Реанимация. Иногда пахнет кварцем. Кроме потолка он не видит ничего. Голова, налитая свинцом, не слушается.

– Доктор, что с ним?

– Закрытый осложненный компрессионный перелом тела L1 позвонка третьей степени с вентральной компрессией спинного мозга. Ушиб головного мозга тяжелой степени. Частично нарушена проводимость с уровня L1. Травматический шок.

Да и открывать глаза, чтобы видеть блестящую поверхность потолка, ему не очень-то хочется. БОЛЬ. БОЛЬ. БОЛЬ... «Что, что со мной?» – пульсирует в голове, не находя ответа. Его жизнь поддерживают две капельницы. Всё в гипсе: туловище, шея. Рука в аппарате Илизарова. Цепкий плен гипса. Сил нет даже для того, чтобы просто напрячь мышцу. И боль, боль, боль... Свет. Закрыв глаза, он слышит где-то высоко над собой тиканье часов. Тик-так, тик-так... Еще минута сквозь белую пелену боли. Тик-так, тик-так... Еще одна. Иногда ему кажется, что следующую минуту он не переживет. Тик-так... Сколько еще? Он не помнит, давно ли он тут, что случилось с ним и как он сюда попал, не знает, сколько пациентов лежит в его палате и долго ли он выдержит этот фейерверк боли. Единственное, что остается в его голове, это разноцветные полуразмытые картинки из детства. С каждым днем их становится все больше и больше, они прорываются сквозь стену беспамятства, дополняясь все новыми и более поздними воспоминаниями. Родители, школа, друзья, университет... Но сколько бы ни напрягался, он не может вспомнить, что привело его сюда. Он не может вспомнить. Не может прорваться сквозь пульсирующие волны боли. Кто сказал, что человек может ко всему привыкнуть? Достоевский был лжецом. БОЛЬ, БОЛЬ, БОЛЬ...

...Еще к нему приходит она. В большинстве случаев он не может поймать тот момент, когда она появляется в палате, чаще всего это происходит, когда он находится в полубессознательном состоянии или забытье. Она сидит рядом, он кожей ощущает это. Чувствует её легкий свежий парфюм. Ауру её обволакивающих флюидов. Он ни разу не видел её, но все время чувствует. Иногда она склоняется над ним, вытирает испарину со лба, и он может видеть её, но сил

* Повелители сноубордов (англ.). Название одноименного шлагера группы Guano Apes.

** Печатается в сокращении.

¹ На грани (лат.).

открыть глаза нет. БОЛЬ. БОЛЬ. БОЛЬ. Уйти, исчезнуть из этого мира страдания, раствориться в параллельной реальности сна. Легкие прикосновения её пальцев к лицу. Легкие, как весенний ветерок. Её пальцы. Кто она? Девушка сидит рядом с живым трупом, закованным в панцирь гипса. Она не разговаривает с ним потому, что уверена, он её не услышит, ведь гипсовый пленник даже не открывает глаз. Он без сознания, размышляет она. Слегка прикасается кончиками пальцев к его колючей щеке. Его веки слегка вздрагивают, но глаз он не открывает. Рефлексы, думает она, он без сознания. Иногда она плачет. Тихо, почти беззвучно. Но он слышит её всхлипывания. Боль, боль, боль... После её ухода в палате остается её запах. Но не только. Ему невдомек, что каждый раз после себя она оставляет маленький букетик цветов в стеклянной банке на обшарпанной тумбе. И так каждый день. Он здесь уже две недели. И чуть меньше недели в сознании. Если это можно так назвать. Тишина. Тиканье часов.

В этот раз все так же. Он лежит один, в палате тихо, лишь еле слышно гудит кондиционер. Ему нужен покой. Сейчас их двое. Не считая других больных без сознания, которые подключены к аппаратам искусственного жизнеобеспечения. Сейчас для нее существует только Он. Она гладит его по раскрытой ладони, подходит к умывальнику, мочит платок, отжимает и протирает ему сухие губы и лоб. Долго сидит рядом и смотрит на его неподвижное неживое лицо. Он определенно красив какой-то своеобразной, мужской красотой. Брови вразлет, нос с горбинкой, волевые губы, мужественный подбородок, короткая стильная стрижка. И... глубокие серые глаза. Их она уже не видела две недели. Где-то под гипсом, она знает, у него множество татуировок. И так две недели. Две бесконечности в белых халатах.

– Доктор, он выживет?

– Я ничего не могу пока сказать определенно. Состояние больного крайне тяжелое. Я бы даже сказал, критическое... Не хочу вас обманывать или обнадеживать, понимаете?... Все зависит от организма.

Тик-так, тик-так... Она чувствует, что он держится, старается изо всех сил. Боль. Свет. Гипс. Сколько он выдержит еще? Пускай хотя бы откроет глаза, и тогда она всё поймет... Абсолютная неизвестность.

В семь вечера она выходит из палаты и спускается в холл больницы на лифте. Прощается с двумя охранниками. За эти две недели она примелькалась настолько, что они знают её в лицо. Большие голубые с морщинками в уголках глаза, светлые длинные пшеничного цвета волосы, стянутые в конский хвост, печальная полуулыбка, греческий нос. Неизменная голубая куртка, красная шапочка с логотипом 686, тертые бордические штаны и спортивные ботинки. За спиной рюкзак от DAKINE, в правом ухе наушник плеера, выходя на улицу, она втыкает второй наушник в другое ухо. And now I flyin' like an angel to the sun... My feet are burning and I grab into another world!!!!² Охранники смотрят ей вслед сквозь стеклянные двери. Немного завидуют тому парню, к которому она ходит. Но вряд ли кто бы захотел очутиться на его месте.

Она спешит домой, садится в автобус и едет, стукаясь лбом об стекло, сомнамбулически пропуская мимо глаз серые городские ландшафты. За окном зима, в её голове тоже зима. Теперь в её голове только зима.

Он засыпает ровно в двадцать два ноль-ноль. Именно в это время медсестра ставит ему обезболивающий укол и выключает свет. Сквозь сомкнутые веки он видит, как его палата погружается в темноту. Анестезия сна. Боль. Боль. Боль.

² Строчка из песни группы Guano Apes «Lords of the boards».

* * *

Изо дня в день – одно и то же. Просыпаешься по наговлатому требованию будильника, встаешь и идешь совершать утренние процедуры. Чистишь зубы, моешь под душем. Несколько граммов зубной пасты и десяток-другой литров горячей воды. Так начинается каждый день. Я ненавижу это потому, что знаю, что будет дальше. Необходимые условия, чтобы войти в этот день, чтобы принять этот крест, стать рабом. Работа. С девяти до пяти. Звучит, как приговор. Как вердикт. Не смей прекословить, делай то, что тебе говорят, не думай проявлять инициативу, просто не думай. За тебя думает твое начальство. Мой начальник, классический образец диктатора и деспота в женском лице, словно поцеловавшая ирландский камень Бларни³, трещит без умолку. Она непрерывно болтает о всякой ерунде, до которой абсолютно никому нет дела. Она отдает указания и распоряжения. Чувствует себя большой шишкой. Шишка в жопе, думаю я. Я стараюсь вовсе с ней не разговаривать, никогда ничего не спрашиваю, а на ее вопросы отвечаю исключительно односложно. Да. Нет. Больше ничего. Не хочу быть втянутым ни в один из её дурацких диалогов. Мне не нравится находиться рядом с ней. От нее дурно пахнет. Сквозь облако дешевого парфюма пробивается стойкий и едкий запах пота, изо рта несет так, как будто она проглотила хомяка, разложившегося еще неделю назад. Сальные бегающие глазки, спрятавшиеся в складках лицевого жира, густо размалеванный рот, нос величиной с кулак грузчика. Фигура, приближенная к форме маленького холодильника. Амбиции. Самолюбование. Глупость. Мой ночной ужас. Целлюлитный лоснящийся поросенок. Моя начальница.

Я работаю здесь уже два года. Я лыжный инструктор. Мне двадцать пять. Я живу в однокомнатном номере в левом крыле нашего гостиничного комплекса. Мои апартаменты в конце коридора. Там я никому не мешаю и никто не мешает мне. Рядом бытовка горничных. Вообще-то я прописан в городе, в общежитии, у меня там стоит пустая комната, с одной кроватью и тумбочкой, но мне гораздо приятнее жить здесь, на природе. Все удобства. Халявное жилье, бесплатные обеды в столовой. Хотя за пиво приходится платить. С ноября по апрель, пока лежит снег, я работаю лыжным инструктором. Моего напарника зовут Вадим, мы работаем двое суток через двое. Он КМС по горным лыжам. Как и я. Но он в отличие от меня лыжи просто обожает. А я пять лет назад отдал свое сердце сноуборду. Когда кончается зима, меня переводят в штатные охранники. Зато за год работы мне удастся скопить денег, чтобы летом уехать кататься на какой-нибудь крутой высокогорный курорт. Жить в маленьком удобном коттеджике, рвать кантами километровые спуски, тусить с бордерами со всего мира. Четырехчасовой перелет – и ты снова дома. В своем номере. В своей маленькой персональной вселенной. Стол, кровать, стул, тумба с видеодвойкой, холодильник, шкаф. Казенный гостиничный антураж. Ноутбук, два десятка книг, два десятка компакт-дисков, несколько фильмов, плеер, джинсы, пара штанов от IGUANA, куртка BURTON, четыре пары носков и четыре пары белья, пять маек, пара скейтерских толстовок, сноуборд. Вот и все мои вещи, нажитые за жизнь. Вещи, которыми я обрастал из года в год, как обрастает мхом дерево в лесу. Правда, негусто? Иногда я езжу в город развеяться. Моя турбаза недалеко от него, всего десятка полтора километ-

³ Существует ирландский миф: кто поцелует легендарный камень Бларни, тот обретет невероятное красноречие.

ров. В городе я останавливаюсь либо у себя в общежитии, либо у друзей, а ночью иду с ними на танцульки. Обычно своих корешей я вижу только зимой, на горе. Летом все разъезжаются, да и никому не охота ехать ко мне в пердьявку просто так. В это время здесь можно встретить только бандитов или бизнесменов, приехавших на своих огромных, как танки, джипах попить водки и пожарить шашлыков. Ночью, идя по коридору гостиницы, я слышу сквозь тонкие стены стоны и пулеметные очереди по телевизору. Старина Шварценеггер мочит из крупнокалиберных пушек злодеев пачками. Добряк Ван Дамм сверкает пятками в своих акробатических па, раздавая удары направо и налево. Сигал и Сталлоне с невозмутимыми лицами статуи острова Пасхи спасают человечество. Чак Норрис рекомендует хранить свои яйца не в одной мошонке. Весь мир громко и смачно сношается под выстрелы и удары голливудских режиссеров. Утром уборщица жалуется мне, что находит использованные презервативы под окнами. Я пожимаю плечами. Ничем не могу помочь. Чтобы уснуть летом, не слыша всего этого ужаса из соседних номеров, мне нужно что-нибудь, чтобы заснуть. Что-нибудь, чтобы абстрагироваться от ревущих телевизоров. Использованные презервативы лежат под окнами, плавают в унитазах, скукоживаются и засыхают в пыли под кроватями. Неиспользованный генофонд человечества разлагается на мусорных свалках. Чтобы уснуть зимой, мне нужно просто принять горизонтальное положение. За целый день катания устаешь так, как будто ты разгрузил целый состав вагонов. От непрерывных подъемов на бугеле в гору болят связки в паху. Особенно это касается начала сезона, когда мышцы еще не привыкли к таким нагрузкам. Если вечером не смазать гудящие ноги троксевазином или индометацином, на следующее утро можно не встать с кровати. Я не могу себе этого позволить.

Я сижу в баре. Передо мной кружка пива. На работе мне пить нельзя, но сегодня выходной. За столом сидит Андрюха. Он мой ровесник, может, на год или на два старше, но в нашем возрасте это уже не имеет никакого значения. Его я не видел с весны. На дворе октябрь. Он пьет светлый «Будвайзер». На голове у него красно-черные дреды, в ушах тоннели, вместо обычных банальных сережек, на пальцах серебряные кольца. Он один из лучших местных сноубордистов, а в городе он работает в каком-то тату-салоне и просто с ума сходит от SLIPKNOT. Весельчак и балагур, душа бордической компании. Дон Жуан старой закалки, такой, что в присутствии женщин вечно чувствует себя подлецом. Мы сидим и разговариваем об осени.

– Я не могу больше ждать, – говорит он. – Такое ощущение, что я схожу с ума. Когда же уже снег?

– Такая же болтня, – отвечаю я. – Зима чуть ли не каждую ночь снится. И снег. Много снега.

– Я просто сдыхаю без зимы, – произносит он. – Зима – лучшее время года.

– У меня день рождения зимой, – добавляю я. – А я раньше зиму не любил.

– Я тоже раньше зиму как-то не очень. Пока на доску не встал.

Надо же, все сноубордисты когда-то не любили зиму. Теперь они считают, что это лучшее время года и жить без нее не могут. Кто-то не любит зиму. Это значит, что он просто не катался на сноуборде. Кончается осень. Аппрейдятся доски, скользят покрываются воском, точатся канты. Пересмотрены километры видеопленок и гигабайты бордического видео. На сноубордических сайтах в Интернете, словно молитвы, читаю в форумах мессаги олдовых и не очень райдеров. КОГДА УЖЕ СНЕГ?!! Это – конец осени. Это – тоска по накатанным склонам и пухляку, по

трамплинам и рейлам, по джиббингу и фристайлу. Это всеобщий мандраж перед зимой. И от этого не избавиться. Нам остается только ждать. Осталось, я думаю, совсем немного. Снега хочется так, что колени сводит.

Андрюха приехал на маршрутке, и скоро должны подъехать наши знакомые райдеры. На местном форуме всю неделю обсасывалась идея постройки хорошего трамплина. Думай о зиме осенью. Басня о муравье и стрекозе. А пока мы пьем пиво.

– Что летом-то делал? – спрашиваю я. В баре жарко, и Андрюха снимает свою серо-оранжевую куртку RIPZONE и вешает её на стул. Майка DC. Густо татуированные руки. Он отхлебывает пиво.

– На Казантип ездил, – говорит он. Казантип – голубая мечта всех клабберов. Спиды, экстази, марихуана, электронная музыка, секс, море. И все это без границ. Плюс жара.

Я ненавижу жару. Почти все лето я прозагорал на Эльбрусе. Катался на доске в одних штанах или, когда холодно, в майке. И в солнцезащитных очках.

– Ну, и как там? – говорю. Заранее знаю, что он ответит. В наших жилах течет одна зимняя кровь.

– Да болтово, чувак! Скука, жара, денно и ночью жрешь дикую кислоту и дергаешься, как придурок, на танцполах. Там много девушек хороших, но тянет что-то на плохих... Никакого адреналина. Через неделю я уже выл от скуки, и еще эта бесконечная жара... Я, в принципе, знал, что так и будет, но хотел сам в этом убедиться. А теперь жалею. Лучше бы поехал в какое-нибудь другое место отдыхать.

– А я вот на Эльбрус ездил, – добавляю я. – Почти два месяца там жил.

Больше ничего добавлять не надо. Эльбрус – волшебное слово. Мекка сноубордистов. Вижу, как у Андрюхи загораются глаза. Эльбрус – это тебе не какой-нибудь сраный Казантип. Свежий воздух, солнце, снег и горы. Что еще надо? Только доску!..

– Везет... – тянет Андрюха. – Я бы тоже с удовольствием на Эльбрус сгонял, но дорого там. У меня денег таких нет. Одно проживание и подъемник чего стоит!.. Да еще и кушать что-то надо.

– Ты думаешь, что я здесь миллионы получаю? – спрашиваю я. – Целый год лавэ копил. Зато отдохнул как человек. Всю зиму катался здесь, а летом на Эльбрусе. Круглый год на доске! Жаль, никто из наших не поехал... Там такие трассы, чувак!!!

Андрюха молча пьет пиво. На плече у него вытатуирован Бакс Банни в сноубордическом костюме, хватающий ладонью свою доску в indy grab. На шее у Андрюхи растаманские бусы.

– Чувак, что-то друганы наши не спешат трамплин строить.

– Договаривались вроде, – говорю я, и в этот момент в бар вваливается целая толпа.

Летне-осенние бордеры выглядят немного странно не в зимней одежде, в которой я привык их видеть. Кое-кто в знакомых цветастых куртках, но все в основном в спортивных ветровках. На ногах кеды. Мы жмем друг другу руки, хлопаем по спинам. Сто лет не виделись. Их семь-восемь человек. Кто-то учится, кто-то преподает в университете, еще один работает продавцом в спортивном магазине, четвертый киномеханик, есть юрист, сварщик. Но всех связывает одно – любовь к зиме и к сноуборду. Нарезанные на циркулярке толстые доски для трамплина чуваки привезли с собой на машине. В другой машине они привезли пару топоров и пил, пару лопат, молоток и пачку гвоздей. Всё, что нужно.

В баре мы покупаем ящик пива и выходим на улицу. Лучше пузо от пива, чем горб от работы, комментирует Андрюха. Три часа дня. Равнодушное сонное солнце, желтые листья, паутинки, летящие по ветру. Осень небрежно разрисовывает лес в яркие цвета. Прохладно. Дружной толпой двигаемся в сторону горы. За спиной я слышу, как кто-то жалуется на затянувшуюся осень. Когда же уже снег? Мы с тобой, чувак!

Андрюха и я продолжаем загружаться пивом. Трудно остановиться, когда выбираешь свой темп заправки алкоголем, да и не очень охота. Выходные. Когда пьешь, надо знать меру, а то можно выпить меньше, говорит мне Андрюха. Чуваки тоже пьют пиво и орут на весь лес. Потревоженные вороны, недовольно каркая, покидают свои стратегические посты на верхушках деревьев. ЭГЕ-ГЕЙ!!!

Когда мы доходим до склона, долго решаем, где лучше установить трамплин. Кто-то хочет ставить его на середине трассы, кто-то в конце. Кто-то боится вылетать с трамплина на большой скорости, а кому-то нужен весь разгон трассы, чтобы вылететь вверх и поймать грэб в настоящем биг-эйре. Кому-то нужен маленький градус трамплина, а кому-то нужен полтинник, чтобы тело выкидывало вверх почти вертикально. В итоге мы делимся на три группы: одна идет валить сосну под опору, другая пилит доски, а третья роет ямы под опорные столбы. Склон оживает, все твердо знают свою задачу. Я, Андрюха и еще два чувака, вооружившись пилой и топором, идем валить сосну. До изнеможения рубим ствол приглянувшейся сосенки. Повалить дерево не такая уж простая задача. Нужно подрубать ствол с одной стороны, с той, куда ты собрался обрушить дерево, и с другой, чтобы легче было сломать ствол. Статистика показывает, что самый низкий процент самоубийств приходится на скандинавских лесорубов. Парни всё время находятся в опасности, на грани жизни и смерти. Дерево весом в тонну, если падает сверху, то либо разбивает череп, как перезревший арбуз, либо вбивает глубоко в легкие раздробленные кости ключицы. Приходится всё время быть начеку. Два топора смачно вгрызаются в древесную плоть. Сосна гудит и сверху на нас валится немного сосновых иголок, похожих на вишневые черенки без ягод. Потом ствол кренится, мы толкаем его, и дерево с шумом падает. Теперь за работу принимаются два чувака с двуручной пилой «Дружба». Один сторож, другой клерк. Зимой на горе никогда не видел их порознь. Через полчаса мы имеем два неотесанных, но совершенно одинаковых бревна. Как терпеливые муравьи тащим их на склон, где наше появление приветствуется радостным гиканьем. Стволы укорачивают, шкурят, опускают в вырытые ямы, закапывают, трамбуют, а между ними крепят перекладину, на которую приколачивают доски. Через час трамплин готов. Народ скидывается еще на пиво, и пара гонцов исчезает в просеке, а через десять минут они уже несут из бара еще ящик светлого. Мы пьем, любясь на сделанное нашими руками чудо. Склон не склон, если на нем нет трамплина. Кто-то пошучивает, что не следовало бы пускать лыжников прыгать с него, так как они не принимали участия в постройке. Трамплин получается около двух метров, примерно под сорок пять градусов. Очень мягкий, с нормальным транзитом, потенциальным столом и неплохой площадкой для приземления. Парочка чуваков начинает бегать и вымерять, на какое расстояние с него можно будет выпрыгнуть. Крутятся в воздухе, изображая 360.

Когда мы допиваем пиво, уже смеркается. Чуваки грузят пустые бутылки в пакеты – нехорошо сорить на природе. В лесу тихо. Через пятнадцать минут вся компания пакуется в две машины и уезжает. Я остаюсь. На улице темно. Лишь горит свет в некоторых номерах гостиницы. Стою в лесной тишине, смот-

рю на эти горящие квадраты окон, потом поднимаюсь по лестнице к себе на этаж. Открываю номер. Включаю свет. У окна стоит мой борд. Salomon 550⁴. Не то что дорогой, но и не из дешевых. Чем покупать дорогущую модель модных крутых лейблов, я предпочитаю покупать доску подешевле, но по качеству не уступающую какому-нибудь Burton, Arbor или Palmer⁵. Конечно, чуваки из этих контор, толкающие на мировой рынок доски вот уже лет тридцать, заслуживают получать бабла чуть побольше, чем новые брэнды, хотя бы за то, что они начали вкладывать деньги в тогда еще не раскрученную индустрию сноуборда, но лично я не могу переплачивать столько кэша, не такой я буржуй. Доска есть доска. Провожу пальцем по острому канту. Холодный и блестящий. И отполированный, обработанный специальным воском, скользак. Когда же снег? Я вздыхаю и смотрю за окно. Скоро зима, но сил ждать уже нет. Каждую ночь мне снится снег. Мне снится backside 180 или rodeo flip. Chicken Salad Air и бордеркроссы...

Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Где-то там стоит наш трамплин. Помню, как давным-давно совершил свой первый прыжок с трамплина на борде. Хотя для меня это было не так страшно, как для остальных новичков, ведь я уже к тому времени профессионально катался на лыжах. Но страх перед трамплином всегда был, это как рефлекс, и неважно, какой раз ты прыгаешь, первый или сотый, и какой высоты трамплин, всё равно неприятно посасывает под ложечкой, а ноги могут в самый неподходящий момент стать ватными. Первый раз въезжать на трамплин на доске – это вам не то же самое, что на лыжах. На доске ты стоишь боком и с трамплина летишь не лицом вперед. Я недолго перестраивался и теперь могу с полной уверенностью сказать, что я универсал. Могу и в своей стойке кататься и прыгать, и в fakie. Но первый прыжок с трамплина на доске я буду помнить всю жизнь. С тех пор лыжное катание мне кажется серым и скучным. И это, наверное, уже не изменить.

Я иду в душ, чищу зубы и с мыслями о снеге засыпаю. Знаю, что зима уже скоро. Осталось лишь немного подождать.

* * *

Через неделю ему становится лучше. Совсем немного. Но теперь он может открывать глаза и чуть-чуть поворачивать голову. Может посмотреть в её глаза. Серо-холодные, с голубовато-стальным оттенком, как кусочек льда. Кризис миновал, лечащий врач сказал, что он будет жить. Она часами сидит рядом, смотрит на него и гладит заросшую щетиной щеку. Она вызывает симпатию у его доктора и медсестер. По крайней мере, ей так кажется. Он смотрит на нее и видит, как она беззвучно произносит: милый, милый... Он всё еще не ест. Его жизнь до сих пор поддерживают две капельницы.

На этаже тихо. Лишь иногда слышен легкий цокот каблучков медсестер. Где-то высоко тикают часы. Она всё еще рядом, её глубокие глаза вытесняют всё остальное. Девушка обреченно качает головой, и по щекам у нее катятся ручейки соленой влаги. Она встает и подходит к окну. Если сделать усилие, он может видеть, как она плачет, закрыв лицо руками. Но он не поворачивает головы. Это слишком больно. Она вытирает слезы и смотрит на город внизу. Реанимации всег-

⁴ Номерная доска от производителя сноубордов Salomon.

⁵ Пионеры-производители в сноуборд-индустрии. Их доски считаются наиболее качественными.

да строят на последних этажах многоэтажных больниц. Сверху видны мелькающие огни машин, неоновые рекламные щиты, золотые квадраты окон. Сумерки наползают на город. Сейчас темнеет значительно позже, но даже ранним вечером уже темно. Она смахивает последнюю наворачнувшуюся слезинку и возвращается к нему. Он лежит с широко раскрытыми глазами и смотрит в потолок. Несколько глянцевых квадратных метров – теперь это его мир. Она берет его за руку, и он видит, как неслышно шевелятся её губы: милый, милый, всё будет хорошо...

Спицы боли пронзают его тело. Такая разная, но одновременно мучительная: пассивная боль, словно фон, боль прострелами... Язык напоминает пожеванный кусок картона. От этих диких ощущений хочется орать, но он может только тихо стонать, не разжимая сухих губ. Она протирает его губы мокрым платком.

– Доктор, ведь ему уже лучше, правда?

– Да, жизнь его в безопасности, но боюсь, что он никогда не сможет встать на ноги...

Она чувствует, что внутри у нее все леденеет, а ноги становятся деревянными.

– НИКОГДА?!

– Когда он окончательно придет в себя, можно будет говорить об операции на позвоночнике. Тут необходима резекция повреждённого тела позвонка с прилежащими дисками и опорный межтеловой спондилорез имплантантом из никелида титана. Но вы должны понимать, что стопроцентного результата гарантировать нельзя...

Ей так не нравится этот врач с уклончивым двусмысленным взглядом. А еще больше ей не нравится то, что он говорит.

... Она не оставит его, будет с ним до конца. Она смотрит ему в глаза и видит, как ему больно. Милый, родной, я тебя никогда не оставлю, слышишь? БОЛЬ, БОЛЬ, БОЛЬ. Но свет уже не так режет глаза. Возможно, пройдет и боль. Возможно. Когда-нибудь. Но не скоро.

Он чувствует себя большим жуком, пришпиленным булавками к листу бумаги. Бабочкой в коконе, облитой клеем. Птицей, которая никогда не полетит.

Через три дня он произносит первое слово.

– Пить... – шепчет он. Она поит его водой с ложечки, пока он благодарно не закрывает глаза. Он идет на поправку, думает она, всё будет хорошо, он выкарабкается, мы прорвемся, нужно только подождать.

Иногда в больницу приходят его друзья. Безрезультатно. Их не пускают. К больному в реанимации не положено никого пускать, кроме близких родственников. Она знает, его родители живут в другом городе и даже не подозревают о случившемся. И ни малейшей возможности известить их об этом. Адрес, телефон? Она их не знает. В больнице она представляется его гражданской женой. Это далеко не так. Но кто может проверить? Наблюдая за её исправными посещениями, никто из обслуживающего персонала не способен даже усомниться в этом. Глаза, полные боли и надежды. Сразу после учебы она едет в больницу и уходит оттуда ровно в семь. Именно во столько заканчивается время посещений. Потом трясется в автобусе или едет на машине. Доезжает до дома, ест и ложится спать. Иногда читает перед сном или слушает музыку. Но чтобы она ни делала, она не может не думать о нем. Он не выходит из её головы ни на минуту. Где-то там он... Неподвижное тело, прикованное к постели. Гипс, глаза, капельницы... Боль. Боль. Боль...

* * *

Я просыпаюсь в девять утра, словно пораженный каким-то невероятным наитием. Резко открываю глаза. Что-то не так. Я чувствую это. Буквально секунду назад мне еще что-то снилось. Тело неподвижно, глаза широко распахнуты. Что-то неуловимо изменилось. И тут я начинаю понимать. Вскрываю с кровати, отдергиваю штору и... О! Как долго я этого ждал!.. СНЕГ! Он лежит на прогулочных дорожках, на ветках деревьев, на крыше соседнего здания и на беседках. Он везде! Не могу налюбоваться этой красотой. В груди всё замирает. Знаю, к обеду это чудо исчезнет, оставив после себя только грязные лужицы, но сейчас от увиденного перехватывает дыхание. СНЕГ! Первый снег можно сравнить только с первым снегом. Больше ни с чем!

Я заправляю постель, иду в душ, бреюсь и чищу зубы. Одеваюсь и иду завтракать. В столовой, кроме меня и одной пожилой парочки, никого нет. Я спешно поглощаю свой омлет с помидорами и сыром, пью какао с булочкой и выхожу. На улице слякоть, но снег еще весь не растаял. Я знаю, что скоро подморозит, слякоть исчезнет, превратившись в твердую корку, а снег выпадет еще и еще. Быстрей бы. Новая маршрутка везет меня в город. За окном мелькают припорошенные елки. Когда я приезжаю, то первым делом захожу в музыкальный магазин и долго слушаю несколько дисков в своем плеере. Ухожу с одним CD, который давно хотел купить. Guano Apes, альбом Proud like a God. Диск хоть и 1997 года, но очень зажигательный и драйвовый. Если уж быть до конца откровенным, я купил его ради одной песни. Lords of the boards. Луженая глотка Сандры Нейсик и гитарный дисторшн не могут оставить меня равнодушным. Песне уже столько лет, а она до сих пор стоит в моем личном хит-параде в тройке лучших. Втыкаю наушники, выхожу на улицу и отправляюсь просто бродить по городу. Я люблю гулять один и за семь лет отдельной от родителей жизни привык к одиночеству. Идешь, куда хочешь, слушаешь музыку, глазеешь на девчонок или пьешь пиво. Мне никогда не бывает скучно одному. Да и как тут заскучать втроем, ведь у меня есть я, я сам и моя персона. Умный человек никогда не скучает в одиночестве. Я прогуливаюсь вдоль витрин магазинов, потом захожу в кафе. Оно небольшое, людей здесь мало, и атмосфера очень уютная, разбавленная незримым присутствием Джима Джармуша⁶, мне здесь в кайф, по углам и возле столиков икебана. Всегда, когда бываю в городе, я стараюсь тут посидеть. Подхожу к кассе, заказываю кофе и пару пирожных. Не торопясь осматриваюсь. За соседним столиком парочка. Громадный бандит с маленькими глазенками под огромными надбровными дугами. Классический неандерталец. Шея, как ведро, огромные плечи, распирающие дорогой вязаный свитер. Бритый наголо череп со шрамом, на шее блестит солидной толщины золотая цепь. Не отступает от канонов. И девушка. Потрясающей красоты брюнетка с длинными выющимися волосами и выразительными глазами цвета виски. На ней серо-синяя юбка в клетку и белая кофта крупной вязки, я даже сказал бы, этакое пончо. Таких девушек чаще встретишь на экране телевизора или на обложке какого-нибудь стильного журнала, нежели в жизни. Увидев такую, думаешь, обалдеть, какая феноменально красивая девушка! Но ведь она тоже человек, не какой-нибудь там поднебесный ангел, ничто человеческое не

⁶ Культовый режиссер, снявший фильм «Кофе и сигареты», ставший классикой арт-кинематографа.

чуждо даже таким девушкам, интересно, кто с ней спит? Кому она разрешает ласкать свою грудь, трогать тело, овладевать её плотью? И вот ответ на вопрос. Бритоголовый неандерталец. Я стараюсь не смотреть в их сторону, но это дается мне с большим трудом. Невозможно оторвать взгляд от её ангельского личика. Я думаю о том, что сделал бы со мной громила, если бы я просто ей улыбнулся. Одного удара волосатым кулаком мне бы хватило, чтобы остаться без пары ребер. Я смотрю в окно, но глаза сами соскальзывают на это неземное создание. Просто эльф, элиен какой-то... Её взгляд рассеянно блуждает по кафе и его посетителям. Она пьет кофе и ест пирожное, как и я. Неандерталец жрет метровый сэндвич и пьет коку из огромного стакана. На их столике ключи от машины и два мобильного. Один, стильный, продолговатый, видимо, его, а второй, посимпатичнее и поминиатюрнее – её. Судя по их лицам, они явно не настроены на позитивное общение. Молчание. Я допиваю свой кофе и уже одеваюсь, как за моей спиной разыгрывается сцена. Поворачиваюсь и вижу, что верзила держит её за руку.

– Не смей хватать меня! – Её глаза сверкают.

– Сядь обратно, – шипит басом бандит. Она вырывается. Все посетители делают вид, что ничего не происходит. И я не исключение.

– Как ты мне надоел! Ты просто... – Она задыхается от гнева. – Ты просто мне противен!

– Успокойся, я сказал! Сядь, давай поговорим! – Неандерталец пытается снова схватить её за руку, но она уворачивается.

– Оставь меня в покое!

Я выхожу на крыльцо и стою. Дышу свежим воздухом. Был бы курящим – закурил бы. В голове роятся интересные мысли. Краем глаза вижу, как из распахнутой двери стремительно выскальзывает эта девушка и, возмущенно цокая каблучками, удаляется. Через несколько мгновений выходит её спутник, прикуривает, смачно сплевывает на ступеньки, садится в свой BMW и уезжает.

Видю её светлый силуэт в конце аллеи и припускаю следом. В ушах у меня всё те же Guano Apes, но на этот раз с лирической вещью Rain. I'm alone can't wait until I feel your rain... Девушка уже не спешит, идет не оглядываясь, будто загнипнотизированная медленными риффами из моего плеера. Хорошая осанка, красивая походка, идеальная фигура. Высокая, роста в ней где-то около метра семидесяти пяти, не меньше. *Princesse Lointaine*⁷.

Я легко сокращаю между нами расстояние, но до сих пор не понимаю, зачем это всё делаю. Просто иду следом, но в голове у меня уже постепенно созревает план. Она сворачивает с аллеи, переходит улицу. Я вижу, как на нее оборачивается группа парней, идущих мне навстречу. Вспоминаю, когда я последний раз знакомился с девушкой на улице. Давно это было. Год, а может, и полтора назад. Я в душе законченный идеалист. Я должен испытывать хотя бы чувство влюбленности, чтобы спать с девушкой. Иногда ко мне заходят наши горничные, Лена и Алена, и я вижу, что это всё неспроста. Но я не предпринимаю ровным счетом ничего, пассивен, как сурок зимой. Наверное, поэтому у меня и нет девушки. Никогда ни с кем не получалось длительных отношений. Не мачо я. А тут иду, как магнитом прикованный, глаз оторвать не могу. ...I can't live this life, I can't see in your eyes, can't change it, no more tries leave everyone with a smile...⁸ Она заходит по пути в книжный

⁷ Название пьесы Эдмона Ростана «Принцесса Гроза».

⁸ Строчка из песни Guano Apes – «Rain».

магазин, я, немного помешкав, захожу следом. Внутри тепло и вкусно пахнет книгами. Она минует канцелярский отдел и останавливается у стенда со специальной литературой. Листает большую тяжелую книгу, увлеченно перелистывая глянцевые страницы. Я замираю у стенда напротив. Делаю вид, что разглядываю книги. Мой взгляд скользит по корешкам книг. Либо сейчас, либо никогда. Три... Два... Один... Я вытаскиваю наушники и иду к ней. Сглатываю ком в горле, стараюсь не обращать внимания на дрожащие пальцы. Пикапер из меня никакой, что и говорить.

– Привет.

– Привет. – У нее недоуменный вид. В руках «Большая кулинарная книга».

– Хочешь научиться хорошо готовить? – спрашиваю я. Первое, что приходит в голову. Какой кретин!

– Не помешало бы. – Она явно обескуражена моим появлением, морщит лоб, как будто пытаюсь меня вспомнить. – А мы разве знакомы?

– Нет, но это ведь легко исправить, – говорю я и смотрю ей прямо в глаза. Она улыбается. Никакого страха, только любопытство.

– Попробуй, – охотно отвечает она. У нее настоящая карнегианская улыбка, в лучшем смысле этого слова. Кладет книгу обратно на полку. Наманикюренные пальчики.

– Я иду за тобой от самого кафе, – подмигиваю я. И люблюсь произведенным эффектом. Ну, прямо Джим Моррисон и Памела Курсон в первый день их знакомства. Девушка изумленно поднимает вверх красивые брови:

– Зачем?

– В жизни никогда не встречал такой красивой девушки, – честно признаюсь я. – Я когда тебя увидел, прямо обалдел. Ты клевая.

Она смеется, обнажая ровные жемчужинки зубов.

– Ты так смешно говоришь... Обалдел, клевая... Это слэнг называется, да? Ладно, меня зовут Юля.

Тянет мне руку. Я несильно пожимаю её. Тонкие пальцы, миниатюрная ладошка, как птичья лапка.

– Меня зовут Евгений, – отвечаю я.

– Женя... – Она как будто пробует мое имя на вкус. Произносит его по слогам: – Же-ня... Красивое имя. Вот и познакомились. И чем же ты, Женя, занимаешься?

Мы выходим из отдела и двигаемся к выходу. Она то и дело смотрит на меня. С интересом.

– Да так, ничем особенным... Инструктором по лыжному спорту работаю. На одной лыжной базе. – В голове тяжело бухает, от волнения сводит голосовые связки, сердце колотится, как у зайчика из рекламы батареек «Энерджайзер».

– Ого. – На её лице мелькает что-то наподобие улыбки. – Любишь лыжи?

– Да нет, не очень, – улыбаюсь в ответ.

Она удивленно выгибает брови дугой.

– Не любишь?

– Сноуборд предпочитаю. Как-то позкстремальнее.

– Это такая досочка, по снегу ездить, да? – спрашивает она. Я киваю головой.

– Я по телевизору видела, по «Discovery».

– Ну, да, – поддакиваю я. – Вот этим и живу. А ты чем занимаешься?

– Хм. – Она поправляет локон, волосы её блестят, как в дорогой рекламе Шварцкопф. – А я инструктор по фитнесу, представляешь? Нет, правда!

Я встаю рядом и шутливо беру её за руку:

– Оба спортивные инструкторы, неплохая пара...

Она смеется, освобождает свою руку.

– Ты такой шутник.

– Ага, я такой.

– Ты куда направляешься?

– Домой. А потом на тренировку.

– Ты же не против, если я тебя провожу?

– Да нет, не против. А у тебя что, дел никаких нет?

– Ну, вроде того, – я мотаю головой.

– Счастливчик, – вздыхает она. – Ну, пошли!..

Мы не торопясь идем по улице, я знаком предлагаю ей свою ладонь, и дальше мы уже двигаемся, держась за руки. Снег вокруг уже почти весь растаял, и куда ни глянь, везде мерцают грязные лужи. Что ж, нужно пройти и этот период. Скоро зима. Рядом красивая девушка. Нет, неправильно. Рядом безумно красивая девушка. Я почти счастлив. И ерунда, что у меня с ней ничего нет. Она рядом, это так странно, но пока мне и этого достаточно. Юлин дом, как оказалось, был далеко, в совершенно другом конце города. Мы едем на маршрутке, идем по проспекту, потом идем через парк. В парке между деревьев лежит снег. Она рассказывает про себя, я внимательно слушаю. Юля работает на двух работах, в двух разных спорткомплексах. В одном спорткомплексе она занимается утром, в другом – вечером. Могу есть всё, что хочу, смеется она, всё равно вес набрать с такими интенсивными тренировками не успеваю. По выходным она ходит в кружок кройки и шитья. Мечтаю шить себе эксклюзивные вещи, застенчиво поясняет она. Ее жизнь расписана по минутам.

– Времени на личную жизнь совсем нет. – Вздыхает и смотрит на небо.

– А как же тот... эээ... – Не могу подобрать слово, чтобы обозначить неандертальца. – Мужчина, с которым ты в кафе была.

Юля машет рукой.

– А-а, этот тип... Давно уже ко мне неровно дышит, а сегодня позволил себе лишнего. Я считала его другом, не более, так, рестораны, иногда вместе в клуб сходить, а тут он такое говорит...

Она округляет глаза.

Дай-ка я догадаюсь с трех раз.

– Что ж он такого тебе сказал?

– Не хочу повторять. Но теперь я с ним уже точно никогда не буду общаться. В постель меня хотел затащить.

Она чуть розовеет лицом и опускает глаза.

М-да, чего уж тут удивительного, думаю я, тебя, наверное, хочет каждый встречный, которого ты видишь на улице.

– И что, ты ему отказала? – Более идиотского вопроса я от себя не ожидал.

– Конечно! – восклицает она. – Кем бы я была в своих собственных глазах, если бы спала со всеми подряд?

Мне нравится её логика. Многозначительно киваю.

– Да, действительно...

Её дом – кирпичная пятнадцатизэтажка. Мы останавливаемся у подъезда. На железных дверях кровожадно мигает одноглазый домофон. Я выпускаю её руку, но она не уходит. Стоит рядом, молчит и улыбается. И не уходит.

– Оставишь телефон? – спрашиваю я без всякой надежды в голосе.

Она оценивающе склоняет голову набок.

– Зачем?

Понятное дело, зачем.

– Я тебе позвоню. Погуляем как-нибудь.

– У тебя есть где записать? – спрашивает она.

Я достаю блокнотик и ручку. На чистой страничке она выводит красивым почерком свой телефон. Домашний и мобильный. Снизу подписывает «Юля». Подмигивает мне, отдает блокнот и исчезает в подъезде. Я стою как замороженный. В руках записная книжка, в голове кавардак. С неба снова начинает сыпать густой снег. Вот так денек! На часах половина второго. Я иду на остановку, засунув руки в карманы. В ушах драйв Guano Apes. Вспоминаю все то, о чем мы говорили. «Знаешь, многие, кто меня заочно знает, считают меня высокомерной и заумной девушкой. Все думают, раз она такая красивая, то непременно надменная и спесивая. А ведь я не такая». Говоря это, она красноречиво опускала ресницы. Я чувствую прилив чего-то светлого и чистого.

Сажусь в автобус и еду в тату-студию к Андрюхе. Зачем – не знаю. В салоне автобуса кисло пахнет кожей, напротив меня сидят две толстые тетки. Отворачиваюсь к окну, весь погруженный в свои мысли. ... I send out my wishes, you gave me promises, why don't you feel the same I'm sad, I feel like a little child...⁹ Guano Apes не отпускают меня ни на минуту. Станный день. С другой стороны, я так долго его ждал, что он просто должен был быть необычным. Именно сегодня я должен был встретить такую потрясающую девушку. Я помнил её тонкие пальцы без всяких колец. Ухоженные ногти, покрытые бесцветным лаком, кожа, как шелк. Прикасаясь к ее руке, я чувствовал что-то особенное. Как будто в ней жило нечто такое, что надо беречь и охранять. За окнами всё так же валит снег, настоящий снегопад, внутри у меня всё поет. Я не знаю, от чего именно, то ли от первого снега, то ли из-за Юли, а может, из-за того и другого, но мне сейчас так хорошо, как не было давно. Подобное ощущение я испытывал в последний раз, когда приехал на Эльбрус и увидел склоны, покрытые снегом, и толпы разношерстных райдеров у гостиничных бочек на Кара-Баши. Мне просто супер.

Тату-салон, в котором работает Андрюха, находится в подвале под крупным супермаркетом. У входа висит неоновая табличка, ступеньки резво убегают вниз. Спускаюсь по лестнице, стены вокруг пестрят всякими надписями с названиями панк-групп и похабными стишками, всё обильно проиллюстрировано анатомическими картинками. На железной двери висит расписание, выполненное готическим шрифтом. Вхожу внутрь. Направляюсь в туалет. По нужде, знаете ли. На стенке надпись маркером «НЕ ССЫ, ПРОПВЕМСЯ. Трубы». Наскальная поэзия. Улыбаюсь. Андрюха в своем репертуаре. Надо же, какие проблески гениальности его посещают в уборной. Выхожу, закрываю дверь. Евроремонт, на стенках плакаты с татуированными мужиками и бабами, в углу уютный кожаный диванчик. Рабочая кушетка отгорожена медицинской шторкой, за столиком у стены сидит Андрюха и разговаривает со страшной запирсингованной чувихой, которая произносит слова, как будто у нее запущенная стадия болезни Альцгеймера. Они так увлечены беседой, что поначалу не замечают моего появления. Я, как призывник на медкомиссии, молча стою у дверей под льющиеся из динамиков звуки фашистских

⁹ Строчка из песни Guano Apes – «Rain».

маршей. Снимаю свою куртку и цепляю её на крючок вешалки. Тут-то Андрюха и реагирует:

– О!.. Жентос! Здорово! Ты какими судьбами? Недаром снег выпал. Выбрался из своей глухомани!..

– Привет, стос. – Жму ему руку и хлопаю по плечу. – Гуляю я. Вот решил проведать старого горбатого бордера...

– Сам ты старый, – говорит он и знакомит меня с этой толстой хмурой девкой. На ее жирных ляжках кожаные штаны, а сверху балахон с кровавым логотипом Cannibal Corpse, на картинке скелеты в ритуальных одежках разрезают младенца. «Жрица», – представляется она. Наверное, от слова «жрать», думаю я.

– Клиентов нет, финансово-половой кризис, – вздыхает Андрюха. – Хочешь кофе?

– Давай лучше чаю, – отвечаю я. На стене огромный плакат, на котором изображен чувак, подвешенный стальными крюками за ребра и раскачивающийся в воздухе на металлических цепях. Ритуальные качели. Новое популярное развлечение среди экстримальной молодежи. Чувиха собирается и уходит, я провожаю её насмешливым взглядом.

– Чудовище...

– Большому кораблю – большая торпеда!.. – торжествующим шепотом сообщает мне Андрюха, как только дверь за ней закрывается. – Хочет себе полспины забить стилизованной пентаграммой. Сатанюга долбанутая! Вот я с нее мешок лавэ подниму!

Он крутит пальцем у виска. Чем мне нравится Андрюха, так это тем, что ко всем шлаковым личностям относится весьма потребительски, но для своих стосов сделает всё, о чём ни попросишь. Такой вот он человек.

– На улице снегопад, ни фига не видать! Ты видел, сколько снега намело уже? – спрашиваю я. – На следующей неделе уже будем кататься.

– Точно! – Он так же радуется, как и я. Только бордер может понять бордера при появлении первого снега. Десятки сноубордистов в городе, я уверен, достают свои доски из шкафов и из-под кроватей, протирают их от пыли, и сердца их поют от радости. СНЕГ! Наконец-то! Дождались!!!

– Слушай, Андрюха, как ты можешь слушать эту нацистскую дрянь?

– Я киваю в сторону магнитофона. – Давай лучше мой диск поставим, сегодня купил. Guano Apes. Там и Lords of the boards есть.

– Нет, стос, только не сейчас, я всю неделю их гонял, надоело уже. Вот у меня Blink182 есть, тоже неплохая музыка.

Он втыкает в пасть CD-проигрывателя серебряный кругляш диска и из динамиков выпрыгивает веселая безбашенная панкуха. «Блинки» мне тоже нравятся. К этому времени закипает чайник, и мы принимаемся за чай. Из стола Андрюха извлекает мешок с каменными пряниками. Угощайся, чувак! За чаем мы говорим о новом сезоне, о новых поступлениях досок в магазины, специализирующиеся на зимних видах спорта.

Потом я рассказываю Андрюхе о Юле. «Ненавижу мажорок, – говорит Андрюха и макает дрэды в свой чай. – Вряд ли у тебя что-то с ней получится. Ей нужны солидные стосы совсем другого сорта, врубаешься? Ну, чтобы тачка крутая и бабла немерено. Сделать женщину счастливой легко. Только дорого». Что ж, здоровый цинизм. Я пожимаю плечами, ну, да. Вспоминаю её лицо, глаза, улыбку и внутри на секунду всё замирает. Я попробую. Какая разница, что она такая, а я другой?

Ведь все мужчины и женщины всегда хотят разного, мужчины хотят женщин, а женщины – мужчин. Всё у меня получится, главное, не заморачиваться.

– Порадовался бы за меня, – говорю я, глядя в потолок. – Наконец-то я встретил девушку, на которой женился бы хоть завтра. Поманила бы только пальчиком...

Андрюха пристально смотрит на меня.

– Ты только про нас не забывай. Как говорится, старый друг лучше новых шлюх!

Гогочет.

– Ты сейчас у меня по щам схлопочешь, – злюсь я.

– Ладно, забей. Не принимай все так близко к перцу, – съезжает с темы Андрюха. – У меня братан младший, ну, ты помнишь, я в прошлом году его еще на гору таскал, ему сейчас одиннадцать стукнуло, так он совсем башней попер. Снега ждал, как не знаю что, больше, чем я. Отец ему купил очки Alpina, нормальный такой лэйбак, вчера приезжаю домой, а он в них по квартире разгуливает, а после девяти еще и кино в них смотрел. Всё время ноет, ну, когда мы на гору поедem? Во чувак растет!...

– Ну, и когда поедешь? – спрашиваю я.

– В следующие выходные точно! Я уверен, вся туса наша на горе будет. Ну, если снег не растает, конечно.

Мы сидим еще около часа, болтаем о всяких разных вещах, листаем тату-каталоги. Я подумываю сделать себе еще какую-нибудь татку. У меня уже есть несколько, но я хочу еще. Синдром второй татуировки. Синдром третьей татуировки. Синдром четвертой татуировки. И так до бесконечности. Никогда не знаешь, когда остановишься. Одна за другой. Тату, древние знаки. Когда я выхожу из тату-салона, на улице уже темнеет. Зимой всегда темнеет рано. Я иду на остановку, сажусь в старую маршрутную «Газель» и еду домой (не в общагу, а на свою базу отдыха). Кроме меня в салоне две молодые девчонки и женщина лет сорока. Изредка я ловлю заинтересованные взгляды со стороны девчонок, но моя голова целиком занята Юлей и предстоящим сезоном. Полчаса трясусь в салоне под Guano Apes. Смотрю в залепленное белым мутное окно, там всё так же густо сыплет снег. Непроницаемая пелена. Видимость почти нулевая. Снег, снег, снег. Я думаю о трамплине. Я думаю о Юле. Я думаю о снеге. Я думаю о своей доске. Я думаю о прожитом дне. Безумно длинный день. Многообещающий.

Приезжаю на базу и иду в столовую. Там сталкиваюсь с мадам свиноматкой. Она жрёт одна за своим столиком. Вокруг нее всё уставлено тарелками: пара супов, несколько салатов, каша, картошка с котлетами, несколько стаканов с компотом-чаем-кофе и куча всяких булочек и ватрушек. Я мечу за столик к Алене и Лене, но целлюлитное чудовище манит меня пальчиком:

– Женя, подойди сюда, пожалуйста.

Она произносит это с набитым ртом, какие-то крошки висят у нее на нижней губе. Я подавляю отвращение, подхожу к ней и здороваюсь.

– Женя, не стесняйся, присаживайся. Мне нужно с тобой поговорить.

Я говорю, да, конечно, и о чем? Она отвечает с набитым ртом, мол, снег выпал, зайди в бухгалтерию, пусть тебя рассчитают и перейдешь на должность инструктора. Я улыбаюсь и говорю, отлично. Она кивает на место рядом с собой. Мне приходится принять её приглашение. Она разговаривает с полным ртом. Ее это, по всей видимости, несколько не смущает. Я ловлю улыбки со сто-

роны горничных, мол, попал ты, чувак. Торопясь, поглощаю свой ужин и выхожу из-за стола.

Поднимаюсь к себе в номер и падаю на кровать. Лежу в абсолютной темноте и смотрю в окно. За стеклом не утихает снегопад. За ночь всё должно занести как следует. Уже в городе на газонах снега по щиколотку. Я лежу на кровати, и в голове у меня созревает план. Встаю, врубаю свет и достаю свою Salomon 550. Из-под кровати достаю свои сноубордические ботинки, зашнуровываю их, хватаю борд и выскакиваю в коридор. Щелкает английский замок на моей двери. На лестнице я сталкиваюсь носом к носу с Аленой. Она видит весь мой экип и доску в руке, удивленно качает головой и, закатив глаза, вертит пальцем у виска, ну, ты даешь. Я пожимаю плечами и скатываюсь дальше вниз по ступенькам. Там, в холле, пустынно, лишь с администратором говорит какой-то пожилой, солидно одетый мужчина. Они оба на какое-то время замолкают, заметив меня со сноубордом. Я выхожу на улицу и с удовольствием вдыхаю свежий воздух. Это еще одна причина, по которой я живу здесь, а не в городе. Иду мимо стоянки, выхожу за ворота. С непривычки в ботинках идти неудобно, и я стараюсь не обращать на это внимания, но старые условные рефлексы возвращаются быстро, и вот я уже почти бегу в этих громоздких космических ботах. В лесу снег лежит настолько волшебным образом, что я на мгновение замираю. Стою, подняв голову вверх, дышу лесом, любуюсь падающими снежинками. Звонящая красота... Сворачиваю на тропинку, уже порядком заваленную снегом, и иду, оставляя глубокие следы за собой. На верхушках сосен намечаются смутно-белесые шапки. Уже достаточно темно, где-то вверху сверкает желток луны. Около пятнадцати минут я иду по просеке и останавливаюсь на вершине холма, где начинается спуск. У деревьев молчаливо темнеет будка подъемника, где-то внизу смутный силуэт засыпанного снегом трамплина. Я отстегиваю пластмассовые ремешки креплений, встаю на доску и застегиваюсь. Крип-крип, крип-крип, говорят мне крепления. Меня просто распирает от нахлынувшего адреналина. Достаю из внутреннего кармана куртки плеер и нажимаю play. Засовываю его обратно, вжимаю молнией на куртке до горла, надеваю перчатки. Голова наполняется гитарным вступлением из *Lords of the boards* (А как вы думали, под что я должен был открыть сезон?), и когда заканчивается прелюдия на высоких, и сверху рушится тонна гитарных тяжелых риффов, слэпового баса и драных барабанов, я подпрыгиваю на доске и устремляюсь в темноту по склону. Снег вылетает из-под канта вместе с неслезшимся песком, я заносу доску то вправо, то влево, ветер свистит так, что я слышу его даже сквозь плотный саунд *Guano Apes*. Несусь вниз, в темноте, приседаю и выпрямляюсь, набирая скорость. Свобода! И когда Сандра Нейсик в моих ушах начинает орать припев, раздирая своим пронзительным вокалом голый гитарный дисторшн *With the lord of the boards you'll come and get around, with the lord of the boards, go mad like a clown!!!* – я стрелой вылетаю с трамплина, закручивая свое тело в незамысловатое 360. Бурно приземляюсь в снег, взрывая пухляк, и несусь дальше вниз, снег слепит мне глаза, и я щурюсь, как заправский китайский болванчик. Скорость, скорость, скорость. Целина и пухляк – волшебные слова.

Потом я поднимаюсь в гору, с удовлетворением разглядываю свой след от скользяка доски. На небе ярко мерцают звезды и уныло светит сырная луна. Моя доска вся в мокром песке и снеге, я отряхиваю её перчаткой. *Through every curve He's got me beat and maybe it's time that I accept defeat... Guano Apes* пулят.

Когда я прихожу в гостиницу, уже совсем темно. В коридоре слышу, как у кого-то в номере надрывается телевизор. С пятисекундной задержкой со спутника транслируется футбольный матч. Ответьте мне, что толкает людей приезжать в гостиницу за городом, снимать номер и смотреть футбол? Есть вещи, которые мне никогда не понять. Я слышу, как в соседнем номере кого-то громко обзывают грязной потаскухой. Открываю свою дверь, прислоняю борд к стене, раздеваюсь и заваливаюсь спать. Сегодня был насыщенный день. Лежу с закрытыми глазами, перебирая в голове все, что произошло сегодня. Тусую, словно колоду карт, сегодняшние события. Постепенно, словно в чем-то сомневаясь, проваливаюсь в кисельную яму сна.

* * *

Проходят еще несколько серых суток.

Его состояние нормализуется, и наступает час, когда медсестра убирает одну капельницу, через день другую, оставляя его даже без пассивной анестезии, на следующие сутки его переводят в отделение интенсивной терапии этажом ниже. Организм медленно, но неуклонно восстанавливается. Медсестры несколько раз в день ставят ему уколы, приходят в обед с розовыми стаканчиками йогуртов и кормят его с ложечки. Он послушно открывает рот, глотает сладкую смесь, смотрит в потолок и на холодные голубые стены. Ему почему-то совсем не хочется смотреть на медсестер. Только тот же глянец потолка и больше ничего. Мерцание ламп, запах кварца, тиканье часов. Все, к чему сейчас сводится его существование: боль...боль...боль... И ожидание ее прихода. Она всегда приходит вечером. Неизменно на спине рюкзак, в руках маленький букетик. Свежие цветы помогают быстрее выздороветь, мне мама еще в детстве говорила, объясняет ему она. Он понимающе кивает головой. Цветы пахнут чем-то нереальным, нездешним. Пахнут жизнью. Она тоже пахнет жизнью. Длинный конский хвост, грустная улыбка, глубокие голубые глаза, но... Когда она входит в его палату, все меняется, словно из-за туч выглядывает солнце. Он чувствует, как все вокруг наполняется её светлыми трогательными флюидами. Она появляется чуть позже пяти. Часы вверху отсчитывают минуты до ее появления. Тик-так, тик-так... Еще минута. Тик-так, тик-так... еще одна... Здравствуй, милый, говорит она, открывая дверь. Наклоняется над ним, осторожно целует в губы. От нее еще веет уличной прохладой. Розовые щеки. Я тебя ждал, двигаются его губы. Она не помнит, когда научилась читать по губам, но знает, это произошло здесь, в больнице.

– Соскучился? – спрашивает она. На ней белый медицинский халат. Она гладит его по колючкам на щеках, словно совершает какой-то магический пасс, ежедневный ритуал. Прохладные, родные до слез, руки. Знаешь, на улице такой снег, говорит она и сразу же замолкает. Он устало закрывает глаза. Снег... Он произносит слова, с трудом размыкая губы, выговаривает их, словно толкает огромные камни. Словесный сизифов труд. Она склоняется над ним, чтобы понять его еле различимый шепот. Ей так хочется услышать его голос. Чувствует кожей тепло его дыхания. Он говорит о том, как сильно хочет увидеть снег. Но, повернув лицо, он может увидеть только окно. Она укоризненно качает головой, проводя ладошкой по шершавому гипсу на его груди. Из глаз выползает пара капель. Боль, боль, боль...

За окном вальсируют последние легкомысленные снежинки. Зима не торопится уступать место весне.

* * *

Последнюю неделю без остановки валит снег. СМИ вещают о том, что даже старожилы не помнят таких обильных осадков. Все эти дни я тружусь на горе. Хотя слово «тружусь» не совсем подходит к тому, чем занимаюсь я. Моя начальница подгоняет мне клиентуру. Я подозреваю, что это её подруги. Большой Брат помнит обо мне. Я учу ездить на лыжах разжиревших визгливых бухгалтерш и их взбалмошных детей. Времени скатнуться на сноуборде совсем нет. Мой напарник Вадим занят точно так же, как и я. Жирные тетki со своими отпрысками под моим чутким руководством бегут по лыжне, словно свиньи на убой. Устало останавливаются, часто дышат, я вижу, как раздуваются их ноздри. Все в дорогих спортивных костюмах. Вы когда-нибудь видели коров на льду? Мои клиентки выглядят на лыжах точно так же несуразно. На любой свой промах или падение они реагируют неадекватным повизгивающим смехом. Кто-то даже пытается со мной флиртовать. Дети же, наоборот, нервничают и мечтают побыстрее свалить домой к широкоэкранному телевизору или РС. Они чувствуют себя крайне некомфортно на лыжах в обществе своих крикливых мамаш. Наверное, из-за этих уроков я и начал ненавидеть лыжи. Но работать инструктором, скажу я вам, дело поприбыльнее и поприятнее, нежели работать охранником. По крайней мере, там, где работаю я. Сегодня после пары часов психологически изнурительного катания я запускаю своих бухгалтерш в одиночное плавание по лыжне, а сам скатываюсь по трассе, в будке подъемника переобуваюсь и беру сноуборд. Хватаю плывущий бугель и еду вверх. Народу, несмотря на будни, на горе уйма. С нашего трамплина прыгает особо храбрый молодняк (или безбашенный?) на дешевеньких досках, я поднимаюсь по склону, осматриваюсь по сторонам. Вокруг – снег... Как жаль, что у меня нет столько свободного времени, чтобы кататься больше. Через несколько минут я на вершине холма, откуда недавно съехал на своих лыжах. Беру в руки плеер, нажимаю затертую кнопку play. Сегодня в моих ушах Red Hot Chili Peppers с песенкой Around the world. Сквозь пульсирующий овердрайв гитары вовсю вопит Энтони Кидес. Я кидаю плеер в карман, застегиваю все молнии (старая привычка, как неотживший рудимент), надеваю перчатки и устремляюсь вниз по склону на трамплин. Теперь есть только я и он, и больше ничего. В голове мелькают десятки вариантов прыжка с трамплина, и я разгоняюсь, приседая и выпрямляясь. За мной медленно оседает плотная стена снежной пыли. Елки мелькают по сторонам, я вижу, как сбоку замирает лыжная парочка, глядя на меня, и мгновенно теряю их из вида. Легкое пощипывание в кончиках пальцев, посасывание под ложечкой – непременные атрибуты прыжка, впрыск адреналина, каждый раз, когда ты летишь по прямой на Т Р А М П Л И Н. Я, максимально сгруппировавшись, нагибаюсь к доске, приседая всё чаще и чаще, словно пуля влетаю на него, выпрямляюсь, как отпущенная пружина, и выстреливаю своим телом вверх. Хватаю простенький nuclear air за задний кант. Лечу, не отпуская рукой доску, одновременно разворачиваясь на 360, и, в самую последнюю секунду, ставлю ноги в исходную позицию и с громким хлопком приземляюсь. Отличный прыжок.

Возле будки с подъемником небольшая тусовка. Сноуборды воткнуты в снег, отражая солнце точеными кантами. Все доски в наклейках от сноубордических брендов. Доски, разговоры, анекдоты, дружеский стеб, похлопывание по спине. Тут же пьют чай из термоса Андрюха, мой напарник Вадим и еще трое сноубор-

дистов, помогавшие строить трамплин. На голове у Андрюхи зеркальные очки Uvex, а торчащие из под шапки дреды делают его похожим на Хищника из боевика со Шварцнеггером. Нормально прыгнул, одобряюще прищуривается он. Обычное наслаждение жизнью, чувак, цитирую я Мэка Дуга¹⁰.

Отстегиваю доску, втыкаю ее в снег и со всеми здороваюсь. Мне предлагают горячий чай. Я отпиваю из большой термосной крышки и говорю о том, как меня достало кататься на лыжах с жирными тетками, которых подсовывает наше целлюлитное Чудовище. Бизнес-леди, мать ее так. Я произношу свою тираду в ее адрес с таким серьезным выражением лица, что все сразу начинают истерически давиться смехом. Я заражаюсь их настроением и тоже начинаю гоготать. Мы перетираем последние новости. Кто куда собирается зимой, кто купил новую доску, особенности катания между непрофессионально катающимися лыжниками.

– Ладно, чуваки, мне пора! Работа... – Вадим таким бодрячком вскакивает на лыжи и сваливает по лыжне, накатанной снегоходом вокруг горы. Стосы по-дружески пошучивают вслед удаляющейся фигуре. Палка сделала из обезьяны человека, а вторая палка сделала из него лыжника, смеются бордеры.

Я допиваю свой чай и отдаю крышку от термоса Андрюхе.

– О! – говорит он и тычет пальцем вверх на склон. Из-под шапки у него выбивается толстый и непослушный красно-черный прут дредлика.

Все взгляды устремляются на пик горы.

– И что?

– Смотри, смотри! – продолжает он. – Видишь вон ту чиксу в голубой куртке?

Я вместе с остальными перцами концентрирую свое внимание на фигурке, которая медленными кругами стартует с самого верха. Неуверенные движения, весь вес держит на задней ноге, явный новичок. Учиться, учиться и еще раз учиться!

– Ну и что? Чувиха явно в первый, ну, максимум второй раз на доске, – говорю я. – Кантуется хотя довольно неплохо, новички в первый раз только по прямой гоняют.

– Да не, – перебивает меня Андрюха, – я не о том. Видел я её сегодня в кафе, там у тебя, на лыжной базе. Качество, стопудово десятка! Ну, очень красивая самка!

– Издалека не разберешь, – говорит кто-то. – У нее очки на пол-лица, как у стрекозы. Что-то модное.

– Я за ней весь день слежу. Безбашенная совсем, хоть и кататься не умеет. Инстинкт самосохранения напрочь отсутствует. Во, во!!! Смотри! – снова тычет в нее пальцем Андрюха.

Я смотрю на ее голубой силуэт. Она ловит передний кант, падает на живот, но тут же встает, небрежно отряхивается и катится дальше. На трамплин. Набирает скорость по прямой.

– Вот дичь тупая! – восхищенно шепчет Андрюха. – Место клизмы изменить нельзя. Сейчас навернется...

Внутри всё обмирает. Она что, совсем не соображает, что делает? Кто ее на склон вообще выпустил? Вот, блин...

Девушка приседает к доске и с трудом поворачивает на трамплин. Въезжает на него под заведомо неправильным углом, я заранее знаю, что участь ее уже решена. Вздыхаю. Она отталкивается и, несмотря на невысокую скорость, вылетает метра на три вперед, ее разворачивает в воздухе и она кулем падает на спину.

¹⁰ Сноубордист-прорайдер, мировая величина в сноубординге.

Замирает на секунду, выгибается дугой, но тут же сворачивается в позу эмбриона. Лежит прямо под трамплином. Чуваки молчат в оцепенении. Фенита, бля, комедия, выдает Андрюха. Ничего смешного. Я молча срываюсь с места. Бежать вверх по склону в сноубордических ботинках, мягко говоря, неудобно. Тем не менее цели я достигаю за рекордное время – минута-полторы, не больше. Девушка хватается ртом воздух, как рыба, более банального сравнения не приходит в голову, держится рукой за грудь, шапочка с очками «Oakley»¹¹ валяются рядом. Из носа на снег падает неправдоподобно яркая капля крови, длинные русые волосы взлохмачены.

– Ты в порядке? – Я чувствую, что чрезмерно запыхался. Аккуратно беру ее за руки и оттаскиваю в сторону из-под трамплина. Она молчит, сквозь гримасу боли пытаюсь проглотить хоть немного воздуха. Я переспрашиваю, ты в порядке?

Вижу, как она судорожно открывает рот. Ничего не может сказать. И дышать тоже. Отбила легкие, в лучшем случае. Поломала ребра, в худшем. Если это просто сильный ушиб, то через пару минут ей станет получше, у самого не раз такое было. Поднимаю её шапочку с очками, вытираю своим платком кровь у нее из-под носа, сажусь рядом на снег, отстегиваю ей доску.

– Спасибо, – беззвучно открывает губы она.

– Да ничего, ничего... Всё цело, точно, ничего не поломала?

Она медленно мотает головой, я продолжаю держать платок у ее носа.

– Сейчас все будет нормально, минута-две, все пройдет.

А она действительно очень красивая, Андрюха не наврал, думаю я. Огромные эльфийские глаза цвета июльского неба, пшеничные волосы до лопаток, греческий нос, чувственные полные губы. Куртка COLMAR, сноуборд Burton T6¹². Это говорит о многом. Качественная мажорная чикса.

Через пять минут она окончательно приходит в себя.

– А я знаю, кто ты, – говорит она мне.

– Да? – спрашиваю я. – Хотя это не так уж и важно. Главное, чтоб у тебя ребра целы остались. Пощупай, не болит?

Она расстегивает куртку, трогает себя, отрицательно мотает головой:

– Уже все в порядке, дышать не могла... Experimentia est optima rerum magistra ...¹³

– Латынь, что ли?... Учили, учили в университетах... Ты всегда, когда с трамплинов падаешь, по-латыни болтать начинаешь?

– Обожаю латынь. – Держится за грудь, не может отдышаться. – А я видела, как ты прыгаешь с трамплина... Супер!.. Как у тебя так получается?

– Покатайся с мое, не так будешь гонять... – хмурюсь я. – И вообще, давай-ка потихоньку вниз.

– Меня зовут Даша. – Она опускает ресницы, ну, вот, начинается! Что, девушки совсем без этого не могут?

– Отлично, Дарья! Для начала тебе надо научиться кататься, а потом уж на трамплин. Больше так не делай, – говорю я. – Разобьешься... Сегодня ты еще легко отделалась.

– Ладно... – Она надевает шапочку и натягивает сверху очки. – Тебя зовут Женя, я знаю. Ты всегда такой неразговорчивый?

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – удивляюсь я.

– На горе слышала, как ребята разговаривали, обсуждали, как ты прыгнул, я рядом

¹¹ Брэнд, считающийся однозначным лидером по производству сноубордических очков.

¹² Дорогая модель доски фирмы Burton.

¹³ Опыт – лучший учитель (лат.).

стояла... – И вдруг с неожиданным жаром в голосе: – Женя, научи меня кататься!

Мы бредем вниз по склону, у Даши в руке доска, она волочит её рядом по снегу, оставляя ровный след от канта. Мимо мелькают яркие силуэты.

– Как ты себе это представляешь?

– Ну, не знаю... Мне кажется, что ты был бы неплохим учителем. – Она пытается заглянуть мне в глаза, я отвожу взгляд, ну, что за дела?!

– С чего ты решила? Ты думаешь, у меня куча времени, чтоб я мог его тратить просто так? Мне скатнуться на доске с горы лишний раз не удастся, а ты тут такое говоришь, научи! – Я немного злюсь, видимо, сказываются сегодняшние бухгалтерши. – Я не могу! Вот, у ребят спроси, видишь внизу?

– Женя, – она берет меня за руку, – ну, хотя бы самые азы...

И не выпускает руку. Такой ход. Вдыхаю. Начинаю улыбаться. Она тоже. Её взяла.

– Ну, ладно... – качаю я головой, лыба до ушей. – Приезжай сегодня с доской в кафе на базе отдыха к десяти, сможешь?

Она кивает.

– Ну вот и ладушки.

Я оставляю ее с чуваками, кидаю доску в будку у подъемника, переобуваюсь и встаю на лыжи. Машу всем рукой, вижу, как Андрюха мне подмигивает, тот еще персонаж. Пора работать. Цепляюсь за бугель, поднимаюсь вверх, вижу, как Даша провожает меня долгим взглядом.

...Вечером я сижу в кафе, медитируя перед чашкой кофе, злой как черт. Измотанный окончательно своими клиентами и, проведя полчаса в кабинете у Целлюлитного Чудовища, я чувствую, что если что-то будет еще не так, то я точно сорвусь. Про себя вспоминаю множество самых забористых матерков, склоняю их, меняю падежи и всячески изгаляюсь. Что не сделаешь от злой скуки. Большой циферблат поддельных CITIZEN на стене показывает 21.45. И нужно было переться сюда так рано, спрашиваю себя я, договаривались ведь на десять. В кафе практически никого нет, только какая-то парочка пенсионного возраста на лыжах. Я то и дело бросаю нетерпеливые взгляды на входную дверь. За окном снег не перестает кружить свой вальс. Мышцы гудят с непривычки, последние пару дней, как открыли сезон и запустили подъемники с беговой трассой, у меня все тело ломит. Мышцы адаптируются к нагрузкам. Еще неделя, и всё пройдет. Кофе остывает, я тяну его небольшими глотками. Больше всего мне сейчас хотелось бы не учить взбалмошную девчонку кататься, а лечь в постель, вытянуть ноги и включить в плеере расслабляющий ланж. Закрывать глаза...

Из сладких грёз меня выдергивает ее озорной голосок:

– Привет, а вот и я. Totus tuus¹⁴.

Я вздрагиваю. Невозможная девчонка. Достала умничанием.

– Ну, и что это значит?

– Вся твоя.

Не нахожу ничего более подходящего, чем пробурчать:

– А что так долго?

Она округляет глаза и показывает на часы – без пяти десять.

– Я еще рано пришла, специально чтоб не опоздать.

Ладно, ладно, что это со мной?

– Ты сюда как добиралась, кстати? Я что-то не подумал о времени, я-то тут живу...

¹⁴ Весь твой (лат.).

– Ничего, все нормально. – Она кивает в сторону окна. – Меня папа привез, а когда мы закончим, я ему позвоню и он меня заберет. Не парься.

– Я вообще не парюсь, – парирую я. – Просто немного устал... Целый день на ногах. Присядь.

Она садится за мой столик. Небольшой ликбез не повредит.

– Во-первых, много времени я тебе уделять не смогу, так что все, что буду говорить и показывать, два раза повторять не стану. Во-вторых, я видел, как ты катаешься, и сразу скажу, тебе крупно повезло, что ты не разбилась и ничего не повредила. Поэтому экстрималничать будешь только после того, как научишься хотя бы нормально ездить. Никакой самодеятельности. Никаких трамплинов. В-третьих, не опаздывать. Все ясно?

Она кивает головой.

– Приступаем?

Я встаю из-за стола, оставляя недопитый кофе, беру свой борд, прислоненный к стене у входа, и мы выходим на улицу. На фига я согласился?.. Рядом вприпрыжку бежит Даша со своим Т6, улыбка до ушей.

– Женя, а ты давно катаешься?

– Давно.

– А долго учиться кататься?

Что за идиотские вопросы она задает?

– Я сам до сих пор учусь, – бурчу я. – Знаешь, Дали говорил, не бойся совершенства, тебе его не достичь никогда. Но к этому нужно стремиться. Во всем. И в сноуборде тоже.

Мы идем по припорошенной аллее, расчерченной лыжами. Снег медленно падает и сверкает в свете фонарей. До горы еще немного. Из-за поворота появляется Вадим на «Буране», останавливается, предлагает подкинуть. Мы соглашаемся. Дашины руки обнимают меня сзади, пока мы несемся к подъемнику. Пять минут, и мы у цели. Вадим укатывает дальше, подняв столб снежной пыли.

На голове у Даши отличные очки Oakley Wisdom, именно такие, о которых я мечтал последние несколько лет, да всё никак денег не хватало. Молчу по этому поводу. Девушка как будто чувствует мое паршивое настроение.

– Слушай, Женя, если ты не хочешь со мной возиться, наверное, не надо было соглашаться... Может, я домой поеду?..

– Вот уж нет. – Внутри что-то протестует. – Раз мы уже приехали сюда, то будем учиться. Смотри, как красиво...

На безлюдный склон медленно ложится снег, большие фонари освещают трассу по бокам, а с краю красуется свежий трамплин. Легкий градиент вечернего неба неуловимо плавно перетекает из темно-синего в чернильно-черный. И никого на склоне... Только я, она и снег.

– У тебя какая стойка? – спрашиваю я для начала.

– Не поняла... – порхают удивленно ее большие ресницы.

– Ты какой ногой вперед едешь?

Она топчется на месте, потом с радостью сообщает:

– Правой!

– Ага, значит, ты гуфи... – отмечаю про себя.

– Сам ты Дональд, – парирует она.

Господи, да за что же такое наказание?!

– Даша, сноубордистов, которые ездят вперед левой ногой, называют регуляры, а кто вперед правой – гуфи. И тут нет ничего обидного, – объясняю я.

Она краснеет.

– Ой... А ты кто, гуфи или регуляр?

– Мне без разницы.

Даша многозначительно кивает головой.

– Подъемником умеешь пользоваться?

– Умею...

– Тогда поехали наверх.

Иду в будку, открываю ее своим ключом. Дергаю рубильник, который обеспечивает подъемник электричеством и запускаю бугель. Слышу, как начинают двигаться коленвалы и тросы. Многопалый тросообразный монстр оживает и начинает нехотя тянуть пластмассовые руки вверх на гору. Я выхожу, беру свой Salomon, подхожу к трассе подъемника, пристегиваюсь, хватаю бугель и еду вверх. Оглядываюсь, девушка проделывает те же самые операции. Молодец, хоть с бугелем не нужно париться... Проблемой меньше. Еду и думаю о вчерашнем знакомстве. Я так ей и не позвонил... Закончу с Дашей и непременно звякну Юле. Обязательно.

С горы виден окружающий лес, покрытый пушком, запорошенный склон, база... Даша выворачивает с подъемника и бухается на коленки.

– Уф-ф! Ну, начнем? Ab origine¹⁵.

Я улыбаюсь. Вот дает! Чувствую себя умственно отсталым дебилом. Ладно, красавица, пора начинать экзекуцию.

– В общем, так... – начинаю я и тут же одергиваю: – Не отстегивайся, сейчас поедem. Короче, немного теории. Помимо стойки гуфи и регуляра, есть еще понятие иной стойки по отношению к склону. Иногда приходится притормаживать, ставя сноуборд перпендикулярно склону. Так вот, когда ты едешь на переднем канте лицом к вершине горы, это называется бэксайд, а наоборот – фронтсайд. Сегодня мы будем учиться кататься в той и другой позиции. Основная проблема новичков в том, что они неправильно стоят на доске. Смотри сюда...

Я приседаю к доске, руки у креплений, спина прямая, туловище развернуто вполоборота.

– Вот так? – Даша пытается повторить.

– Да... Ни в коем случае нельзя ездить на прямых ногах, иначе первая яма – твоя. Согнутые ноги помогут тебе эффективно амортизировать неровности склона. И запомни, центр тяжести должен быть здесь. – Я тыкаю себя в живот. – Прямо над креплениями. Когда едешь, весь свой вес равномерно распределяй на обе ноги, эта поза придаст тебе стабильности, а не как ты делаешь – всё тело на заднюю ногу. Это очень некрасиво и неустойчиво. Еще у новичков есть стандартная проблема. Когда они чувствуют, что теряют доску, то начинают заваливаться назад. Всем начинающим кажется, что для того, чтобы контролировать доску и сбросить скорость, им надо присесть пониже и отклониться назад. Так называемый жопный рефлекс. Он приводит к тому, что ты полностью теряешь доску, она выскальзывает из-под тебя вперед, и ты падаешь на задницу. Что еще?.. Кисти рук все время на виду, перед собой. Не смотришь на них, а на виду! Вообще смотришь только туда, куда едешь. Поняла?

Даша решительно кивает головой.

¹⁵ С самого начала, с азов (лат.).

– Ну, тогда поехали! Как гласит закон Буккера, даже маленькая практика стоит большой теории!.. Вставай в позицию бэксайда.

Я делаю 180 и встаю спиной к спуску. Она разворачивается.

– Что дальше?

– Приподнимаем пятки, как будто на цыпочках, и немного накреним нос доски вниз и начинаем медленно катиться... Скорость ты можешь регулировать поднятием пяток, вплоть до полной остановки. Ни в коем случае не опускай в бэксайде пятки, полетишь спиной назад... Движение боком в бэксайде может быть только на лицевом канте, ни на двух, ни на заднем, а только на лицевом. Ясно? Ну, тогда поехали....

Я плавно скольжу боком по снегу. Даша зеркально повторяет мои движения. Мы съезжаем, она катится медленно, но правильно, молодца девчонка. Я замечаю, что кантуется она уже более уверенно, чем сегодня утром. Кричу сквозь падающий снег:

– Сначала учишься медленно ездить, потом, когда уже чувствуешь доску, начинаешь кататься быстро!!!

-А?! – откликается Даша. – Я половину слов не расслышала...

Я останавливаюсь, она встает рядом.

– Нельзя научиться бегать, не научившись ходить, – говорю я, она кивает головой. – Ты сегодня прыгала с трамплина, не умея даже просто кататься. Начинаем всегда с малого. Понимаешь?

– Теперь да, – улыбается она. Ух, у нее просто чертовски красивая улыбка... О чем это я?

– Твое тело должно запомнить все движения. Так называемая мышечная память. Спускаемся до конца и кантуемся, то на одном канте, то на другом. Погнали!

И я устремляюсь вниз, она следом за мной. Я еду быстро, но все время кручу доску, чтобы посмотреть, как двигается Даша. Девушка едет не быстро, но правильно. Если все так пойдет и дальше, она начнет так же контролировать сноуборд и на скорости. Бросаю последний взгляд на ее первые правильные движения, разворачиваюсь и несусь вниз по прямой, лишь слегка кантуясь. Останавливаюсь внизу, у будки подъемника, смотрю, как Даша красиво выписывает кантом гирляндобразную дугу на склоне.

Допрыгиваю на одной отстегнутой ноге до бугеля, хватаю его, и подъемник тянет меня вверх.

...Спустя час мы оба на вершине склона, отстегиваем доски. За этот час я накатался вволю за весь прошедший день, а Даша, молодчага, ездит грамотно, хоть пока и медленно. К ней все придет, я уверен. Падаю на спину, смотрю вверх, снежинки падают на мое лицо. Рядом лежит Даша, я слышу ее прерывистое дыхание. Расскажи о себе, прошу я. Она удивляется:

– Тебе интересно?

– Сама как думаешь, раз спрашиваю?

Она начинает. Я внимательно слушаю. Ей двадцать один. Третий ребенок в большой, но очень обеспеченной семье. У нее два старших брата и младшая сестра. Десять лет в гимнастике. Ушла из-за травмы. Много читает. Мама привила любовь к латыни, бывшая учительница, сейчас директор солидного ресторана, папа владелец самого крупного кинотеатра в городе, родители преуспевающие предприниматели. Сама Даша учится на режиссуре в местном университете, что неудивительно – отец привил ей любовь к искусству. С виду откровенная мажорка. Всегда таких

не любил, но Даша почему-то не вызывает у меня негативных эмоций. Слишком светлая и позитивная. Может, сказывается ее воспитание в многодетной семье, но девушка мне кажется вполне скромной и неизбалованной. На мой вопрос, почему родители не купят ей машину, она заявляет, что ей больше нравится общественный транспорт – поближе к людям, объясняет мне. Папа хотел купить что-нибудь маленькое, типа «Фольксваген Жук», но ей что-то не хочется... Летом на велосипеде езжу, а если куда-то нужно, то меня папа может отвезти и забрать, или братья. *Suum cuique*¹⁶. Я чешу голову, м-да, ну и экземплярчик...

– К сноуборду-то как пришла? Вижу, первый сезон катаешься.

– Давно хотела попробовать что-нибудь агрессивное, – смущается она. – А то я все время то в кинотеатре, то на учебе... совсем домашняя. Друзей у меня по пальцам посчитать можно, да и те даже не друзья, так, знакомые, все они ботаники да синие чулки... Хотелось адреналина. Тут и журнальчик мне братец подсунул про доски, из Лондона недавно привез... я и решилась. *Ad augusta per angusta*¹⁷.

– Нормальный расклад... И знаешь, у тебя здорово получается. Я не про латынь. По крайней мере, все, что я видел сегодня. У тебя, точно, все будет о'кей, если будешь кататься даже только по выходным.

– Спасибо. – Я не вижу ее лица, но уже представляю, как его заливают румянец. Мы все так же лежим на снегу. Уже почти одиннадцать. – Расскажи теперь ты...

– Потом, ладно? – Я устало валюсь на бок и смотрю ей в глаза. Из-за голубой курточки они кажутся еще глубже и синее.

– Я приеду завтра? – робко спрашивает она.

– Давай лучше послезавтра, – отвечаю я. – Завтра у меня выходной.

Даша достает мобильник и звонит отцу.

– Привет, пап! Я все... Ты едешь? Жду.

* * *

Почему в каждой палате большие часы? Он часто задает себе этот вопрос. В отделении интенсивной терапии тихо, сончас, все спят, лишь изредка прошуршит халатом врач в коридоре или, цок-цок, продефилирует длинноногая медсестра. Боль тускнеет, словно покрытая матовой вуалью безликости и монотонности происходящего, уходит куда-то глубоко в подсознание. Раскаленные иглы внутри начинают наконец-то остывать. Воспоминания накатывают тихо и аккуратно, как морской прилив, принося картинки, которые, как он считал, давно выпали из памяти. Школьные годы, родители, университет, вся прожитая жизнь восстанавливается понемногу, словно заковыристый пазл или фотокарточка «Полароид» с истекшим сроком хранения. Воспоминания, воспоминания, воспоминания... Все больше и больше, ярче и болезненнее. Он весь день лежит с закрытыми глазами, погруженный в картинки прошлого. Он хочет вспомнить все. Все, что возможно. И день катастрофы тоже. Но поврежденной голове, он чувствует это, такое пока не по силам.

В его палате лежит парень с аппаратом Илизарова на бедре и седой дед с гематомой мозга. К парню приходит мать, к деду никто. Иногда он разговаривает с ним. Я не знаю, за что и почему это случилось, говорит он деду, я слишком молод, чтобы быть инвалидом... Врач сказал, что я вряд ли встану на ноги. Впереди сложная операция, никакой определенности... Он хочет пошевелить

¹⁶ Каждому свое (лат.).

¹⁷ Высоких целей достигают, преодолев большие трудности (лат.).

пальцами на ногах, но они не слушаются. Нарушение проводимости с уровня LI. Ему страшно.

– Я знаю одно, сынок, – отвечает дед, – тебе предстоит сложный путь... Быть сильным прежде всего духом. Ты сам отвечаешь за себя, ходить тебе или нет. Нужно бороться. И нельзя сдаваться.

Эти слова он запоминает на всю жизнь. Но... бороться сейчас? На это нет ни сил, ни терпения. После того, как боль слегка утихает, ему хочется только одного – закрыть веки и погрузиться в тишину, в серую массу лимба, чуть звенящую и прекрасную, бесконечный уют и комфорт. Ничего, кроме пустоты. Ни-че-го...

В пять, он знает, приходит она. Он с нетерпением ждет ее. Представляет, как растрепанная ветром, она на секунду останавливается в холле больницы у большого зеркала, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, приглаживает непослушные пряди, летит по лестнице – какой к черту лифт!.. – и врывается в его палату фейерверком свежести и любви.

– Привет, милый! – Она тянет к нему свои тонкие кисти, целует в губы.

– Привет, – негромко здоровается он. – Как погода?

Она стряхивает капли воды с шапки на пол:

– Снег. А так тепло...

Деловито берет банку с подвявшими цветами и выкидывает их в урну, включает кран и меняет воду, погружает в нее маленький букетик ромашек.

– Представляешь, мне уже скидку в цветочном киоске стали делать, вроде как постоянный клиент... А ты поправляешься.

Он улыбается. Она давно не видела, как он улыбался, это его первая улыбка за время в больнице.

– Ну, еще бы... Как твоя учеба?

– Нормально... Да что там учеба!.. Не до нее сейчас.

Он все так же лежит под одеялом, руки вдоль туловища, лицо смотрит вверх. Вертеться нельзя, сказал врач. Он не делает этого, хотя очень хочется. Она склоняется над ним.

– Прорвемся, малыш, не бойся. Все будет хорошо, ты только верь. Ты же веришь мне?

Он кивает. Ему очень хочется верить. Очень. Когда она рядом, он спокоен, ему хорошо. Беседы ни о чем, обмен нежными взглядами, но... Внутри живет тайна, которой он не может с ней поделиться, кое-что, что жжет его изнутри. Он слишком слаб, чтобы раскрывать карты. Да разве это имеет сейчас смысл? Все, что у меня есть – это она, я не могу потерять ее, думает он.

– Врач сказал, что скоро операция... Мне вставят железные скобы в позвоночник...

– Знаю. Я говорила с ним. – Молчание. – Держись, зайчонок, я с тобой...

– Мне страшно... Ты только бы знала, КАК мне страшно...

Она находит под одеялом его сухую руку и слегка сжимает ее. Если бы она могла взять часть его страданий на себя, она сделала бы это не раздумывая.

– Ты будешь ходить. Я каждый день молюсь за тебя...

Его глаза благодарят ее. Они разговаривают о том, о сем. Время течет медленно, словно остывший кисель. Но вот стрелка часов почти на семи. Тик-так, тик-так... Она продолжает держать его за руку.

– Мне пора... – Она поднимается, чуть наклоняется к нему и целует.

Нежно и аккуратно. Трепетно. Выходит за дверь.

Он слышит, как поворачивается на соседней койке дед в его сторону, кричит и, немного погодя, говорит:

– Береги ее, она одна дана тебе на всю жизнь...

Он слегка наклоняет голову. Слышит ее удаляющиеся шаги по коридору.

– Может быть. – И чуть тише: – Может быть...

Остается только ждать операции.

* * *

Субботнее утро, только чудо может заставить меня встать рано. И это чудо зовут Юля. Предвкушение встречи, легкий мандраж, ощущение радости за предстоящий день. Я почему-то уверен, что сегодня обязательно увижу ее. Встаю около девяти, сладко потягиваюсь, отжимаюсь от пола, иду в ванну. Немного мокну под теплым душем, капли текут по запотевшему кафелю, потом чищу зубы, строю себе рожи в зеркале, вытираюсь полотенцем. Выглядываю за окно, термометр показывает минус пять – замечательная температура, оптимальная для катания или прогулок по городу. Я натягиваю штаны, майку, куртку и выхожу в коридор. Закрываю дверь, в коридоре вкусно пахнет сдобой и кофе, чудные ароматы с первого этажа, столовая. Спускаюсь туда, обмениваюсь шуточками с Леной и Аленой, они хихикают и спрашивают, куда это я так рано собрался. Я отвечаю – на свидание. Они многозначительно качают головами, ну и ну, а как же мы, наша любовь? Какая такая любовь, делаю удивленное лицо. Мы сидим за одним столиком и завтракаем. Я допиваю свой кофе и оставляю на столе надкушенную булочку, не люблю сливовый джем. Иду в холл гостиницы, моя цель – телефон-автомат, это все, что мне сейчас нужно. Достая из бумажника аккуратно сложенный листок бумаги, набираю ее домашний. С другого конца провода грудной женский голос вопрошает:

– Алло?

– Алло, здравствуйте, – говорю я. – А я могу услышать Юлю?

– Юля на работе, молодой человек. – Это, по всей видимости, ее мама. – Ей что-то передать?

– Нет, ничего передавать не надо, – отвечаю я. – Я ей перезвоню на сотовый. До свидания.

– До свидания.

В трубке короткие гудки, непонятное ощущение, холодит внутри, а сердце бахает, как сваетазбивочная машина. Сбрасываю, набираю ее сотовый.

– Да, я слушаю... – Ее голос сегодня звенит, как колокольчик. Что с моими руками? Сглатываю непослушный ком, дурацкая пауза, из меня вываливается неуклюжее:

– А-а... алл-ё... Привет, это я, Женя!

– Привет! А я только что вот закончила тренировку... Как дела?

– Дела? Дела нормально. Выходной у меня. Вот хотел тебя погулять позвать, может, куда зашли бы, кофе попили, поболтали...

Замолкаю, я просто в шоке от своего красноречия, никогда за собой ничего подобного не замечал. Пауза в трубке, она думает, принимать ей мое предложение или нет. Я надавливаю:

– Соглашайся! На улице просто сказка, а не погода, тепло! Можно даже в кино сходить, если хочешь, конечно...

– В кино? В кино – это мысль...

Я ликую, она почти соглашается.

– Где встретимся? – спрашивает Юля.

– Давай у того книжного магазина, где мы познакомились, через час, – говорю я.

– Давай попозже! Например, в два...

– Ладно, хорошо, – отвечаю я.

– Увидимся. – В ее голосе я слышу нотки предвкушения. Или мне кажется? Она кладет трубку.

Не могу сдержать эмоций, подпрыгиваю на месте, как сперматоксикозный школьник, вау! До часа валяюсь в своем номере на кровати, листаю старый номер «Досок», слушаю GUANO APES. Выхожу из гостиницы, вокруг снег, тишина, все искрится на ослепительном солнце, играет и слепит глаза. Вот сейчас бы погонять на доске в каких-нибудь дорогих очках типа «Oakley» с солнцезащитными фильтрующими стеклами, красота... Где-то в номере стоит мой одинокий Salomon и ждет вечера, ничего, я еще покатаюсь сегодня. Вынимаю плеер, включаю московский хардкор TRACTOR BOWLING, иду на остановку. Все мешается в голове под вокал Милы, это, конечно же, не Сандра Нейсик, но всё же тоже очень круто. Не пахнет совком, а это главное. Маршрутное такси, снежная дорога в город, запах бензина, замороженные стекла, мятый билетик в кулаке, хмурые попутчики и шансон из колонок, всегда терпеть не мог блатняк... Полчаса размышлений, Юля, Даша, доска, трамплин, снег, музыка... Когда маршрутка останавливается на нужной мне остановке, я выпрыгиваю из нее и захлопываю дверь. Поднимаю вверх голову, и на мое лицо падают редкие мелкие снежинки. Я жмурюсь от удовольствия, снег!.. Направляюсь в сторону книжного магазина, мне нужно миновать пару кварталов и перейти дорогу. НАПРОЛОМ, орет Мила в моих наушниках, ИДЕМ НАПРОЛОМ! Двигаюсь под музыку, плыву в ней. У магазина никого, мелькающие незнакомые прохожие. Ждать еще пятнадцать минут, хожу туда-сюда, мнусь на одном месте, разглядываю незнакомцев. Надо же припереться так рано, корю себя, ты в своем репертуаре. Проходит пять минут, потом еще десять... Никого нет. Я захожу в магазин, и вдруг меня озаряет. Целенаправленно шагаю в отдел справочной литературы, рыскаю глазами по полкам, ага, то, что надо! Сборник афоризмов на латыни, пойдет! Чтобы совсем не чувствовать себя идиотом в присутствии некоторых выпендрежных личностей. Может, и сам что-нибудь върну при подходящем случае, улыбаюсь про себя. Беру книжечку и подхожу к кассе, расплачиваюсь и двигаюсь в сторону дверей. Выхожу, оглядываюсь, но... увы! Никого нет. Проходит еще несколько тоскливых минут, я даже немного начинаю нервничать. Напряжение растет, не знаю, что и думать, и в этот самый момент из-за поворота появляется она. Фанфары, оркестр, салют! На Юле белая короткая шубка, белая вязаная шапка, полосатые штанишки в обтяжку, на ногах высокие сапоги. Классический пафос, в прошлый раз она выглядела немного побогемнее, отмечаю про себя. Она подходит, на ее лице просто цветет радостная улыбка, красивые белые жемчужинки зубов, пухлые сексапильные губы... Я опять чувствую себя подростком, немного теряюсь при виде всей этой красоты. Привет, говорит она. Привет, выдавливаю из себя я. Мы перебрасываемся парой никчемных фраз о погоде, я беру ее за руку, она улыбается и спрашивает:

– Куда идем?

– Пока просто гуляем, – отвечаю я. Мне нравится держать ее за руку. Мне кажется, что ничего больше мне и не надо... просто держать ее руку, видеть ее улыбку... Разве может быть что-то трепетнее этого? Из ее сумочки доносится знакомая мелодия. Hotel California, Eagles. Она достает сотовый.

– Да, я слушаю... Нет, нет, я сейчас не могу. Я ЗАНЯТА! Ладно, хорошо...

– Что случилось? – беспокоюсь я.

– В кино не получится, – мрачнеет Юля. – Ладно, забудь, ничего особенного. Просто через час я должна снова быть на работе... Ты бы знал, Женья, как я устала... все эти тренировки...

– У меня идея. – В голове вспыхивает лампочка а-ля Бивис и Батхед. – Мы направляемся в гости!

– Куда? – она поднимает огромные ресницы. Колыхающиеся омуты глаз. Это сродни гипнозу. Я кролик, она змея...

– К одному моему хорошему другу. Можно воспользоваться твоим телефоном? – спрашиваю я.

– Ну, да... Конечно... – Она достает маленький Nokia из своей сумочки и протягивает его мне. Я набираю знакомый номер.

– Андрюха? Привет. Что делаешь? – я ковыряю носком ботинка промерзшую ледяную корку. – Слушай, как ты смотришь на то, если я к тебе заскочу с Юлей? Да, да, с ней... Не против? О'кей, жди, минут через двадцать.

По дороге, как бы невзначай, мы заходим в супермаркет. Яркие упаковки, заставленные витрины, специфический запах, несколько громил-охранников с параноидальными взглядами.

– Ты пьешь алкоголь? – закидываю я удочку.

– Бывает... – Она улыбается, понимает, к чему я клоню.

– Что любишь? – продолжаю я.

– Вино... – Она мечтательно закатывает глаза, складывает губы бантом. – Китайское сливовое и абрикосовое обожаю просто... Мартини люблю... Пиво и водку не пью совсем. А вообще я человек малопьющий.

Я говорю, нужно отметить знакомство, алкоголь сближает, чувствую себя чуть ли не Хемингуэем после этих слов или, как минимум, выпивающим Ремарком. В ее глазах читается безропотное согласие. Идем к витрине с алкоголем, я беру большую бутылку белого мартини, бутылку «Sprite» и несколько бумажных стаканов, в кассе расплачиваюсь, пакую всё в большой черный пакет.

– Такую большую бутылку купил, – смеется Юля. – Ты хочешь меня спить!

– Ага, у меня такой план. – Пристально смотрю ей в глаза, и она сразу же перестает смеяться.

– Ты серьезно?

– Шучу.

Идем сквозь город по знакомым улицам, хохоча и улыбаясь, не пропуская ни одной ледяной дорожки, я держу ее тонкую кисть, а внутри меня поют ангелы. Вы слышите этот стройный хор? Я даже не верю в свое счастье, это чудесное создание держит мою руку, смотрит мне в глаза и залиvisto смеется вместе со мной. Неужели это правда? Господи, какая она красивая...

Редкие снежинки падают нам на лица, а мы, беспечные и веселые, идем в гости к своему другу. К моему шизанутому дредастому Андрюхе. Около пятнадцати минут мы шлепаем по бульвару, потом сворачиваем и, минуя квартал новостроек, выходим к знакомому супермаркету. Спускаемся по заледенелым ступенькам в подвал.

«Осторожно, – говорю я, – не расшибись», она кивает, я вдавливаю пальцем кнопку звонка. По ту сторону двери слышу возню, лязгают металлические засовы, и в проеме появляется сияющая рожа Андрюхи в обрамлении черно-красных дрездлоков.

– Привет, привет! – говорит он. – Давно вас жду, даже вот уголь на плиту поставил, кальян будем курить?

– Будем, будем, – киваю головой я, мы проходим внутрь.

Андрюха в своем репертуаре. В колонках мощно и торжественно льются нацистские марши. Под *Deutschland marchiert*¹⁸ я помогаю раздеться Юле и вешаю ее белую шубку на крючок вешалки.

– Ладно, давайте знакомиться! – говорю я. – Вот это чудо – мой друг и сноуборд-соратник Андрей, а это – Юля.

– Очень приятно, – одновременно выдыхают они. В углу я вижу доску Андрюхи, старая, но отличная ARBOR, киваю в ее сторону:

– А она-то что тут делает?

– Вообще-то я сегодня на гору собирался до твоего звонка, клиентов пока все равно нет... Шеф в командировке... Так что я волен лететь туда, куда заблагорассудится.

– Ух ты! А ты тоже, Андрей, катаешься на доске? – округляет глаза Юля. – Я никогда вживую не видела сноуборд, можно посмотреть?

– Да, конечно, – машет рукой Андрюха и идет к плите снимать уголь.

Я падаю на кожаный диван, напротив меня огромный кальян с тремя цветастыми шлангами. Юля тем временем подходит к доске, трогает крепления, водит пальцем по канту, пожимает плечами:

– Не представляю, как на ней можно вообще кататься. Да к тому же получать удовольствие... А если упадешь? Ты же к ней пристегнут, полетишь прямо кубарем на землю!.. Так и убиться недолго!

– Ну, дык! Понятное дело. – Андрюха возвращается с углем и кладет его в чашу кальяна. Я тем временем уже разливаю по стаканчикам мартини со «Спрайтом» в пропорции один к трем, маю Юлю:

– Дорогая, не хочешь глоточек мартини?

– Конечно, хочу. – Она опускается на диван, пододвигается ко мне, смотрит на кальян. – Ой!.. А что, мы еще и курить эту штуку будем? Я никогда не курила, даже сигареты... Мне плохо не будет?

– Тебе будет только хорошо, – говорит Андрюха. – У меня, кстати, отличный виноградный табак, легкий и сладкий, уверен, вам как людям некурящим должен понравиться.

После этого он берет шланг и падает в соседнее кресло.

– Ну, что, за знакомство? – говорю я.

За знакомство, вторят мне Юля с Андреем. Ритуальное чоканье пластиковыми стаканчиками, первые сладкие глотки, ничто так не греет душу, как холодное мартини, произносит Андрюха, мы молчаливо с ним соглашаемся и почти одновременно с Юлей пробуем на вкус мундштуки. Вода внутри кальяна бурлит, как в смывном бачке, я выпускаю струю легкого сладкого дыма и откидываюсь на диван, принимаю стратегически оправданную полулежачую позу. Юля скидывает сапоги и забирается на диван с ногами так близко ко мне, что я чувствую трепет ее дыхания. Вижу, как она с интересом изучает фотографии, которыми щедро увешан весь салон. Зататуированные волосатые байкеры и их розоволосые пропирсинго-

¹⁸ Известный немецкий марш.

ванные подружки демонстрируют свои тату. Кто-то болтается на острых крючьях ритуальных качелей, а кто-то позирует с сумасшедшим пирсингом на гениталиях. Широко раскрытые удивленные глаза, внимательно изучающие каждый сантиметр стен, чуть приоткрытый рот, это всё – Юля, забавное зрелище, тем не менее она не забывает отхлебывать martini из стаканчика и тянуть сладкий дым из мундштука.

Андрюха заливает, как он отрабатывает frontside corked 360 с трамплина, но я чего-то ему не верю, подкалываю:

– В дрэдах своих не запутался, когда крутился вниз башкой?

– Нет, стос, я же в шапке! – врет и не краснеет Андрюха. Ни разу не видел, чтоб он делал этот достаточно сложный трюк. Это тебе не элементарное 360, здесь еще через себя нужно перекувыркнуться да и с кикера вылететь во фронт-сайте. Заливает!.. Хотя чем черт не шутит.

– Андрей, а ты что, фашист? – спрашивает его Юля.

– Нет, – отвечает Андрюха. – С чего ты решила, из-за музыки, что ли?

– Ну да, – кивает Юля.

В разговор вмешиваюсь я:

– Может, сменим музыкальное сопровождение?

– Валяй, – машет в сторону стереосистемы Андрюха. – Где музыка, ты знаешь...

Я поднимаюсь и роюсь в его компакт-дисках. Чего тут нет! Останавливаю свой выбор на лучших вещах Чака Берри. Обожаю старикана, особенно его гитарные рок-н-рольные записи. Под Johnny B. Goode возвращаюсь к моей красавице на диван. Да уж, улыбается та, после маршей это звучит несколько резонирующе. Я подливаю martini, мы курим кальян, спустя какое-то время Андрюха уходит за свежей партией угля и табака. Пока он возится у плиты, я спрашиваю ее:

– Ну, и как тебе это все?

– Табак очень вкусный, я до этого ни разу не курила, я же говорила... В голове такой туман... – Она кладет свою руку мне на плечо. – Такое расслабление... Да и martini делает свое дело... Я редко позволяю себе такое. Но оно того стоит... А друг твой вообще классный! Я таких только по телевизору видела...

Она говорит это таким тоном, что я не чувствую ни малейшего укола ревности, лишь гордость, что у меня такой необычный товарищ. Фрик Андрюша.

– Давайте поиграем в одну интересную игру, – говорю я.

– В какую? – отзывается от плиты Андрюха.

– Давайте каждый из нас расскажет какую-нибудь историю из своего детства, что-нибудь малозначительное, такое, что об этом никто не знает, кроме вас самих, – предлагаю я. – Ну, или что-то очень важное, что изменило вас, ваше мировоззрение, жизнь... Согласны?

– Отличная идея, – поддерживает меня Юля. – Начинай первым!

– Так... – Я отпиваю стартовый в моем рассказе глоток martini. – Когда я был маленьким, меня жутко раздражали скандалы родителей. Когда начались склоки в семье, я не помню, но я уже учился в школе, и мне выдавали немного денег на школьные обеды. В течение года я кое-как перебивался кофе и булочками, а основную часть денег прятал в разных тайниках на пустыре, рядом с нашим домом. Я собирался однажды сбежать из дома, чтобы не слышать всю эту ругань, собрать все свои сбережения из тайничков и отправиться путешествовать. Но как-то раз, когда я возвращался из школы, я вдруг обнаружил пустырь обнесенным деревянным забором. Когда я заглянул в щель между досками, к

своему ужасу обнаружил, что весь пустырь перепахан бульдозером. Все мои сбережения пропали. Я остался дома, хотя со всей детской серьезностью собирался сбежать от родителей. С тех пор я совсем не коплю деньги, нет у меня такой привычки.

– Ничего себе! – произносит Юля. – Ты плакал?

– Нет, – отвечаю я, хотя на самом деле не помню. Может, и плакал. Только сейчас это неважно.

– О, слушайте мою историю! – Андрюха отставляет стаканчик с мартини в сторону и затягивается из кальяна. – Жентос, ты в курсе, что сам я из Питера. Так вот эта история оттуда. Мои предки решили свалить с моей родины, когда родился мой бруда. Мне тогда было пятнадцать. Тогда и произошла эта история. Дом, где мы жили, находился рядом с одним из невзрачных бульварчиков, где каждый вечер я видел старого негра, играющего на джамбее, это барабан африканский такой, перкуссия. Прохожие подавали ему мелочь. Он был очень старый, с длинными дредами на голове, кожа на лице у него напоминала старое моченое яблоко и была вся в шрамах. Я его очень боялся, мне он казался очень страшным. Не помню, как это произошло, но в один из вечеров негр со мной заговорил, когда я проходил мимо. Просто окликнул. Меня всего парализовало от ужаса. Но по мере того, как я с ним разговаривал, видел его чистую белую улыбку и открытые детские глаза, во мне пробуждалось что-то по-человечески теплое. Около месяца все свое время я проводил вместе с ним на бульваре, не отходил от него ни на шаг. Его звали Флавио, странное имя для негра... Он говорил, что он родом из Испании. Но это детали. Флавио учил меня играть на джамбее, и вместе с ним я впервые покурил травки. Он пел мне песни Боба Марли, позднее я стал слушать их на магнитофоне. Он был настоящим черным – искренним и добрым. Жил по каким-то неформальным сквотам, у него было очень много совершенно разных друзей. Однажды мы сидели у магазинчика и пели, что-то из Боба, типа «по wotap по сгу» под джамбей. Из магазина вышла компания подвыпивших быков и начала его избивать. Уж не помню за что. Я кинулся его защищать, сопливый пятнадцатилетний пацан. Мне здорово досталось, я потерял сознание. Когда очнулся, вокруг уже собрались люди, а Флавио лежал на спине, раскинув руки. Все лицо в крови. Они... – Голос Андрюхи дрожит. – Они его убили... Быдла всегда везде хватало!.. Потом допросы в милиции, этих козлов, конечно же, не отыскиали, небось, приехали в Питер из каких-нибудь Нижних Пердяевок, кто ж их найдет?.. От Флавио мне остался его джамбей и раста-убеждения. Его кремировали в Питере, душа Флавио, я уверен, вознеслась на небеса из этого Вавилона... Когда я умру, я бы тоже хотел, чтобы меня кремировали, не хочу, чтоб мои останки ели черви... Но самое страшное, что произошло – после смерти Флавио я перестал верить в Бога.

Он замолкает, жадно втягивает виноградный дым. Тишину нарушает Юля.

– Я, когда была маленькой, очень верила в Бога. Ничего, что я расскажу просто о Боге? Я никогда о нем никому не рассказывала. А интересной истории у меня все равно нет... У меня очень набожная бабушка была, привила веру. Но... я росла, а в моей жизни ничего не происходило, у меня было такое ощущение, что Богу просто нет до меня дела или он занимается чем-то более важным. Меня это обижало, потому, как считала я, все мы дети Божьи, и всех нас он должен любить одинаково, но этого не видела. Я много думала об этом, не понимала, почему так. Может, Господь просто ленивый или ему вообще ни до чего нет дела? Почему все

люди так надеются на его помощь, а в мире до сих пор так много войн, насилия и прочих ужасных вещей? Почему люди сами не занимаются своими проблемами? Этого я понять не могла. В конце концов, просто решила не думать о Боге и пришла к выводу, что стоит все свои дела делать самой и не думать ни о ком, кто стоит выше. Иногда мне даже казалось, что Бог – неудачник, раз мир пребывает в таком упадке, или просто садист, которому нравится наблюдать за страданиями существ, которых он сам создал. Был период, когда я находилась на религиозной грани, не могла понять, верующая я или нет, но потом даже об этом перестала думать. Теперь я одна из тех, кто живет по самодельной религии, определенному своду общечеловеческих правил, принятых за аксиому. В классического Бога я перестала верить. Наверное, это не совсем то, что вы хотели услышать. Но это первое, что пришло мне в голову после рассказа Андрея...

Она пожимает плечами и тянется за цветастым шлангом кальяна. Молчание. Андрюха переводит разговор в какую-то близкую ему анекдотную плоскость, молодец, чувствует, атмосферу менять нужно. Не знаю, что нас толкнуло рассказывать такие вещи друг другу, я ожидал совсем другого. Мы продолжаем пить и курить, я подливаю алкоголь.

Не могу больше сдерживаться, ставлю свой стаканчик на пол, приобнимаю Юлю за плечи, от нее дурманящее пахнет нежным цветочным ароматом. Она поворачивается ко мне, удобный ракурс, полуприкрытые глаза, я в который раз думаю, неужели это все происходит со мной? Провожу пальцами по ее теплой коже на шее, наклоняюсь к ней, вся вселенная сужается до нас двоих, больше нет ничего и тут – бац! Я вздрагиваю, слыша где-то рядом попсовую мелодию Eagles, Юля резко распахивает глаза, наваждение исчезает, и она кидается за телефоном.

– Алло! – говорит она в трубку, и я слышу в ее голосе нервные нотки, на лбу недовольные морщинки, чуть поджатые губы. Андрюха тем временем засыпает в чашу кальяна новую кашицу табака, кладет на нее перфорированную фольгу и сверху кусочек раскаленного угля, делает ловкий финт руками, словно заправский фокусник, после удачно выполненного трюка – вуаля! У Юли тем временем происходит неприятный разговор, она мрачнеет прямо на глазах: – Да, да... Я же сказала, что буду!.. Скоро! Ну и что, подождут!.. Могу я хоть раз в жизни позволить себе опоздать!..

Внутри у меня все опускается, я вспоминаю, что она должна снова ехать на работу. Почему у меня все так складывается? Только начинает что-то получаться, так сразу облом!.. Ненавижу!.. Юля выключает телефон, опускает глаза:

– Ребята, с вами так хорошо, что я совсем о работе забыла... Женя, проводишь меня до дороги? Я такси поймаю...

– Конечно. – Мы встаем, я пересекаюсь взглядом с Андрюхой, мол, сейчас буду. Помогаю Юле надеть шубку, одеваюсь сам. Юля машет Андрюхе – пока-пока! – и мы выходим из подвала, поднимаемся по заледенелым ступенькам (я поддерживаю ее за руку) и шагаем к дороге. С неба совсем уж щедро валит снег, будто кто-то добрый и озорной вытряхивает свои небесные подушки.

– Неплохо посидели, – говорит Юля.

– Только мало, – отвечаю я.

– Да уж... – соглашается она. – У меня завтра выходной, ты что делаешь?

– Работаю, – проклинаю про себя и работу, и целлюлитную свою начальницу, и лыжи, и всё на свете. – Может, созвонимся завтра вечером?

– Может... – Она о чем-то задумывается и тут у обочины останавливается ма-

шина. Юля договаривается с шофером и, немного медля, словно размышляя, подходит ко мне, тянется и прикасается губами к моим губам. Невинный прощальный поцелуй. Я чуть не падаю в обморок от волнения. Замри, замри, мгновенье! Стараюсь зафиксировать, запомнить все до мелочей, отложить эту жемчужину у себя в потаенных кладовых памяти. Ураган внутри.

– До завтра, – говорит она и садится в машину. От волнения не могу проглотить комок в горле, ни слова в голове, только киваю головой. В удаляющейся машине я вижу, как Юля машет мне рукой в заднем стекле. Я машу ей тоже. Возвращаюсь в салон, снимаю куртку, отряхиваю шапку от снега.

– Ну, и как тебе Юля? – спрашиваю я, падая опять на диван.

– Что в имени тебе моем, ты зацени груди объем! – декламирует Андрюха. – Бампер что надо, да и щи в порядке!

– А можно без цинизма? – Я затягиваюсь кальяном.

– Можно. Хорошая девушка. Красивая. – Андрюха достает из кармана туго скрученную беломорину. – Ты что, стос, похоже, влюбился?

– Не знаю... – пожимаю плечами я. – Но кажется... типа того...

– Помни, любовь это торжество воображения над интеллектом, – поднимает вверх палец Андрюха. – Не хотел тебя при девушке компрометировать. – И показывает мне косяк.

– Ну, ты, стос, даешь!.. – качаю головой. – Взрывавай.

Андрюха прикуривает, затягивается, передает мне. Вот чем Андрюха нравится мне, так это тем, что у него всегда очень качественная дурь. Какие-то у него мистические раста-барыги, сколько раз курил его шмаль – всегда убивало так, как надо. Вот и в этот раз уделываемся по самое не хочу. Затяжка, красные глаза, выдох, сладкий канабисный дым, Андрюха, покачивающий дрездами, и Чак Берри с загадочной Navana Moop, псевдо-придурочные аккорды, игривость и задумчивость в одном флаконе. Именно в этой атмосфере мы и употребляем его зелье. Гоняем беломорину по кругу. Когда дудка заканчивается, я расслабляюсь на диване.

– Растекся и впитался, – смеется Андрюха, блин, где-то я это уже слышал. Выплескиваю остатки алкоголя из бутылки себе в стакан, залпом опрокидываю, я сегодня просто в ударе. Мысли в голове приобретают какие-то приятные плавные очертания, Юля-Даша, все смешивается, и тут меня озаряет:

– Андрюха, погнали ко мне на гору кататься!

– Да уж, нам сейчас только кататься... – бормочет мой дрездастый друг, не вынимая мундштук изо рта. – Себя в зеркале видел? Ты по прямой-то вряд ли проедешь... Да и я не лучше.

– Лучше плохо, чем никогда! Тем более, когда доедем, алкоголь отпустит, не такая уж забористая штука – мартини. Погнали!

На его лице смутные сомнения, он о чем-то размышляет.

– Убедил, языкастый, – вдруг соглашается Андрюха. – Давай только еще посидим, я кальян докурю.

Я вижу, что ему тоже охота порезать кантами склон не меньше, чем мне. Недаром он и доску на работу приволок. Через пять минут он выключает музыку, переобувается в свои огромные ботинки FORUM, хватает доску, мы натягиваем куртки и шапки и выходим на улицу. Я засовываю книжку по латыни во внутренний карман куртки. Он запирает салон на два массивных замка, придерживая сноуборд ногой. С темного неба все так же валит снег, погода этой зимой радует души

всех бордеров без исключения. Еще через пять минут мы пакуемся в маршрутку и едем в сторону моей базы отдыха. В голове мелькают фрагменты из LORDS OF THE BOARDS, навязчивые риффы, заклинания Сандры Нейсик. Вот что значит послушать утром, весь день крутится где-то в подсознании, несмотря на фашистские марши и мажорные рок-н-роллы Чака Берри. Когда мы выходим из маршрутной «Газели», меня окончательно отпускает калян, исчезает эта мутная дымка в сознании, остается лишь легкая адреналиновая дрожь, от алкоголя, наверное. Шагаем по заснеженной дорожке через лес, спустя несколько минут выходим к гостинице. У крыльца стоит Вадим, чистит металлической щеткой свой снегоход.

– Здорово, чуваки! – радуется он. – А все ваши уже на горе. Такое творят! Одного только сейчас доставил сюда, «Скорая» пару минут назад ушла, не видели по дороге? По-моему, перелом бедра. Долетался с трамплина...

– А кто? – спрашивает Андрюха.

– Кто-то из ваших, из секты тех, кто запасные позвончики в шкафу держит, – смеется Вадим.

– Ну, ты циник, – говорит Андрюха. – Пошли, Жентос, возьмем доску и на гору.

– Подкинешь? – киваю я на снегоход и смотрю на Вадима.

– Говно-вопрос, комрад! – отвечает тот.

– Ага, мы сейчас.

В номере я переобуваюсь, кидаю книгу с латынью на кровать, достаю свой скупающий SALOMON, запираю дверь. В коридоре сталкиваемся с Аленой и Леной. Андрюха довольно лыбится:

– Привет, девчонки! Болты вам в печенки!

– Хамло! – в один голос заявляют горничные, Лена добавляет: – Ну, и друзья у тебя, Женя...

Мы ржем в один голос, скатываемся по перилам на задницах, выходим на улицу. Вадим ждет нас. Устраиваемся на заднем сиденье его снегохода, он стартует так, что Андрюха, сидящий крайним, чуть не валится на дорогу.

– Эх, девчата, прокачу!

Гад, издевается еще. Люблю я этого засранца. Несемся на максимальной скорости, на какую только способен этот железный конь, поднимаем целый снежный буран за собой. На беговой лыжне, на трассе, ведущей к горе, когда мы проносимся рядом, бедные лыжники жмутся к краю дороги. Крепко держусь за Вадима, слышу, как за моей спиной во всю глотку орет Андрюха. ЙИИИИХАААА-АААААА!!!!!! РОКНРОООООООЛ!!!!!! Сумасшедший придурок, его, похоже, еще не отпустило. Легкий драйвец подхлестывает и меня, то ли от скорости, то ли от скуренной ганджи, то ли от предвкушаемого адреналина. Вадим укладывает снегоход в поворотах так, что я реально сдерживаюсь, чтоб не заорать. Хреновы адреналиновые хроники. Еще несколько минут, и мы на вершине. Медленно ползущий бугель, фонари, снег, трамплин, куча бордеров перед ним, мелькающие лыжники в своих «лосинах», молодняк, отрабатывающий катание в switch stance. Туса приветствует нас громкими воплями. Великовозрастные дебилы наряду с безбашенными школьниками, разница в возрасте стирается, стоит только пристегнуть к ногам окантованный плоский девайс, имя которому сноуборд. Мы кидаем доски на снег.

– Кстати, Женя, – говорит Вадим перед тем, как стартовать, – ЖЖ сказала, что в конце января на горе будут проводиться региональные соревнования по сноубордингу.

– Чё, правда? – вмешивается Андрюха. – Троцкишь, косой!

– Seriously. Ну, там будет несколько дисциплин соответственно. Фристайл, бигэйр, карвинг, возможно, бордркросс или даже джиббинг... Победители отправятся на соревнования российского масштаба в столицу. Некисло, а?

– Нормально... – говорю я. – Фристайл – это круто. Только вот какой на нашей горе карвинг, тут спуску-то...

– Ну, не знаю, – пожимает плечами Вадим. – ЖЖ мне сказала сегодня, с бумажки читала...

ЖЖ он называет нашу любимую начальницу. Жирная Жопа. Вадим тоже, как и все остальные, к ней совсем равнодушен.

– Ладно, вечером увидимся в кафе, пивчаги бахнем. – Вадим разворачивает свой снегоход и, поднимая облако снежной пыли, исчезает за поворотом.

– Слышал? – говорю я. – Я буду участвовать во всех дисциплинах. Во фристайле покажу класс. Замочу rodeoflip, а может, даже к январю отточу mistyflip. Это-то всяко покруче будет твоего мифического frontside corked 360.

– Ты что, мне не веришь? – обижается Андрюха. – Сейчас продемонстрирую, гоним на трамплин!

– Стой, стой! – осаживаю его я. – Давай только я первым прыгну, а то после тебя очко играет. Поеду за тобой, а ты там под трамплином отдыхаешь, придется джиббить по твоему распластанному туловищу. Пропускай папку вперед!

– Гад ты ползучий после таких слов. А я-то думал, рожденный ползать на голове не нагадит... Ан нет! – Андрюха неисправим.

Я натягиваю перчатки, немного прыгаю то на одном, то на другом конце доски и начинаю спуск. Вижу, как кто-то из олдовых бордеров окриком отгоняет молодняк от трамплина, не видите, камикадзе несется! Народ знает своих героев. Что-то, а уважение к олдскульной тусе еще никому не вредило. В голове мелькает запоздалая мысль, что нужно было взять плеер... как хорошо бы под что-нибудь агрессивное... всё тело напрягается, сжатые пружины в мозгу, я лечу по прямой лишь слегка кантуясь, самую малость, ветер свистит в ушах, я влетаю на трамплин, тело повинуеться только ему понятным рефлексам, делает свое дело. Руки, как маятник, выводят меня в нужную траекторию, я отлично ощущаю себя в пространстве, время замедляется на какую-то ничтожную долю секунды, и вот я уже закручиваюсь в 540 через голову. Хлопок, приземляюсь на хвост доски, меня швыряет назад, и я, как мешок с говном, падаю на спину. Слышу восторженное улюлюканье и хлопки бордеров над трамплином. Что ж, mistyflip не такая уж простая штука, не каждый раз получается... Вскидываю на ноги, отъезжаю на пару метров, и не зря – с трамплина вылетает с диким воплем туловище в серо-оранжевой куртке, закручивается в непонятную загогулину и всей своей дурной тушей шмякается об снег. Вовремя я успел отъехать в сторону!

Андрюха кряхтя встает на ноги, поднимает шапку со снега, видит мою насмешливо склоненную голову, начинает оправдываться: – «Сипец щи, стос, гадом буду, накурка во всем виновата. Получалось же раньше!»

И оба как по команде в голос ржем. Все-таки он комик тот еще!

– Ладно, погнали на подъемник, – говорю я, закручиваю доску и гоню по прямой к очереди вниз. Андрюха следует за мной. Каждый раз, когда катаюсь, я думаю о том, как всё-таки здорово, что не нужно стоять в очереди, платить за подъемник... Гашу скорость бэксайдом, окатывая ноги стоящих в очереди це-

лой волной снежных брызг, прохожу и провожу своего друга через служебную калитку, цепляемся за бугель и поднимаемся наверх. Я исполняю Tail Wheelie, а Андрюха демонстрирует идеальное исполнение Nose slide, хвост доски задирает так, что мне всё время кажется, что он сейчас навернется на бугеле, как самый конченный чайник. Но он не оправдывает мои гнусные надежды, и мы благополучно доезжаем до самого верха. Спускаемся до трамплина, здороваемся со всеми перцами, которые тусят рядом. Рюкзаки свалены в кучу, кто-то пьет пиво, кто-то отрабатывает трюки с трамплина, а кто-то просто треплется, сидя на снегу. Наши зимние братья. Андрюха уже делится с кем-то эмоциями:

– Да, блин, стос, не получилось нормально закрутиться, это да... Просто мы тут с Жентосом баттл мартини всосали, кальян курили, косяк... Сам понимаешь... Видал, как Жентос навернулся?

Ловлю недоуменный взгляд его дружка. Подливаю масла:

– Да это всё из-за порошка. Говорил тебе по три куба колоть, а ты пять-пять... совсем не соображаю теперь. Но герыч просто убийственный!

Изображаю в жопу удолбанного нарка. Все ржут. К нам подходят Антон и Генка, сторож и клерк, не разлей вода, словно Бивис и Баттхед или Чук и Гек. Мы здороваемся, Антон спрашивает меня:

– Жентос, ты совсем с ума сходишь... Ты же мистифлип чуть не сделал! Закосячил лишь приземление... Крыша на месте? Или запасной позвоночник в шкафу?

Генка с уважением жмет мне руку:

– Отец!

– Главное – тренировки. Вы ж, наверное, в курсе, что в январе региональные соревнования... Вот к этому времени я буду делать мистифлип просто идеально. Надеюсь на это, по крайней мере... – говорю я.

– А я работаю над frontside corked 360, видали? – вставляет свое Андрюха.

– Ага, как же, видали! – ухмыляется Антон. – Как сопля в проруби вертелся, пока не шмякнулся. Тебе пятая точка не подсказывает, что еще рановато такие трюки делать?

– Да пошел ты! – весело смеется Андрюха. – Не отработаю к январю, то по любому исполню 720, два сезона без косяков его прыгаю. Сами-то участвовать думаете?

– ХэЗэ. Может, и тряхнем стариной... – задумчиво произносит Антон.

– Когда своей стариной трясти будете, смотрите, чтоб не отвалилась, – ржет Андрюха.

Молодца, за словом в карман не лезет! Мне бы так... Андрюха вдруг тычет меня в ребра локтем, у него просто сияющая физиономия, будто он надел ритуальную маску тибетского танцора чама.

– Смотри, кто приехал! День пропал не зря!

Я поворачиваюсь и вижу, как с вершины горы мне машет рукой маленькая фигурка в голубом, развевающиеся длинные волосы, знакомая красная шапочка... Она подпрыгивает и, стильно кантуясь, словно ей доставляет каждое движение на доске удовольствие, спускается к нам. Тормозит, сгибая колени чуть больше чем нужно, уверенно ставя сноуборд во фронтсайде. Наклоняется, отстегивает крепы и подходит ко мне. За спиной слышу одобрителный гул, раскатистое «ООООООООО!!!!!!!», улыбаюсь.

– Привет.

– Привет. Здорово у тебя получается.

– Еще бы. У меня хороший учитель. Mea genius loci¹⁹.

– Очень приятно, хоть я опять ничего не понял.

Андрюха наваливается мне на плечо.

– Познакомишь с девочкой? – И, не дожидаясь моего ответа, говорит Даше:

– Жентос никогда не отличался хорошими манерами! Давно бы уже нас представил друг другу, приходится все делать самому. Меня Андрей зовут, а тебя?

У девушки недоуменный взгляд, но все же воспитание не позволяет ей сказать что-то грубое:

– Даша.

– Слушай, Андрей, – во мне вдруг просыпается что-то типа ревности. – Иди, скатнись еще разок, может, что получится... Дай нам спокойно поговорить...

– Ты сегодня в фаворе, – хлопает меня по плечу он. – Ладно, не буду вам мешать. Пока!

Машет рукой Даше, поднимает свою доску со снега, защелкивает крепления и стремительно уходит в сторону трамплина. Даша глядит на него, открыв рот. Андрюха вылетает с трамплина, закручивается в 540, приземляется в fakie и, нарезая ровный след, несется к подъемнику.

– Ух, ты! Класс! Я тоже так хочу!

– В этом сезоне даже не думай. Кстати, сегодня у нас по расписанию опять ночное катание?

– Ага, – радостно улыбается она.

– Ну, вот и отличненько. Значит, пока я могу покататься в свое удовольствие. Поехали вместе, – кивает ей на доску.

Садимся на снег, скрипим креплениями.

– Жень, а зачем вы все на доски столько всяких наклеек лепите? Это что, круто считается?

– Ну...– мнусь я. – Типа того. Не знаю, откуда это пошло... Чем дольше ты катаешься, тем и наклеек больше... Что-то вроде насечек на оружии. Никогда об этом не задумывался. А почему ты спрашиваешь?

– Да так... Просто обратила внимание.

– А теперь впервые в этом сезоне МИСТИФЛИП! – поднимаюсь на ноги, отряхиваю прилипший к заднице снег.

– Ой, а что это такое? – спрашивает Даша.

– Смотри внимательно. Сейчас увидишь.

Разгоняюсь, как могу. Перекладываюсь с канта на кант минимальное количество раз, транзит действительно мал для такого трюка и поэтому импульс должен задать скорость. Тысячью нервных окончаний чувствую, как за мной смотрит не один десяток глаз. Не лажануться бы... Всем знакомо это стремное чувство. Скорость, свистит в ушах ветер, и я, максимально сгруппированный, выхожу на крайнюю точку. Пружина внутри меня выпрямляется, я заносу бэксайд, руками контролирую движение в пространстве, таком быстром и страшном, переворачиваюсь через голову, закручивая 540 градусов, и завершаю вращение. Слышу уверенный хлопок об снег, такой, когда сноуборд касается поверхности всей площадью, именно так, как надо, наиболее устойчиво на скорости. Рефлексы подсказывают мне дальнейшие действия. Одновременно с этим хлопком я приседаю к доске, но тут же выпрямляюсь. Несусь вниз бесконечно счастливый. ААААА!!!! МИСТИФЛИП!!! У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ!!! Получилось!..

¹⁹ Мой добрый гений (лат.).

* * *

Я сижу за компьютером, когда кто-то стучит в дверь. Это Лена и Алена. Я узнаю их по определенному стуку: тук-тук-тук, тук, тук-тук. Открываю. Блин, как же они все-таки похожи! Одинаковой длины хвостики светлого цвета, фирменная одежда, на груди (похоже, одинакового размера) бейджик с именами.

– Привет! – хором выпаливают они и переглядываются между собой, улыбаясь.
– Что делаешь?

– Да ничего, вот за компьютером сидел... – Делаю приглашающий жест рукой.
– Зайдете?

Девочки мнутя на входе.

– Нет, мы так, мимоходом. Новости хорошие принесли! Беги в бухгалтерию – зарплату дают. Наша ЖЖ, кажется, даже на неплохие премиальные расщедрилась, – говорит Алена, по-моему, она на пару лет старше Лены. – Хотя не факт, что тебе премию дадут тоже.

– Не в деньгах счастье, девочки, а так, конечно, ништяк... – говорю я.

– Всё, что мне надо, у меня уже есть. Гора, доска, хорошие люди вокруг. Что еще нужно такому аскету, как я?

– Девушка тебе нужна, вот что! – выпаливает Лена. – Как твое свидание, кстати, прошло? Эта та самая счастливица, которую ты учишь на доске кататься?

Я облокачиваюсь о дверной косяк.

– Так, стоп, а про нее вы откуда знаете?

Во проныры!... Откуда, блин, разнюхали? Хотя моего отношения к ним это ни-сколько не меняет. Всё равно люблю обеих, добрейшей души девчонки!..

– Секрет, – кривляется Алена. – Так она или нет? Нам про нее Вадим рассказывал, вот...

– Вы что, еще и Вадима терроризируете? Офигеть! Ну, вы даете!..

– Так она, да? – спрашивает Лена, склонив голову набок. – Я ее в кафе внизу видела, красивая девушка. К ней еще твой друг этот дурацкий с негритянскими косичками клеился...

– Не с косичками, а с дрэдами, – поправляю я. Во Андрюха гад!.. – Нет, не она! Сердце мое навеки принадлежит другой!

Делаю пафосный жест рукой, как заправский Гамлет из театра.

– Пошли, Лен, отсюда, Женя окончательно сошел с ума. Влюбился... Прямо тут у него под носом две ТАКИЕ девушки, а он... – В шутливом голосе Алены я чувствую нотки обиды. – Ну, и ладно! Дурак!..

Они смеются и уходят к себе в горничную.

– Обзывать-то зачем? – Делаю обиженный вид и закрываю дверь.

Выключаю компьютер, надеваю красную толстовку с надписью CIRCA и иду на первый этаж в бухгалтерию. Получаю деньги, действительно, в начале сезона ЖЖ то ли зарплату подняла, то ли премию наинула, лавэ заметно больше. У меня сегодня рабочий день, но гознаки жгут карман. Я отправляюсь в кабинет начальницы. Дохожу до ее двери, стучу два раза и захожу. Кабинет ЖЖ очень большой, в углу стоит на массивном столе солидный компьютер (я ни разу не видел, чтобы она его включала), большую же часть интерьера занимает кожаный диван черного цвета и два таких же солидных кресла. Перед диваном столик. Чайник, пара огромных кружек, салфетница, ваза с конфе-

тами, несколько пончиков, большой вскрытый пакет с круасанами. На диване расплылась довольная туша моей замечательной начальницы. Мадам свиноматка. ЖЖ.

– Жень, здравствуй! Садись. – Она показывает на кресло рядом. – Чай, кофе? Я еще не завтракал, поэтому соглашаюсь на ее предложение:

– Кофе.

Она наливает мне в чашку теплый кофе, я извлекаю из пакета круасан, откусываю половину.

– Что у нас сегодня по графику, есть какие-нибудь особые клиенты? – спрашиваю я. Знаю, что никого нет, все-таки будни, мне просто интересно, смогу ли я сегодня слиться в город или нет. Отхлебываю кофе. Меня всегда удивляла ЖЖ. При том, что зарабатывает оболтенную кучу денег, она пьет исключительно самый дешевый невкусный кофе и точно такой же чай. Те же Алена и Лена пьют кофе раза в два дороже и лучше. Мелочность ЖЖ не самый худший из ее недостатков.

– Так, подожди минуту. – Она, кряхтя и вздыхая, встает и идет к столу, берет толстый ежедневник, делает вид, что просматривает его. Однажды в ее отсутствие листал я этот ежедневник, куда-то она вышла, помнится мне. Так вот, он еще тогда был чист и девственен, как пухляк на вершине Эвереста. И это почти в конце года! Вот и сейчас с умным видом она листает этот толстый блокнот, будто там что-то есть. И не обломало её встать, охая, и идти за ним? Имидж дороже пары-тройки сожженных калорий!

Я отпиваю глоток паршивого кофе.

– Ну, что у нас там?

– Сегодня никого... – Туша возвращается на диван. – Но клиенты могут подъехать в любой момент, ты же знаешь!.. А у тебя что, какие-то планы?

Пытаюсь порозоветь лицом (все-таки ГИТИС потерял талантливого студента!), опускаю глаза в стол, лопочу, как перманентный сперматоксикозный школьник:

– Да, вот... у меня, понимаете... с девушкой свидание... Я хотел...

Она делает удивительный, просто невозможный по своей красоте поступок. Хотя сначала спрашивает:

– Что, правда? – Ее свинячьи глазки бегают по мне, сканируя исходящие из меня вибрации, такое ощущение, что она принохивается к моим словам, к моей одежде, выискивает какую-то мелочь, которая позволит ей разоблачить мой обман.

– Ну, конечно... совсем недавно познакомился. Хорошая такая девушка... Марфой зовут. – Ни к чему ей знать все подробности. Улыбаюсь про себя.

– Ну, тогда, конечно, я тебя сегодня отпускаю. Ты же меня знаешь, – она тыкает себе в грудь жирным, как сарделька, пальцем, – только скажи. Даже в бухгалтерию ничего говорить про твой негласный выходной не буду, пускай рабочий день проставят.

Встаю, пока она не передумала. Удачно я попал, всегда нужно ходить к начальству, которое уже позавтракало, сытый человек добрее, где-то я такое читал. Оставляю недопитой свою кружку с кофе, пчусь к выходу.

– Спасибо большое...

– Не за что, Жень, не за что. Ты заходи, если что. – Последнюю фразу я понимаю чисто по приблизительным фонетическим звукам – ЖЖ успела затолкать в рот почти целый пончик, машет мне рукой. Она напоминает мне гротескный персонаж какого-нибудь дебильного «Аншлага».

Я закрываю дверь и радостный шагаю к телефонному аппарату. Юля, Юля, Юля... От сознания того, что у меня есть такая девушка, даже не у меня, а что просто на свете существует такое чудесное создание, мне становится невероятно радостно. Как же всё-таки это здорово! Каждый раз, когда я думаю о ней, я наполняюсь нежностью, каким-то добрым светом. Набираю номер ее сотового. Через несколько гудков она берет трубку.

– Алло... – Я слышу ее ровный мелодичный голос. Господи, как же я скучал по нему!..

– Привет... Это я, Женя, – говорю я. – Что делаешь?

– Ну, я сейчас немного занята, у меня тренировка... – говорит она. Фоном я слышу какое-то музыкальное сопровождение – ритмичное диско в стиле конца семидесятых.

– Когда освободишься? – спрашиваю я. – Хотелось бы встретиться...

– Ой, мне бы тоже очень хотелось! – с выражением произносит она, чувствую торопливые нотки в ее голосе. – Как насчет того, чтобы увидиться в том самом кафе в шесть? Я как раз освобождаюсь где-то в это время, и у меня будет свободных пара часиков... Ты как на это смотришь?

– В каком кафе? – спрашиваю я, и тут же понимаю, о каком заведении идет речь.

– Ну, то... В котором ты меня увидел первый раз, помнишь? Ну, ты сам говорил...

– Понял, понял!.. – спешу ее перебить. – В шесть?

– Да, в шесть. Если я опоздаю, подождешь меня, ладно? – Ее голос как музыка из динамика черной рифленой трубки. – Ну, всё, у меня тут девчонки стоят, увидимся, целую!

В трубке я слышу гудки отбоя.

Как же я жил все это время без нее? Непонятно. Невозможно. Невероятно. Вспоминаю ее глаза цвета насыщенного виски, благородный Martell, всегда как будто чуть удивленные, волны каштановых волос, породистые черты лица... Ловлю себя на мысли, что даже кататься не тянет так сильно, как раньше, и вместо того, чтобы бежать на гору с доской под мышкой, я еду встречаться с ней. Никогда не чувствовал ничего подобного... Были, конечно, школьные увлечения, несерьезные, в силу возраста, были романы и в университете, недолговременные... Но чтобы чувства захлестнули меня вот так, с головой, до конца и без остатка, этого не было. Я даже и не мог предположить, что такое бывает. Любовь, любовь, только и слышал я со всех сторон, но принимал это, большей частью, как городской миф, как сказку, придуманную для взрослых, чтобы оправдать свое ничем не привлекательное блеклое существование. Я ошибался. И этому прямое доказательство то, что творится со мной.

Все мое естество поет, мне просто хорошо, еще никогда я не чувствовал ничего подобного, этого удивительного волнения... Никогда не думал, что может быть так отлично от осознания того факта, что она просто есть. Я чувствую гармонию, все упорядочилось, встало на свои места, все обрело свой настоящий вид, и я занимаю наконец-то принадлежащее мне место в этой картине. Я почти счастлив. Почти потому, что понимаю: никогда не буду полностью счастлив, если не буду с этой девушкой. И мне не будет покоя.

Поднимаюсь наверх в свой номер, включаю ненадоедающих GUANO APES и под вопли Сандры Нейсик подбираю сегодняшний гардероб. М-да, только сейчас начинаю понимать, что, оказывается, не на все случаи жизни у меня есть одежда. Исключительно спорт-стайл. Останавливаюсь на джинсах, которые, мягко говоря,

одеваю очень-очень редко, и на той же самой толстовке CIRCA с большим капюшоном. Не ахти, конечно, какой денди получился, но другой одежды у меня нет. Куртка все равно одна, так что выбирать особо не из чего. Часы показывают начало первого, а меня уже всего мандражит перед встречей. Как прожить эти бесконечно долгие пять часов? Хожу из угла в угол по комнате, словно зверь в клетке, не нахожу места себе и занятия, на доске пойти, что ли, скатнуться несколько разиков?.. Нет, нельзя! Лучше себя и не раздраживать... Решено! Надеваю куртку и шапку, кидаю в карман плеер с GUANO APES и выхожу из номера, еду в город. На лестнице сталкиваюсь с Вадимом.

– О-па, а ты куда это собрался? – спрашивает он. У него сегодня выходной и одет он в какое-то длинное пальто и норковую кепку. Никогда не понимал всей этой моды. Зачем люди за счет одежды хотят показать себя взрослее или солиднее, чем они есть? Непонятно. Вадим как был раздолбаем, так, по-моему, им и останется, и никакое пальто ему не поможет.

– Я в город, – лаконично говорю я. – Дела.

– Знаем мы, какие у тебя дела! – ухмыляется он. – Твои дела случаем не Даша зовут? Все об этом только и трепятся. Вечный девственник Женя наконец-то нашел свою судьбу! Гы-гы-гы!..

– В лоб получишь сейчас, – машу у него перед носом кулаком, шучу, конечно. – Кто это «все» трепятся? Только ты, Алена и Лена? И, кстати, какого хрена ты им все рассказываешь?

Удивленные глаза напротив.

– Блин, ну я же не знал, что ты у нас так шифруешь ото всех свою личную жизнь. – Он даже, похоже, немного растерялся. – А ты, оказывается, у нас просто персона грата, надо же!..

– Не болтай лишнего, короче, стос, вот о чем я тебя прошу, – говорю я, доставая плеер из внутреннего кармана куртки, готовлюсь уже стартовать вниз по лестнице.

– А у тебя разве не рабочий день сегодня, кстати, любимая? – напоследок спрашивает Вадим.

– Ну, типа того. Только я об этом забыл немного. Ладно, я погнал. Давай краба.

Мы с ним прощаемся, я включаю плеер, кидаю его обратно в карман, застегиваю куртку. Выхожу на улицу, вдыхаю полной грудью свежий лесной воздух. Хорошо жить за городом. Тихо, красиво, чисто... С неба слегка сыплет сухим мелким снежком. Иду по аллее, потом сворачиваю на проселочную дорогу, иду по обочине до ближайшей остановки. Тютелька в тютельку попадаю на маршрутку. Сажусь на кресло возле водителя. Где-то я читал или смотрел по ящику какие-то автомобильные тесты, что в пассажирских «Газелях» самое безопасное место считается спереди: за рулем и рядом. Остальные особо травматичны при авариях. Так что если предоставляется возможность, я всегда стараюсь занять место спереди.

За последние сутки природа выдает нам недельный запас снега. Вдоль дороги работает снегоочистительная техника, я закрываю глаза и погружаюсь в музыку. Два последних вечера я с завидным терпением учил Дашу кататься. Что ж, по-моему, у девочки есть все шансы научиться делать это хорошо. Весь день на горе проводит после своего университета и вечером еще со мной набирается опыта, так сказать... Единственное, о чем я беспокоюсь, чтобы все мои старания не про-

пали даром, мне уже не только хочется научить ее обычному катанию, мне важно, чтобы она поняла всю философию сноубординга, а это довольно сложно хотя бы по той простой причине, что она девушка. Я не хочу показаться шовинистом, но разница в поле действительно есть. Мужчины и женщины обладают совершенно разным мышлением и менталитетом. Мужчинам мало просто хорошо управлять доской, практически все стараются совершенствоваться, делать какие-то трюки, развивать свое мастерство, повышать уровень. Отсюда и гораздо больший процент травм у мужской половины. Женщины же, в отличие от мужчин, как правило, зависают на одном этапе, им достаточно просто эффектно держаться на доске и не падать. Никогда нельзя понять, сколько сезонов катается девушка, первый или пятый. Даже по состоянию доски трудно определить, катаются практически все очень и очень аккуратно и осторожно. Мало кто прыгает с трамплинов, они просто катаются и получают свой fun, и этого им достаточно. Может, в этом и заключается их мудрость? Не знаю... Мне известно только одно, что я никогда не смогу отказаться от прыжков и фристайла, это точно. И очень не хочется, чтобы развитие у Даши остановилось на красивом кантовании. Вот бы сделать из нее настоящую олдovou бордершу, блин, это же так классно! Надеюсь, она не остановится на достигнутом.

Я открываю глаза. Мы уже едем в городе, мимо мелькают серые городские ландшафты. Мне еще остается пара остановок – я думаю заскочить сегодня в гости к своему дрэдастому другу. Тем более, засранец клеился к Даше. Через пятнадцать минут я уже шагаю в сторону тату-салона. На улице ни ветерка и даже иногда выглядывает солнце сквозь косматые брови туч. В плеере GUANO APES, в голове Юля. Все-таки в последнее время у меня чертовски хорошо все складывается. Как там Майк пел? Я сижу на белой полосе...

К моей досаде, дверь в тату-салон закрыта. И ничего, ни записки, ни таблички... То ли Андрюха за пивчагой в супермаркет поднялся, то ли его вообще тут с утра не было. Непонятно. Иду до ближайшего телефона-автомата, достаю телефонную книжку, карточку, набираю номер дрэдастого. На том конце слышу невнятный шепот, какой-то кашель:

– А, Жентос... – Голос Андрюхи я различаю еле-еле, к тому же в трубке ужасные помехи. – Утро вечера дряннее... Какими судьбами?

– Ты что, заболел? – напрямую спрашиваю я.

– Ну, типа того... – Кашель. – Пивчаги холодного накатил вчера на ночь... Утром уже с температурой проснулся.

– То-то я к тебе зашел в салон, а там закрыто, – говорю я.

– Блин, у меня столько клиентов из-за этого побрилось, – вздыхает Андрюха.

– Я вчера договаривался. Вот, блин...

– Ладно, стос, давай выздоравливай, – желаю ему на прощание. – Аспирина выпей и медку наверни пару ложек.

– Хорошо, ты на недельке заглядывай, – шепчет он. – Или я к вам на Колыму сам... Давай, пока!..

Гудки. Вот так да, я замираю в телефонной будке, мучаюсь раздумьями, где же мне скоротать почти пять часов? Решение приходит само – из записной книжки вываливается маленький ламинированный листик, визитка Даши. Нежно-голубой градиент плавно перетекает в белый, семейный вензель, явно разработанный какой-то солидной дизайнерской студией, логотип местного кинотеатра (с чего это? А-а, вспоминаю – Даша говорила, что ее папа директор одного, все понятно...) и на-

битая стандартным курсивом фамилия с именем ну и, конечно же, телефон, разумеется, сотовый. И ничего более. Я даже не раздумываю, просто набираю ее номер.

– Привет. Это Женя, – говорю я.

– Привет!!! – В ее голосе я слышу радость. – А что это ты вдруг решил позвонить?

– Ты не сильно занята? Может, погуляем? Я как раз в город приехал развеяться, а Андрюха заболел... – начинаю я.

– Нет, совсем не занята! – отвечает она. – Блин, аж не верится, что ты позвонил!

– Зачем же ты визитку давала, если думала, что я все равно не позвоню?

– Ну, не знаю... Надеялась. А ты сейчас где?

Я объясняю ей, где я нахожусь.

– Оставайся там, – говорит она. – Я буду через десять минут.

– Хорошо. Не опаздывай!

– Женя, я хоть раз опоздала? – в ее голосе слышится укор.

– Нет, но я так, просто сказал... – оправдываюсь я, и самому становится смешно. С чего это вдруг я стал перед ней оправдываться? Хотя, конечно, зря на Дашу по этому поводу баллон катить начал...

Остаюсь у телефонной будки пару минут, а потом поднимаюсь по ступенькам в супермаркет. Покупаю баночку «ред булла», залпом выпиваю, встаю возле лотка с журналами-газетами. Немного листаю новый выпуск «Досок» и, недолго раздумывая, покупаю его. Прекрасные фотосессии, отличные трюки, горы... Эх!.. Вспомнился Эльбрус, взгрустнулось. На этой ностальгической ноте я и наблюдаю приезд Даши на какой-то «Тойоте» последней модели, это, очевидно, автомобиль ее брата-мажора. Радостная Даша выбегает из машины, обнимает меня и целует в щеку. Что ж, приятно. «Тойота» газует с места с прокрутами. Дешевые понты, отмечаю я про себя. На Даше ее голубая куртка, тертые голубые джинсы с прорехой на коленке, боксерские кроссовки «Everlast», на голове белая шапочка с логотипом «адика».

– Рада тебя видеть, – говорит она. Тоненькие морщинки в уголках ее голубых глаз солнечно улыбаются мне. – Просто не ожидала твоего звонка...

– Надеюсь, я тебя не отвлек ни от чего важного? – спрашиваю я. – А то ведь я мог и просто в одни щипы пошляться по городу...

– Нет, что ты! У меня сегодня в университете всего две пары было. Я только собиралась ехать к вам кататься... – Она смущается. – Но с гораздо большим удовольствием проведу время с тобой.

По-моему, она даже чуть-чуть заливается краской. Смущается. Я вижу, что она по-настоящему рада встрече со мной. Бывает же такое. Отвык я от женского общения. Все доски да лыжи... Мы прогуливаемся вдоль по проспекту.

– Давай где-нибудь посидим, – предлагаю я.

– Отличная идея. – Даша морщит лоб, налицо мыслительный процесс. – Если тебя это не смущает, мы можем посидеть в одном очень уютном кафе. Я, правда, там бываю очень редко, но при случае, когда рядом, – всегда захожу. Тем более, там для меня халява.

– И где же такое чудесное место? – округляю глаза.

Она показывает пальцем через дорогу. Там монументально возвышается как раз тот самый кинотеатр, логотип которого у нее на визитке. Заведеньице ее папы. Три зала для просмотра: один большой и два поменьше, на втором этаже – ресторан, насколько мне известно. Пафос. Я пожимаю плечами:

– Там будет где посидеть? – Заранее знаю ответ. Улыбаюсь. Сегодня просто отличный день!

– Конечно, там что-то типа кафе, – отвечает Даша немного раздумчиво. – Или даже ресторан... Что-то среднее... Идем?

Я киваю. Мы переходим дорогу, заходим в холл, к нам сразу же пристраивается какая-то женщина с бейджиком «администратор» на груди.

– Здравствуйте! – Лучезарная улыбка. От нее пахнет тяжелым Deep Red, никогда не любил этот запах. Гораздо приятнее рядовые запахи для женщин от HUGO. К слову говоря, я до сих пор так и не разобрался, что за парфюмом пользуется Даша. Что-то легкое, цветочное... Нужно как-нибудь спросить. Смотрю на нее. Первый раз вижу Дашу в таком амплуа, дочь директора кинотеатра, она даже как будто ростом стала повыше, а голос стал капельку жестче, или мне кажется?

– Я сегодня так забежала, может на часик-другой... Нам столик нужен на втором этаже, – покровительственным тоном говорит она.

– Конечно, конечно.

Администратора как ветром сдувает сразу же после того, как мы отправляемся в гардероб. Несколько минут уходит на то, чтобы оставить свои вещи, и еще минутка – подняться на второй этаж. Удивительно, я ведь даже когда-то здесь был, даже пару раз. И кино смотрел, и пиво пил вон за тем столиком... Я тогда и не предполагал, что буду здесь с девушкой, которой фактически все это принадлежит. Очень странно. Жизнь – непредсказуемая штука.

Мы располагаемся в самом углу, симпатичная девочка в белой рубашке приносит нам меню и удаляется. Пока Даша размышляет, что заказать, я листаю «Доски». Прикольные раскадровки трюков меня привлекают больше всего. Плюс ко всему еще и красивый горный пейзаж. Наконец Даша останавливается на чём-то свой выбор:

– Нос est in votis!²⁰ – восклицает она и тычет пальцем в меню, интересуется у меня: – Женя, а ты что будешь?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю... А можно заказать жасминовый чай и кусочек торта?

– Конечно. А я, наверное, буду алкоголь... Abusus in baccho²¹. Она опять переходит на латынь, видимо, чувствует себя абсолютно в своей тарелке. Вернуть бы что-нибудь этакое, что я читал в своей книге по латыни, но в голову ничего не лезет, кроме избитой In vino veritas²², поэтому я всего лишь хмыкаю в ответ. Даша подзывает жестом официантку и делает заказ. Пока нам его готовят, Даша смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Это клёво, что мы вот так вот встретились... Я давно хотела тебе предложить, но боялась, у тебя и так не очень много времени... Это здорово, что мы сейчас здесь... вместе...

– Ага, – говорю я, рассматривая фотографии в журнале. Мне совсем не нравится, куда она клонит. Нам приносят заварник с чашкой и сахарницей для меня и какой-то экзотический коктейль для Даши, который больше похож на маленькую вазочку с букетиком. Даша улыбается, кивает на свой коктейль:

– Прикольная штука, да? Хочешь попробовать?

– Не, я пас. Я больше по пиву, да и то редко. Ну, по праздникам шампуня могу

²⁰ Вот чего я хочу! (лат.).

²¹ Злоупотребление вином (лат.).

²² Истина в вине (лат.).

выпить бокальчик... От всех этих дьявольских смесей я держусь подальше, – объясняю я.

– Зря. – Она тянет свой коктейль через трубочку, чисто по-женски прищуривает глаза. – Поедем сегодня кататься? Я хочу научиться прыгать. Не сегодня, конечно, а вообще... Я понимаю, что вертеться в воздухе, как вы, я вряд ли смогу, но хотя бы чтоб не падать...

Что ж, похвальное желание. Рановато о прыжках думать в этом сезоне, но меня радует, что Дашу к ним тянет.

– Знаешь, помимо катания есть еще кое-что, – начинаю я. – Это типа как в фильмах о кунг-фу, где, помимо като, учитель учит своего ученика определенному мировоззрению.

Она понимающе кивает головой, но не роняет ни слова. Черт, атмосфера совсем не подходящая для таких разговоров, ну да ладно... Я чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы мы находились в кафе при нашей гостинице. Прибитые к потолку лыжи и доски, коктейль 360, бармен в сноубордических очках, рамки с фотографиями... Но я чувствую, что должен это сказать сейчас, прямо здесь. Спрашиваю:

– Смотрела фильм Point break? С Киану Ривзом?

– Конечно, обижаешь! – говорит Даша. – «На гребне волны», там еще Патрик Суэйзи снимается... старое кино... Я же практически все фильмы смотрела, меня образование обязывает... Фильм режиссера Бигелоу.

– Помнишь, там парень, который грабил банки и по совместительству гонял на серфе, объяснял главному герою по поводу этого самого серфинга. Эта фраза просто врезалась мне в мозг. Серфинг – это состояние разума. Отлично сказано! То же самое я могу сказать и про сноубординг. Это не только состояние разума, но и определенная философия. Философия свободы, вернее, освобождения. От стереотипов, комплексов, проблем и прочего ненужного стаффа. Понимаешь?

Я наливаю себе чай. Моя кружка благоухает жасмином. Обожаю. Окончательно расслабляюсь. Продолжаю:

– Единственная проблема в прыжках – это разум. Вернее, его взаимодействие с твоим телом. Помимо того, что ты должна быть физически подготовлена, твое тело должно обладать определенной мышечной памятью. На деле эта связь незаметна, но она реально существует. Тело не может тренироваться без мозга. Тренируя тело, ты тренируешь еще и мозг. Разум запоминает все твои движения, твое местонахождение в пространстве, когда ты летишь. Он отслеживает твое развитие с малых достижений, начиная с простых вылетов с грэбом и кончая сложными вращениями. То, что ты пыталась прыгать в начале своего пути это, конечно, достойно уважения потому, что ты пытаешься развиваться, но твой разум реально к этому не подготовлен и поэтому всё всегда так плачевно кончается. Нельзя научиться бегать, не научившись сначала просто ходить. Нельзя научиться плавать, выпрыгивая за борт корабля в двенадцатибалльный шторм. Твой разум должен научиться рефлексировать, обрасти мышечной памятью, и только потом ты можешь приступить к выполнению более сложных трюков...

Вот, выговорился. Блин, прорвало просто.

Даша с озадаченным видом посасывает свой коктейль. Задумчиво смотрит мне в глаза.

– Знаешь, когда я занималась гимнастикой, тренер мне говорил практически то же самое. Мышечная память и всё такое. Я всё это понимаю. Да и прыгала с

трамплина я только потому, что была уверена в своих силах – всё-таки десять лет в гимнастике это не хухры-мухры. О положении тела в пространстве я тоже имею кое-какое представление. Вся фишка в чем – на доске ты двигаешься боком, что изначально противоречит опорно-двигательному аппарату человека. Поэтому я никак и не могла привыкнуть. Я чувствую себя в пространстве, понимаешь. Это-то и обидно... Сейчас мне кажется, что я потихоньку прогрессирую, начинаю понимать что к чему...

– Это хорошо, – говорю я. – Ведь когда ты понимаешь, что происходит с тобой в воздухе, это реально половина успеха. Ведь не только в физической тренировке дело. Не забывай еще и о другой стороне медали – моральной. Нужно быть готовой к этому. Я вижу, что ты готова. Вся проблема в том, что нужные рефлексy у тебя недостаточно закреплены. Когда ты накатаешься до такой степени, что разум и тело у тебя будут действовать синхронно, тогда можно переходить к разным вращениям, трюкам. И, судя по твоему стажу в гимнастике, я думаю, что ты можешь достичь о-о-чень многого.

Отхлебываю еще чая, пробую торт... ммм.... Чувствую себя каким-то сноубордическим гуру, даже самому смешно.

– И что же мне делать?

Я ожидал от нее такого вопроса. Пододвигаюсь ближе, раскрываю «Доски», листаю.

– Смотри, – тычу в фотографию пальцем.

На ней раскадровка отличного backside 360 с вершины какого-то каменистого холма, слегка присыпанного кое-где снегом. На заднем фоне – сопки Камчатки. Красиво. Вот туда бы сгонять как-нибудь... Но далеко и дорого. Может быть, когда-нибудь, когда стану богатым. Улыбаюсь про себя. Даша изучает картинку.

– Классный журналчик. Это про сноуборд?

– Ага, – говорю я. – Но ты смотри сюда. Видишь, как тело движется в полете? Если ты хочешь научиться прыгать, тебе нужно, в первую очередь, наблюдать. Вот завтра поедешь на гору, встань возле трамплина и смотри. Сечешь, почему все возле трамплинов и кикеров трутся, особенно молодняк? Думаешь, просто пивчагу глушат да анекдоты травят? Ни болта подобного! Они смотрят. Наблюдают. Анализируют. Это очень важно. Поведение тела в полете – критическая задача, ты должна понять, как делает это тот или иной сноубордист, как двигается, от какой точки отталкивается с трамплина, что делают его руки во время прыжка, куда он смотрит, с какой скоростью заезжает на кикер и с какой амплитудой вылетает. Ты должна оценить расстояние, должна четко знать место своего приземления. Если все правильно проанализируешь и рассчитаешь, то не произойдет потери ориентации в пространстве, этой самой главной ошибки. Всё, всё очень важно, все детали! Понимаешь?

– Тебе нужно статьи писать на какие-нибудь веб-сайты про доски, – говорит она и смеется. – Доходчиво и ясно. Но помимо того, чтобы стоять и зырить, нужно и самому что-то делать, разве нет? Если я буду просто смотреть, как кто-то это делает, я разве научусь прыгать?

– Ты права. Практика, практика и еще раз практика, – говорю, глядя ей в глаза. В последнее время мы играем с ней в какие-то гляделки. – Но и о теории тоже нельзя забывать. Помни обо всем, что я тебе сказал. Ведь не даром во всех журналах печатают раскадровки трюков. Вот, посмотри еще раз. Это все для того, чтобы мы все могли учиться. Смотреть и делать выводы. Следовать высоким

примерам. И когда у тебя будет четкое понимание того, как грамотно выполнить какую-нибудь фишку с трамплина, это уже не составит тебе труда.

– Завтра займусь этим на горе, буду не только кататься, но и смотреть, – говорит она. – Ты здесь был раньше?

Она обводит зал взглядом.

– Ну, пару раз... Крутят-то, в основном, все эти популярные блокбастеры да боевики, а я их не очень-то люблю... – отвечаю я. – Предпочитаю другое кино.

– Я тебя понимаю, я тоже за неклассику. – Вдруг ее просто озаряет: – У меня тут идея родилась. Как насчет того, чтобы устроить ночной просмотр какого-нибудь кайфового фильма? Тут есть коллекция картин. – Она смотрит в потолок, подразумевая кинотеатр. – Между прочим, с моей подачи собранная. Реально шедевры непризнанного арт-кинематографа. Для замороченных. Ты когда-нибудь смотрел кино один в зале?

– Не-а, – мотаю головой я. – Заманчивая идея. А что, это реально?

– Ну, еще бы! Последний сеанс тут на большом экране оканчивается около часа. В маленьких не очень смотреть, акустика там похуже, да и экран, сам понимаешь... Так что лучше смотреть на самом большом. Нужно только папе позвонить...

Она достает сотовый телефон из сумки.

– Стой, стой! – останавливаю я. – Ты что? Я сегодня не могу!

– Да успокойся ты. – Она поднимает руку, гипнотизирует меня своей ладошкой. – Я у него спрошу, чтоб он договорился с механиком. Не всё же так просто... Ты когда сможешь?

Я прикидываю в уме всю свою рабочую неделю.

– Давай на послезавтра.

– Хорошо. – Она звонит отцу, беседа не длится и минуты. – Вот и всё! Осталось только выбрать фильм!

– Ну, ты даешь! – смеюсь я. – Быстра на расправу!

– Да, я такая! – улыбается она в ответ, блин, у нее чертовски красивая улыбка!

– Должна же я как-то тебя отблагодарить за всё, чему ты меня учишь. Не хочу показаться неблагодарной свиньей!..

Даша углубляется в изучение «Досок». Тщательно разглядывает раскадровки, прищуривает глаза.

– Тяжело, наверное, быть дочкой такого папы? – спрашиваю я.

– Не знаю. Привыкла уже, – отвечает она, – раньше комплексовала, что со мной исключительно из-за денег общаются, а потом как-то и знакомиться с людьми перестала. Ты счастливое исключение. Да и особо не навязываешься, это, скорее, я...

– Это уж точно, – вставляю я. – Я тоже особой коммуникабельностью не отличаюсь. Накатаешься за целый день с выводком толстых визгливых баб на лыжах – и прямой путь в мизантропы тебе обеспечен.

Грустно улыбаюсь. Даша просит рассказать о себе побольше. Я начинаю. Рассказываю о своем детстве, семье, о том, как первый раз встал на лыжи, о тренировках, о том, как я мечтал стать мастером спорта по лыжам, но так и не смог прыгнуть выше КМС, о том, как первый раз встал на доску... О поездках на Эльбрус, о Кара-Баши, о «последнем приюте», о горячем глинтвейне после целого дня катания, о прыжках в бэккантри, о страшных лавинах и фрирайде по бескрайней горной целине, о диких пьянках, плавно переходящих в оргии досочников вплоть до стриптиза у горных домиков-«бочек», бордер-кроссы на километровые

дистанции без штанов, о местной элите, живущей по семь-восемь человек в од-нокомнатных квартирах, жрущей весь сезон исключительно макароны, но катающей ежедневно, для которой сноуборд это философия и поэзия, о современных горных дикарях и их жизни. Жизни, отданной доске.

Я и не замечаю, как время незаметно подходит к шести. До этого времени я успеваю выпить еще две чашки чая и съесть еще один кусок торта. Даша сидит раскрыв рот, слушая мои дифирамбы сноуборду. Снова и снова я замечаю столь несвойственные мне приступы красноречия. Что-то меняется внутри. Но сегодняшняя моя главная цель, основной объект всех моих воздыханий и ночных поллюций – Юля. Я ни на секунду не забываю о ней, Даша, конечно, кайфовая девушка, с ней мило, да и я вижу определенную заинтересованность в ее глазах, но с ней я ничего бы не хотел иметь в плане межполовой коммуникации. Вот Юля... У меня непроизвольно вырывается вздох из груди.

– Что вздыхаем? – спрашивает Даша.

– Мне пора, – отвечаю я. – Делу время, потехе час. У меня сегодня еще кое-какие делишки есть.

Встаю, беру журнал со стола. Она пытается меня остановить:

– Слушай, может тебя подкинуть куда надо? Сейчас за мной машина приедет.

Еще чего не хватало. Благо, кафешка почти под боком – пару кварталов пройти, как раз прогуляюсь.

– Нет, Даша, спасибо, конечно. – Кручу на пальце жетончик из гардероба. – У меня на сегодня встреча запланирована, тут рядом... Так что давай, пока!

– Покатаемся сегодня вечером?

– Завтра. Всё завтра.

Машу ей рукой и спускаюсь вниз по лестнице. Она остается сидеть за столиком, грустно улыбается. Одеваюсь, выхожу на крыльцо. Рядом стоят ожидающие парочки, поглядывают на часы. И афиши, афиши, афиши... В голове большими буквами только одно: ЮЛЯ! С моего лица не сходит счастливая идиотская улыбочка. Скатываюсь по ступенькам, с последней прыгаю 360, не могу сдерживать себя, свои эмоции, недоуменные взгляды прохожих, а, плевать!.. Бегу, лечу к заветной кафешке. Кварталы-районы, бульвары-проспекты, улицы-тротуары... Юля, Юля, Юля... Как же так могло получиться? Влюбился как школьник!.. Сколько положительных вибраций!.. Господи, как же я ее люблю!.. Быстрее, быстрее!..

Я прихожу в кафе без десяти. Беру чашку кофе и круасан. Жду Ее. Она немного опаздывает, что ж, это нормально... Круасан ванильный, откусываю кусочек. Не слишком ли много сладостей на сегодня, спрашиваю сам себя. Нет, не слишком, у меня сегодня праздник, отвечает мое второе «я». Опять мандраж. Я боюсь, что она не придет. Жутко, дико этого боюсь. Дыхание спирает в груди, как только я думаю о таком развитии событий... Она даже не может мне позвонить, чтобы предупредить (Женя, я не могу прийти, мне поставили дополнительную тренировку, тут один инструктор заболел) о том, что не может прийти – у меня нет мобильного телефона. Есть маза задуматься об этом. Купить, что ли, какую-нибудь дешевенькую мобилку, так, лишь бы связь была исправной, да и тариф какой-нибудь такой, без абонентской платы желательно. А что, деньги есть... Идея. Но где все же Юля?.. Я нервничаю, хотя еще нет шести, прекрасно это понимаю, но не могу унять дрожь в пальцах. Она появляется как всегда неожиданно. На этот раз на ней короткая куртка с позитивными желтыми полосками на рукавах, подкатанные джинсы с заплатками и вишневая вельветовая кепка с теплыми наушниками. На

ногах, несмотря на зиму, замшевые мокасины, на плече спортивная сумка. Она улыбается, видно, что действительно рада меня видеть. Подходит, наклоняется ко мне, целует в губы... Замираю, боясь спугнуть этот кристально чистый момент, вижу ее глаза...

– Давно ждешь? – спрашивает она, присаживаясь рядом на стул. На щеках легкий румянец. Снимает кепку, руками придает волосам объем, снова улыбается. Какая же она красивая...

– Да нет, – отвечаю я. – Может, минуты три-четыре, не больше... Ты же сказала, что придешь в шесть. Вот и я старался не торопиться.

– Ах, ты хитрец! А если бы я пришла раньше? – У нее лукавый взгляд. – Нехорошо заставлять девушку ждать, некрасиво.

– А ты ждала? – Вопросительно играю бровями. – Вот-вот, тогда о чем разговор?.. Ты будешь что-нибудь?

– Да, я жутко проголодалась. – Она вешает свою куртку на вешалку, а сумку ставит на пол. – После тренировки могу съесть слона...

Я встаю, собираясь отправиться к кассе:

– Ну, и...

– Возьми мне салат «Цезарь», булочку, сок, кофе и кусочек пирога.

Ухожу делать заказ. В кафе играет Ленни Кравитц, теплым позитивом заполняет все кафе что-то совсем старое. Heaven help, что ли?.. Давненько я не слушал Ленни... Такая искренняя музыка, как раз под случай. Меломан чертов. Я давно заметил, что все более или менее значимые события я готов обозначить какой-то музыкой, мне необходимы ассоциации. Вот и сейчас heaven help отмечена красным в моем внутреннем компьютере. Через минуту я наблюдаю, как Юлия поглощает салат с булочкой, заливая соком. Делает она это не торопясь, тщательно прожевывая пищу, но и не отвлекаясь. Я понимаю, что могу смотреть на нее вечно, как она ест, как двигается, как сидит... Я доедаю свой круасан, пью кофе и продолжаю смотреть на нее, не отвожу глаз.

– Что? – смеюсь, спрашивает она. – Что-то не так?

– Нет, все нормально... – мотаю головой. – Просто смотрю на тебя. Было бы неправдой, если бы я сказал, что не соскучился...

Вскользь пущенный комплимент.

– А ты соскучился? – Она отправляет в рот очередную порцию салата и с деланным удивлением смотрит мне в глаза. Она что, не понимает, что ли, что я только день и ночь о ней думаю? Что почти каждую ночь она мне снится и что просто вытеснила все остальные мысли из моей головы? Все это, по-моему, легко отражается большими неоновыми буквами у меня на лбу.

– Очень сильно.

Юля перестает есть, берет мою руку в свою. Когда она это делает, я с ужасом осознаю, что сейчас у меня может остановиться сердце от таких ярких переживаний. Смотрит мне в глаза.

– Я тоже... – Тянется ко мне и целует меня в губы, просто одним прикосновением губ к губам, чмок, и все. И не выпускает мою руку из своей. Но я понимаю, что этим она разрушает все существующие между нами барьеры. Преград больше нет. Поцелуй-разрешение. Всего один безобидный жест, такой, каким одаривают знакомых при встрече, ничего не значащий по своей сути и такой многозначительный. Она ничего не хотела говорить словами. Зачем, если можно сказать гораздо больше простым поцелуем? И я все понимаю.

Потом мы допиваем кофе, одеваемся и идем гулять. С неба опять начинает валить снег, крупные белые хлопья-снежинки, Юля ловит их раскрытым ртом и дразнится, показывает мне язык. Я улыбаюсь в ответ. У нас целый вечер впереди, мы отправляемся шляться по аллеям и проспектам, дурачимся и смеемся, Боже, как давно я не чувствовал себя настолько органично и свободно! Я думал, что такое можно испытать только на горе, несясь вниз по склону, а вот и нет. Когда мы идем по заснеженному парку, Юля пытается спихнуть меня в свежий сугроб, но я не поддаюсь, хотя и чувствую, что на самом деле она девушка сильная. Недаром столько занимается спортом. Но я мужчина, и я всё равно сильнее. Поэтому в сугробе оказываемся мы вместе. Несколько секунд мы лежим молча, рассматривая друг друга, словно в первый раз. Глаза в глаза. Принимаемся друг к другу, словно два диких зверя. И словно по приказу свыше тянемся друг к другу, и я не верю, что это происходит со мной, но мы начинаем целоваться, как изголодавшиеся влюбленные, оголтело и страстно, безрассудно, забыв обо всем. Мне кажется, я проваливаюсь в какую-то яму, мой мозг просто отказывается мне подчиняться, я чувствую только эти губы, губы, губы... Ее легкий запах заставляет меня содрогаться, ее теплые тонкие пальцы ласкают мои щеки, и когда мы через вечность отрываемся друг от друга, мы выдыхаем синхронно:

– Ты сумасшедший.

– Ты сумасшедшая.

Смеемся, ловим снежинки ртом. Заснеженный парк смотрит на нас, лежащих вместе в сугробе, желтыми глазами фонарей. Потом мы поднимаемся, я отряхиваю ее от снега, невероятное чувство нежности охватывает меня, неужели это все действительно происходит? Здесь и сейчас, со мной, с ней, с нами? В голове не укладывается такая простая и чистая фраза: Я СЧАСТЛИВ!!! Черт возьми, мне же больше ничего не надо! Все, что мне нужно, у меня уже есть. Юля, друзья, доска, гора, жилье. Неужели нужно так мало, чтобы быть действительно счастливым? И сам себе отвечаю, да, это так. Но все, что у меня есть – не так уж мало. Не так уж и мало. И это все принадлежит мне.

Мы идем по улице, взявшись за руки, хихикаем и толкаемся. Между нами свет, я вижу его, чувствую. Как я жил без этой девушки раньше, снова и снова задаю себе этот вопрос. Как?.. Бесцельно шляемся по городу, обнимаемся, целуемся. Юля рассказывает мне о себе, о своей работе, о жизни. Готов часами слушать ее красивый мелодичный голос. Живет она с родителями, но те посещают их семейное гнездышко набегами, так как фактически живут на другой квартире, которую купили совсем недавно, где сейчас делают ремонт. Дома у Юли большой зеленый попугай и серенький кролик. Знаешь, говорит она, родители почти со мной не живут, а я не выношу одиночество, мне нужно с кем-то все время общаться. Мило. Знаешь, говорю я, я тут подумал, а не купить ли мне телефон? Говорят, удобная вещь. Да и ты мне сможешь звонить, а?.. Выжидаяще на нее смотрю. Отличная идея, поблизости есть конторка, где можно купить и сразу же подключить мобилу, произносит она и тянет меня за руку. Пошли!

Мы долго стоим среди стеклянных витрин, выбираем, категорически отказавшись от помощи консультанта. Юля объясняет мне преимущества той или иной трубки. Пойми, говорю я ей, мне нужен самый обычный телефон, без всяких наворотов и прибабасов, я не собираюсь в него играть и морочиться на всяких картинках и мелодиях, главное, чтобы можно было звонить. Поняла, кивает она. Через полчаса я становлюсь счастливым обладателем маленького симпатичного

телефончика Nokia. Мы выходим на улицу, Юля предлагает мне позвонить ей на сотовый:

– Пусть мой номер будет первым, который ты наберешь!

Этакий символизм. Набираю, жду. В руках Юли оживает ее телефон с давней мелодией Eagles. Вот, удовлетворенно отмечает она, теперь у меня есть твой номер, и это здорово, теперь ты никуда от меня не денешься, дорогой!

– Дорогая, – подыгрываю ей, – я не собираюсь никуда деваться. Звони когда хочешь, всегда рад.

И это действительно правда.

– Кстати, считаешь инструкцию, там все написано, можно текст даже отправлять... – Тычет в телефон пальцем.

– Ты меня совсем за колхозника держишь... – Делаю обиженный вид. – Знаю я, sms называется... Разберусь.

Засовываю трубку в карман, мол, разговор на эту тему закончен.

Когда мы выходим из магазина, я замечаю, что снег перестал идти. Вот завтра покатаюсь! Если, конечно, работы не много будет... Мы гуляем еще с полчаса, потом я провожаю Юлю до дома. Перед подъездом я целую ее, впиваюсь в нее губами, как безумный, почему это не может длиться вечно? Я бы тебя на чай позвала, но дома такой бардак, она виновато опускает глаза. В следующий раз, говорю я. Обязательно, кивает Юля.

... Перед тем, как заснуть, мне приходит первая sms: «Спокойной ночи, Женя. Отличный был день, спасибо тебе за него. Целую». Бесконечно счастливый засыпаю.

* * *

Когда утром на обходе в палату заходит его лечащий врач, ему становится все ясно.

– Ну, больной, скоро ты у нас бегать будешь! – говорит он, несильно похлопывая парня по плечу. – Завтра у нас с утра операция. Так что давай, готовься! Не вешай нос, мы еще в футбол поиграем!

– Да, конечно. – В его голосе не чувствуется даже намек на надежду. Уж слишком долго он здесь.

За окном нестерпимо бьет солнце. Наступает весна. Когда врач уходит, его сосед, дедушка с гематомой мозга, который тоже ожидает своей операции, подходит к окну и открывает раму. В палату врывается поток свежего пьянящего воздуха. Весна! Он слышит, как за окном шумно чирикают воробьи, с крыши падает капель. Снег тает под напористыми лучами солнца.

– Вот и весна наступила, – констатирует дед.

– Действительно... – отвечает молодой человек. – Она должна была когда-нибудь наступить. Начало новой жизни...

– Боишься? – спрашивает дед и садится на свою кровать напротив. – Главное – это вера. Ты потерял много сил, но ты держись молодцом.

– Да каким там молодцом... – отвечает он. – Я уже почти месяц лежу... Мечтаю пойти прогуляться по улицам, побегать. В конце концов, просто по-нормальному отлить в туалете стоя... от утки этой тошнит, блин... Мне уже все равно, лишь бы встать с этой койки. Не могу я больше так...

– Понимаю. – Дед качает головой. – Не холодно? Может, прикрыть окно?

– Нет, нет, не стоит! – возражает он. – Сто лет воздухом не дышал, аж голо-

ва немного кружится... Устал я, дед, от всей этой больницы... И страшно перед операцией... Ведь всякое может быть, я этих врачей знаю... Одно лечим, другое калечим.

– Ну... Не по своей же воле мы тут, – говорит дед. – Лучше так, чем никак. Мне тоже боязно... Я ведь добровольно иду в руки этим мясникам. Черепушку вскроют, в мозгах будут ковыряться... Тоже не шуточки...

– Да, дед... – Он вздыхает. – А что делать? Разве у нас есть какой-то другой выход?

Отворачивается и смотрит на цветы на тумбочке. Подснежники. Маленькие дерзкие красавцы, не боящиеся холода. Если взошли подснежники – значит, пришла весна. Весна... Он снова смотрит на летящую вниз капель за окном. Вся палата наполняется свежим воздухом улицы так, что у него покрываются мурашками руки, но он не спешит сказать деду, чтобы тот закрывал окно. Соседняя койка пуста – парня с аппаратом Илизарова выписали пару дней назад, и тот в компании счастливых родителей укатил домой. Остался только он и дед. Лет шестьдесят, не меньше. Лысая голова, седоватая борода, морщинистое лицо. Хорошие глаза.

– А где твои родители? Почему к тебе только девушка приходит? – спрашивает дед.

– В другом городе они, – отвечает он. – Выйду отсюда – позвоню обязательно. Они ж ничего не знают... а я даже не представляю, как такое сказать...

– А девушка твоя? Почему она им не позвонит? – вопрошает дед.

– Зачем? – говорит он. – Я сам позвоню... Может, к ним поеду... После того, как отсюда выйду.

– Бедные твои родители... – вздыхает дед.

Он и сам не раз об этом думал. Дед идет к окну и закрывает его, ложится на свою койку и отворачивается к стене. Чуть позднее приходит медсестра и приносит завтрак. Он неохотно ест, закрывает глаза. Боль уже не такая явная, как раньше, она отошла на второй план, пассивный спутник, его больше беспокоит онемевшая до колик спина. Но шевелиться и встать нельзя. Остается заснуть. До пяти еще далеко.

* * *

Я валяюсь на своей кровати после обычного рабочего дня. Устал, накопался... Хорошо... Сегодня необычайно высокая для зимы температура – минус один. Лыжня, тетки, это еще не все. Какая-то близкая ЖЖ тетенька изъявила желание покататься с ветерком на горных лыжах. Килограммов девяносто живого веса, бездумные рыбы глаза. Больше всего на горе я боюсь именно таких, которые приехали покататься, до этого ни разу не вставая на лыжи, краем уха они где-то слышали, что это безумно круто и кайфово. Может, с подачи ЖЖ тетенька и решила на это. Начальница моя хоть баба глупая, но не безрассудная, инстинкт самосохранения у нее развит хорошо – я никогда не видел ее на склоне на лыжах. Про доску я вообще молчу. Результат сегодняшнего катания – крученный вывих колена, распространенная травма среди лыжников. Тетенька верещит как резаная всю дорогу, пока ее доставляют до базы на снегоходе, и я думаю, это не прекращалось и в «скорой». ЖЖ объявляет мне выговор, наплевать. Тетеньку с вывихом даже не жалко. Каждый должен заниматься тем, что умеет; развлекаться и отдыхать, соответственно, тоже.

Читаю сборник афоризмов на латыни – сегодня у меня по расписанию вечернее катание с Дашей. Вспомнил университетские денечки... Тогда несомненным хитом был *Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*²³ ну и так далее. Выборочно листаю книжницу, пытаюсь запомнить какие-то актуальные высказывания, фразы на каждый день. Потом засыпаю. Когда открываю глаза, часы показывают пятнадцать минут одиннадцатого. Сегодня вторник, и по новому распоряжению начальства катание по будням теперь не до девяти, а до десяти. А Даша уже, наверное, пятнадцать минут ждет меня в буфете. Одеваюсь со скоростью света, зашнуровываю ботинки, накидываю куртку, в одну руку шапку, в другую доску. Клацает язычком английский замок. Не спеша иду по коридору, спускаюсь по лестнице, захожу в кафе. За крайним столиком сидит Даша, пьет чай, на столе рядом ее шапочка и перчатки, а доска лежит прямо в проходе между столиками креплениями вниз. Сажусь рядом.

– Привет, дорогая, – улыбаюсь я. – Заждалась?

– Есть немного. – Она поднимает на меня свои голубые глаза. – Хочешь чаю?

– Нет, спасибо. – Вижу, как в ее кружке плавает долька лимона. – Ты готова?

– Конечно. – Она встает, и мы выходим на улицу. Последние пару дней снег перестал идти, но предыдущей недели хватило, чтоб замести весь город. Мы идем сквозь лес, по просеке, от фонаря к фонарю, кругом сугробы, безмолвное белоснежное царство.

– Опять целый день на доске? – спрашиваю я. – Я тебя видел сегодня на горе.

– Ну, не целый день, – отвечает она. – Я ж утром учусь... А днем – да, покаталась.

Иду, глядя перед собой. Сон еще не до конца выветрился.

– Ну, и как успехи?

– *Usus magister est optimus*²⁴, – отвечает она. – Практика – великое дело.

– Ты так и собираешься со мной по латыни разговаривать? – говорю я.

– Не обращай внимания. Дурная привычка. – Она идет позади меня, я слышу, как скрипит снег под ее ботинками. – Сегодня целый день наблюдала за бордерами, как они прыгают, сама пыталась прыгать. Безуспешно пока...

– Ничто не приходит сразу...

За вялотекущей беседой проходит минут пятнадцать, пока мы не достигаем цели. Внизу простирается безлюдный склон, горят фонари, безжизненно висят бугели на тросах подъемника. Пока мы поднимаемся на гору, я реально думаю только о падениях. И, кажется, кое-что упустил. Значимое. Мы пристегиваем крепления, крип-крип, перед нами склон.

– Знаешь, – говорю я, – наверное, все это нужно было начинать не так. Вернее, любое катание начинается прежде всего с падения, понимаешь? Вот и сегодня одна тетенька себе крученный вывих колена заработала, и сейчас я думаю, что в этом есть и моя вина. Человек проецирует свои умения и знания на того, кого учит или ставит на склон. Это большая ошибка. Необходим ликбез падения. Мне нужно было, в первую очередь, научить ее падать, а потом давать лыжи.

– Я видела ее сегодня, – вставляет Дарья. – Она сама виновата, подрезала тут всех, носилась по прямой, а тормозить, видимо, еще не научилась... Это все равно случилось бы. Не расстраивайся.

– Да, блин... Я уже выговор получил... Не умеют и всё равно лезут. Такую

²³ Итак, мы будем радоваться, пока молоды (лат.).

²⁴ Опыт – лучший учитель (лат.).

травмоопасную обстановку создают на горе. От пьяных школьников и то хлопот меньше...

– Жень, не парься. Ты о падениях начинал... – Мягко возвращает меня в прежнее русло Даша.

– А, ну да... Запомни, падать ты будешь всегда. Это закон. Если ты не падаешь – ты не развиваешься. Падать это естественно, не стремись этого никогда, падают все, от начинающих бордеров и кончая прорайдерами и всякими профи. Новички ловят кант на трассах для начинающих, продвинутые бордеры убиваются на экстремальных горных трассах, а те же профи травмируются на бигэйрах или в диких горах. Падение – это показатель того, что ты делаешь что-то новое, пытаешься освоить новые вершины, сделать то, что раньше тебе было недоступно. Это правильное состояние развивающегося райдера. По поводу экипа я тебе ничего говорить не буду, у тебя и так все ништяк – таскаешь защиту под одеждой и правильные перчатки, которые держат кисть. Единственное, что ты упустила – это шлем. Но пока ты ничего такого экстремального не собираешься исполнять, тебе он не нужен, но впоследствии – обязательно купи! Начнем с того, что все бордеры, в отличие от лыжников, стоят на одной плоскости, поэтому такие характерные лыжные травмы, как вывихи и переломы ног, растяжения связок достаточно редки в сноубордической тусе. Что же у нас страдает в первую очередь? Во-первых, это руки и плечи, во-вторых, это голова, и в третьих – жопа. Про жопу сразу можно забыть, на то она жопа и есть, природная амортизация и все такое. На голову – шлем, а вот с руками все сложнее. Чтобы уберечь себя, надо научиться правильно падать. К чему и весь этот разговор, – уточняю я и перевожу дух. – Сначала нужно быть готовым к этому психологически, очень трудно убедить самого себя, что твои падения и промахи – события твоего личного, частного порядка, а не достояние заинтересованной общественности. Всем по фигу ты, запомни, все катаются сами по себе и не обращают ни на кого внимания, кроме самих себя, любимых. Чем меньше ты будешь забивать голову этой чепухой, попросту не обращая на это внимание, тем меньше ты будешь падать и больше прогрессировать.

– Это все? – спрашивает Даша.

– Нет, – отвечаю я. – Основное при падении – старайся сжимать кулаки, не выпрямляй руки, не растопыривай пальцы и не пытайся повторить прием «упал-отжался» – реально можно повредить кисти. Сломанные и выбитые пальцы – пренеприятнейшая штука. Если твое тело напряжено, то травма обеспечена. Расслабься, когда падаешь. Но группируйся. Всегда старайся принимать удар наименее чувствительными частями тела, при падении вперед – это колени и предплечья, при падении назад – задница и спина. Наиболее оптимальный выход при падении, это избегать гашения скорости, а использовать ее для переворота доски и дальнейшего движения. Поняла?

– Ну, не совсем...

– Могу продемонстрировать, – говорю я и устремляюсь вниз.

Набрав небольшую скорость, при повороте опускаю передние носки вниз, ловлю кант и лечу кувырком. Задираю вверх ноги, переворачиваюсь и, как ни в чем не бывало, встаю на ноги и несусь дальше вниз. Отстегиваю доску, вижу, как Даша пытается повторить: падение, доска вверх, кувырок, продолжение спуска. Молодчага. Блин, такую способную девушку и учить приятно. Она останавливается рядом, улыбается.

– Молодца! – хвалю я. – У тебя великое будущее.

– Шутишь? – говорит Даша. – Я всего лишь упала.

Я иду в будку, открываю дверь своим ключом, запускаю подъемник. Бугель нехотя трогается. Даша цепляется за первую «швабру» и едет вверх. Я еду за ней следом. Мы катаемся еще около часа, отрабатываем падения и перекаты. С каждым разом у Даши получается все лучше и техничнее. Я отрабатываю с трамплина мистифлип, отлично чувствую динамику этого трюка, три раза из пяти у меня получается. Даша восхищенно смотрит на мои выкрутасы. Через час мы сидим, уставшие, на вершине, подложив под задницы перчатки.

– Отлично покатались, – говорю я. – Устал я просто сипец щи...

– Угу... – отвечает она.

– Кстати. – Я достаю телефон из внутреннего кармана куртки. – Я ж трубу себе взял. Запишешь номерок?

– Давай. Просто позвони мне на мобилу, она запомнит номер.

– Да знаю я...

На часах 23.23. Она поворачивается ко мне:

– Женя, зачем ты все это делаешь?

Я в полной растерянности, она застает меня врасплох. Бурчу под нос:

– Ну... ты же сама попросила... ты хороший человек... – И что-то в таком духе, нечто неубедительное. На самом деле я до сих пор не разобрался, почему я вожусь с ней, трачу время и силы. Наконец-то в голову приходит нечто вразумительное: – Хочу, чтобы ты стала настоящим бордером. Все задатки у тебя налицо.

– Зачем тебе это нужно? – Она пристально изучает мои глаза. – Каталась бы сама по себе, убивалась бы с трамплина....

Что-то я не пойму. Она что, вытягивает из меня что-то?... Она вздыхает. Вот уж эти женщины, не поймешь их никак.

– Ты к чему клонишь?

– Просто понимаешь, Женя... Ты мне... – Она обрывает фразу на половине.

– Ладно, ничего, забудь.

– Как хочешь, – соглашаюсь я. Прекрасно знаю, что она хотела сказать. Видно по лицу.

Мы пару минут молча сидим на снегу.

– Ладно, пора собираться, – говорит она. – Ты, надеюсь, не забыл, что сегодня мы идем в кино?

Фраза «идем в кино» от Даши звучит как минимум странно. Я и забыл. Последний сеанс заканчивается в час ночи. У нас есть еще немного времени. Мы встаем, берем доски идвигаемся в сторону базы. Снег хрустит под ногами, мышцы приятно болят. Вечер прошел не зря, я поработал над мистифлипом, Даша научилось грамотно перекатываться при падении, главное – не бояться падать, повторяю ей я.

Когда мы подходим к гостинице, я предлагаю Даше заглянуть ко мне в берлогу. Она соглашается. Гостиница начинает жить своей ночной жизнью, а я лишь сторонний наблюдатель. В холле на креслах ждут три девушки и женщина. Я их видел уже неоднократно. Проститутки и их «мамаша». Видимо, братва гуляет. Я знаю, что администратор и охранник поднимают на этом свое лавэ. Каждый крутится, как может. Я не осуждаю их за это. Знала бы Жирная Жопа! Я улыбаюсь про себя. Мы идем по коридору, из-за дверей слышатся телевизионные реплики, обрывки разговоров, в одном из номеров шумно пьянствует какая-то компания. Вполне вероятно, что это они и заказали шлюх. Я не делюсь своими

соображениями с Дашей. Отпираю дверь, мы входим в мое аскетичное жилище. Девушка с любопытством разглядывает мою нору. Ну да, небольшой бардак, что поделать... Заправляю кровать, жестом предлагаю сесть. Даша раздевается, садится на мою постель, достает телефон, звонит отцу. Тот обещает скоро приехать.

– Когда он будет? – спрашиваю я.

– Через полчаса, – отвечает девушка.

– Если хочешь – можешь в душ сходить, – предлагаю я.

– Конечно, хочу! Спасибо, – радуется Даша. – А я только об этом и думаю. А спросить неудобно.

Я достаю из шкафа полотенце, на, держи. Только недолго, я тоже хочу успеть, вонюю, как скунс. Она смеется и исчезает в ванной. Слышу, как льется вода, смотрю в окно. М-да, вот снегу навалило за последние несколько дней. Руки тянутся к телефону, сами набирают номер, который я уже никогда не смогу забыть.

– Привет, солнце!

– Ой, Женя, привет! – Ее голос как бальзам на раны, только сейчас понимаю, как я хотел услышать его весь день. – Как дела?

– Дела хорошо, устал сильно, – говорю я. – Соскучился...

– Я тоже соскучилась, – отвечает Юля. – Что ты делаешь завтра?

– Встречаюсь с тобой, – отвечаю в кассу я. – Вечером. Кто-то против?

– Нет, что ты!.. Вот только я не знаю, когда у меня тренировка кончается, ну, около восьми, начало девятого, может быть... Если хочешь, можешь меня встретить.

– А это где?

– Спорткомплекс «Здоровье». Знаешь?

– Угу. Буду скучать.

– Я тоже. До завтра. Целую...

– Целую.

В трубке гудки, я сажусь на кровать. Каждый раз мне не верится, что это происходит не во сне. Она просто феноменально красивая девушка, а я... просто какой-то бордер, инструктор... Что она во мне нашла? Это грызет меня изнутри, но я ничего не могу с собой поделать, я никогда не встречался с такими потрясающими девушками, да что там говорить, я, по большому счету, совсем ни с кем не встречался...

Через несколько минут из душа выходит благоухающая Даша. Мокрые волосы, счастливые глаза, довольная улыбка. В руках у нее свитер, на самой легкая майка и сноубордические штаны. Маечка выгодно обтягивает соблазнительной формы грудь. Я вижу, как сквозь ткань проглядывают соски.

– Кайф!... – выдыхает она, вытирая волосы полотенцем. – У тебя есть фен?

– В шкафу возьми, – говорю я, беру свежее белье, джинсы и майку и отправляюсь в душ. Когда выхожу, Даша показывает на часы:

– За нами уже приехали. Ну, что, идем?

Джип Дашиного отца похож больше на бронетранспортер, нежели на легковой автомобиль. Такой же огромный. Тонированные стекла, огромные колеса. Отец забрасывает доску дочери в багажник, садится за руль. Мы сидим вместе на заднем сиденье.

Папаша разворачивается ко мне лицом. На вид ему чуть за сорок, гладко выбрит, виски высеребрены благородной сединой. Тянет мне ладонь для рукопожатия. Рука его крепкая и мозолистая, именно такая, какая должна быть у настоящего мужчины.

- Василий Сергеевич...
- Женья... – Чувствую себя немного не в своей тарелке.
- Так вот, с кем моя дочь проводит все свое свободное время... Ну, Женья, и как успехи? – В его глазах играют хитрые искорки.
- Не понял... – Я сбит с толку его двусмысленностью.
- Как Даша? Делает успехи на сноуборде? – смеется он.
- А, это... Конечно, делает! Еще какие! – отвечаю я.
- Молодец, доча!
- У меня хороший учитель, – вставляет Даша. – Па, а мы не опоздаем?
- Доставлю ровно в срок! Опять решила себе просмотр устроить? – Ее отец уверенно ведет свой огромный автомобиль на предельной скорости. – Завтра разве тебе не в университет?
- Только к третьей паре, – говорит Даша. – А просмотр я Жене обещала, в качестве компенсации за уроки.
- ... Пока я сижу в холле и жую попкорн, Даша с отцом о чем-то разговаривают с киномехаником, тот кивает, соглашаясь. До конца сеанса остается совсем немного. Василий Сергеевич спрашивает, когда нас забрать, Даша отвечает ему, чтобы он не беспокоился – я вызову такси, говорит она. Ее отец прощается со мной за руку, подмигивает ей и уходит.
- Кайфовый у тебя предок, – говорю я.
- Самый лучший на свете! – В ее голосе слышатся отчетливо читаемые нотки гордости. Что ж, правильно, так и должно быть.
- Что мы будем смотреть?
- Один старенький фильм. Я же любительница ретро, ты знаешь... – смеется она, откидывая длинную светлую прядь с лица. – Сначала хотела что-нибудь про любовь, но потом всё-таки решила, что лучше этот... «Беспечный ездки», «Easy rider». Коламбия Тристар Пикчерс, 1969 год. Снимаются там Питер Фонда, Деннис Хоппер и Джек Николсон... Первый road-movie.
- Что-то я про него слышал... По-моему, это первая роль Николсона... Я не прав? Читал где-то...
- Ого! – улыбается Даша. – Да ты киноман просто! Надеюсь, ты его не видел? Если видел, еще не поздно выбрать что-нибудь другое.
- Нет, не видел, – мотаю головой я. – Интересно будет посмотреть...
- ... Вы когда-нибудь смотрели фильм в кинотеатре в одиночестве? Уверен, что нет. Негласное правило любого кинотеатра – просмотр фильма при наличии минимум двух зрителей. Об этом мне рассказала Даша. Еще она сказала, что отец собирается отдать ей кинотеатр через пару лет после того, как она закончит университет. Нужна практика по управлению персоналом, говорит она, ну и вообще. Мы сидим в самой середине, гаснет свет. Такое странное ощущение, когда вокруг никого. Чувствуется только гипотетическое присутствие киномеханика. Рядом два ведра «попкорна», сладкого и соленого, я отдаю предпочтение сладкому, Даша – наоборот. Фильм начинается. Если вы его не смотрели, то очень рекомендую. Про двух по-настоящему свободных парней, колесящих по консервативной Америке на своих харлеях. Бухло, кокс, ночевки под открытым небом у костра, пропойца-адвокат (которого, кстати, великолепно играет молодой Николсон), коммуна с хиппи, секс с проститутками. Что-то отдаленно напоминающее «Харли Дэвидсон и ковбой Мальборо», вернее, наоборот. Концовка фильма меня, конечно, поражает. Парней мочат из винчестера прямо на дороге проезжающие мимо кузьмичи

– то ли какие-то фермеры, то ли шериф с помощником, просто так, внешний вид им не понравился. Я в шоке. Кино на какой-то недосказанной ноте кончается, чувствуется какая-то зудящая незавершенность, гребаный Голливуд нас избаловал ожидаемыми хэппи-эндами.

Когда зажигается свет, мои часы показывают без десяти два. На моем плече посапывает Даша, она заснула еще в середине фильма, но как только свет начинает бить в глаза, она вздрагивает и открывает их.

– Совести у тебя нет, – шучу я. – Притащила меня в кино, а сама – спать.

Она улыбается:

– Как фильм?

– Фильм классный, – говорю я. – Про реально оторванных чуваков. Жаль, конечно, что их в конце завалили...

Мы поднимаемся и выходим из зала. В холле работают игровые автоматы, а наверху, в ресторанчике, в самом разгаре корпоративная вечеринка. Ночная жизнь кинотеатра продолжается и без фильмов. Даша набирает номер такси. Потом мы сидим за столиком в самом углу и пьем чай с помпезным названием «царский выбор». Дашины глаза по-особому блестят. Я понимаю, что нравлюсь ей, но... Между нами ничего не может быть, я знаю это точно, ведь у меня есть Юля. Стоит мне подумать о ней, как внутри все начинает петь, я по-настоящему счастливый сукин сын, думаю я, раз у меня есть такая девушка. А Даша? – спрашивает меня мой мерзкий внутренний собеседник, – ты понимаешь, что ты даешь ей надежду? Шанс на дальнейшее развитие отношений? Ты же все это видишь... А что Даша? – отвечаю я сам себе, – я ей ничего не обещал, да и она взрослый человек, должна сама все понимать... Но ведь ты даешь ей надежду, пошел с ней в кино, не успокаивается мое второе «я». Хорошо морочиться, отвечаю ему я, отвали. Я люблю Юлю, и если нужно, я так и скажу прямым текстом, дискуссия окончена.

Через полчаса одна машина увозит Дашу, а другая желтая «Волга» меня. В машине я почти засыпаю. В три ночи я оказываюсь дома, прохожу мимо спящего охранника, перед ним на столике – кружка кофе, сегодня, оказывается, дежурит премерзкий тип, который все время до меня докапывается (Лена рассказывала, что он как-то грозился вкачать мне сипа), я возвращаюсь на цыпочках и кидаю в его остывший кофе свою жвачку, такая вот маленькая детская вендетта, потом тихо поднимаюсь по лестнице, скриплю половицами. У себя я раздеваюсь и ложусь в постель.

...Хочу, чтобы мне приснилась Юля. Перед сном мне приходит sms-ка. «Как насчет того, чтобы через пару дней повторить культпрограмму? Даша». Набираю непослушными пальцами: «Без проблем. Только в следующий раз ты не спи. Спокойной ночи».

* * *

Каждый год я стараюсь съездить на Эльбрус. Бордер – не бордер, если не катался в горах. Это своеобразное крещение, кататься после кавказских вершин в горах средней полосы кайф сомнительный, но что делать. Ребята на Эльбрусе настоящие философы от сноуборда. Я имею в виду стосов, которых лично знаю. Целой компанией (семь-восемь человек, только двое из них местные, включая хозяина хаты) они живут в двухкомнатной квартире. Катаются все

круглый год, всегда, когда есть снег. Кто-то из них работает в туристическом бизнесе, кто-то на подъемниках, короче, бесплатные ски-пассы, и даже иногда халявная вписка в вертолет, летящий к вершинам, у них есть. С ними я перекидываюсь письмами по е-мэйлу раз-два в месяц. Для того, чтобы отправить письмо, я старательно набираю его на своем ноутбуке, потом иду вниз в бухгалтерию и отправляю письмо через местный интернет. Своего в номере, к сожалению, нет.

Сегодня утром я созваниваюсь с Юлей и договариваюсь встретиться, она давно грозилась пригласить меня на чай с тортом, и вот этот чудесный день настает. Как обычно, в город я приезжаю за час до встречи и первым делом отправляюсь в интернет-кафе проверить почту. Письмо действительно есть в моем ящике, одно среди рекламного мусора и спама, давно я хотел почистить свой е-мэйл, да что-то руки не доходили... Письмо от чувака с Эльбруса. Небольшое. Я читаю и впадаю в ступор. Вася, весельчак и задира, наш общий друг, душа компании, разбился в горах, оборвал карниз, упал на камни. Лежит сейчас в больнице, прикованный к постели, перелом позвоночника, открытый перелом ноги, множественные ушибы. Кошмарное письмо. Несколько минут я зависаю, тупо втыкая в монитор. Ничего ужасней я представить не могу. А ведь я его неплохо знал, вместе катались по самым черным трассам, бухали на Кара-Баши, его даже один раз доставали из-под сошедшей лавины спасатели, благо, биппер всегда был с ним... Но горы, видимо, берут свое. Всё еще погруженный в тяжелые раздумья, я выхожу на улицу, и даже предстоящая встреча с Юлей уже не так радует меня. Вот жизнь...

На улице заметно холодает по сравнению с недавними денечками. Я иду, засунув руки в карманы, перчатки забыл дома. Из головы не выходит Вася, вспоминаю его, в сознании не укладывается, что с ним произошло такое несчастье...

Юля встречает меня широко распахнутыми объятиями, обхватывает мою голову двумя холодными ладонями и жадно целует. Отрывается от меня, лучезарно улыбается:

– Привет.

– Привет, солнце...

– Привет! – Пристально на меня смотрит. – Ты какой-то не такой сегодня... Грустный. Что-то случилось?

– Да вот только что письмо по Интернету получил, – говорю я. – Друг в горах разбился, в больнице лежит, перелом позвоночника...

– Ужас какой. – Она прикрывает рот ладонью. – Бедный!..

– Блин, и чувак такой классный... Вася зовут. – Чувствую, что порой мой голос чуть подрагивает. – До сих пор не могу поверить. Это же на всю жизнь, представляешь?... Сипец щи...

– Кошмар. – Она берет мои руки в свои. – Не переживай, зайчик, так... Что мы можем сделать?

– Ну, да, – говорю я, – это точно... Ладно, не бери в голову... Ты уж извини, что я такой смурной сегодня... Что делать-то будем?

– У тебя сегодня выходной? А я как раз с тренировки. Замерзла, ужас!.. – Юлин льющийся монолог не остановить, да я этого и не хочу, ее ровный красивый голос завораживает, заставляет расслабиться. – Поехали ко мне, хочу чаю...

– А как же погулять? – спрашиваю я.

– В следующий раз, хорошо? Холодно слишком... – Она кутается в свою курт-

чонку с желтыми полосками на рукавах, ей холодно. На голове та же вишневая кепка со спущенными наушниками.

Мы ловим такси и через сорок минут, постояв в пробках, оказываемся у подъезда Юли. Поднимаемся на лифте, она открывает дверь. Ее квартира выдержана в лучших традициях европейского минимализма. Обои теплых желтых оттенков, пара абстрактных картин на стене... Мы проходим на кухню, я сажусь за стол, включаю радио на маленьком бумбоксе. С холодильника на меня изучающе поглядывает огромный носатый попугай. Зеленая тушка, рыбы глаза – не вызывающая симпатии птичка. Юля суетится, достает торт («вчера до трех ночи его пекла. Специально для тебя! Ты не смотри, что он немного щербатый – утром родители приезжали, отрезали несколько кусочков». Я говорю, что это ничего), заваривает жасминовый чай в специальном чайничке, достает откуда-то конфеты, обкладывает меня салфетками. Потом садится рядом, я беру ее руку в свою:

– Я скучал по тебе... Ты мне снилась, – говорю я.

– Да? И что снилось? – Она кокетливо склоняет голову набок. – Может, это вещий сон?

– Не знаю. – Мне становится немножко смешно. – Мы занимались любовью в какой-то гостинице...

– Ну, тебя! – Она шутливо шлепает меня ладошкой по плечу. – Какие гадкие сны тебя снятся!

– Нормальные. – Я пожимаю плечами. – А тебе что, секс никогда не снится?

Вместо того, чтобы ответить, она, как кошка, трется об меня носом, слегка прикасается губами к моим губам, медленно и осторожно, словно набирая амплитуду, начинает меня пожирать, жадно и бесконтрольно. Через минуту она оказывается на мне, мои руки изучают ее твердые, как дерево, лопатки. Я целую ее в шею, покрывая поцелуями каждый сантиметр ее нежной кожи, слышу ее прерывистое дыхание. Тут уж не до чая. Это продолжается не больше минуты, я беру ее на руки и несу в комнату. Зал – это массивный расправленный диван, большой телевизор на тумбе, картина на такой же желтой стене и пушистый серый ковер на полу. Всё. Аккуратно кладу ее на плоскость дивана, ложусь рядом, моя рука гладит ее мускулистый живот, Юля вздрагивает от моих прикосновений. Я продолжаю ее целовать, она трепещет, как пойманная рыба в моих руках, а через несколько минут отстраняется и стягивает свитер через голову. Под свитером нет ничего. Красноречиво опускает ресницы, я твоя, вижу в ее глазах.

– Я вот что тут подумала... – говорит она, лукаво улыбаясь. – Хочу тебе кое-что предложить... Как насчет того, чтобы позавтракать вместе?

... Утром я просыпаюсь рано, рядом, словно на подушке, Юля уютно пристроила свою голову на моем плече. Каштановые локоны разбросаны по подушке и моей груди, дыхание спокойно. Я краем глаза наблюдаю, как вздымается ее круглая красивая грудь. Даже когда Юля лежит на спине, груди не расплываются, они словно два твердых футбольных мяча. Весь день и всю ночь... Я не верю, но это не может быть сном. **ВСЬ ДЕНЬ И ВСЮ НОЧЬ...** Закрываю глаза, чувствую себя полностью выжатым лимоном. Но абсолютно счастливым лимоном. Наматываю ее локон на палец. Я твой, думаю я, ты моя. Это так просто. Так фантастически невероятно...

Мы спим до обеда, выключив свои мобильники. Ничто не тревожит нас. Работа? О чем вы говорите!!!

* * *

Вот уже две недели, как у нас с Юлей буйным цветом цветут максимально близкие отношения, видимся, правда, мы очень редко... Это плохо. Ее не хватает. Но когда видимся – это настоящий праздник. Зато вот Дашу я наблюдаю с завидным постоянством, чуть ли не ежедневные тренировки, эта девушка меня удивляет и радует своим стремительным прогрессом. Мы проводим достаточно много времени возле трамплина, просто рассматривая прыжки других райдеров, я комментирую, указываю на ошибки. Неделю назад в нашу компанию неумолимым клином втирается Андрюха. Он давно хотел это сделать – уж очень ему нравится Даша. К его нескрываемой досаде, внимание она уделяет ему гораздо меньше, чем хотелось бы. Иногда я оставляю их двоих на склоне, они катаются, а на днях Андрюха даже выстроил для Даши маленький кикер, с которого она благополучно начинает прыгать свои первые незамысловатые грэбы.

Не знаю, откуда берется мода справлять буржуйские праздники, такие, как Рождество в декабре или День святого Валентина. По-моему, у нас в России и своих праздников достаточно. Ни к чему нам разные Санта Клаусы и прочих капиталистический штафф. Сегодня Рождество. Сегодня на горе пати, типа опен-эйра. Выезд в конце спуска плотно оккупирован клубным пиплом. Погода радует – снова тепло, около минус пяти. Все разогреваются горячим глинтвейном и плясками под сэты какого-то очередного дауна-диджея. Все это действие сопровождается активными прыжками присутствующих райдеров с трамплина и джиббингом. Бордеры скрежещут кантами по рейлам, дерут беспощадно скользьяки, вопят, слетая с трамплина. Клубная туса восторженно орет при исполнении каждого трюка. Я стою на вершине, гляжу на всю эту содомию сверху, и у меня просто не укладывается в голове, как местная Объединенная Клубная Ассоциация, грубо говоря, кучка спонсоров, смогла уболтать нашу твердолюбую ЖЖ на подобную акцию. Безумие. Это мне непонятно, но результат налицо. XTMAS Snowboard Party. Интересно, сколько они ей отвалили бабла? Единственное, что меня радует, так это то, что я сегодня уговорил Юлю приехать на пати (она где-то внизу, среди всех этих дебиловатых клубных тусовщиков), Андрюха со всеми стосами тоже тут, и даже Даша решила погонять среди пьяных отмороженных сноубордистов. Она не лихачит (пока просто не хватает мастерства), но выполняет все технично, видно, что уже отлично чувствует доску, выпрыгивает с Андрюхиного кикера, красиво подхватывая indy grab. Единственная эффектная девушка на доске, я горд своим детищем, правда, нескромно? Но любовь моя там, внизу, она стоит, смотрит вверх на меня, я уверен, ее глаза удивленно раскрыты, а на лице блуждает полуулыбка. Все эти две недели помимо отношений с Юлей я отрабатывал свой мистифлип и вращения, 360, 540 и 720. Проводил время, так сказать, плодотворно. После Нового года, ближе к концу января – началу февраля, долгожданные соревнования. А блеснуть своим мастерством можно и перед кучей клабберов. Хотя я всегда не понимал, почему эти дегенераты под экстази и спидами или еще черт знает под чем, тянутся к сноуборду. Это что, так модно? Почему бы просто не колбаситься под стробоскопы или абстрактный видеоряд? Не то чтобы я против всех этих электронных тусовок, просто я реально понимаю, что все это ненастоящее, пластмассовое, загоняющее человека в рамки несвободы. Электронщина... Помимо того, что все как

один они сидят на таблетках или нюхают, большой зависимостью является сама клубная атмосфера, когда-то и я через это проходил. Клубы – порочные цветы социума. Как у Бодлера – Цветы Зла. А молодежь всегда тянет туда, где пахнет гнильцой, которую они почему-то называют «позитив». А вообще мне нравится живая гитарная музыка, без всякого унц-унц-унц. Улыбаюсь про себя. Достаяю плеер, кликаю play, GUANO APES со мной, стандартные последовательные движения, кидаю плеер во внутренний карман, застегиваюсь, надеваю перчатки. And now I flyin' like an angel to the sun... My feet are burning and I grab into another world!!! Ненадоедающая песенка LORDS OF THE BOARDS как раз то, что мне сейчас нужно. Отталкиваюсь, набираю скорость, мчусь вперед, оставляя за собой шлейфы снежной пыли. Технично и красиво закручиваюсь на трамплине, идеальное исполнение, мистифлип рулит, я знаю, все смотрят на меня, но мне нужны только глаза цвета выдержанного вискаря, глаза любимой. У будки с подъемником я отстегиваю доску, выдергиваю наушники, ко мне бежит Юля и кидается на шею:

– Супер! Вот ты даешь!

– Могу, когда хочу, – отвечаю я и прижимаю ее к себе.

Через минуту к нам спускаются Андрюха и Даша. Даша мрачней тучи. Я пытаюсь познакомить девушек, но они не проявляют никакого интереса друг к другу, а Даша даже немного злится, или мне кажется? Что ж, селяви, я не виноват и никогда не обещал ей ровным счетом ничего. Мы друзья, такова моя позиция к этой девушке. А вот она, похоже, так не думает... Вон пусть Андрюха ее окучивает!

Среди танцующих клубберов то там, то здесь я вижу знакомые рожи бордеров. Чуваки бухают, общаются и просто клеят девчонок. В огромных колонках невразумительно спотыкается драм-н-басс диджея. Андрюха тыкает меня локтем в бок, всегда не любил этот его любимый жест.

– Недавно читал в инете, что особой популярностью среди лондонской клубной богемы пользуется клуб, где сэты сводит обезьяна. Вполне реальная такая обезьяна, то ли орангутанг, то ли горилла какая-то... Раньше она была талисманом клуба, а после того, как провисела пару месяцев в клетке над диджеем, запомнила все махинации с пультом. – Андрюха отряхивает варежки, посматривает на Дашу. – Конечно, сэты однообразные, но народ прется! Настоящий, типа, джангл!

– Не рублю я во всей этой электронной дряни, – говорю я ему, – мне по болту.

– Да мне тоже – продолжает он. – Просто прикольно, ты посмотри, все тащатся, все превозносят любого мало-мальского диджея чуть ли не в культ вождя, а все это почти так же может делать обезьяна. Прикинь?!

– Ерунда какая, – говорит Даша. – Там же нужно чувство ритма и все такое... Это просто инетовская утка.

– Ну, не знаю, – пожимает плечами Андрюха. – Может быть. Просто фишка не в том – ритм, бит... Просто все прутся, что это делает какая-то макака! Пускай стремно, бездарно, но делает! И платить ей не надо, и рейтинг клубу она выдает такой, что сипец щи! – Он делает паузу. – Ладно, может, еще скатнемся, неохота стоять среди всех этих уродов...

Он призывно смотрит на Дашу, та на меня.

– Никуда его не пущу, – отвечает за меня Юля и прижимается ко мне еще крепче. – Идите вдвоем. А мы пока тут постоим, правда, Женя?..

Целует меня в щеку. Даша дергается, будто от пощечины, из нее вырывается:

– Res cogitans²⁵. – Она разворачивается и направляется к подъемнику, Андрюха за ней.

– Что это было? – Юля удивленно поднимает брови.

– Латынь. – Сам думаю о том, что это было какое-то ругательство, Даша слишком воспитанна, чтобы брякнуть что-нибудь матом.

– Она всегда так выделяется? – спрашивает меня Юля. – Это та самая Даша, про которую ты мне рассказывал?

Я киваю, да, она самая. Увлекается латынью. Юля довольно трется об меня носом.

– Ты ей нравишься, – сообщает она мне на ушко.

– Солнце, ты думаешь, ты для меня Америку открыла? Вижу я всё... – отвечаю я.

– Она красивая, – продолжает Юля. – И на доске катается...

– Я что-то не понял. – Смотрю ей прямо в глаза. – Ты что, ревнуешь? Это же глупо... Мне нужна только ты... Тебя я люблю, дурочка...

– Не называй меня так. – Юля надувает губки. – Я не хочу, чтобы какая-то Даша лезла в нашу жизнь... Ты учил ее кататься? Так вот, знаешь, что я думаю? По-моему, она уже научилась. И с трамплина прыгает, я видела... К чему это всё?

– Понял. Завязываю с преподавательской деятельностью, – смеюсь я.

О том, что мы уже три раза ходили посмотреть ночью кино, я умалчиваю, чувствую себя из-за этого немного не в своей тарелке, но лучше Юле не знать. Меньше болтаешь – лучше спишь, тем более за все это время мы здорово успели подружиться с Дашей. Ничего, конечно, между нами не было, Даша слишком скромная девушка и наверняка хочет, чтобы я сделал первый шаг, никаких ползновений с ее стороны не было. А может, чувствует? Ничего кроме вздохов-ахов и игр в гляделки, никаких решительных действий. Зато мы успели посмотреть «Небо над Берлином», «Мертвеца» с Джонни Деппом и «Самоубийцу» с Томасом Джейном и жирным Киану Ривзом. Последние два фильма меня просто потрясли, первый же не произвел никакого впечатления, все-таки не такой уж я любитель ретро, как Даша. Тот же римейк на «Небо над Берлином» – «Глаза ангела» с Николасом Кейджем понравился мне гораздо больше, давно это было... В этом отношении современный кинематограф значительно выигрывает. Но разговор не о нем.

– Как насчет того, чтобы выпить горячего чаю? – спрашивает Юля.

– Лучше глинтвейна, ты не против? – говорю я. Юля мотает головой, нет, конечно. К слову, возле диджейского пульта, в десяти шагах от него – палатка, где торгуют горячими хотдогами, чаем и алкоголем. Пытаемся пробиться к ней сквозь осадившую ее толпу клабберов. Туса в самом разгаре. Всё-таки опенэйры значительно выигрывают перед клубными тусовками в помещении по всем показателям. Я хоть и не считаю себя никоим образом причастным ко всему этому движению, но когда хочется сходить на попсовую тусовку – лучше опенэйра места не найти. Хотя с живым концертом самых завалящих пращуров-рокеров подобное мероприятие конкретно откуривает. По моему скромному мнению.

Я оставляю Юлю стоять с доской, а сам, работая локтями, прочищаю дорогу к заветному прилавку. Нахально оттесняю субтильных юношей от кассы, беру два пластмассовых стаканчика с горячим глинтвейном и пару ванильных булочек, расплачиваюсь и шагаю к своей красавице. Пока я хожу за алкоголем, к ней успевает подкатить какой-то кислотный тусовщик, видимо, преследуя какие-то свои гнус-

²⁵ Мыслящая вещь (лат.).

ные цели. Она улыбается, ей смешно. Подхожу к ним, отдаю стаканчик и булочку Юле, разворачиваюсь к чуваку, ухмыляюсь. Тот сразу же все понимает. На вид ему не больше двадцати, обычный кляббер, с прической под полупидорка, мелированные местами прядки, одежда в стиле унисекс.

– Как насчет того, чтобы показать свое искусство исчезать? – спрашиваю я его. Он незамедлительно следует моему совету. Голова у парня работает как надо. Неприятности ему ни к чему.

– Вкусно, – Юля отпивает глоток. – Я, если честно, ни разу не пила глинтвейн. Это же подогретое вино?

– Ну, по-моему, туда еще кидают специи, лимон, что-то еще, – отвечаю я. – Я не такой уж специалист... Знаю только одно – на горе это самый классный напиток, согревает и душу, и тело.

– А знаешь, что мне согревает и душу, и тело? – спрашивает она, смешно откусывая кусочек от своей булочки.

– Ну, не знаю... – мнусь я.

– Угадай, – смеется Юля.

– Ну, есть у меня одна догадка, – говорю я и подхожу к ней ближе. Наклоняюсь к ушку, шепчу: – Не один ли это шизанутый сноубордист? Кажется, его еще Женя зовут?..

Под звуки жесткого драма мы дожевываем свои булочки, допиваем глинтвейн, отправляемся к подъемнику. Там, у бугелей, встречаем Дашу с Андрюхой, они как раз собираются подниматься наверх.

– Мы на базу, хотим кофе попить, – говорит мне Даша. – Вы остаетесь или с нами?

Мы переглядываемся. Юля подносит ладошки ко рту и дышит на них.

– Я замерзла, может, действительно, поедem с ребятами? – Она вопросительно смотрит на меня.

– Конечно, солнце, – отвечаю я.

После того, как Даша с Андрюхой уезжают наверх, сверкая на солнце кантами, я объясняю Юле, как правильно ехать на доске вдвоем. Она смышленная девушка, врубается во все с первого раза. Когда подъезжает бугель, я хватаю его и засовываю между ног, Юля тем временем встает ко мне на доску, на резиновую прокладку между креплениями, вцепившись в меня, лицом к лицу.

– И как вы только на этих досках ездите? – спрашивает она, пока мы поднимаемся наверх.

– А то ты не видела? – ерничаю я.

Она смешно закатывает глаза.

На вершине горы нас ждут Андрюха и Даша. Когда мы выезжаем с трассы и я откидываю бугель в сторону, Юля теряет равновесие и, не удержавшись, падает, увлекая меня за собой. Мы хихикаем, встаем, отряхиваем друг друга от снега. Встречаюсь взглядом с Дашей. «Твоя Юля неуклюжая корова!» – отчетливо читается в ее глазах, она даже не утруждает себя скрывать свое отношение к ней. Вот, блин... Мы отправляемся к гостиничному комплексу.

... Через пятнадцать минут мы, отогретые и довольные, пьем горячий чай. На большом экране транслируют жесткий фристайл, какие-то соревнования, обожаю канал Extreme, краем глаза поглядываю в ту сторону. Юля полностью погружена в просмотр, лишь изредка роняя, что-то типа: «Ого! Ну, сумасшедшие!» или трясая меня за рукав: «Ты видел, ты видел?! Вот они дают!». Мы же обсуждаем сегод-

няшнюю XTMAS Snowboard Party, правой рукой я ненавязчиво поглаживаю Юлю по коленке.

– Знаешь, после того, как я съездил на Казантип, – говорит Андрюха, теребя длинную дредину в руках, – я понял одну вещь. Всё это бессмысленно, ну, я имею в виду тусовки, сейшены... Хаус, транс, драм-н-басс, джангл, короче, всё, что гоняют на всех танцполах на всем Казантипе – говно. Да и сам Z тоже. Люди приезжают в определенное место и отваливают кучу лаванды просто за то, чтобы посмотреть на таких же козлов, как они сами, приехавших со всех концов страны, все шарятся по разным танцполам в поисках какой-то развлекухи для себя и все время троцкят о позитиве, больше всего ненавижу эти тупые разговоры, но в их глазах я вижу только вселенскую тоску. Ну и, конечно, плюс сюда же наркотики. Все уторчены до бессознанки. Я ничего против ганджи не имею, но это самое безобидное из всего того, что употребляют там. Ненавижу наркоманов. Больше я на Z не ездук, поищите дураков в другом месте.

После такой тирады он отпивает чай.

– А мы с подружкой собирались этим летом, – говорит Даша. – Она как раз любительница всего такого... А я так, за компанию, одной ей скучно.

– Ни в коем случае не делай этого. Клубная культура – отстой, – не успокаивается Андрюха. – Самое реальное из всех видов отдыха – это смотаться куда-нибудь в горы летом. Вот это я понимаю. Вон у Жентоса спроси.

Даша смотрит на меня. Я пожимаю плечами.

– По-моему, я тебе уже неоднократно обо всем рассказывал... – отвечаю я. Горы рулят, продолжаю краем глаза смотреть на экран. Прорайдеры мочат такие фишки, о которых мне пока приходится только мечтать.

– А сегодня вроде ничего пати, – вмешивается Юля. – Хотя мне судить обо всем этом сложно, я первый раз на подобном мероприятии. Но ничего, мне нравится...

– Это лучшее, что может быть в нашем городишке, – говорит ей Андрюха. – Юля, ты вообще по клубам ходишь?

– Ну, по выходным бываю, – кивает она. Называет несколько развлекательных центров. Пафос, пафос, пафос... Чего только не простишь любимому человеку?

– М-да, фиг ли тут говорить... – отворачивается к нам дредастый. Юля продолжает плотно инсталлироваться по Extreme.

В кафе входят двое парней. Какие люди!.. Клонированные клабберы, одетые по последнему велению клубной моды. Дорогие шмотки, но обращать внимания на лэйблы лень. Андрюха корчит недовольную рожу, нам обоим знакомы эти персонажи. И они направляются прямо к нам. Олег и Сережа. Наши ровесники, может, на пару лет младше.

– Привет, пацаны, – говорят они и тянут руки. Мы здороваемся, и они садятся за наш столик. Нота бене: Олег – сын нашего мэра, Сережа – его кореш, тоже сынок какой-то шишки из городской администрации. Прожигатели жизни и папочкиных бабок, мы знакомы с ними совсем шапочно, они иногда приезжают кататься на досках, но большей частью просто тусуются у подъемника, кичась дорогой экипировкой. Вот и на этот раз.

– Неплохая вечеринка сегодня здесь, – говорит Олег. – Как ты уже догадался, Женя, мы с Сергеей организаторы и спонсоры. Кайфово получилось, столько народу!

Да уж, конечно, догадался.

– Хотели тоже с собой доски взять, покататься, да вот только мы сегодня здесь больше по делам. Бизнес... – Сергей разводит руками.

Понты великая вещь. Бизнесмены болтовы. Куда уж впугить папашины капиталы, как не в развлекалово? Ну, еще я слышал, что Олег пару раз пытался открыть неформальные кофейни или кафе, я уж не помню, но вести бизнес с такими куринными мозгами, как у него, видимо, не вариант. Прогорел, разумеется. Теперь вот опенэйры.

Девушки молчат. Даша, похоже, тоже знает их, сидит с недовольным лицом, либо чувствует наше напряжение, Юле же наплевать, она с детской непосредственностью продолжает смотреть на экран, двух великовозрастных кретинов для нее просто не существует. Олег и Сережа, в отличие от нас, чувствуют себя очень комфортно, такие люди вообще по жизни ощущают себя вольготно, общаясь со всеми, они делают снисхождение, спускаясь со своего небесного Олимпа, им и в голову не приходит, что кому-то не в кайф с ними общаться. А между тем, таких людей куча. И мы одни из них. Я знаю, что Андрюха терпеть не может Олега. Он вообще не очень любит мажоров и парней, которые выглядят, как геи. Новое модное словечко – метросексуал. Девочки тащатся, мальчики плюются. Я чувствую себя последним говном, я терпеть не могу этих двух спесивых мудаков, но никогда не скажу им об этом. Почему? Для этого много причин. И что самое обидное, им ведь никогда не понять, почему люди, встречая их, улыбаются и разговаривают с ними, в душе понося в хвост и в гриву. Долбанные социальные статусы.

Олег рассказывает о достоинствах своей новой машины, мерсе представительской серии, на котором раньше рассекал его папаша, о его ксеноновых фарах и удобной панели. Папаша его, наш мэр, пошел на второй срок и наверняка уже взял себе тачилу посолиднее, а старую слил сынку. Олег продолжает распинаться. По-моему, его слушает только Сергей. Оба чувствуют себя чуть ли не центрами Вселенной. Мы для них лишь исполняющие роль благодарных слушателей, восхищающиеся их авторитетом, связями и могуществом. Долбанная генетическая лотерея. Возможно, они и были бы замечательными чуваками, если бы не их социальное положение, которое просто подминает их под себя, заставляет на все смотреть свысока. Я их не оправдываю, нет. Но больше всего мне неохота поддерживать с ними беседу. Я вижу, как над столом приподнимается Андрюха, его глаза весело и зло блестят:

– Ребят, знаете, что я вам скажу?

Они удивленно поднимают брови, как, их перебили, их не слушают? Что происходит?.. Я думаю, они лишь прикидываются такими простачками-идиотами – ну не может быть, чтобы люди были настолько тупыми.

– Что? – в один голос спрашивают они.

– Вы два спесивых ограниченных мудака, которые только умеют тратить наворованные папками деньги.

Он произносит это негромким уверенным голосом и по очереди заглядывает Олегу и Сергею в глаза. Молчание. Даже Юля отрывается от мелькающих на экране сноубордистов и с интересом наблюдает за ситуацией.

– Ты офонарел? – спокойно, но с угрозой в голосе произносит Олег. – Повтори.

– Специально для самых быстрых и понятливых, – так же негромко говорит Андрюха. – **ВЫ ДВА СПЕСИВЫХ МУДАКА, КОТОРЫЕ ТОЛЬКО УМЕЮТ ПРОЖИ-**

ГАТЬ НАВОРОВАННЫЕ ВАШИМИ ПРЕДКАМИ ДЕНЬГИ!!! А теперь валите отсюда на болт, мы вас сюда не звали.

Таких растерянных щей, как у Олега и Сергея в тот момент, я не видел никогда. Парни привыкли к тому, что люди все время смотрят им в рот, льстят и пытаются набиться в друзья. А тут...

– Да знаешь, что я сейчас с тобой сделаю... – начинает Сергей, поднимаясь. Андрюха сталкивается с ним грудью, не отводит глаз:

– Что? Вкачаешь сипа? Пожалуешься папочке? – И, выговаривая по слогам: – МА-ЖОР-НЫЙ У-РОД!

– Так, чуваки, спокойно. – Я вклиниваю руки между ними. – Спокойно!..

– Пойдем, Сережа, – добавляет Олег, – потом разберемся. Ты, панк, тебе конец, понял?!

– Пошел на болт, мудака, – отвечает Андрюха.

Они разворачиваются и уходят. Андрюха садится на свое место и берет в руки чашку с недопитым чаем.

– Сипец щи, стос! – говорю я. – Ты оболтел?

– Всю жизнь мечтал это им сказать, – довольно лыбится дредастый. – Всю жизнь пока тусуюсь, вижу этих двух высоколобых полупидарков. Теперь одной мечтой меньше. Ты видал их щи?

– Ты понимаешь, что тебе сейчас будет? – спрашиваю его я.

– Да ни болта не будет. Максимум что может случиться, так это могу выхватить люлей. Но это совсем не страшно, я столько раз огребался сипа, что мне это как-то до фонаря. Не убьют же они меня, в конце концов, за то, что я их просто на болт отчислил из пельменной. Так что всё ништяк, расслабьтесь.

Он лучезарно улыбается, словно выиграл в передаче «О, Счастливчик!».

– Это же сын мэра, если я не ошибаюсь, – говорит Даша. Она сидит, потирая макушку, скандал ей неприятен.

Мы киваем головами.

– Сын мэра? – оживляется Юля. – Ух ты, а я не знала, что у нашего мэра есть сын. Молодой такой...

В ее голосе слышатся заинтересованные нотки. Мне неприятно. Слишком уж она непосредственна. Нельзя так, до такой степени.

– Не люблю мажоров, – добавляет Андрюха.

– Тогда ты не должен любить и меня, – говорит Даша и смотрит ему в глаза. Типа, мол, что ты на это скажешь?

Андрюха неожиданно тушует, опускает глаза в пустую чашку.

– Ну, ты – это исключение, – смущенно улыбается он. – Тем более, папаша у тебя бизнесмен, всего добился сам, небось не ворует деньги из городской казны... Да и ты, я что-то не заметил, чтобы особо пользовалась его регалиями... Нормальная девушка без нездоровых понтов.

– Ну, спасибо, – Даша смотрит на меня. – Женя, я, наверное, поеду. Пора уже... Андрей, тебя подкинуть в город?

– Не отказался бы.

Мы прощаемся с ними, крепкая ладонь Андрюхи, грустное «пока» от Даши, печальные глаза. Поднимаемся ко мне в номер. Больше всего мне не хочется встретиться с Леной или Аленой. Непременно брякнут что-нибудь лишнее, это совсем ни к чему. Юля держит меня за руку, в другой я несу доску. Что-то это мне напоминает... Я открываю дверь ключом, и мы заходим внутрь, вешаем куртки, снимаем обувь.

На часах уже семь. Я улыбаюсь, какой я всё-таки продуманный сукин сын – в ванной нас ждет бутылка вина и свечи, купленные заранее. Интересно, как Юля смотрит на то, чтобы принять ванну вместе? Она с любопытством оглядывает мое жилище.

– А я все представляла немного по-другому... – говорит она. – Так вот как ты живешь...

– Как? – спрашиваю я.

– Ну... – мнется она и переводит разговор на другую тему: – Давай музыку включим.

Я подхожу к ноутбуку, включаю его, жду, пока загрузятся мастдаи, кликаю winamp.

– Есть что-нибудь расслабляющее, romantic collection какая-нибудь? – Юля подходит ко мне сзади и обвивает руками мой торс.

Я включаю сборник баллад от стариканов GnR, November rain. Снимаю толстовку, стягиваю майку через голову, бросаю на кровать. Разворачиваюсь к ней лицом.

– Я приготовил для тебя маленький сюрприз, – говорю я.

Ух ты, я люблю сюрпризы, слышу в ответ. Я веду ее в ванну и показываю расставленные по всем углам толстые свечи, что скажешь? А чтобы не было скучно я тут прихватил кое-что, показываю ей большую бутылку китайского абрикосового. Купание при свечах, как тебе это?

– Ой, мое любимое! – восклицает Юля. – Откуда ты знаешь?

– А ты не помнишь? – обнимаю ее за талию. – Ты сама мне как-то говорила... Забыла?

– И ты подло воспользовался этими тайными знаниями, – укоряющее произносит она, смотрит мне в глаза. – Знал, наверное, что я не смогу отказаться... Включай воду.

Улыбается. За ее улыбку я готов сделать всё, что угодно. Перейти Сахару, покорить Эверест, погрузиться в Марианскую впадину... Или исполнить rodeo flip при хелибординге.

Поднимаю ручку крана,двигаю ею, делаю воду погорячей, беру Юлю за руку и вывожу из ванной.

– Ну, что, начнем, пока вода набирается? – спрашивает она меня. Стягивает свою майку, оставаясь в кружевном бюстгальтере.

– Вот, блин, – говорю я. – Растяпа! А штопора-то у меня нет!..

– Ну, и что мы будем делать? – Юля смотрит на меня со своей обвораживающей полуулыбкой. – Все отменяется?

– Да уж, конечно, жди! – Мотаю головой. – Я сейчас, никому не открывай. Я постучу четыре раза, и потом еще сразу два. Хорошо?

Юля кивает. Легко целую ее в губы, натягиваю майку, выхожу (клацает английский замок) и двигаюсь по коридору в сторону горничной. Знакомая дверь, стучу, мне открывает Алена.

– Вау, какие люди! – говорит она. – И какими судьбами? Заходи-заходи!..

Я прохожу внутрь, оглядываюсь. Никого, кроме Алены.

– А где Лена? – спрашиваю я. Черт, зачем это?..

– Ленка на вечеринке, ты как будто не знаешь. Не видел ее, что ли? – разводит руками Алена. – А я тут совсем одна, скучаю...

– Я по делу, – говорю я, пока это не зашло слишком далеко. – Алена, у тебя есть штопор?

– А ты собираешься меня пригласить выпить?– Она вьется вокруг, словно лиса из басни Крылова. – Зачем тебе штопор?

– Алена, кончай дурить, – достаточно резко обрываю я. – Я знаю, у тебя любому есть штопор. Дай, пожалуйста. Меня ждут.

– Эх, Женя, Женя, – вздыхает она, роясь в кухонных ящиках. – Упускаешь ты свое счастье!.. Держи!..

Сует мне штопор в руки.

– Спасибо. – Я открываю дверь. – Попозже занесу. – И несусь по коридору. Внутри меня сладко разливается предвкушение совместного распития вина с Юлей в ванной со всеми вытекающими последствиями.

– Да уж можешь не торопиться, – слышу вслед.

Стучусь в дверь, как уславливались, но мне никто не открывает. Толкаю ее – открыта. Что за дела?.. В комнате темно, только слышно, как бежит вода в ванной. Заглядываю туда – ну, конечно же! В воде сидит Юля, распустив волосы. Все свечи горят, тускло отражаясь в кафеле на стенах и в хромированных трубах сантехники. От стен пышет жаром, зеркало запотело. На полу стоит бутылка вина.

– Прыгай сюда, – говорит Юля и манит меня пальчиком. Желание женщины для меня закон. Моей женщины.

– Надеюсь, тебе с утра не на работу? – спрашиваю я, открывая бутылку.

– Не-а, – она мотает головой.

Что ж, отличненько. Как там говорит Андрюха? День пропал не зря!

* * *

Раннее утро. Сквозь задернутые шторы в палату пытается пробиться рас-свет. Он открывает глаза. Старик на соседней койке спит. Тишина. Извечные часы на стене отсчитывают неумолимый бег времени. Он приподнимается на руках, преодолевая боль, встает на ноги, надевает тапки и медленно идет к двери. Шаг за шагом, метр за метром. Странно, но боль уже не такая острая, и парень ускоряет шаг. Быстрее, быстрее. Он открывает дверь и идет по коридору. Медсестра клюет носом на посту. Он проходит мимо нее, держась за поясницу, немного больно с непривычки. Впереди еще бесконечно длинный коридор. Зачем меня держали тут, я же здоров, думается ему, интересно, насколько быстро я могу ходить? Месяц или сколько я лежал в постели? Сбит счет этим серым дням. Он переходит на быстрый шаг, через пару секунд он почти бежит. Все быстрее и быстрее. Никаких следов боли. Тишина на этаже, лишь гулкое шлепанье его тапочек. Никого. Он заворачивает за угол, распахи-вает дверь и несется по лестнице, сначала перепрыгивая через две, потом уже через три ступеньки. Вот и приемное отделение, первый этаж, какие-то люди ждут очереди, он распахивает двери и выбегает наружу, не задерживаться здесь ни на минуту. Свежий воздух опьяняет, на улице весна. Парень замирает на несколько секунд, жадно вдыхая уличный воздух. Sensus veris²⁶. Неождан-но кто-то хватает его за руку. Он вздрагивает. Это какой-то врач. Больной, вам необходимо вернуться в палату, находиться на улице вам нельзя, суровым голосом говорит он. Я не больной, я уже давно выздоровел, парень пытается высвободиться, но врач не желает его отпускать, крепко держится за рукав,

²⁶ Чувство весны (лат.).

зовет санитаров. При виде приближающейся подмоги он отталкивает врача и пускается наутек. Ловите его, слышит парень за спиной и только ускоряет бег. Ни капли боли, он бежит так, что ветер свистит в ушах, им его не поймать никогда. Он несется, легко перепрыгивая лужи, на улице тепло так, что он не чувствует весеннего холода. Санитары отстают, но не теряют надежды его поймать, держась за грудь, они то и дело останавливаются передохнуть, словно при тяжелой никотиновой одышке. Он отрывается от них все дальше и дальше, но не перестает бежать, ветер обдувает его лицо, он приятно жмурится...

Легкое касание к щеке выводит парня из сна. Она стоит и легонько дует ему на лицо, трогает его прохладными пальцами, улыбается, видит заспанные глаза.

– Проснулся? – спрашивает она.

– Ага... – отвечает он. – Мне такой сон снился... Как будто я отсюда убежал...

– Хороший сон. – Девушка садится к нему на постель. – Это значит, что скоро тебя отсюда благополучно выпишут. И останется тебе только поправляться да выздоравливать.

– Блин... Как всё-таки хорошо, что ты у меня есть. – Он смотрит в ее огромные голубые глаза. – Если бы не ты, я бы давно уже отчаялся, ты здорово меня поддерживаешь... Спасибо.

– Дурачок. Я же люблю тебя, поэтому я здесь... – Она неожиданно замолкает, как будто сказала что-то лишнее.

– Завтра с утра у меня операция, сегодня заходил врач, сказал, – спустя некоторое время, говорит он. – Я так устал от всего этого... Побыстрее бы всё решилось уже.

– И мы поедem домой, – добавляет она. – Надеюсь, ты не забыл, что у нас теперь свой дом?

Он улыбается.

– Я помню. Ты специально сняла квартиру.

Она гладит его по щеке. Не бойся, я с тобой, шепчет она свои заклинания. Он спрашивает ее про погоду, она отвечает. Да там уже самая настоящая весна, почти все растаяло, солнце палит вовсю. Я заметил, ты сегодня без шапки, говорит он. Вот выйдешь отсюда, сам убедишься, как уже тепло, произносит девушка. Побыстрее бы, не терпится ему. Они болтают снова о всякой ерунде, она пытается рассказать ему пару анекдотов, которые прочитала в сегодняшней газете. Он делает вид, что ему смешно, снова улыбается.

– Знаешь, – говорит она, – у тебя чертовски красивая улыбка.

– Спасибо. – Такого он явно не ожидал. И, немного подумав: – Это лучший комплимент за последние пару лет.

Слышно, как капель бьет по подоконнику, солнце плавит в палате воздух, за окном весна. Последний вечер вместе перед операцией, девушка сидит, пока медсестра не напоминает, что пора уходить, впитывает глазами его боль и страх. Ей и самой страшно. Не меньше, чем ему.

* * *

Я стою на балкончике для зрителей, если это можно так назвать, прямо над спортзалом, где около тридцати особей женского пола прыгают и всячески пытаются выполнять фитнес-упражнения. Шаг вперед, руки вверх, прыжок на месте,

прыжок назад. Некоторые из них ничего, фитнес-гимнастика делает из слегка (а иногда и не слегка) ожиревших дам желанных фигуристых женщин с тонкими талиями. В зале играет диско, по-моему, АВВА. Время 20.30, рядом со мной Андрюха корчится, как обезьяна в вольере, изображая дикую страсть, трясет дредами. Перед женщинами стоит Юля и показывает, как правильно делать упражнения. Изгибается, демонстрируя чудеса пластики, растягивается на шпагат, закидывает ногу за шею. Андрюха говорит мне, что приходил бы сюда хоть каждый день. Отличнейшая тренировка для воображения. Всё, что говорит Андрюха, я стараюсь пропускать через внутренний фильтр, цензура для восприятия, смотрю на Юлю, смотрю на остальных. Время течет медленно, а мне так хочется обнять ее и поцеловать. Мы не виделись два дня, только звонки по мобильному и sms-ки. Почему я не могу думать ни о чем, кроме нее? До конца тренировки остается еще минут пятнадцать. Некоторые из девушек улыбаются, изредка поглядывая вверх. Андрюха ходит по перилам, строит рожи, дурачится, показывает язык. Сама непосредственность. Не люблю, когда не улыбаются, признается он, кто не веселится, тот просто скучная и неинтересная личность. По-своему он прав. Но вот я не могу веселиться, пока не возьму свою девушку за руку, не поцелую ее в губы. Она тоже иногда поглядывает вверх, на меня. Я ей подмигиваю, и она улыбается своей чертовски восхитительной полуулыбкой. Что бы я делал без нее? Мне даже не хочется об этом думать, я слишком сильно ее люблю. Андрюха тычет меня локтем в бок, наверное, у него такое хобби, он не может просто сказать что-нибудь, ему необходимо сначала слегка заехать локтем мне в район ребер. Зацени вон ту крошку, показывает пальцем он, ух, ну и кобылица. Он прав, ноги от ушей, бампер третьего размера, пережатые гидропитом волосы. Абсолютно не мой типаж. А как же твоя любовь – Даша? – спрашиваю его я. Небольшая подначка, укол уязвленного мачизма. Даша – это святое, говорит он, но она всё никак понять не может, что у тебя есть Юля и что вообще самый лучший в мире Карлсон – это я! А эта женщина, – он снова показывает на длинноногую грудастую блондинку, – просто очередное мясо, немного проинсталлировать, посулить татуху и можно уже откатывать ее на лыжах.

Сегодня мы на машине. Андрюха иногда берет у родителей их новый FORD Focus, в благодушном настроении они доверяют ему семейный автомобиль. Сегодня именно такой случай. Родители у Андрюхи делают это нечасто, да я их вполне понимаю – стаж у него меньше года, за рулем он нерегулярно, так что каждый раз, когда он выклянчивает у предков такую шикарную тачку, для нас настоящий праздник. Автомобиль оснащен дорожной аудиосистемой, всю дорогу мы слушали SLIPKNOT, у меня до сих пор в ушах немного позванивает. Никогда не понимал этот дьявольский микс Андрюхиных вкусов – жесткий нью-металл, нацистские марши, панкуха и реггей. Но сам Андрюха клевый, я его все-таки люблю, иногда я задумываюсь: наверное, он единственный мой настоящий друг, особенно в последнее время. В прошлом году мы тоже общались, но не так плотно, как в этом. И если бы Андрюхи не было, его стоило бы придумать. Без него скучно. Только меня беспокоит то, что сегодня он основательно накурен, поэтому, может быть, он и несколько перегибает палку, пуская слюну, демонстративно разглядывая девушек внизу. В следующий раз нас сюда точно не пустят, Андрюха, говорю ему я, веди себя поприличней. Забей болт, Сеня, отвечает он, и показывает кому-то язык. Я пожимаю плечами.

Когда оканчивается тренировка, мы спускаемся вниз. Юля обнимает меня, улыбается. Я целую ее в губы. Андрюха рассматривает толпящихся у входа в раздевалку девушек.

– Жень, подождешь меня, я в душ? – спрашивает она. Конечно, отвечаю я. Я быстро, пятнадцать минут и всё, говорит Юля и исчезает за дверьми.

– Смотри, – тянет за руку меня Андрюха, здесь есть батут, клевая штука, приколемся?

– Легко, – говорю я.

Если бы у нас на базе отдыха был батут, всякие родео и мистифлипы я бы начал делать еще пару сезонов назад. Отличная штука. Я скидываю ботинки, запрыгиваю на батут, отталкиваюсь, меня подбрасывает вверх. Немножко распрыгиваюсь, вверх-вниз, вверх-вниз, ловлю завистливые взгляды Андрюхи, он подгоняет меня, давай быстрее, я тоже хочу! Я подпрыгиваю и делаю сальто назад, легко и просто, потом сальто вперед. Класс! Подумываю о том, чтобы почаще наведываться к Юле в спортзал, разминаться на батуте, повышать прыгучесть и динамичность. Когда я спрыгиваю, на батут забирается мой укуренный друг. Отталкивается, подлетает вверх, эмоции прут из него, он начинает вопить, как ребенок, лыба до ушей. Переворачивается в воздухе, РООООКНРОООЛЛ!!!!!! – орет он. Из раздевалки выглядывают пара особенно любопытных девушек, наблюдают за дрэдастым. Он неплохо чувствует себя в пространстве даже будучи под ганджей, у него очень технично получается закручивать сальто. Он делает сальто назад, сальто вперед и, конечно же, орет как резаный, это у него не отнять. Я вижу, как болтаются его дрэды, когда он делает родео на батуте. После приземляется на задницу, батут подкидывает его вверх по инерции еще пару раз. Ух, вытирает пот со лба Андрюха, оттяг, прикольно! Он натягивает свои кеды, и как раз в этот момент в зал выходит Юля. Я готова, сообщает она, поехали. Мы спускаемся в холл, берем одежду в гардеробе, выходим на улицу. Пока мы одеваемся, Андрюха успевает отбежать в сторонку и взять у той самой блондинки телефон. На улице холодно, мы прыгаем в машину и включаем печку.

– Ну и вкус у тебя, Андрей, – говорит ему Юля, – тебе она что, правда, понравилась?

– Ага, – хмыкает он, – но так, исключительно в познавательных целях, ничего серьезного.

Юля смеется:

– А как же ваша любимая Дашечка?

Она тоже в курсе, я как-то рассказывал ей об этом.

– Но-но, – говорит ей Андрюха, – ты Дашу не трогай.

– А что она всегда такая напряженная? – спрашивает Юля.

– Догадайся.

– Так, милые мои, – вмешиваюсь я. – Может, сменим тему?

– Что мы сегодня собираемся делать? – Юля поднимает вверх бровь. – Зачем вы доски с собой взяли?

Сзади в салоне лежат две доски, в багажнике ботинки. Доски трудно не заметить.

– Хотим тебе кое-что показать, – отвечает Андрюха, – ты же не против?

– Мне с вами всегда нескучно, – улыбается Юля. – Валяйте!

В последнее время я стал замечать, что Юля пытается ввести в свой словарный обиход кое-что из незамысловатого сленга. Забавно. Мне это нравится. Я улыбаюсь Юле в зеркало заднего вида.

– Ну, тогда поехали, – говорю я.

Андрюха заводит машину, и мы трогаемся с места, едем за город, где протекает местная речушка. Вернее, протекает летом. Пару дней назад дрездастый со своим младшим братом выстроил у моста на парапете огромный трамплин с диким транзитом. Маленький разгон, но под стремительным градусом, так что хватает разогнаться. Я там еще не катался, но Андрюха говорит, мне понравится. Я ему верю. В салоне содомическое сопровождение – рычат парни из SLIPKNOT. Пока мы едем туда, Андрюха рассказывает о том, как он покатался на днях.

– Вот сколько с вами уже общаюсь, а до сих пор ничего не понимаю, когда вы про свои доски разговариваете или про катание. Вы что, специально язык кодируете? – вмешивается Юля.

– Что тут непонятного? – удивляемся мы.

– Шутите? Вы же на каком-то жутком марсианском наречии начинаете говорить, я ни слова не понимаю... – Она сконфужена.

Мы смеемся.

– Забей, Сеня, – просто говорит Андрюха. – Сейчас ты увидишь всё это в действии.

– Отлично, – соглашается она.

Мы подъезжаем к мосту минут через десять, все освещается придорожными фонарями, так что светло почти как днем. Спускаемся по протоптанной дорожке вниз, к парапету, на котором стоит трамплин. Вокруг него вырыты ямы, откуда брался снег, почти до промерзшей земли. М-да, вполне ничего, градусов шестьдесят-шестьдесят пять, широкий, а так как стоит он на самом краю парапета, то фактическая его высота около трех с половиной, да и вылет тут, я чувствую, не меньше метров восьми, но это из-за градуса, который больше выбрасывает вверх, а не в длину. Разгон действительно короткий, но если разогнаться по прямой, то наверняка хватает.

– Ну, как? – Андрюха явно доволен своим детищем.

– Серьезное заявление, – говорю я. – Только вот, стос, я не пойму одного. Объясни мне, свой единственный в неделю выходной ты потратил на то, чтобы строить трамплин вместо того, чтобы просто поехать ко мне на базу и нормально покататься? Небось, целый день на него угрохал...

– Ну... да, – отвечает он, теребит выпавший из-под шапки прут дрездлока. – Вся фишка в чем: я же со своим братом мелким трамплин строил, приучал его, так сказать, к прекрасному. Нужно же не только уметь кататься, но и фигуры строить, лопатой работать. Чтобы иметь представление о физике трамплина, нужно построить хотя бы парочку. Тем более прикольно иметь свой персональный секретный трамплин, о котором никто не знает. Скоро соревнования, и я думаю, разумнее тренироваться на настоящей фигуре, чем на той фигне, которая стоит у вас там на базе. Слишком маленький радиус. Будем как настоящие мужчины тренироваться на почти бигэйре.

Он ухлопывает лопатой верхушку трамплина, подкидывает снежку. Я слышу, как хлопает дверца автомобиля, и к нам спускается Юля.

– Ух, ты, – говорит она, натягивая красные варежки. – Это тот самый трамплин, о котором вы говорили? – Она подходит к краю парапета, заглядывает вниз, качает головой: – Нет, парни, вы сумасшедшие. Тут же метра четыре, если не больше... Вы что, собираетесь отсюда на досках прыгать? Да я бы тут просто так не стала бы, не то что с доской...

– Просто так я и сам бы здесь прыгать не стал. На доске-то совсем другое дело. Видишь дальше склон? – Я показываю ей на место вылета. – После прыжка мы не гасим скорость на месте, как это было бы, если бы просто с него спрыгнули, а постепенно снижаем за счет движения вниз.

– Как всё мудрено. Я тут постою на краешке, посмотрю... – говорит она.

Я смотрю на нее, улыбаюсь, она улыбается мне в ответ. Подхожу к ней, чмокаю в теплые губы. Искрящиеся улыбкой глаза. Карие, пьяного цвета. Поворачиваюсь к Андрюхе.

– Стос, а ты проверял приземление на наличие всяких арматурин и железечек?

– Не гони. Там на склоне все нормально, сверху снег. Какие железки, ты что? Я еще по осени сюда приезжал специально, смотрел.

– Понял.

Мы поднимаемся к машине, переобуваемся, берем доски и выходим из машины. Это мы – адреналиновые хроники, эндорфиновые торчки. Встаем у обочины и почти одновременно пристегиваем борды. Ты первый, говорю я. О'кей, соглашается он, а я тут новый трюк отрабатываю, сейчас заценю. Юля с интересом ждет нас внизу, машет рукой, давай, поехал уже! Дрэдастый застегивается, натягивает перчатки и немного распрыгивается на тэйле и носе доски, приседает и стартует вниз по прямой, straight down. Droite, по-другому тут никак. Если не наберешь скорость – воткнешься в снег, просто упадешь, не выпрыгнешь. Стою, смотрю сверху. Андрюха отталкивается от кромки трамплина, взмывает вверх, словно ракета, в полете опускает колени вниз и хватает обеими руками грэб за задний кант: передней рукой чуть выше переднего крепления, другой – чуть ниже заднего, изгибается дугой, фиксирует на секунду эту позу, молодца. Летит вперед, как ядро из пушки. Очень техничный Flying Squirrel Air. Приземляется метрах в десяти, машет нам рукой. А вылет действительно очень крутой.

Стартую вслед за Андрюхой, тоже по прямой, droiete, все нутро сжимается от предчувствия того, что через пару секунд сила инерции выбросит вверх, все мышцы напряжены, разум спокоен – он контролирует все. Невероятное ощущение безлимитной свободы, чувство идеального равновесия, восторг вперемежку с адреналином, и все это за пару мгновений до того, как я взмываю вверх в небо. На какую-то долю секунды внутри всё обмирает, нет, слишком, слишком быстро!.. Но мои отточенные донельзя мышечные рефлексy не подводят, я контролирую все движения, вхожу на трамплин в дуге, и, насколько это возможно, максимально быстро закручиваюсь-закручиваюсь-ЗАКРУЧИВАЮСЬ!!! Реально corkscrew, полсекунды 180, 360, разгоняя тэйлом доски облака, 540, еще чуть-чуть! 720!!! Да! По инерции меня выкручивает уже на приземлении, я с трудом удерживаю равновесие, но не падаю в снег (грязь!) лицом, а выравниваюсь и качусь дальше, торможу бэксайдом, отстегиваю доску. Юля аплодирует мне с парашюта.

– Акробат!

Я театрально отвешиваю поклон. Смеюсь:

– Не хочешь попробовать?

– Не-е-е, – улыбается она, – я себе не враг!..

Я вскарабкиваюсь на парашют, бросаю доску наверх в снег, встаю, подхожу к Юле и обнимаю ее двумя руками. Попалась, говорю я и целую ее. Она смеется, шутливо вырывается. По-моему, стоит жить только ради таких вечеров, когда с тобой рядом любимая девушка, лучший друг и доска. Лично мне

больше ничего не нужно. Юля трется своим носом о мой, мрррр, мурлыкает, как кошка.

– Не замерзла? – спрашиваю я.

Она мотает головой:

– Не-а, устала просто немного после тренировки...

Андрюха орет сверху:

– Жентос, давай уже сюда! Ты кататься приехал или что? Цени: я сейчас родео бэксайд мочить буду!

– Штаны не обмочи! – кричу ему я. Вот-вот, пообщайся с Андрюхой, станешь такой же язвой, как он сам. Чмокаю Юлю еще раз в губы, подхватываю свой Salomon и поднимаюсь к дрездастому.

– Ну, – говорю я, – давай, удиви папку.

Он лишь брезгливо морщится от моих слов, мол, сейчас увидишь, кто тут отец. И снова droiete, Андрюха летит, пригнувшись к доске, сжатая адреналиновая пружина в чистом виде, отталкивается от кромки трамплина, переворачивается в воздухе, я вижу, как прутья его дрездлоков распахиваются веером, краем уха слышу Юлино «БААААУУУ!!!», дрездастый приземляется на всю плоскость доски, хлоп! И катится дальше, с поднятыми вверх руками, уеаааа!

– Маньяк! – кричу ему. – Запасной позвоночник купил уже?

– Конечно! – орет он, отстегиваясь. – Две штуки в шкафу стоят. Кто не рискует, тот не пьет валерьянку!

Хочу сделать мистифлип, но с таким радиусом у трамплина это делать немного страшновато. Вообще, даже когда прыгаешь с маленького кикера, ощущаешь этот знакомый до боли впрыск адреналина в кровь. А когда перед тобой такой бигэйр, как этот, с которого я собираюсь сейчас сигануть, адреналина в организм приходит целая пачка в концентрированном виде. Могут дрожать коленки, а ноги становятся ватными, стоит только подумать о том, что есть неболтовая вероятность брякнуться. Перспективка не из заманчивых. Мистифлип так мистифлип! В конце концов, не за горами соревнования и там будет бигэйр не меньше, чем тут, а возможно, даже больше. Так что, Женя, меняй памперс и вперед, говорю я себе. Пристегиваюсь, скриплю креплениями, встаю, немного прыгаю на разных концах борда, пытаюсь отогнать мерзкие зачатки страха. А, по фигу! Гоню вниз, исключительно по прямой, straight down, смотрю вперед, дыхание замирает в груди тяжелым комом, я вылетаю вверх и только в эту секунду, когда вращаюсь в затрамплинном пространстве, чувствую абсолютную свободу, только я и доска, больше ничего не существует, это единственный верный способ раствориться в собственных ощущениях через обострение рефлексов, остаться наедине со сноубордом и самим собой, реальность становится предельно тонкой и... и снова закручиваю corkscrew 540 через голову. Mistyflip.

Приземляюсь, торможу, ловлю завистливые взгляды Андрюхи. Ну дык. Скованность в груди куда-то улетучивается, остается лишь расслабленность, которая накатывает всегда после удачно сделанного трюка. Отстегиваюсь, бегу к парапету.

– Ты лучший! – говорит мне Юля, протягивая руку, помогая взобраться.

– Стараюсь, – скромно отвечаю я.

А Андрюха уже снова несется вниз. Я бегу наверх. Мы катаемся еще около получаса, пока Юля не уходит греться в машину, поглядывая на часы, намекая, что ей пора домой. Дрездастый с сожалением говорит, что еще по разику и всё. Мы прыгаем, он закручивает 720, я опять мистифлип на прощание. Трюк получается

все техничнее и техничнее, прорабатывается какой-то стиль в движении, я уже не тупо болтаюсь, как сопля в полете, а реально контролирую пространство. Это радует.

Поднимаемся, взбираемся на парапет, эти подъемы изматывают, несмотря на небольшое расстояние. Идем к машине, переобуваемся, засовываем доски в салон. Приятно ноют тренированные мышцы, тепло. Я думаю о том, как приятно было бы прямо сейчас оказаться у себя в номере, постоять под контрастным душем, подняв лицо под струи, и, выйдя из ванной, рухнуть в постель и забыться здоровым глубоким сном. Юля в машине слушает какое-то попсовое радио, ей нравится. Что ж, иногда любимым нужно прощать кое-какие их маленькие грешки.

– Андрей, докинешь меня до дома? – говорит она.

– Конечно, – отвечает он. – Ты где живешь?

Юля объясняет ему, как проехать. Я сижу на переднем сиденье, гляжу то на Юлю, то на доски. Юля почти засыпает, действительно устала; по скользкому медленно ползут крошечные комочки снега, превращаясь в воду. Кусочки снега, которые мы не стряхнули со своих досок. Андрюха заводит машину, включает CD со Slipknot'ом, и мы с прокрутами срываемся с места. Мимо мелькают фонари, елки, нечастые дома пригорода. Когда мы въезжаем в город, я вижу в зеркале, что Юля почти заснула, делаю музыку потише и прикладываю палец к губам, тс-с-с, Андрюха понимающе кивает. Когда мы подъезжаем к ее дому, я осторожно беру Юлю за плечо.

– Солнце... – шепчу я. – Мы приехали....

Она открывает глаза, нашаривает рукой свою сумку, заспанно хлопает большими ресницами:

– Ой, я так устала за сегодня... Спать хочу, ужас...

На часах десять вечера. Я целую ее, чувствую тепло ее губ, нехотя отпуская. Я позвоню тебе завтра, шепчет Юля мне на ухо.

– Пока, Андрей, – говорит она и захлопывает за собой дверь. Машет нам рукой, устало улыбается и подмигивает. Исчезает за массивной металлической дверью подъезда.

– Ну, и куда сейчас? – спрашивает Андрюха.

– Да болт знает... – пожимаю плечами.

– Может, по пиву? – предлагает дредастый.

– Ты же за рулем... – недовольно хмурюсь я.

– Ну и что? – удивляется Андрюха. – Жентос, я с тебя смеюсь. Что мне будет с бутылочки пива?

И мы едем пить. Есть у нас в городе один симпатичный кабак. Даже не кабак, а так, типа арт-кафе. Иногда там живьем играют музыканты, и довольно часто сводят свои чилаут-сэты похожие друг на друга, словно клонированные, местные диджеи. При желании можно заказать кальян или элементарно напиться, благо пивчага тут не сильно дорогая. Да и работает заведение до двух ночи, так что мы реально вписываемся со своими планами.

Андрюха ведет Ford по ночному городу, я лениво разглядываю безлюдные улицы, обледеневшие тротуары и засыпанные снегом газоны. Всё-таки зима это классно! Приоткрываю немного окно, и в салон врывается свежий зимний воздух. Бодрит. Заведение – притон местных фриков, считающих себя особенными. Для тех, кто еще не вышел из чудесного периода юношеского максимализма. Волосы, косички, пирсинг, одежда от неформальных брендов. Что тут можно услышать,

нечаянно подслушав разговор за соседним столиком, так только рассуждения о Мураками и Акунине, сравнения дисков диджея Пупкина и Подзалупкина, преимущества одного сотового телефона над другим, иногда – базары за революцию и за изменение сознания химическим путем посредством всяческих модных стимуляторов. Смотри также Казантип, Гоа, Ибица. Особое место занимает Кастанеда и тоннели реальности. Ребята до сих пор верят, что этот мир можно изменить, не понимая, что сами уже давно служат его орудием и активными потребителями масскультуры. Все, что мне нужно, это любовь, пели еще битлы хрен знает сколько лет назад, об этом они не помнят, брезгливо воротят проспидованные носы, а зря. Любовь это единственное, что осталось в этом гребаном мире, только каждый выбирает сам, что ему любить. Не ошибись в выборе, дружок, думаю я.

Смотрю на Андрюху, а ведь и мы когда-то были такими же, но, к несчастью, всем свойственно стареть, приобретать житейскую мудрость, рано или поздно, но наступает тот стремный момент, когда от всей этой движухи просто не прет. Не прет, и всё, что тут поделаться... Когда-то вставляло, но что-то происходит, изменяется в наших головах, и потом – бац! – и всё, что значило для тебя очень много, просто уходит из твоей жизни дешевым парусным корабликом. Я говорю сейчас о внутренней стороне нас. С виду Андрюха такой же, как и они, но я знаю, какой он на самом деле. Я часто слышу от него, как его достали неформалки, которые приходят к нему пирсинговать пупки. Таких он ненавидит какой-то особенной ненавистью. Свой внешний вид он не меняет уже лет семь-восемь, не считая удлиняющиеся дрэды и увеличивающееся с каждым годом число тату на теле. Я в чем-то даже завидую всем этим сублильным юношам, подстриженным под брит-поп, они еще не догадываются, что впереди их ждет только разочарование и смена приоритетов, они еще верят, что так будет всегда и их вечно будет колбасить на этой чудесной волне. Но вот вряд ли, это я знаю точно. И хорошо, что есть сноуборд, выход на ту сторону. Аллилуйя!!!

Мы приезжаем, спускаемся внутрь. Кафе находится под точно таким же супермаркетом, что и тату-салон, где трудится Андрюха, только площадь заметно больше. Два зала, для некурящих и курящих, разгороженные небольшим коридором с сильной вентиляционной вытяжкой, мы отправляемся в зал для некурящих, в кафе играет диджей, какой-то неоланж. Внутри, как обычно, полно народу, но, к счастью, в зале для некурящих стоит пара незанятых столиков. Картины в стиле авангард и абстракционизм, стены, забрызганные краской из баллончиков, кое-где проглядывает кирпичная кладка, с потолков висят заводские светильники с металлическими абажурами. На нас поглядывают с почтением и любопытством, я знаю, что все это из-за шикарных красно-черных дрэдов Андрюхи, мой внешний вид самый заурядный.

Кидаем куртки с шапками на соседние стулья. На Андрюхе длинная майка с рукавами, поверх нее черная тишотка с огромным черепом ZERO. Мы заказываем по светлому пиву и пару порций фисташек. Завтра на работу, во мне просыпается желание напиться. ЖЖ дрючит меня по поводу соревнований, Вадиму достается не меньше. Я делаю глоток из своего бокала и достаю из кармана сотовый. Набираю sms Юле. Каждый раз, когда я вспоминаю о ней, на душе становится по-особенному светло и тепло. Здорово, что она есть у меня... Спокойной ночи, солнышко мое лучезарное, конвертик sms отправляется к моей любимой. Я засовываю телефон в карман и переключаюсь на Андрюху. Тот конкретно инсталлируется по сидящим за соседним столиком девчонкам. Лет восемнадцать-

девятнадцать, не больше. Вызывающий мэйкап, феерические прически, куча всяких фенечек и мулек на руках и на шее. Андрюха попивает пиво и не отводит от них глаз.

– Почём вы, девушки, красивых любите? – спрашивает он.

Они улыбаются, смеются. Как это у него получается? Нужно как-нибудь спросить. Вдруг расскажет. Тут же задумываюсь, а зачем мне это надо?

– Недорого берем, – отвечает одна, поправляя локон. Похожа на маленькую симпатичную обезьянку из зоопарка. Именно такой типаж девушек чувствует себя максимально дискомфортно, если нет возможности поглядывать на себя в зеркальце каждые пять минут и поправлять волосы и макияж. Долбанные зомби.

– Не обращайтесь внимания на мои глупые шутки, я с совершенно серьезными намерениями, – говорит Андрюха и делает сложные щи, заглядывая им в глаза.

– Предлагаю руку и сердце... в обмен на грудь и бедра!

– Дурак! – говорит другая. – Мы вообще своих друзей ждем, они скоро должны приехать. Так что, извини – отвали...

– А, ковырялки... – машет рукой Андрюха. – Сосите свое пепси.

И отъезжает на стуле обратно ко мне за стол, отхлебывает из кружки пиво.

– Как они тебя на болт из пельменной? – ухмыляюсь я. Искренне радуюсь за друга.

– Лучше плохо, чем никогда, – парирует Андрюха. – Семь раз об дверь, один раз об рельс.

В кармане моих штанов раздается трель sms. Достāju телефон, гляжу на экранчик.

Андрюха залпом допивает пиво и жестом подзывает официантку, тычет пальцем в меню. – Мне, пожалуйста, еще светлое пиво и сэндвич с ветчиной и маринованными огурчиками. – Он поворачивается ко мне. – Тебе взять?

Я мотаю головой. Читаю sms. «Я тебя обожаю, ты у меня самый классный! Целую». Юля все-таки может быть романтической, я наполняюсь какими-то трогательными флюидами, мне хорошо и грустно одновременно. Вспоминаю ее ровный красивый голос, карие глаза, запах кожи... Хорошо – от того, что мы есть друг у друга, грустно – что ее сейчас нет со мной... Беру себе еще пиво.

– Как у тебя дела с Дашей? – спрашиваю я Андрюху.

Тот отрывается от своего бутерброда:

– Блин, стос, никак разобраться не могу! – Он разводит руками. – Баба она, конечно, шикарная... только вот что-то ей на меня по болту как-то... Столько дерьма, аж в голове не укладывается!

Пивной хмель ударяет мне в голову. Хочется немного созорничать. Достāju телефон, заговорщицки ему подмигиваю:

– А хочешь, стос, она сюда сейчас приедет?

– Жентос!.. – Он не может подобрать слов для благодарности. – Мочи грязьку!

На самом деле, мне очень хочется, чтобы у Андрюхи с Дашей все получилось. Тогда она отстанет от меня, а дрэдастый, даст бог, успокоится. Всё встанет на свои места, и мне уже не будет неудобно перед Юлей. Руководствуясь такими гнусными побуждениями, я набираю Дашин номер. Знаю, что она приедет, но из-за меня. Мое же дело – слить ее Андрюхе. Это как у «Кирпичей»: «Если вы с другом не поделили бабенку, друг ее уступит: деликатно и тонко». Не совсем точно, но примерно так.

– Привет, – говорю я в трубку.

– О, Женя! – радуется Даша. – Привет-привет!!! Ты где?

– Да мы вот тут с Андрюхой в баре сидим, пиво пьем, скушаем... Не хочешь украсить нашу скромную компанию своим чудесным появлением?

– Блин... Я уже спать собиралась... – Слышна грустинка в ее голосе. – Вы вдвоем? Еще долго там будете?

– Вдвоем... Наверное, еще посидим, только приехали. – Я пожимаю плечами. – *Nunc est bibendum*²⁷. Ну, так что?

– Что ты сказал? Водку там без меня пьянствуете? *Probatum est*²⁸. Ну, тогда ждите. Скоро буду, – просто говорит Даша и добавляет: – А где этот ваш кабак?

Объясняю ей, как доехать. Она перебивает меня, не дает довести до логического объяснения. Это возле университета, спрашивает она, тогда я знаю, где это. Буду через пятнадцать минут.

Я слышу гудки отбоя. Засовываю телефон в карман штанов. Отхлебываю пиво. Довольно улыбаюсь Андрюхе. Тот аж подается вперед:

– Ну, приедет?

В его голосе и боль, и радость, и надежда. Прямо-таки спектр чувств. Всё-таки Даша его нормально цапанула. Не ожидал я от дрездастого. Всё-таки он не совсем конченный человек.

– Приедет, – отвечаю я. – Скоро. Слушай, Андрюха, ты никогда не задумывался, что всё-таки Даша – это не твое?

– Типун тебе на болт! Что, думаешь, не по Хуану сомбреро?.. Чуть-чуть просто нужно подождать.

– Ну-ну, – говорю я, – посмотрим, что из этого выйдет.

Мы продолжаем пить. Немного кружится голова от выпитого, я щелкаю фисташки, выплевываю скорлупу на салфетку. Фисташки – лучшие из орешков, ничто не привлекает меня так, как они. Что-то в них есть особенное. В кафе прибавляется народу, на часах половина одиннадцатого, в зале прекращает играть диджей и включают Луи Армстронга. Давненько я не слушал этого старого негритоса. Андрюха весь в ожидании, заметно подвисает, как Pentium 133, думает о Даше. И что она ему так запала в душу, никак не могу взять в толк, а ведь еще давно, в тот день, когда мы познакомились с ней, он заметил ее раньше, я помню. Всё тут неспроста. А Дашутка действительно классная девушка, красивая и приятная. С латынью, конечно, иногда перебарщивает, но это и к лучшему, я тоже расширяю интеллектуальные горизонты, выучил уже порядком афоризмов. Если бы у меня не было Юли, я бы непременно задумался насчет Даши. Но!.. У меня есть самая чудесная девушка на свете, и других женщин для меня просто не существует. От этой мысли внутри становится светлее, я улыбаюсь, вспоминаю Юлины искрящиеся радостью глаза, и мне хочется позвонить ей прямо сейчас и сказать, как я сильно ее люблю. А ведь и правда, я самый счастливый сукин сын, я такой счастливый! Иногда я думаю, не слишком ли часто я это повторяю для себя? Единственное, что меня удерживает, так это мысль, что Юля уже легла спать, и моя sms только ее расстроит, а я этого не хочу. Как здорово, что всё так, как оно есть: я и она. Больше мне ничего не нужно.

Гляжу на Андрюху, уткнувшегося в свою кружку. Что-то он совсем не веселый, это на него так не похоже...

²⁷ Теперь надо выпить (лат.).

²⁸ Одобрено (лат.).

– Хорош грузиться, стос, – говорю я ему. – Прекращай. А то и я сейчас вместе с тобой начну депрессовать.

– Да не... Все в порядке, просто задумался, – отвечает он. – Странная штука жизнь.

– Ты о чем? – спрашиваю я. – Я тебя не узнаю.

– Да я много о чем. Заманало быть раздолбаем, вот я о чем. – Он отхлебывает пиво. – Я вчера с отцом разговаривал, он мне говорит, Андрей, тебе уже двадцать шесть, а ты все ерундой занимаешься – катаешься на доске, с какими-то школьниками общаешься, в тату-салоне работаешь. У него же бизнес, ты не знал? Сеть СТО. Говорит, не справляюсь, давай, сынок, уже за ум браться пора. Отдам тебе самое большое СТО, беспроблемное отлаженное производство, там работают профессионалы, уму-разуму будешь набираться, научишься всему...

Я слушаю его открыв рот. Он продолжает:

– Да и жениться тебе пора, спрашивал, есть ли у меня подружка. Ну, говорю, что есть... А он мне, ну так давай, переезжай на нашу вторую квартиру, квартирантов выгоним, будете жить там... Сипец ши... Вот думаю, может, он прав? Хотя на доске мне нравится кататься... Просто пора взрослеть, мы же взрослые уже дядьки, Жентос, хватит уже болтней всякой страдать... Стану директором СТО, отстригу дрэды, женюсь, обзаведусь семьей, порадуя папу и Вавилон... Только вот в роли жены я почему-то никого кроме Даши не представляю. От этого и грузюсь. Я на пороге новой жизни...

Я в шоке. Не знаю, что сказать. Слишком уж много он вывалил на меня за раз.

– Стос, ты подумай хорошо... – мямлю я.

– Да фиг ли думать, трясти надо, – отвечает он.

– Так ты на перепутье типа? – спрашиваю я.

– Да я уже всё решил. Завтра с утра сипую в парикмахерскую, делаю себе стрижечку, и абзац.

– Троцкишь! – выпаливаю я. Не верю.

Андрюха достает из кармана маленький перочинный ножик и отпиливает себе с макушки плотную длинную дрэдину. Красно-черную толстую змею.

– Ты что, совсем сдурел? – я просто офигеваю.

– Я серьезно тебе обо всем. – У Андрюхи максимально сложные ши. – Завтра в парикмахерскую. А это тебе подарок на память, можешь феньку сделать или что-нибудь типа в этом роде...

Протягивает дрэду мне. Я сворачиваю ее непослушными кольцами, засовываю в карман.

– Ну, ты, стос, даешь! – говорю я. – Ты меня удивляешь все больше и больше... Короче, буржуем решил заделаться? Ты только доску не бросай, слышишь?

– Слышу, слышу... – бурчит он. – Ты сам не брось.

– Я-то не брошу, сноуборд для меня всё – ты знаешь, – отвечаю я. – А вот отрекаться от всего, как ты, я не собираюсь.

– Я и не отрекался, просто пора уже имидж сменить, выглядеть, как взрослый человек... – По его голосу чувствуется, что он сам не верит во все это дерьмо. – А сноуборд как был для меня number uno, так им и остался. Кататься это рулез!

– Да уж... Ты взрослый... – говорю я. – Час назад в спорткомплексе скакал, как дикая обезьяна, раненная в туза. Хотя... Смотри сам, как знаешь...

Он угрюмо кивает головой.

– Я уже всё решил.

В этот момент в наш зал заходит Даша. Голубая куртка, распущенные длинные волосы, радостная улыбка на лице. С ней какой-то молодой человек нашего возраста, примажоренный типок, они идут к нашему столику.

– Привет! – говорит Даша и целует каждого из нас. – Заждались?

– Ну, типа того... – отвечает Андрюха. – У нас тут вроде как серьезный разговор.

– Хм, и насколько серьезный? – спрашивает она. Берет со стула наши куртки и вешает их на вешалку рядом. – Кстати, познакомьтесь – мой брат Коля. А это Андрей и Женя, я тебе о них рассказывала.

Мы жмем руки, они садятся за наш столик. Что пить будем, спрашивает она брата. Тот пожимает плечами.

– А меню тут есть?

– Ну, да, конечно... – Даша машет рукой официантке, через полминуты меню у нас на столе.

– Я буду пиво, сто лет не пила пива, – поднимает вверх палец Даша. Я вижу, как ее брат складывает губы в едва заметную брезгливую гримасу, ничего не говорит. Всегда не любил таких, как он. Внешний лоск, пустышка внутри. На болта Даша его приперла с собой? – И много-много соленых сухариков! А ты, Коля, что будешь?

Тот еще не совсем определился в выборе, листает меню:

– Я же за рулем. Алкоголь мне нельзя... О! Возьму-ка я мороженое, бананасплит и чашку американо.

– А мы будем пьянствовать! – при появлении Даши Андрюха заметно приободряется. – Да ведь, Дашулька?

Он приобнимает ее за плечи. Я достаю из кармана дрэду Андрюхи, показываю Даше:

– Смотри, что он мне подарил!.. Не хочешь такую?

– Андрей!.. – В ее голосе осуждающие нотки. – Ты что?

– Завтра подстригаюсь, – отвечает он. – Хочешь дрэду на память?

– Вот уж нет, спасибо, – отвечает она.

Через пару минут к нам за столик приносят Дашин заказ, а мы берем еще по пиву. В голове уже изрядно шумит, я отчисляюсь в дабл пописать. Туалет в кафе маленький, весь обложен изнутри большим разноцветным кафелем, играет музыка, то же самое, что и снаружи. Рассматриваю себя в зеркало. Серые глаза, морщинки в уголках глаз, борода, смешной ежик на голове, намечающаяся морщинка на лбу. Блин, а ведь мне уже двадцать пять, думаю я, это возраст! Мою руки, мну гигиеническую салфетку, возвращаюсь назад, Андрюха и Коля обсуждают преимущества двигателей их автомобилей. Спорят аж до красноты. Андрюха изрядно поддатый (в голове мелькает запоздалая мысль, а как же мы поедем домой?), а Коля, видимо, просто упрямый. Коля предлагает стартануть за городом наперегонки. На объездной дороге. Там сейчас практически нет машин, говорит он. Андрюха охотно соглашается, несмотря на мои протесты и возражения со стороны Даши. Коля старается побыстрее съесть свое мороженое, жадными глотками пьет кофе. Даша же не торопясь потягивает пиво, ест сухарики. Я с вами, маньяками, никуда не поеду, говорит она. Куда ты денешься, отвечает ей брат. Даша недовольно хмурит брови, *gravia graviores curam exigunt pericula*²⁹, говорит

²⁹ Серьезные опасности требуют еще более серьезного лечения (лат.).

она. Даже не спрашиваю, что это означает, пытаюсь запомнить приблизительно, посмотрю дома в своей книжке. Я пытаюсь отговорить Андрюху, но он уже пьян, и никакие уговоры на него не действуют. Они продолжают спорить друг с другом. Я с Дашей переглядываюсь, молчим, что тут скажешь?

Через пятнадцать минут мы идем к машине. Я прыгаю на заднее сиденье, желания рисковать на переднем совершенно нет, не хочу оставлять свои мозги на приборной панели. Сноуборды упираются кантами в бок, мне жутко неудобно. Даша и Коля садятся в свою «Тойоту». Даша недовольна, она дергает брата за рукав, но тот отмахивается от нее как от назойливой мухи. Я вижу, как они яростно жестикулируют, но из-за закрытых окон я ничего не слышу. Андрюха лезет в бардачок и достает диск *Guano Apes*, какой-то сборник. Сейчас покатаемся, весело лыбится он. Мне немного страшно, но я успокаиваю себя, всё будет нормально, не ссы, стос. Андрюха разворачивается и выезжает на проезжую часть, Коля с Дашей едут за нами. Мимо пролетает ночной город, я слегка приоткрываю окно, пытаюсь морозным воздухом хоть немного выветрить алкоголь из наших голов. Через какое-то время мы оказываемся за городом, на знаменитой объездной дороге, еще чуть-чуть вперед – и можно снова доехать до Андрюхиного трамплина. Время 23.20, машин практически нет. Мы останавливаем машины на одной линии, я всё-таки пытаюсь в последний раз облагородить дрэдастого, но все тщетно. Сейчас будет стритрэйсинг, говорит он, рок-н-ролл. Кликаю композиции одну за другой, пока не нахожу *Lords of the boards*, тема знакомая мне до каждой ноты, драйв и адреналин в одном флаконе. Коля высовывается из окна и громко считает до трех, моторы заходятся в дикой агрессии.

РАЗ!

Я вижу, что Андрюха немного нервничает, держит ногу на газе, Ford урчит, как голодная кошка.

ДВА!

Он наклоняется над рулем, весь в напряжении, именно такое состояние, как перед прыжком с биг-эйра, и именно нужно только услышать

ТРИ!

Я выкручиваю ручку громкости на полную, и в салон диким хардкором врываются *Guano Apes*...

Когда машины срываются с места, я вижу искаженное отчаянной гримасой лицо Даши в соседней машине, но тут же полностью переключаюсь на дорогу. Стрелка спидометра динамично двигается к крайней отметке, Андрюха сжимает руль, как спасательный круг утопающий. «Тойота» Коли понемногу, метр за метром, обходит наш Ford. Сандра начинает вопить припев *With the lord of the boards you'll come and get around, with the lord of the boards, go mad like a clown!!!* Мы заведены настолько, что орем в полный голос вместе с ней *WITH THE LORDS OF THE BOARDS YOU'LL COME AND GET AROUND!!!* и именно в этот момент на скорости 150 километров в час мы вписываемся в дугообразный поворот и происходит что-то странное. Я не сразу понимаю, в чем дело, но машину несет юзом под каким-то неправильным углом, наледь, единственное, что мне приходит в голову, и сразу же после этого картинка кардинально меняется. Помните, в детстве была маленькая игрушка, трубка с приставленными к ее стенкам длинными зеркалами, в конце трубки маленькие разноцветные камушки. Калейдоскоп. Ты смотришь в дырочку и крутишь трубку, картинка вертится, создавая красивые узоры. То, что сейчас начинаю видеть я, жутко напоминает мне эту старую прикольную игрушку,

но все меняется настолько быстро, что я не могу сообразить, где мы и что. Я мо-
таюсь внутри салона, бьюсь головой и руками, машина переворачивается очень
быстро и на огромной скорости, я не понимаю, что происходит, пока не раздаётся
сильнейший удар, который выкидывает меня сквозь лобовое стекло, я падаю на
заледеленый асфальт, и через секунду раздаётся взрыв. В спину пышет жаром,
я пытаюсь повернуться, но мое сознание как будто кто-то отключает простым
тумблером. Темнота.

* * *

Рано утром, сразу после завтрака и обхода, за ним приходят две санитарки с
каталкой. Полностью раздевают, аккуратно перекладывают на каталку, он с удив-
лением отмечает, что движения ему даются не с таким уж трудом. Дед подходит
к нему и смотрит в глаза:

– Удачи, сынок.

– Мне она понадобится...

Его везут по неживым больничным коридорам, он ловит равнодушные и лю-
бопытные взгляды, рассматривает стены и потолки. Потом они поднимаются на
лифте, он смотрит на табло с красными электронными цифрами, 3,4,5... Опера-
ционный этаж. Его везут по прохладному коридору, мелькают голубые кафельные
стены, коридоры, двери, и вот он уже в операционной. Врачи в стерильных ха-
латах, позвякивание инструментов в специальной металлической посуде, яркие
лампы. Он узнает своего лечащего врача даже несмотря на плотную марлевую
повязку на лице, медицинскую шапочку и белый халат, пытается ему улыбнуться.
Он знаком показывает, чтобы его укладывали на операционный стол, слышит, как
кто-то произносит:

– Ляминэктомия, задняя фиксация пластиной, это первый этап операции, и
вторым этапом резекция повреждённого позвонка. Под ЭТН выполняем резекцию
тела C переднебоковым доступом. Ставим межтеловой опорный спондилодез ни-
келидом титана с пластиной. Полная анестезия.

Он чувствует, как в вену втыкают иглу, потом в другую руку, медленной волной
обезболивающего его уносит в бессознание. Теплые реки, неясные картинки, все
мутно и нереально...

* * *

Иногда мне кажется, всё, что произошло, было не со мной. До сих пор не верю,
что это могло быть на самом деле. Осознание этого пришло как будто на уровне
какой-то компьютерной игры, я прохожу определенный этап, а дальше за меня
проходит кто-то другой. Я уже не чувствую себя тем, кем я был раньше. Я уже дру-
гой. Реанимация, операция, два месяца в интенсивной терапии, ежедневные упор-
ные тренировки, гимнастика, разработка конечностей. Пичканье лекарствами, все
подряд: сосудистые, спазмолитики, анальгетики, витаминные препараты, противо-
отечные, уросептики. Все это откладывается в памяти само собой. И каждый день
Даша, она всё время со мной. Этот маленький светлый человечек. Она не покидала
меня ни на день всю оставшуюся зиму, весну. Когда я попал сюда, была середина
января, сейчас уже конец апреля, за окнами трава и распускающиеся буйным цве-
том деревья. Появляются клейкие яркие листочки, радуют глаз.

Отчетливо помню разговор со старшей сестрой нашего отделения, это так мне напомнило слова старика, с которым я лежал раньше, что я понял, это именно то, к чему стоит прислушаться. Женя, говорила она, многие больные с менее серьезной травмой сдавались на начальном этапе и до конца оставались в инвалидных колясках, но были и такие, с отчаянной волей к жизни, которые не сдавались и, несмотря на очевидную безысходность их положения, – выходили победителями. Начинали ходить. Всё зависит только от человека, говорила она, борись, и ты победишь. И я поверил.

Ежедневные зарядки, комплекс гимнастик и разминок, сначала с сестринской помощью, чаще с Дашиной, я возвращал свои атрофированные мускулы к жизни. Прежде всего мышцы, потом уже всё остальное. Первый раз я чуть не упал, попытавшись просто встать и пойти, ноги за полтора месяца лежания превратились в ватные палочки. Хорошо, что рядом была медсестра. Всё оказалось не так просто. Единственное, что действительно радовало, так это то, что снимки и анализы показывали, все в порядке, поврежденные сегменты зафиксированы и неуклонно восстанавливаются. Это странно – чувствовать, что у тебя в спине металлические пластины, поддерживающие позвоночник, иногда в том месте меня обдаёт то пламенным жаром, то леденящим холодом. А так – вполне ничего. Через полгода будешь ходить, уверяет меня мой лечащий врач, без всяких костылей и тростей. Неделю назад, когда я только встал на костыли и самостоятельно прошел несколько шагов, чувствовал себя точно так же, как и впервые исполнив мистифлип с трамплина. Люди не ценят простого кайфа – возможности ходить, этого величайшего дара передвигаться. В больнице я многое переосмыслил, о многом задумался, о том, что раньше меня не тревожило. Написал письмо Васе на Эльбрус. Надеюсь, у него будет все хорошо, и он тоже встанет на ноги.

Удивительно, но за все время, пока я лежал тут, меня навещали, помимо Даши, только Вадим и Жирная Жопа. Даша говорила, что приезжали еще какие-то две девчонки с работы, но ты тогда лежал в реанимации и их не пустили, сказала она, больше их не было. ЖЖ сообщила мне, что я уволен, но помимо этого сделала поступок, явно ей не свойственный – оплатила полностью мне больничный и страховку, но сказала, что жить в своей комнате я больше не могу. Вадим пока перевез все мое барахло к себе, как выздоровеешь, забереешь, сказал он.

Больше в больнице не было никого. Ни Юли. Ни Андрюхи. Никого.

Сегодня знаменательный день. Меня выписывают из травматологии, из этих серых глянцевых стен. Я жду Дашу, она ушла в больничный гардероб. Когда она появляется, я вижу в ее руке большой черный пакет. В нем одежда, в которой меня доставили сюда. Бордические штаны с курткой, майка, толстовка, кеды. М-да, в зимних штанах будет немного жарковато, ну, да ладно... Она помогает мне переодеться, я оставляю больничную робу на постели, засовываю руки в карманы. Извлекаю все, что там нахожу. Мой мобильник с отключенной батареей, пол-упаковки фруктового «Орбита» и скрученную в кольцо красно-черную дреду. Это как разряд электричества, как вспышка, я даже вздрагиваю. Вопрос, который мучил меня постоянно, но мне не хватало духу спросить, набраться смелости... Сейчас же он вылетает у меня сам собой:

– Где Андрюха?

Даша опускает глаза, не хочет встречаться со мной взглядом. Я беру ее за прохладную ладошку, терблю:

– Даша, что с Андреем?

Слова даются ей с большим трудом, она всё время смотрит в сторону:

– Нету больше его... Сгорел он.

Что-то тяжелое сдавливает меня изнутри, я сжимаю дрэду в руке, а слезы из глаз, слезы, которые я так страстно хотел выплакать за эти долгие три месяца, льются наружу, как весенний ручей. Я чувствую, что не могу остановиться, они текут из меня просто и легко, свободно, как вода. Андрюха, шепчу я, глотая солевые капли, сжимая дрэду в руках, Андрюха, Андрюха, Андрюха... Как всё это могло произойти, спрашиваю я, почему?

– Тебе повезло, что ты вылетел через лобовое стекло, – говорит мне Даша.

– Если бы не это... Это ужасная смерть, сгореть заживо.

Сглатываю комки в горле, вытираю мокрые щеки, Даша прижимает меня к себе.

– Не плачь... Это жизнь...

– Слишком глупая смерть, – говорю я. – Глупая и бессмысленная. Лучше бы на его месте оказался я.

– Жень, да что это ты такое говоришь, – хмурится Даша. – Я бы с ума сошла...

– А ведь он собирался начать всё заново, – вспоминаю я. – Отец ему СТО собирался отдать, он и подстричься решил даже. Помнишь?..

Показываю дрэду в кулаке. Она печально кивает головой.

– Но мы всегда будем помнить о нем, правда?

– Это точно... Такого, как он, больше никогда не будет...

Мы выходим из палаты и идем по коридору. На сестринском посту Даша забирает мои документы, какие-то бумаги, полис и прочее, и мы отправляемся дальше. Стоим на площадке перед лифтом. Когда мы выходим на улицу, я ловлю невероятное дежавю. Мне слишком часто снился этот момент, я прошу Дашу немного постоять со мной, вру, что кружится голова. На самом деле мне очень хочется просто постоять. Свежий воздух, зеленая травка, сочные весенние листья на деревьях, глубокое небо. Ни облачка, говорит Даша, это хороший знак, сегодня первый этап новой жизни. И в этой жизни у нас все будет хорошо, я тебе обещаю. Мне хочется ей верить. Но я знаю, что так не будет. Так не будет никогда. На мне расстегнутая куртка, под ней футболка. Жарко, но если снять куртку, будет холодно. Даша одета точно так же, в своей голубой куртке, только вместо футболки у нее обтягивающий топ, обнажающий полоску живота. Мы медленно двигаемся в сторону дороги. Ловить мотор, как я понимаю. Теперь мы едем в наше новое жилище, говорит мне на ухо Даша, когда мы садимся в только что пойманную машину. Что ж, отлично.

Мимо проплывает весенний город, пронизанный солнечными лучами. Давно позабытые улицы, такие, как будто я их видел в каком-то далеком забытом сне, высокие дома, проспекты и бульвары. Так хочется просто погулять!.. Даша улыбается совсем детской счастливой улыбкой, по-моему, этого дня она ждала больше всех, больше, чем я. Улыбаюсь ей в ответ. Самая добрая девушка на свете, говорю я ей. И самая красивая, добавляет она. Дарит мне еще одну улыбку. В этот момент я просто ненавижу сам себя. Потому, что я до сих пор не забыл. Не смог забыть Юлю.

* * *

Квартира, где я живу уже третий день, очень большая, хоть и однокомнатная. Как рассказывает Даша, около месяца назад она договорилась с хозяйкой о не-большой сделке: Даша делает хороший ремонт, и не платит три месяца. Хоть ей это и накладней, но она идет на такой шаг. Люблю, когда всё так, как я хочу, говорит она. Старую мебель ее отец куда-то увез, заменив на новую. Квартира преобразилась, по рассказам Дарьи, сам-то я ее не видел раньше. Сейчас это белые стены, вертикальные лампы дневного света, большой белый раскладывающийся диван, ноутбук, подключенный к проектору, усилитель, две большие колонки JBL. Европейский минимализм. Проектор заменяет Даше телевизор и DVD-проигрыватель, из дома папа привез ей целый ящик DVD-дисков, так что когда она утром, сверкая от радости (с тех пор как меня выписали – она просто все время сияет), убегает в университет, я не скучаю. Смотрю все подряд на белой стене, как в кинотеатре, ничуть не хуже. Комедии, триллеры, мелодрамы... А душа просто разрывается на куски, я не нахожу себе места. Ничего не могу с собой поделывать, не могу здесь находиться. В голове моей только Юля, что мне делать с собою? Мой мобильник после зарядки выдает мне несколько sms трехмесячной давности. Одна sms от Вадима и пара sms от Юли. Первая: «Привет, зайчонок! Ты где?» и вторая: «Ну, ты куда исчез? Я соскучилась...». Больше ничего. Совсем. Конечно, ведь она даже не подозревает, куда я пропал... Ночью, когда я отворачиваюсь к стене, Даша обнимает меня своими теплыми руками, шепчет мне на ухо: «Спокойной ночи, Женя, я люблю тебя...», в этот момент я чувствую себя подлецом. Я не имею никакого права быть здесь, но и уйти просто так, после всего того, что Даша сделала для меня, я тоже не могу. Патовая ситуация. В любом случае я сделаю ей больно, но я должен быть честен не только с ней, но и с собой. Я люблю Юлю, люблю ее до сих пор, несмотря на то, что не видел ее больше трех месяцев, не могу не думать о ней каждый час, каждую минуту. До сих пор. Что, черт возьми, со мной происходит? Не знаю, что такого я натворил в прошлой жизни, за что господь мне посылает такие испытания?

На часах двенадцать дня, я ковыляю на костылях на кухню, включаю чайник. Щелкаю тумблером радио на FM-приемнике. Из динамика льется какая-то голимая попса, но мне все равно. Стою у окна, набираю телефон общаги, там, где у меня комната. Разговариваю с комендантшей, не отдали ли кому мою халупу. Нет, но уже на нее очередь, молодой человек, отвечает она. Я в красках описываю свою ситуацию, она понимающе относится к моей истории, но могли бы и позвонить и сообщить, добавляет она напоследок. Я говорю, что не мог позвонить и предупреждаю ее, что скоро заселяюсь в свою комнатушку. Совсем на днях, говорю я. Ждем, слышу в ответ. Я кладу трубку, молча стою у окна, смотрю вниз, на проспект. Набираю телефон Вадима.

– Привет, – говорю я.

– Женя, – не верит он, – это ты?..

– Не признал? – отвечаю я. – Конечно я, кто же еще. У меня к тебе просьба.

– Конечно, старик, говори. – В его голосе слышатся нотки энтузиазма. А ведь он действительно рад меня слышать, понимаю я.

– Не мог бы ты закинуть мое барахло ко мне в общагу? Тебе только заехать за мной нужно. Сможешь?

- Когда?
- Сегодня.
- Я свободен до трех, – отвечает он.
- Ну, тогда приезжай сейчас. – И я объясняю, как доехать.
- Жди, сейчас буду, – говорит он, в трубке я слышу гудки отбоя.

Сажусь за стол, наливаю себе чаю, по радио Филя заливает о единственной моей, потом Земфира начинает выть о том, что скоро мы умрем, картину разбавляет Шнур, которому бы в небо. Слушаю все эти радиопомои, они для меня не существуют, так, на заднем плане... пью горячий чай с пряниками. Думаю. Как сложно принять решение... Невероятно трудно сделать этот шаг из полного благополучия в неизвестность. Такой необходимый шаг и такой тяжелый. Я не могу быть с Дашей, несмотря на все эти месяцы, когда она была рядом. Я никогда не забуду всего того, что она сделала, до конца жизни буду помнить ее доброту и поразительную красоту души, но... никогда не буду с ней. Единственное место в моем сердце занято другой. Мое второе я вопрошает, ехидно клацает и царапает коготками: почему же ты не сказал ей этого в больнице, почему давал надежду? Нужно было, думаю я, она бы все равно не оставила меня, я знаю, я видел это в ее прохладных эльфийских глазах. Нужно было сказать. Но... я не сказал. И лучше поздно, чем никогда. Когда я допиваю последний глоток чая из кружки с Микки-Маусом, раздается трель домофона. Я подбираю костыли и ковыляю к двери, беру трубку, это Вадим, легок на помине. Я открываю ему подъездную дверь, он поднимается. Стою, жду у дверей.

- Женька! – лучистые глаза Вадима занимают пол-лица, он неуклюже пытается меня обнять, с опаской, как бы не повредить чего, уверен я. – Братишка, ты уж прости меня, что не приходил... Ты все время в реанимации, к тебе не пускали...

- Ладно-ладно, забудь, не будем об этом, – прерываю его я.

- Блин, Жентос, живой! – радуется Вадим.

- Не дождетесь, – шучу я бесцветным голосом. – Ну, поехали?

- Ага, давай. – Он помогает мне одеться, на миг я замираю, думаю о своих здесь вещах, но ничего кроме куртки и того, что на мне, тут нет. Возьми мою куртку, киваю я Вадиму на вешалку, он послушно берет ее, я запираю дверь, и мы едем вниз на лифте. Шумит гидравлика, металлические тросы медленно спускают кабину, тускло мигают лампы сверху из-под прокопченной пластмассы. Шестой, пятый, четвертый – меняются электронные цифры на табло сверху. Когда мы выходим на улицу, сразу же получаем в лицо целый шквал солнца. Сразу после полумрака подъезда и лифта. Жара, жара, как пела Чичерина, милая свердловская девочка с круглым лицом. На улице не меньше плюс двадцати. На ясном небе ни облачка. Я щурюсь, Вадим тоже. Мы садимся в его потрепанную «четверку», на заднем сиденье пара картонных коробок, очевидно, мои вещи. Едем, болтаем о разной ерунде, как будто расстались вчера, Вадим рассказывает о прошедших соревнованиях, последние новости. Женюсь скоро, радостно сообщает он. Я не верю, да ну на болт, говорю, кто же избранница? Алена, улыбается он, мы с ней уже полтора месяца вместе. Решили, что тянуть, мы уже взрослые люди... Я удивленно качаю головой – ну и ну, ребята, вы даете...

- Приходи на свадьбу через две недели, – приглашает Вадим.

- Кто в мае женится, тому всю жизнь маяться, – говорю я. – Слышал такое?

– Да не верю я во всю эту бабкину муйню, – смеется он, уверенно ведет машину. – Как-то по болту.

Моя общага на окраине, рядом, под окнами, то ли лес, то ли парк, до базы отдыха, где пару месяцев назад работал я, две автобусные остановки. Тормозим у входа, Вадим вытаскивает две коробки с заднего сиденья, ставит на асфальт, закрывает машину. Я все это время стою рядом, пока он делает нехитрые манипуляции с коробками. На крыльце пара гопников в кепках с интересом взирают на нас, поплевывают шелухой семечек. Но внушительная комплекция Вадима (метр девяносто семь, девяносто килограммов мяса) их явно смущает. Бывает. Вадим легко берет коробки в обе руки и идет за мной. Я еле-еле ковыляю к комендатше. Казенный кабинет, небольшой разговор, сочувственные взгляды. Я беру свои ключи у нее со стены и выхожу. Мы снова поднимаемся на лифте вверх. Долго вожусь с замком, наконец, открываю, и мы заходим. А тут ничего не изменилось. Только пыли стало больше. Сразу видно, давно никого не было.

– Открой окно, – прошу я Вадима.

Он послушно ставит коробки у кровати, идет к окошку, открывает раму. В комнату врывается весенний ветер. За окном необлагороженный парк, в комнате пряный запах распускающегося леса. Я устало сажусь на кровать, разглядываю комнату. Стены увешаны плакатами из «Досок» и других бордических изданий. Прорайдеры мочат свои трюки, фотографии увековечивают все на свои дорогие зеркальные фотоаппараты. Всё это – одна из сторон сноубординга. Глянцевые иконы для верующих в Великий Биг-Эйр. Смотрю на знакомые рожи именитых бордеров. Мне уже никогда не стать такими, как они, да и вряд ли теперь я смогу вообще кататься. Научиться бы ходить нормально, думаю я. Грустно. Вадим словно чувствует мое настроение:

– Чувак, я, наверное, поеду... Ты, если что – звони...

– Ага, – говорю я. – Спасибо, Вадим, за всё. Алёне привет.

– Непременно передам, – говорит он, когда я закрываю за ним дверь.

Щелкает замок. Остаюсь один в большой пыльной комнате. Засохший бедняга кактус на подоконнике. Тут бы прибраться хотя бы немного... Сажусь на кровати, втыкаю в плакаты. Ну, и что делать? Из ступора меня выводит звонок мобильного. Радостный голос Даши:

– Привет, Женя! Как дела? Я тут решила тебе денег положить на мобильник на всякий случай. Я скоро буду дома! Ты что делаешь?

Я немного теряюсь от неожиданности. Эх, была не была, рано или поздно, но это нужно сказать:

– Даша, – начинаю я. – Знаешь, за все это время, которое мы провели вместе, вернее, которое ты провела со мной, ты стала мне самым близким человеком. Ближе у меня никого нет. Понимаешь? – Просто чувствую, как по сторону трубки она молча кивает головой. – Ты самый светлый и сильный человек в моей жизни, и я тебя очень люблю...

Она перебивает меня.

– Я тоже очень люблю тебя, Женя.

– Нет, я люблю тебя не совсем так... – Как подобрать нужные слова, думаю я. – Я должен был тебе сказать давно... Не знаю, почему не говорил раньше... Может, боялся, что ты перестанешь приходить ко мне. Ты же знаешь, что никому кроме тебя я не нужен...

Молчание в трубке. Она уже понимает, что ни к чему хорошему этот разговор не приведет. Сердце бухает, как сваезабивочная машина. Я продолжаю:

– Я, правда, ничего не могу с собой поделаться... Я люблю Юлю, я не могу быть с тобой, понимаешь?

Имя Юля прозвучало как выстрел. Как табуированное слово. Имя, висевшее дамокловым мечом над нашими отношениями все время. Я чувствовал это, а вот Даша... не знаю.

– И что дальше? – говорит она. – Что мы будем делать дальше?

– Я бы не хотел тебя терять, – говорю я. – Ты мой последний настоящий друг. Больше никого... Но я должен быть честен перед тобой и собой. Я не люблю тебя, как женщину... Как сестру, как друга – да, но не как женщину... Прости.

– Ладно, – Дашин голос становится сухим, как ветра Сахары. – Мне все равно, кого ты там любишь, Женя, единственное, что я знаю, так это то, что я люблю тебя. Просто помни об этом все время, и всё. Неважно, с кем ты и где, я всегда с тобой, что бы ни случилось.

– Даша... – С трудом сглатываю комок в горле. – Спасибо тебе, солнце, спасибо за все.

Она плачет, срывается, просто захлебывается, я слышу это в трубке. Я молчу. Что тут говорить?

– Можно, я сейчас приеду? – спрашивает она.

– Я не дома, – отвечаю я.

Слышу сквозь всхлипы:

– А где?

– В общежитии, у меня тут комната... – Неужели я ей всё сказал, до сих пор не верю самому себе. – Я тебе не говорил...

– Скажи мне адрес, я сейчас приеду, – всхлипывает она.

Говорю адрес, она вешает трубку. Сажусь на кровати, держусь за голову. Всё, все мосты сожжены, свободен, как сопля в полете. Невероятная легкость. Нотка грусти. Всё так, как и должно быть. Один.

Наклоняюсь, отдираю скотч от картона коробки. Тэк-с, ноутбук и все шнуры к нему, мышка... Внизу книги и диски, вываливаю все на пол, роюсь в сидюках, что бы такого послушать? Извлекаю из кучи компакт-дисков затертый до дыр первый альбом TRACTOR BOWLING, включаю ноутбук, чтобы послушать Тракторов. Перебираю книги, ставлю их стопкой у подножия кровати, тут же валяются три старых номера «Досок». Листаю один из них, смотрю фотки... Зима прошла, последняя бордическая зима в моей жизни. Как это грустно и... странно, что ли. Ну, не мыслю я себя без сноуборда. Никак.

Во втором ящике одежда и постельное белье. Штаны, толстовки, майки. Вот и всё. Когда загружается винда, я кликаю winamp, включаю диск. Старый добрый хардкор всегда рулил. Мила депрессивна, впрочем, как обычно. Прочь улетает, медленно тает слепая пустота... Мелькают лица... Тонкими пальцами бьют лучи в стекло закрытых окон... Ох, не вовремя включил я Тракторов. Их вселенская тоска передается и мне. Сажусь, втыкаю, слушаю.

От негромкого стука в дверь я вздрагиваю. Подбираю костыли, медленно бреду к двери. Это Даша. Растрепанные волосы, слегка опухшие от слез глаза. Стоит, смотрит на меня. Из коридора тянет сквозняком и каким-то варевом общей кухни, слышно, как где-то там играют и смеются дети.

– Я пришла, – говорит она. – Я... пройду?

– Конечно, – отвечаю я, пропуская ее внутрь.

Она входит, закрывает за собой дверь. Мы садимся вдвоем на кровать. Ветер гоняет пылинки по комнате. Молчим. Она смотрит на меня. Чувствую себя предателем, изменником Родины. Ужасное чувство. А ведь так оно и есть, думаю я.

– И ты хочешь жить тут? – спрашивает она.

– Даша, я взрослый человек, – говорю я. – Я сам решаю, где мне жить. И дело не в том, хочу я тут жить или нет, а в том, что я не могу жить с тобой. Не могу питать тебя какими-то надеждами и иллюзиями. Мне нужна только Юля. Не хочу тебя обманывать, любить другую девушку и жить с тобой я не смогу. Это... Так не делается.

– Так ты любишь ее? – снова спрашивает она, не поднимая глаз. Сейчас начнет плакать, думаю я. – Ты все это время думал о ней?

Какие все-таки женщины мазохистки. Ведь она знает, что от любого моего ответа ей будет только больно.

– Даша, я не хочу об этом говорить, – отрезаю я. Ненавижу себя за то, что не могу подобрать нормальных слов. – К чему это все?

– А ведь я действительно верила, что мы будем вместе, – тихо говорит она, – что все будет хорошо...

– Все и так будет хорошо, – отвечаю я. – Просто, Даша, пойми, дело не только во мне, но и в тебе тоже... Посмотри на себя! Ты красивая девушка, студентка-комсомолка-спортсменка, по-латыни говоришь, семья у тебя преуспевающих бизнесменов, а кто я? Инструктор по лыжам, бордер, который больше никогда не встанет на доску. Всю свою жизнь я только и делал, что катался, а теперь что?.. Тебя бы устроил парень, который получает среднестатистическую зарплату менеджера? Да и то, если на работу еще устроюсь... Я не смогу тебе дать всего того, к чему ты привыкла, понимаешь?

– Все, что мне нужно от тебя, это любовь. – Она поднимает глаза, я снова вспоминаю битлов. – Больше ничего. Остальное все есть, о материальной стороне дела даже задумываться не стоит...

– Ты ничего не поняла, – говорю я. – Ты не подумала, каково будет мне? Может, я воспитан в излишне патриархальных традициях, но я твердо уверен, что деньги в дом должен приносить мужчина. Я не смогу так. У меня будет ощущение, что меня покупают...

– Это предрассудки.

– Ну, как посмотреть. Ладно, давай не будем...

Мы сидим и молча слушаем Тракторов. Даша критично осматривает мою комнату, свесив голову набок.

– Влажная уборка здесь не помешала бы...

– Ну, это еще не скоро, – вздыхаю я. – Пока передвигаться нормально научусь, потом можно будет и об экологии думать... Зато тараканов нет!

Снова молчание. Неудобно. Даша поднимает голову, улыбается.

– У тебя в ванной есть ведро?

* * *

Проходит две недели. Пролетают так, что я даже не успеваю за ними уследить. Май за окном приносит в комнату острые запахи леса. Даша стала другой.

Сначала она приезжала каждый день, но потом все изменилось. Стала раздражительной, что ли... Появляется у меня через два-три дня, приносит мандарины и шоколад. Один раз плакала, но так и не сказала почему. Я злюсь оттого, что не имею права на нее злиться. Прямо места себе не нахожу. А она сознательно отдалается от меня всё дальше и дальше. О Юле мы не разговариваем. Но о ней я думаю каждый день. Мог, конечно, уже позвонить, но я не хочу появляться перед ней на костылях. Зато я позвонил родителям. Ненадолго, с мобильного, но все равно. Рассказал обо всем, успокоил маму, она уже переживала, куда я пропал. А я не пропал, просто вот такая жизненная неурядица. Теперь все в порядке, не волнуйтесь, говорил я им. Не стал говорить о всей серьезности ситуации, жив да и ладно... Звони чаще, просит мама. Хорошо...

Ночами неимоверно болит спина, большей частью из-за того, что я старательно выполняю комплекс реабилитационной гимнастики, хочу побыстрее научиться ходить с тростью. Даша обещала привезти мне ее на днях. Я уже чувствую, что скоро этот день настанет, когда я поставлю костыли в угол.

...Когда этот день наступает, радости моей нет предела. Даша, сияющая улыбкой, врывается в мою комнату. В голубой майке с белой звездой на груди, застиранных добела джинсах и кедах. За спиной рюкзак. В руках у нее длинный сверток и большой черный пакет. В свертке трость, в пакете мандарины, груши и бутылка с минералкой.

– Привет, Женя, – говорит она. – Я тебе кое-что принесла.

– Я тебя уже заждался. – На самом деле я целый день читал «Маленького принца» Сент-Экса. Периодически делал разминки.

Она подает мне трость.

– Ну, ты готов прогуляться? У тебя под окном чудный парк... – улыбается она. А глаза грустные.

Я встаю с кровати, беру трость, Даша держит меня за руку. Первый шаг, он трудный самый... И его я делаю с Дашей, как это странно... Трость здорово помогает. Я помаленькудвигаюсь по комнате, Даша меня поддерживает на всякий случай. Надо же, я думал, что все будет гораздо труднее. Доктора постарались на славу, заштопали меня как надо... Осталось только разработать мышцы и с тростью научиться ходить нормально.

– Ну, как? – спрашивает Даша.

– Нормально... Даже не ожидал, что все так легко пойдет, – говорю я.

– Это из-за гимнастики, которую ты так тщательно выполняешь, – констатирует факт она.

– Я просто очень хочу выздороветь, Даша, ходить на двух ногах... – Я смотрю ей в глаза. – Как все остальные люди. Хочу, чтоб все было, как раньше. Хотя понимаю, что совсем как раньше, уже не будет... На доску я уже не встану. Не прыгну уже свой мистифлип...

– Слава богу, что живой, – добавляет Даша. – Могло бы быть и хуже. Ладно... Что, пойдем на улицу, воздухом подышим?

– Можно, – не совсем уверен я. – Потихоньку и ненадолго. Там тепло?

– Плюс двадцать, может, чуть теплее... Я вот так пришла. – Она обводит свою майку пальцем. – Рекомендую тоже надеть какую-нибудь футболку.

– Убедила, – соглашаюсь я.

Даша помогает мне одеться, я беру трость, и мы выходим в длинный тоскливый коридор общежития. Грязный линолеум, синие, местами облупленные, стены, из

кухни пахнет щами. Мы медленно двигаемся вдоль стены, вызываем лифт. Станные ощущения – ходить на двух ногах несколько необычно после трех месяцев лежания и месяца на костылях. Но чувствую себя на редкость уверенно. Мы выходим на улицу, свежий воздух, как мне его не хватало! Даша берет меня за руку, входим в парк. Дорожки из фигурной плитки припорошены прошлогодней хвоей, какой-то жухлой травой. Кое-где небольшие грязные лужицы, мы их обходим. Солнце не жалеет тепла, греет стволы деревьев, кусты и траву, редких прохожих. Я замечаю, как мимо пролетает обычная бабочка, маленькое хрупкое невероятно красивое создание, и сердце наполняется теплотой. Показываю на бабочку Даше, пока та не улетела, Даша улыбается.

– Красиво.

В ветках мы замечаем белку. Прыгает, суетится. Шарю по карманам, жаль, нет семечек или орешков... Идем дальше, в глубь парка, молчим, иногда здорово просто помолчать с человеком, который тебя понимает и для которого ты не пустое место. И это молчание кое-чего стоит.

А в парке, оказывается, есть скамейки! Это было для меня открытием, в прошлом году, когда я гулял тут, их не было. Теперь можно наткнуться и на такое чудо. Даша сидит, а мне нельзя. Врачи говорят, что мне можно только лежать или стоять ближайшие несколько месяцев. Я стою, мы отдыхаем, нам хорошо. Свежесть леса пьянит.

– Устал? – заботливо спрашивает Даша.

– Немного, – говорю я. – С непривычки. А так чувствую себя просто отлично. Если не делаю резких движений.

И это правда. Она снова многозначительно улыбается.

Завтра суббота. Именно завтра я буду звонить Юле. Я же решил, нельзя тянуть со звонком вечно. Да будет так.

* * *

Кафе все такое же, как и раньше. Икебана по углам, невыветривающийся запах кофе, черно-белая плитка на стенах, выложенная в шахматном порядке. Ничего не – ПРИВЕТ, СОЛНЦЕ!

изменилось. Может, появилась пара-тройка официанток, взамен старых, а так – все по-старому. Я сижу за тем самым столиком, за которым

– ПРИВЕТ! ВОТ УЖ НЕ ОЖИДАЛА!.. КАКИМИ СУДЬБАМИ?

сидел, когда впервые увидел Юлю, пью крепкий кофе с шоколадным бисквитом. Бисквит приправлен сверху

– МНЕ НУЖНО С ТОБОЙ ВСТРЕТИТЬСЯ. ТЫ СМОЖЕШЬ СЕГОДНЯ?

карамелью. В кафе работает кондиционер, за окном слишком тепло, даже для мая, плюс двадцать пять.

– СЕГОДНЯ? К ЧЕМУ ТАКАЯ СПЕШКА? МОЖНО ПОДОЖДАТЬ ЕЩЕ ПАРУ МЕСЯЦЕВ...

– ЮЛЯ, ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ Я БЫЛ В БОЛЬНИЦЕ, НАМ НУЖНО ВСТРЕТИТЬСЯ И ПОГОВОРИТЬ. У ТЕБЯ ВЕЧЕР СВОБОДНЫЙ?

На мне черная футболка ZERO с фирмовой черепашкой посередине, точно такая же, как когда-то носил Андрюха, мы вместе их покупали, обычные джинсы, кеды. Отросшие за зиму волосы.

– Я СЕГОДНЯ НЕ МОГУ, ЗАНЯТА СИЛЬНО. ДНЕМ Я РАБОТАЮ, А ВЕЧЕРОМ У МЕНЯ ВАЖНАЯ ВСТРЕЧА. ДАВАЙ ЗАВТРА?

– ВО СКОЛЬКО?

Отпиваю кофе. Всегда не любил экспрессо, но мне нужно успокоиться. Расслабиться. Слишком уж я нервничаю. Она, как всегда,

– В ЧАС ДНЯ, У МЕНЯ КАК РАЗ ОКНО. ЧАС СВОБОДНЫЙ.

– О'КЕЙ. В ТОМ САМОМ КАФЕ...

опаздывает. Может, в пробку попала, а может... Да всякое бывает. Не хочется гадать. В кафе играет QUEEN You don't fool me, может быть, это знак,

– В КАКОМ? НЕ ГОВОРИ ЗАГАДКАМИ.

– ТАМ, ГДЕ Я ВПЕРВЫЕ ТЕБЯ УВИДЕЛ. ПОМНИШЬ?

песенка с альбома, который вышел уже после смерти Фредди Меркури, когда-то я брал слушать у друзей этот CD, Made in heaven, кажется, называется, узнал. Передо мной на столе лежит потертый плеер и мобильный телефон. Трясутся от волнения пальцы. Вот, черт!..

– ВСПОМНИЛА! ХОРОШО, ЖЕНЯ, ДО ЗАВТРА!

– ПОКА!

Вчерашний разговор оседает в сердце неприятным осадком. Ее красивый ровный голос был холоден. Полминуты разговора... и это после того, как не виделись почти четыре месяца? Нехорошо. Неужели она совсем забыла обо мне, думаю я. Больно. Слишком больно, чтоб это выразить словами. Внутри меня все сжимается в маленький комочек. Наверное, это душа... Я для нее как будто уже и не существую. А у меня все эти месяцы не проходило ни дня, чтобы я не думал о ней, не вспоминал ее глаза, волосы, улыбку, мелодичный голос... Юля, Юля, Юля... Снова делаю глоток горькой гадости. Двойной экспрессо. Лишь бы перестали дрожать пальцы. Только бы не пропал голос. Это все, что мне сейчас нужно. Спокойно, спокойно, говорю я сам себе.

Ее появление пропустить невозможно – я не отрываю глаз от входной двери. Уже десять минут второго, а ее все нет и нет. Может, она не придет? И стоило мне только это подумать, как дверь открывается и в кафе входит она, сразу замечает меня и направляется к моему столику.

– Привет! – Юля наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Привет! – отвечаю я.

Внимательно разглядываю ее. Такая же, как и раньше. Вспоминаю старую шутку: если вы подошли к зеркалу и не видите своего отражения, значит, вы неотразимы. Она неотразима. Волосы собраны в аккуратную прическу, кое-где я замечаю отдельные мелированные перышки, безупречная кожа лица, блестящие радостные глаза. На Юле обрезанные джинсы с заплаткой на колене, зеленый топ, подчеркивающий идеальную форму ее груди, на ногах какие-то легкие кроссовки, в руках сумка из разноцветных кусочков замши. Садится ко мне за столик. Замечает трость. Удивленные глаза.

– Что это, Женя?

Не знал, что мне будет так тяжело говорить. А говорить что-то нужно.

– Это трость, Юля. Моя трость.

– Что случилось?

– Хм. – Не знаю с чего и начинать. – После нового года я попал в аварию. Вместе с Андрюхой. Андрюха насмерть, я только пару недель назад вышел из больницы. Такие пироги.

Облокачиваюсь обеими руками на стол, смотрю на ее такое родное лицо. Как же я соскучился!.. Она прямо напротив меня. Молчит. Хмурит лоб.

– Прости, Женя... Я думала... ты просто исчез... Я решила... что ты просто не хочешь меня видеть... Я тебе скидывала sms, ты не отвечал, а потом и вовсе у тебя телефон был вне зоны покрытия.

– Батарейка у него села просто, – говорю я. – Пока я в реанимации лежал... Ты будешь что-нибудь пить или так и будешь сидеть?

– Ой, извини... – Юля явно потеряна. Я замечаю, что ногти ее раскрашены странным черно-белым геометрическим рисунком. – Я сейчас.

Она уходит к стойке, что-то заказывает, возвращается назад. Официантка приносит ей большой бокал свежесжатого сока. В бокале плавает долька апельсина, проткнутая трубочкой в красно-белую полоску. Тихо звенит лед. Я молчу. Пододвигаю стул поближе к ней.

– Я очень по тебе соскучился, Юля, – говорю я. – Я все время думал о тебе там, в больнице...

– Я тоже о тебе вспоминала, – отвечает она. Я беру ее за прохладную руку, подношу к губам. Она внимательно следит за моими движениями, как будто боится, что я сделаю что-то не так.

– Я хочу, чтобы все было как раньше. – Тянусь к ее губам, хочу поцеловать, чувствую одуряющий аромат атласной кожи. Она тактично уклоняется.

– Женя... – говорит она. – Прошло два месяца!.. Ты понимаешь? Всё изменилось, уже ничего не будет так, как раньше. Да, нам было хорошо, мы веселились, время проводили вместе, занимались любовью, гуляли, но... все это в прошлом.

Я молчу, опустив голову. Не выпускаю ее ладонь, как последнюю надежду. Боюсь, что если начну говорить, то просто расплачусь, как девчонка. Слишком тяжело, слишком больно слышать это из ее уст. Сказанное ее красивым мелодичным голосом. Юля продолжает:

– И даже не в этом дело... Как ты можешь встречаться с мной? Я же просто взбалмошная сумасшедшая девушка! У меня семь пятниц на неделе, я просто какая-то стерва, наверное... Почему я не узнала, что ты в больнице, не позвонила тебе на работу? Нет, я однозначно дурная!..

– Ты не стерва, Юля, я люблю тебя... – Снова поднимаю глаза.

– Нет, стерва! Тебе не нужна такая девушка, как я, – настаивает она. Это звучит как: «Мне не нужен уже такой, как ты!», откровенный контекст. Мне хочется разнести все вокруг, внутри все закипает, но вместо того, чтобы что-то сделать, я опускаю снова глаза.

– Я люблю тебя, как ты не понимаешь... – шепчу я.

– Женя! Ты бы со мной еще нахлебался! Я же не могу без всяких выкрутасов, я капризная, мне если что-то втемяшится в голову, то всё! Я тебе не нужна. – Она просто сжигает мосты. – Тем более, у меня сейчас есть молодой человек, я не могу так...

– Ты с кем-то встречаешься? – спрашиваю я. А ты чего ожидал? Что она будет тебя дожидаться, как Ярославна на крепостной стене? Мое мерзкое второе «я» подливает масла в огонь. А может, это просто всего-навсего здравый смысл?

– Да, Женя, встречаюсь, но даже не в этом дело.

Мне хочется сказать ей, чтобы она не морщила лоб, будут морщинки.

– Мы слишком разные, у нас бы ничего все равно не получилось... Мне нужно, чтоб за меня решали проблемы, с которыми я не могу справиться сама, нужно, чтоб исполняли мои капризы и хотелки... Понимаешь? Я просто какая-то стерва!.. Ничего не могу с собой сделать, я вот такая!.. А ты еще найдешь себе гораздо

лучше, чем я! Ты, конечно, классный, веселый... Но все дело в том, что людей всегда тянет не к тем, к кому надо. Не к тем, кому они нужны сами...

Мне нечего сказать. Выпускаю ее руку. Действительно, что я могу ей предложить? Комнату в общежитии? Единственное, что у меня есть, так это моя любовь, но Юле, видимо, это не так уж и нужно. Да к тому же инвалид. Господи, какое страшное слово...

– А твой молодой человек тебя устраивает? – зачем-то спрашиваю я.

– Ну... – тянет она. – В какой-то мере... У него большой магазин. Продает запчастки к автомобилям. Нормальный парень, бизнесмен. Ему скоро тридцать пять...

Мне становится противно. Все совсем не так, как я представлял, все гораздо-гораздо хуже... Вместо слез – холодная контролируемая злость. Юля сидит напротив и пьет сок, молчит. Я тоже молчу, мне не хочется больше с ней разговаривать. Противоречивые чувства играют со мной, бешеный коктейль эмоций захлестывает изнутри, грудь сдавливает, словно тисками, тяжело дышать...

Раздается звонок. Юля лезет в сумочку, достает телефон. Новый мобильник, последняя модель Nokia.

– Алло!.. Да-да, сейчас... еще пять минут... Хорошо. Целую.

Она кладет мобильник на стол, допивает сок.

– Мне пора идти, за мной уже приехали. Ты звони, если что...

Наклоняется, клюет меня в щеку. Берет сумку и исчезает в дверях. Оставляет после себя тонкий запах дорогого парфюма.

Когда я собираюсь уходить, мне приносят счет. За двойной экспрессо, бисквит и бокал свежавыжатого сока.

* * *

В нашем городе нет крематория. Жалко. Колумбарии гораздо человечнее кладбищ. Мемориальная длинная доска, цветы... Я помню, Андрюха очень хотел, чтобы его кремировали после смерти, только вот жаль, не все наши желания исполняются. Даже после смерти. Я сижу у его могилы на маленькой желтой лавочке, греет солнце. В руках у меня маленький букетик красных гвоздичек. На могилке зеленый ухоженный газон, несколько венков, цветы, простой лакированный крест, посередине фотография, снизу табличка поменьше с ФИО и датой смерти. Фотография черно-белая, улыбающийся во весь рот Андрюха, широко и открыто, но в уголках глаз читается откровенный намек на глумежку, на голове не очень длинные дреды, фото, видимо, сделано пару-тройку лет назад. Только сейчас понимаю, что у меня никогда не было фотографии Андрюхи. Смотрю ему в глаза. Долго. Очень долго. Хочется заплакать, но горло как будто сдавили железной рукой, просто больно, но слез – ни капли. Это все очень несправедливо, думаю я, когда молодые пацаны уходят так рано. И так глупо. Не стоило мне давать ему садиться тогда за руль, ох, не стоило... Мог бы ведь его удержать, но нет, не стал... Зря. Очень странно. Был человек, и бац! – его нет, а ты сидишь у его могилы. Блин, а мы ведь столько не успели!.. Да что сейчас говорить об этом...

Я достаю из кармана свернутую колесом дреду. Раскручиваю. Почти метр. Накладываю на крест и завязываю узелком. Для меня ты всегда будешь дредастым, и неважно, что ты хотел постричься, думаю я. Андрюха, кем бы ты ни был: бабником, тату-мастером, безумным растафараем, сноубордистом, для меня ты всегда был в

первую очередь другом. Лучшим другом. *Requiescit in pace*³⁰. И я смахиваю первую щедрую слезу со своей щеки. Меня как будто прорывает. Здесь, на могиле Андрюхи, я оплакиваю все, чего лишился: его самого, Юлю, Дашу, сноуборд, все, что у меня было. Остается только моя жизнь. И ее нужно начинать с чистого листа.

Я встаю с лавочки, достаю из кармана плеер. Нажимаю play. *With the lord of the boards you'll come and get around, with the lord of the boards, go mad like a clown!!!* Жарко палит солнце.

Медленно, опираясь на трость, иду к выходу с кладбища, на автобусную остановку.

Май 2005 г.

³⁰ Покойся с миром (лат.).

Дмитрий Станиславович Овчинников (Шимун Врочек) родился в 1976 году в городе Кунгур Свердловской области. В возрасте трех лет переехал с родителями в Нижневартовск. Окончил Российский Государственный Университет нефти и газа им. И.М. Губкина. Сейчас учится на режиссерском факультете Щукинского театрального училища.

Писать начал в девятнадцать лет. Первая публикация – рассказ «Три мертвых бога» (газета «Фантаст», 2001 г.). Печатался в журналах «Полдень XXI век», «Реальность фантастики», «Порог», в газете «Просто фантастика» и других периодических изданиях. Участник и победитель различных Интернет-конкурсов.

Первая книга «Герой не нашего времени» вышла в 2001 г. В 2006 г. издательство «Альфа-книга» выпустило новый сборник рассказов Д. Овчинникова (Шимуна Врочека) «Сержанту никто не звонит». Публиковался в региональных и московских коллективных сборниках фантастики и фэнтези.

ТРИ МЕРТВЫХ БОГА

рассказ

– Рр-а-а-а!

Воспоминание детства: ревущая толпа, вывернутые голыми руками камни мостовой. Улицы Скироса, ругань, беготня, крики... Дядька Флавий – огромный, всклоченный, небритый – с глухим рычанием поднимающий над головой бревно. «Шлюхи!», – кричит дядька. Это просто и понятно. Даже мне, восьмилетнему мальчишке. Шлюхи – во дворце, дворец дядька с друзьями возьмет, всем будет радость. Даже мне, Титу, пусть я еще маловат для камня из мостовой... Впрочем, для шлюх я маловат тоже.

Сейчас, набрав сорок лет жизни, став старшим центурионом Титом Волтумием, я понимаю, что дядька был прав: тот, кто ведет за собой, всегда называет сложные вещи простыми словами. Что было горожанам до свободы личности, до права и власти, до легитимности... или как ее там? Сложная вещь становится простой, когда вождь берет слово. Оптиматы – грязные свиньи, трибун – козел, патриции – шлюхи. Это было понятно мне, восьмилетнему...

И тем более понятно всем остальным.

– Рр-а-а-а!

Ревет толпа, бежит толпа. Потоком, мутным, весенним, несущим мусор и щепки... И я, восьмилетний Тит, будущий задница-центурион, как меня называет легионная «зелень», тоже бегу.

...Когда навстречу потоку встал строй щитов, я подхватил с земли камень и швырнул изо всех сил. Эх, отскочил! «Молодец, пацан!», – ухмыльнулся кто-то, вслед за мной нагибаясь за камнем. Булыжники застучали по щитам – легионеры выстроились «черепашей» (разболтанной и не слишком умелой, как понимаю я с высоты тридцати лет службы), но вреда каменный дождь нанес немного. Вскрикнул неудачливый легионер, центурион проорал команду: что-то вроде «держат равнение, обезьяны!», строй щитов дрогнул и медленно двинулся на нас.

Это было страшно.

Атака легиона – это всегда страшно. Иногда, проверяя выучку центурий, я встаю перед строем и приказываю младшему: шагом – на меня. Строем, без дропиков, молча... Озноб продирает хребет, скулы сами собой твердеют – кажется, я снова на улицах Скироса и снова сверкающая змея легиона глотает улицу стадиов за стадиом...

Я кричу: подтянись, левый край, не говно месишь!

Я говорю: четче шаг, сукины дети!

А после, снимая шлем, чувствую пальцами влагу на подкладке...

– Рр-а-а?!

Толпа не уверена. Толпа помнит: ей были обещаны шлюхи, а здесь, вместо того, чтобы покорно лечь и бесстыдно раскинуть голые ноги... Здесь глотает улицу бронзовая змея, змея легиона... Почему-то кажется: это был вечер, закат – в сумерках бунтовать веселее, легче, факелы – какой бунт без резвого огня? – в нетерпеливых руках. Шкура змеиная плавится бронзой...

Я, тогда черноволосый, ныне наполовину седой, смотрю. Прекрасный ужас на-

ступающего легиона – я замер тогда, голова кружилась – замираю и по сей день, стоя перед строем и командуя: шагом – на меня...

Строем, без дротиков, молча.

Дядька Флавий тоже растерялся в первый момент. Но он был умнее толпы (впрочем, даже восьмилетний мальчишка умнее ее) и он был вождем. Простой гончар, мастер, он не умел превращать воду в вино, как бог христиан, зато он умел другое...

Он делал сложное – простым.

– Менты позорные!

Дядька Флавий, бог толпы.

Спустя тридцать пять лет, вспоминая тот день, я вижу: бронзовая змея упирается толстым лбом в лоб бунтующего потока. Двери, доски, плечи – все пошло в ход, когда дядька Флавий сделал сложное простым. Скрипят кости. Я как наяву слышу тот звук – сминаемые тела, трескающиеся ребра. Давит легион, давит поток, никто не хочет отступать. Бронзовая змея против темного быка...

...Говорят, удав охотится, ударом головы оглушая жертву.

Дядька Флавий – в первых рядах, подпирает плечом огромную дверь. Вырванные с мясом бронзовые петли видны мне даже отсюда, со второго этажа, куда меня забросила чья-то заботливая рука. Подо мной – сплошной поток, без просвета. Кажется, прыгнув вниз, я встану и пойду, как по усыпанному камнями стратуму, оглядываясь и примечая: вот Квинт, скобарь, в перекошенном рту не хватает половины зубов, вот Сцевола, наш сосед, рыжий, как...

Вот дядька Флавий, весь из жил и костей, плечом – в дверь, словно за ней счастливая жизнь, в которую не пускают. Но дядька сильный, он пробьется...

– Рр-а-а-а! А-а-а!

Из задних рядов легионеров летят дротики.

...Он всегда был силен, мой дядька – даже когда лег под градом дротиков, то умер не сразу. Центуриону пришлось дважды вонзать в него меч и дважды пережидать конвульсии умирающего... Центурион, плотный и краснолицый, казался мне жутко старым, хотя, думаю, он тогда был моложе, чем я сейчас...

Так умер бог толпы.

...– Я хочу стать солдатом.

– У тебя белое лицо, мальчишка. Еще великий Цезарь говорил: испугайте человека. Если его лицо покраснеет – он храбр, если же побледнеет... Ты – трус, а мне не нужны трусы. Пошел прочь, недоросль!

Трибун цедит слова, гордясь высокомерной, нахватанной – не своей, ученостью. Он молод, лет на семь старше меня, тринадцатилетнего, и ему есть чем похвастаться. Он читал «Записки о Галльской войне», он помнит Цицерона и, наверное, процитирует по памяти «Природу вещей». Мое образование проще: мятеж, дядька Флавий, короткий меч, входящий между ребер, долгие скитания, одиночество, голод и боль... Зато я знаю то, чего не знает кичливый трибун второй когорты семнадцатого легиона.

Я знаю: сложное можно сделать простым.

Я ухожу.

...– Я хочу стать солдатом.

В повадках центуриона есть что-то волчье, хищное, словно бы обладатель повадок недавно вышел из леса и завернулся в человеческую шкуру: кряжистую, с крепкой шеей. Седой ежик венчает круглую лобастую голову. Глаза смотрят задумчиво.

– Дурак, – говорит центурион, широкая ладонь почти ласково прикасается к моему затылку, сбивает с ног. – Ты молод и глуп.

Центурион уходит.

– А ты – старый козел! – кричу вдогонку. – Я достаточно храбр, чтобы сказать это?

Центурион оборачивается, с усмешкой смотрит на меня, сидящего в пыли.

– Достаточно глуп, чтобы крикнуть.

Я ненавижу эту ухмылку так же, как ненавидел бронзовую змею, пожравшую улицу моего родного города...

– Встать, зелень! Подойдешь к Квинту из пятой палатки, получишь пять палок по заднице и одеяло. Скажешь: я приказал. Потом пойдешь на поварню чистить котлы. Все. Проваливай, чтобы я больше тебя не видел...

Я чувствую: он знает.

Сложное сделать – простым.

– Барр-а-а-а!

Воспоминание юности: ревушая центурия, бежит, пытаюсь держать строй; крик разъяренного слона «Барра!» в нашем исполнении больше похож на вопль перепуганного слоненка. Перед нами темнеет фигура центуриона Фурия, белеет его лицо; выражения с такого расстояния не разобрать, но я уверен – все мы уверены – что центурион Фурий Лупус, Фурий-Волк, сейчас ухмыляется. Думаю, ненависть нашу он тоже прекрасно чувствует, даже не видя выражений глаз...

– Держать равнение! – его голос легко перекрывает наши вопли. – Левый край, подтянуться!

– Барр-а-а-а!

– Твою мать! – бегущий передо мной споткнулся, выронил деревянный меч, пробежал несколько шагов, заваливаясь вперед и высоко взмахивая руками... Ударил переднего под колени плечом – они упали вместе, ругаясь на чем свет стоит. Я пробежался по упавшему щиту...

– Делай как я! – кричу. Перепрыгнуть барахтающуюся кучу – со щитом в одной руке и здоровенной деревяшкой в другой, в доспехах – не так-то просто.левой ногой – на спину лежащему – раз! правой ногой – уже на землю – два! Бегу.

– С-сука! – орет сзади обиженный голос. – И ты с-су... И ты! И ты тоже!

По стопам моим, так сказать.

...В тот же день, вечером, Фурий подозвал меня. Все ушли в палатки, на другом конце лагеря кто-то громко требовал «Арторикс!», а волк-центурион – непокрытая голова; седой ежик и глубоко сидящие глаза – улыбался и молчал. И я молчал, только вот не улыбался...

Ненавидел.

– Дурак, – сказал Лупус неожиданно. – Ты правильно поступил сегодня, ты не сломал строй... в настоящем бою ты спас бы этим множество жизней... Но я уверен: сегодня ты ляжешь спать с разбитым ртом. Я не буду вмешиваться. И еще: ты вряд ли станешь центурионом. Все. Проваливай...

– Я стану центурионом, – шептал я, ложась спать. Распухшие губы болели, щека кровоточила изнутри. Из четверых, что напали на меня ночью, трое выполнили команду «делай как я». И среди них не было никого из лежавших тогда на земле...

– Я стану старшим центурионом.

...Мне потребовалось на это двенадцать лет...

– Когда вы толпа, вас легко уничтожить, – говорит центурион, расхаживая перед нами. – Но строй... строй разбить гораздо сложнее... Тит, Комус, ко мне! Защищайтесь!

В следующее мгновение удар в голову валит меня с ног. В ухе – звон, в глазах – темень. Глухой гул.

– Встать!

Привычка взяла свое. Встаю. Даже не встаю – вскакиваю. Кое-как – сквозь туман – углядел Комуса, на его лице – ошеломление. Спорим, у меня такое же?

– Это было просто, – говорит Лупус, потирая здоровенный мозолистый кулак. – Я напал на них неожиданно: раз. И два: они были сами по себе. А ну-ка!

В этот раз я успел поднять щит и придвинуться к Комусу. Кулак центуриона бухнул в щит – я даже слегка подался назад. Потом...

– Делай, как я!

Качнулся вперед, плечом – в щит. Комус повторил за мной. Слитным ударом Лупуса сшибло на землю.

– Делай, как я!

Я занес ногу, целя в ненавистный бок... Я стану центурионом!

Колено опорной ноги пронзила страшная боль, казалось: кипятком плеснуло изнутри... Падаю!

– Врагу что-то кажется простым – сделайте это сложным, – заговорил Фурий, стоя надо мной, обхватившим пылающее колено. Я рычал, стиснув зубы, на глазах выступили слезы. – Скорее всего, в следующий раз он десять раз подумает, прежде чем нанести удар.

– Ненавижу, – хрипел я, – Убью! Сука... Ненавижу.

...Двадцать восемь лет прошло, но я помню, как было легко и просто: ненавидеть тебя, старший центурион Фурий Лупус, Фурий-Волк. И как стало сложнее, когда по навету мальчишки-трибуна – того самого, который был на семь лет меня старше – был отдан под трибунал и казнен волк-центурион...

...– По приказу старшего центуриона Квинта Гарса!

Я вошел в палатку, минуя двух стражей, вооруженных пилумами. Арестованный поднял взгляд, узнал и по-волчьи ухмыльнулся. Ненавижу, привычно подумал я... затем с удивлением обнаружил, что ненависти как таковой больше нет. Есть привычка.

– Этого и следовало ожидать, – сказал Лупус обыденно, словно только меня и ждал, сидя под арестом. – Ты вечно лезешь в неприятности, Тит.

– Я принес меч.

Легкий клинок – даже с ножами он легче той деревяшки, с помощью которой нас учили владеть оружием – лег перед центурионом.

– И что с того? – усмехнулся Фурий. – Думаешь, я брошусь на меч, как делали опозоренные военачальники? Спасу свою честь?

– Так думает старший центурион Квинт Гарс. Он послал меня.

Я умолчал, что сам пришел к приору с этой просьбой.

– Так думает не старина Гарс, – сказал Фурий, глядя мне в глаза, – так думает трибун второй когорты.

– Но...

– Трибун считает, что победа за ним. Возможно. Но я не дам ему победы так просто... Броситься на меч – сдаться без боя. А на суде я скажу о нашем доблестном трибуне пару слов...

Готов поспорить, ему это не понравится.

– Я рад, что ты пришел, Тит, – сказал центурион. – Хоть ты и поступил по-дурачки... Смирно!

Я выпрямился.

– Возьми меч, вернешь Квинту Гарсу. Пусть отдаст трибуну с пожеланием броситься на меч самому. Скажешь: я приказал. Потом ступай к себе, завтра – марш в полной выкладке, двойная норма... И еще: ты станешь хорошим центурионом. Старшим центурионом... Все. Проваливай, чтобы я больше тебя не видел...

Так умер бог солдат.

Простое для врага – должно стать сложным.

Трудно быть стариком в теле юноши.

Когда смотришь в зеркало и видишь вместо привычного дубленого лица с насмешливыми морщинами в уголках губ...

Впрочем, я не так уж часто видел свое лицо в зеркале. В озере, в реке, в луже, в поилке для скота, в чечевичной похлебке – да. Зеркало для меня диловинка. Это же как надо начистить бронзу...

Впрочем, это не бронза. Серебро? Видел я однажды быстрое серебро, ртуть... Так и хочется взять его в руки и катать лучистые шарики по ладони, любясь игрой света... Отражение!

Зеркало – это застывшая ртуть. Я понял. Надо же, молодец Тит Волтумий, старший центурион – в седой голове мысли до сих пор шевелятся.

Но главное все же не это.

Лицо – не мое.

Совсем. Даже не римлянин. И не грек. Италиец, может быть... Галл? Фракиец? Гепид? Гот? Герул? Те больше рыжие...

Светло-русые волосы. Мягкий овал лица, небольшая челюсть – вместо моей тяжелой, уши – слегка оттопыренные, явно не привычные к шлему. Шрамов нет. Совсем. Кожа белая, нежная...

И он – тот, что в зеркале, – молод.

Даже в пятнадцать лет я не выглядел таким мальчишкой.

– Дим! – зовут за дверью. Мягкий женский голос – так и представляется ладная девушка, с широкими бедрами, рыжеволосая... Эх, было время!

– Дим, – голос становится неуверенным, – с тобой все в порядке?

– Да, – отвечает тот, что в зеркале. – Сейчас выхожу.

Не латынь и не фракийский, даже на германский не очень... Впрочем, на германский похож. Готский? С каких это пор, интересно, я понимаю по-готски? И даже говорю?

– Да не расстраивайся ты так, – утешает голос за дверью. Точно, рыжая! Чую, можно сказать... Красивая. Рыжие – они все красивые. – Не каждый же день в астрал ходить. Буря магнитная помешала, еще что-нибудь...

Буря? Магнитная?

...А ведь ее Надей зовут. И она действительно красивая. Вот, набедренная повязка как натянулась – знаю я Надю, хорошо знаю...

Впрочем, не я.

Мальчишка в зеркале знает. И давно он из детского возраста вышел: лет ему двадцать четыре, и родился он в августе... Родителей его... моих... зовут Александра Павловна и Валерий Степанович. А фамилия... родовое имя его... мое...

Атака легиона – это всегда страшно.

– Дима, ты что замолчал?

– Да, – говорю. – Да.

Мой отец Марк, мать Луцилия... А меня уже двадцать лет называют Тит Волтумий. Старший, клянусь задницей Волчицы, центурион!

Сложное сделать – простым.

– Дима!

...Надя говорит, что «после спиритического сеанса» у меня изменился взгляд. Возможно. Мужчина от мальчишки отличается, в первую очередь, тем, как он смотрит на женщину. Еще Надя говорит, что мой отказ от мистицизма ее радует, потому что – как она слышала – дух мертвеца может вселиться в тело того, кто его вызвал.

Ерунда, говорю я, все это ерунда. Ерунда, соглашается Лисичка. При этом взгляд ее становится очень странным, застывшим... словно она что-то ищет и – надеется не найти. Я замираю, потому что если однажды Надя найдет... Я, оказывается, уже не могу без нее жить.

Тогда же, открыв дверь ванной, я подошел к ней и обнял. Жаром опалило лицо... Эх, мальчишка, зелень легионная!

– Дима? – губы раскрылись в радостном удивлении. – Ты это... головой не ударился? Нет?

А сама в объятиях млеет, крепче прижимается.

– Ударился, – сказал я. – Когда тебя в первый раз увидел. С тех пор и хожу ушибленный...

– Правда? – В глазах – такой огонь, что душа плавится. – А я знала... Весь из себя холодный, а иногда так посмотришь...

Дурак ты, Дима. Молодой и глупый. Головой в детстве все камни обстучал, наверное – правильно Надя говорит...

Такое простое – сделать таким сложным.

Себя больше врага боишься...

Трудно быть стариком.

Когда чувствуешь себя старым не потому, что ноют бывшие раны и сломанные когда-то кости предвещают перемену погоды...

Впрочем, старым я себя не чувствовал.

Дураком чувствовал. Сначала все удивляло новизной и необычностью и вместе с тем какой-то странной, изначальной знакомостью... Впрочем, лишь для Тита Волтумия это была новизна – Дима зевал, глядя на тарахтящие безлошадные повозки; зевал вслед пролетающим железным (!) птицам; зевал, глядя на водопад огня ночных улиц; зевал, просто зевал – и вслед за ним зевал центурион. Узнавать было радостно и – скучно.

Скучная радость.

Иногда я путаюсь, присваивая воспоминание Димы центуриону, в другой раз драка в средней школе номер два почему-то проходит с применением холодного оружия и манипулярного строя. Мудрый центурион Михайлыч...

Старость приходит не с сединой и усталостью.

Моим волосам до седины еще далеко, а уставать за долгие годы службы я привык в одно и тоже время – после отбоя...

Привычка – вот в чем дело.

Я – привык.

Привык быть старшим центурионом. Привык вставать до рассвета, ложиться за полночь; привык чувствовать, как холод режет колени под тонким одеялом, привык есть простую похлебку из солдатских котлов... Привык отдавать приветствия и получать сам. Привык к строевому шагу, к тяжести гребенчатого шлема, к ощущению потертостей на затылке и висках...

Боги, мне даже снится этот дурацкий шлем!

Старость – когда начинаешь ценить не удобство, а привычку.

...И даже обнимая теплое, домашнее тело Нади (рыжей моей, лисички, любимой... единственной, хитрой и курносой), лежа под пуховым одеялом в теплом и уютном доме, я долго не могу заснуть.

Стоит мне задремать, я вижу: бронзовая змея разворачивается на улицах Скироса, руки, факелы... Рр-а-а! Летят дротики. Сложное – простым.

И еще... Иногда я вижу холодный лагерь легиона, серое утро – рано-рано – часовые на башенках мерзнут в коротких плащах, на ветках деревьев – черных, осенних – повисла изморозь... Дыхание паром вырывается изо рта. Я шагаю по узкой дороге, закутавшись в шерстяную накидку, голова моя непокрыта, холодный ветер теребит давно не стриженный волос... мне снова тринадцать лет.

Я иду в легион.

Вот так.

Трудно быть.

Когда меняешь работу не потому, что прежняя тебе не нравится или дает слишком мало средств на существование...

Впрочем, я не так уж часто менял работу. Мой послужной список – а работал я в различных охранных агентствах и, иногда, тренером в военно-спортивных клубах – был прекрасен. Меня уговаривали остаться, сулили повышение зарплаты, различные блага и выплаты, угощали коньяком и виски...

Впрочем, я ничего не пью кроме вина.

...Угощали редким вином, дарили оружие и путевки в экзотические места. Однажды побывав в Риме, а после – в Галиции, я зарекся путешествовать. Хотя Лисичке в Риме понравилось...

Первую ночь там я боялся сойти с ума.

Увидев наутро мое лицо, Надя собрала вещи и решительно кивнула: едем домой. Надя? А как же?... Домой.

После мы выбирались только в Подмоскowie, к Надиным родственникам.

... – Служили? – оценил мою выправку центурион в сине-черном варварском наряде. – Звание?

– Старший центурион, первый манипул второй когорты семнадцатого легиона, – отчеканил я, – Фракия, третья Готтская компания, четвертая Готтская. Имею награды.

Лицо «центуриона» расплывалось в неуверенной улыбке.

– Ты... это. Да?

«Италия», подсказал Дима, «Майор.»

– Я служил в итальянской армии, – сказал я, – дослужился до майора... Потом уехал, домой потянуло...

Улицы Скироса.

– Ну ты, брат, даешь! – присвистнул «центурион», дружески хлопнул по плечу.

– Скажи, что срочную служил... тогда, может быть, поверю, а так...

Он натолкнулся на мой взгляд, поперхнулся, замолчал. Руки потянулись искать шов на брюках:

– Товарищ майор?

– Вольно. Ну что, берете на службу?

Так впервые в жизни я получил работу...

Трудно.

Мне сорок три года. Я родился двадцать семь лет назад, со дня же моей смерти прошло около семнадцати веков. Мое имя Тит Волтумий, а зовут Дмитрием Валерьевичем. Я старший центурион римского легиона, забывший как будет по латыни: упал-отжался. Моя жена – рыжая красавица Надя, которая считает, что мертвые могут вселяться в живых. Ерунда! Мертвые могут вселяться только в мертвых...

Я тому подтверждение.

Моей жажды жизни хватило на двоих.

А может, все это – только сон умирающего на поле боя старого солдата. Я не знаю, как должны умирать старшие центурионы, но очень надеюсь – быстро. Впрочем, мне рассказывали: в миг до смерти перед глазами проносится вся жизнь. Не знаю. Что вспомнил, то вспомнил – и я не собираюсь умирать. Я собираюсь вернуться к моей Лисичке, рыжей, ласковой...

Вернуться, последний раз побыв центурионом.

Самим собой.

Смотрюсь в витрину. Недавно по этой улице прокатилась человеческая волна, гоня перед собой нескольких серых, неосторожно выскочивших на толпу. Легионерам удалось уйти, но брошенные щиты и черные дубинки лежат на мостовой... стратуме... Лежат и чего-то ждут.

Ждут возвращения серых...

Смотрюсь в темное зеркало.

Нет, не центурион. Мирная сытая жизнь расслабила лицо, убрала складки со лба, смягчила линию подбородка. словно линии с восковой дощечки стерты морщины: лучистые – из уголков глаз, насмешливые – от губ, скорбные – от крыльев носа. Разве это Тит Волтумий, Тит-центурион, гроза легионной зелени?! Одна ухмылка которого заставляла белеть от ненависти сотни лиц?

Не верю.

Мне все еще снится дорога в легион, где я – тринадцатилетний...

– РАЗОЙДИТЕСЬ! – звучит усиленный мегафоном голос. Трубный глас. – ЭТА ДЕМОНСТРАЦИЯ НЕ САНКЦИОНИРОВАНА! ПОЖАЛУЙСТА, РАЗОЙДИТЕСЬ! ИНАЧЕ БУДУТ ПРИНЯТЫ ЖЕСТКИЕ МЕРЫ!

Вот оно. Поворачиваюсь, вглядываюсь в конец улицы. Ползет змея. От стены серых щитов отбегают люди, поворачиваются, грозят кулаками, кричат... снова бегут. Рядом со мной, у некоего подобия трибуны (как я не люблю это слово!) собирается народ. Из проулка позади меня выныривает и останавливается в растерянности еще одна группа демонстрантов.

– РАЗОЙДИТЕСЬ! ПОЖАЛУЙСТА, РАЗОЙДИТЕСЬ!

Серая змея легиона глотает улицу стадий за стадием... Озноб в затылке.

Снова смотрю в витрину. Есть!

Сквозь гражданскую припухлость проступает знакомая жесткость. От крыльев

носа бегут складки; у губ, в уголках глаз – привычные насмешливые морщины... Пробую улыбнуться – выходит совершенно по-волчьи...

Тит Волтумий, старший центурион.

...Я вскакиваю на возвышение, расталкивая народ. Указываю в сторону приближающихся серых:

– Сейчас будет бой! Нужно организовать!

– Э-э-э? – недоумевает толпа у моих ног. Эх, сюда бы дядьку Флавия! Он бы сейчас сказал то самое... Самое нужное и доходчивое...

– Шлюхи! – ору я. Сделать сложное – простым.

– Путаны! – подхватывает ликующая толпа.

– Менты позорные! – спасибо, дядька Флавий, мертвый бог толпы...

– Менты!

Спрыгиваю с трибуны.

– По центуриям, по манипулам – стройся! – командую я, подхватывая с мостовой потерянный серыми щит. В другую привычно ложится камень. – Делай как я!

Легкая заминка. Сперва растерянно, затем – весело и дружно, выстраивается ряд, еще один. Щиты...

– Куда лезешь! – ору. – Ты и ты – во второй ряд. Ты, со щитом... Да, рыжий, ты! В первую шеренгу! Шевелись, обезьяны!

– Шагом марш! – командую чуть позже. – Подтянуться! Четче шаг!

Они подтягиваются, ровняют шаг, словно мои команды: на жуткой латыни, с фракийскими словечками, им хорошо понятны.

Спасибо, Фурий-Лупус, Фурий-Волк, мертвый бог солдат! Пусть серые помучаются. Их встретит не толпа, где каждый сам за себя, а такой же строй щитов... Нет, не такой же – куда им до профессиональных воинов! – но все же. Ты знал, центурион, главное правило полководца: простое для врага – станет для него сложным.

Шагом – вперед. Строем, без дротиков, молча.

Навстречу движется серая змея, змея легиона – глотая улицу стадий за стадионом. Прекрасный ужас – я на миг замираю, как в детстве, – и как замирал, будучи старшим центурионом Титом Волтумием, в свои сорок три года и семнадцать чужих веков назад...

– Барр-а-а! – кричу я.

– Урр-а-а-а! – подхватывают остальные. Крик перепуганного слоненка, ей богу!

Озноб продирает хребет, скулы твердеют. Скоро столкнутся лбами змеи: серая, чужая, и наша, где рядом со мной шагает дядька Флавий, вздев могучими руками вырванную дверь. Где на другом фланге, склонив круглую голову, держит строй старший центурион Фурий Лупус, Фурий-Волк, нацепив на губы неизменную ухмылку...

Подобранный щит – непривычно легкий – словно примеряется: вот сюда я приму первый удар чужого щита, чуть подамся назад, пружиня... заставляя противника потерять равновесие... Затем – толчок плечом. Эх, будет потеха!

Я кричу: Подтянись, левый край, не говно месишь!

Я говорю: Четче шаг, сукины дети!

Будь на мне сейчас шлем, я бы почувствовал влагу на подкладке...

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

рассказ

1

Ноги под дерн не поместились. Пришлось рубить ветки и закидывать сверху. Теперь лежат, как медведи в берлоге. Мама и три детеныша. Обнялись и ждут весны. Капрал разве что лапу не сосет.

– Муау!

Я говорю: подожди, девочка. Еще немного. Папа почти закончил.

Беру еловую лапу и кидаю сверху. Потом сажусь на землю и говорю: сил моих больше нет.

...Я думал – по дороге быстрее будет. Потому что морковка опять успела проголодаться. А в деревне можно было взять молока. И нажевать с хлебом. И она бы так не орала. Лежала бы и сосала «дулю». Важная, как китайский император.

А они тут как тут – верхом. Закричали:

– Вот он, сукин сын!

Окружили и стволы наставили. Капрал сверху смотрит. Синий мундир, усы сапожной щеткой и пистоль за поясом. Он его даже доставать не стал. Видит, у меня руки заняты. До шпаги никак не дотянуться. А пистоль я в лесу выкинул. Во-первых: пороха к нему не было, я в одной рубахе из окна выскочил. Во-вторых: пистолет тяжелый, пришлось выбирать.

Я говорю:

– Вы меня как, арестовывать будете? Или на месте порешите?

Капрал говорит:

– Посмотрим.

Морковка открыла глаза и говорит: уа-у. Таким обиженным тоном.

Я подумал – надо было выбрать пистолет. А девочку оставить. Все руки оттянула, даром что четыре месяца. Посреди леса, волков и лисиц. Тогда у нее был бы шанс.

Я говорю:

– Все хорошо, девочка.

– Ее скоро нужно кормить, – говорю.

Капрал усмехнулся и говорит:

– Не бойся, накормим. Ты давай – одежонку скидывай! Только не дергайся, а то не ровен час...

Что получится, капрал не сказал. Но я и так понял. Потому что нетрудно догадаться. Особенно, если прошлой ночью это видел.

Я девочку на землю положил и говорю:

– Вы там были?

– Нет, – отвечает капрал.

Я по глазам вижу, что врет. Они у него сделались отдельно от лица. Словно кто-то другой в капральской физиономии дырки проделал и выглядывает. И здорово ему стыдно, этому другому.

– Раздевайся, – говорит капрал. – Кому сказано.

Я расстегнул рубашку, чтобы его не злить.

– Моя жена жива?

– Конечно, – отвечает, не раздумывая.

А другой, который за капралом прячется и которому стыдно, говорит:

– Нет.

– Понятно, – говорю я.

* * *

Я говорю: мне нравится, как это звучит. Ты сама попробуй. Маленькая девочка. Маленькая девочка. Разве не здорово?

Жена говорит:

– Папина дочка.

Я говорю:

– Зато характер твой.

* * *

Я пошел в лес. Сначала пытался резать дерн шпагой, но ничего не получилось. Потом мне дали нож. Я выкраивал куски травы и относил к яме. Художественно так вокруг нее раскладывал. Замерз как собака и весь перемазался. А потом капрал говорит:

– Хватит.

Я посмотрел на яму и говорю:

– Еще немного. Кажется, я выше ростом. Пятки будут торчать.

Один говорит:

– А ты без головы меряй.

И засмеялся. Остальные тоже. Все, кроме меня и капрала. Он перед этим, как мои шрамы увидел, сказал:

– Это откуда?

– Рамбург, – ответил я. Без одежды стало холодно. Мурашки высыпали по всему телу. – Палашом.

– А это?

– Под Несвижем... картечью.

– А вот это?

– Когда маленьким был, расшибся.

Поэтому сейчас капрал сказал:

– А ну, заткнули пасти!

Морковка смотрела какой-то сон и молчала в тряпочку. Я вообще думал, что такое невозможно. Такая тишина. Все время, что морковка не ела – она кричала. Не переставая. Я думал – свихнусь. Или оглохну. Так что выбор между ней и пистолетом был достаточно трудным.

Я стою голый и говорю:

– Что будет с ней?

Капрал говорит:

– Отвезем князю.

Я говорю:

– Мне нужно попрощаться.

Он перевел взгляд на девочку. Потом говорит:

– Ладно.

* * *

Я девчонку прижал, она – раскаленная. Как уголек. Вернее, мне так с холоду почудилось. Морковка «дулю» выплюнула и проснулась. Смотрит на меня. Глаза серые, рожица серьезная.

– Гу, – говорит.

Потом выгибаться начала. Потому что я-то холодный.

Я говорю:

– Цок, цок, лошадка! – Она улыбается. Взял морковку и подкинул вверх. И еще раз. Она смеется. Я даже согреться начал. Потом прижал девчонку к себе. От нее тепло и молоком пахнет.

– Ты наша принцесса, – говорю. У капрала такое лицо сделалось, словно он луком подавился.

И тут морковка описалась. Вообще горячо стало. Я даже глаза зажмурил. Стоим, греемся...

Капрал сказал:

– Ну все, пора.

Я глаза открыл, говорю:

– Еще одно. Сейчас я скажу дочери пару слов, а вы все отойдите.

Капрал подумал немного и говорит:

– Ладно.

– Анна-Фредерика! – говорю я громко. Чтобы они разобрали. – Слушай мое завещание...

И перешёл на шепот.

Она слушает и будто все понимает. Как большая. На левой щеке – грязное пятно. Это я рукой задел, когда обнимал.

Потом я девчонку последний раз поцеловал и говорю:

– Мы готовы.

* * *

Потому что я не знаю – зачем князь это сделал. Если, конечно, это был он. Его люди. Они не сказали.

С этими всегда так. Забывают представиться. Профессиональная этика. Что-то вроде «кодекса наемного убийцы».

Мне до ямы шагов десять. Или восемь – если не мельчить.

Я огляделся. Один из тех, что надо мной смеялись, у ямы встал и на меч опирается. Другой траву в мешок напихивает. Это чтобы моей голове там помягче было.

– Опять все в последний момент, – говорю, – да?

Капрал дернул щекой:

– И не говори. Оболтусы.

Тут морковка на руках заворочалась. Кулачками глаза трет и куксится. Такое ощущение, что сейчас заплачет.

Я говорю капралу:

– Можешь дать мне слово? Это вместо последнего желания.

Он говорит:

– Какое слово?

Я говорю:

– Возьми девчонку. Только сам – без этих твоих... Передашь князю на руки. Скажешь: Утрехт все дочке завещал. Пусть князь растит, как свою. Сделаешь?

Капрал лицом стал, как апостол. Такой же суровомордый. Словно ему ответственность за человечество какую-то жилу перекрыла. И теперь с выдохом проблемы. Говорит:

– Сделаю.

Я говорю:

– Слово?

Он говорит:

– Слово.

И тогда я протянул ему девчонку.

* * *

Все-таки там был мой дом. Что сводило на нет их численное преимущество. Или мой кураж сводил? Не знаю. Когда вокруг темнота, грохот и вой, через который пробивается детский крик, а фоном – истошный визг няnek... А еще где-то за стеной убивают твоих людей...

Тут становится не до выяснений.

Наверное, надо было спросить: за что? Что мы вам сделали? Поймать одного урода и задать вопрос. Но я сразу не догадался, а потом некогда стало.

Потому что я взял шпагу и начал убивать их в ответ.

А потом я добрался до девчонки. И руки оказались заняты. Пришлось прыгать в окно.

А сейчас руки совершенно свободны. Только грязные и под ногтями земля. Поэтому я выдернул пистолет у него из-за пояса. И курок взвел. У капрала глаза сделались по чайнику. Но сделать ничего не может.

Потому что у него на руках морковка лежит и смотрит.

Я говорю:

– Держи крепче.

Повернулся и выстрелил.

Парень с мечом охнул и задохнулся. Я перехватил пистолет за ствол и бросил. Потом расправил руки и пошел убивать тех, что остались.

* * *

Пока я их убивал, он так и стоял с девчонкой в охапку.

Я подошел и ее из капральских рук вынул.

Говорю:

– Теперь уходи.

Капрал вздрогнул. Посмотрел на меня, на пистолет, который я у парня с мешком взял. Затем быстро – в сторону. Туда, где лошади привязаны. Я говорю:

– Нет. Пешком иди.

А когда он повернулся, я поднял пистолет и выстрелил капралу в затылок.

* * *

Я говорю: Анна-Фредерика, слушай мое завещание.

Надо было сказать: девочка моя смешная. Твоя мама отошла в мир иной. Я ее очень любил. Но ты не волнуйся. Ангелы на небесах ее очень ждали. Они там сидят в белых одеяниях и играют на арфах. А Верена смотрит на них и улыбается...

И тому подобную чушь.

Я сказал: морковь, нашу маму убили. И я этих уродов собираюсь похоронить.

Такой вот не романтичный.

* * *

Пришлось их утрамбовывать. Потому что яма была на меня одного, а их целых четыре. Но я справился.

Встал сверху и прыгал, пока не влезли.

Потом укладывал дерн кусками, а когда его не стало хватать, накидал веток. Теперь лежат, как в берлоге. Потом я сел на землю и сказал:

– Сил моих больше нет.

Долго сидел. Потом встал и пошел к морковке.

2

Это еще ничего. Совсем голодная, она хуже. Откроет рот и вопит. Я ее поднимаю, а она плотная, как комок глины. И пальцами не разомнешь. Маленькая и красная, словно обварившийся гном.

Я говорю:

– У вас молоко есть?

Она смотрит на морковку, а та продолжает хныкать. Женщина говорит:

– Ты солдат?

Я говорю:

– Нет.

Она вздохнула и говорит:

– Заходите. Есть у меня молоко. И перекусить что-нибудь найдется.

Я привязал коня, вошел в дом и сел на лавку. И чувствую: сил подняться нет совсем. Она говорит:

– Ты контуженный, что ли?

Я снова говорю:

– Нет.

Словно с кем-то поспорил – одно слово на целый день.

Она говорит:

– А похоже. Ладно, подожди здесь, солдат. Я сейчас приду.

Пока она ходила, я даже не шевельнулся. Словно из меня стержень вынули, на котором все держалось. И я теперь бесформенный и никому не нужный.

Хотя – есть девчонка. И ей стоило бы пеленки поменять. Мы с утра в дороге, и я представляю, как у нее там все набухло. Как перед потопом.

И пистолеты надо проверить.

Только я не могу.

Вернулась женщина и говорит: ты оглох? Твоя орет так, что во дворе уши закладывает!

Я поднимаю глаза и говорю: правда? я не слышал.

Она тогда замолчала и на меня смотрит. А потом говорит:

– Давай, я твою девочку покормлю.

Я говорю:

– Нет. Я сам.

* * *

Жена говорит: ты принцесса у нас. Посмотрите на эти щечки. На эти ножки. Ах, какие у нас ножки!

Я говорю: тьфу на тебя, обезьянка. Тьфу на вас обоих.

Потому что мне страшно.

Потому что за стеной люди с пустыми глазами.

* * *

Она говорит:

– Пока ты спал, у тебя лицо было живое. А сейчас опять мертвое.

Я говорю:

– Просто у меня рожа такая.

Она покачала головой. Говорит:

– Ты красивый. Только устал сильно.

Я говорю: наверное. Поднялся и вышел во двор. После того, как мне Верена приснилась, трудно стало разговаривать. Все время чувствую, что нас в комнате трое.

Четверо. Потому что морковка тоже слушает.

Поэтому я сел на крыльце. Достал пистолет и стал замок проверять. Порох с полки совсем высыпался. Я достал рожок и думаю – надо остальные проверить. Та ночь больше не повторится. Нет, спасибо. Больше меня врасплох не застанут.

Потом она тоже вышла во двор. Села рядом и смотрит, как я развлекаюсь. Потом говорит:

– Тебя как зовут?

Я говорю:

– Лейбер.

– Меня Марта. Останетесь до завтра? Маленькая устала, ты отдохнешь.

Я говорю:

– Хорошо.

Она говорит:

– У меня муж тоже солдатом был. У самого Белого Герцога в первом фирфейлене...

И давай рассказывать, как они жили. Как будто мне это надо. Хотя, наверное, так у всех женщин заведено.

Они, наверное, и на небесах не меняются.

* * *

– Загляденье просто, – говорю я.

Марта и виду не подает. Как будто я взял и поверил, что такое у неё каждый день. Чашечки, горшочки, тарелочки – вся женская артиллерия. Выкатила на прямую наводку и давай лупить. Курятина в пехотной терции. Жареная колбаса в направлении главного удара. Каши с флангов обходят.

Пиво – стратегический резерв.

Она сидит и на меня смотрит. Как я сражаюсь.

Военачальница.

– Вкусно, – говорю я. – Спасибо.

Она говорит:

– Да ты ешь, ешь.

Словно до этого я в основном мимо рта проносил.

И вдруг мне по ноге что-то – шшшш. Я вздрогнул. Только потом догадался, кто это может быть. С таким хвостом.

– Как кошку зовут? – говорю.

– Никак, – говорит Марта. – Приблудная. Родила недавно четверых. Теперь ходит, словно она здесь хозяйка.

Кошка услышала, что про нее речь, и вышла из-под стола. Сама худая, как скелет. Но в глазах такое требовательное выражение. Некогда мне с вами ерундой заниматься. У меня дети.

Я говорю:

– Какая красивая.

Марта говорит:

– Что?

Я говорю:

– Правда. Женщины все такие. Особенно после родов. Словно у вас под кожей – спящее солнце. Даже у кошки. Только вы этого не понимаете. Жалуетесь и плачете.

И мужчинам приходится с этим что-то делать. Тащить в постель и доказывать. Ты – самая красивая. Потому что вы по-другому не понимаете. У женщин это где-то между ног закорочено. А, может, и по всему телу. Я не знаю. А потом, если получилось, солнце просыпается. И вы начинаете светиться так, что глазам больно. Наверное, у вас под кожей проложены стеклянные трубки, по которым вода течет...

Я говорю:

– Только это не вода, а самый настоящий огонь.

Она фыркнула и засмеялась. Говорит:

– Ложился бы ты спать, солдат. Опять ерунду какую-то болтаешь.

А по глазам вижу: нет, не ерунду.

* * *

Я говорю: сколько-сколько?

Йохан говорит:

– Пять монет в неделю. Вы же понимаете, трудные времена.

Я говорю:

– Понимаю.

Потом я не выдержал и снова посмотрел.

«Разыскивается Вальтер Утрехт, рыцарь. Около тридцати лет. Обвиняется в убийстве своей жены Верены, урожденной Кришталеvской».

На рисунке я был чисто выбрит и элегантен, как положено женоубийце. И очень слабо похож на себя нынешнего.

Князь оказался провидцем. Или не поверил в мои добрые намерения. С той ночи прошло больше месяца, а нас продолжали искать. Хотя теоретически мы с морковкой уже находились где-то очень далеко. За пределами княжества, например. Но только не здесь.

Йохан говорит:

– Комнату будете смотреть?

Я говорю:

– Конечно.

«Также разыскивается его дочь, Анна-Фредерика, пяти месяцев от роду. Похищена...»

Не похищена, а спасена. Есть разница.

Хотя – меня-то как раз никто не спрашивал.

Мы поднялись по лестнице. Йохан открыл дверь и говорит:

– Вот.

Я огляделся. Потом прошел к окну, открыл и выглянул. Улица как спящая змея. Чешуя за ночь вымокла и блестит. Дальше по улице раскачивается вывеска портного. Я прикинул – шагов пятьдесят до нее. На вывеске – ножницы и катушка ниток. Все яркое и заметное.

Потом я поднял взгляд и увидел небо в просвете домов. Голубое и чистое, как бывает после дождя.

Я говорю Йохану:

– Договорились.

Кстати, насчет моих намерений князь прав. Я и сам в них не верю. То есть... не верю, что они у меня добрые.

* * *

Раньше она была целиком белая, но со временем протерлась. И на неё кусочки нашили – чёрные и жёлтые.

Я говорю:

– Заплата, иди сюда. Кис-кис-кис.

Кошка на меня смотрит, но подходить не торопится. Можно подумать, ей каждый день имя дают.

Я говорю:

– Как хочешь.

Последнее время меня немного отпустило. Спасибо Марте. Я даже в другой комнате спать научился. Недолго, правда. Час-два. Проснусь и бегу проверять. Но уже хорошо. Потому что раньше будил морковку храпом. Или криком.

Подхожу и слышу: мау-а-уа. Громко так, с выражением. И опять: мау-а-уа.

Это она жалуется. У девочки в руках игрушка, и она ей рассказывает, как ей здесь плохо и как её все обижают.

Я говорю:

– Цок, цок, лошадка!

Обиды сразу как не бывало.

– Ты лыба, – говорю. – Лыба. Чего улыбаешься? Муравьишка. Ну, иди ко мне. Пойдем котят смотреть?

Она говорит:

– Аа!

На маму никто особо не походил. Заплата худая и строгая. А котята – круглые и веселые, как тряпичные мячики. Трое возятся, один спит. Хотя он, наверное, тоже веселый.

И все разного цвета, словно их по масти подбирали.

Я говорю:

– Кто из вас кто?

Черный оказался девочкой. Коготки мелкие и острые. Запищала и давай вырываться. Наверное, тоже папина дочка. Одного такого черного я недавно на заборе видел.

Морковка зашевелилась и смотрит, открыв рот. Потом ручки потянула.

Я говорю:

– Анна-Фредерика, познакомься с Чернушкой. Видишь, какая она маленькая?

И вдруг сзади – шипение.

Я замер. Потом осторожно опустил котенка на землю. Повернулся и говорю:

– А это котенкина мама.

У морковки глаза стали круглые.

Заплата стоит, готовая к бою. Вполморды – желтое пятно. Шерсть вздыблена, в глазах – отчаяние. Потому что это я человек, она всего лишь кошка. Но я стою между ней и котятами. И это серьезно уравнивает шансы.

Я представил, что это не кошка, а молодая женщина. А вокруг и ночь, и вой, и грохот...

Взял девчонку поудобнее и отступил в сторону.

Морковка затихла, словно что понимает. Я обошел Заплатку кругом и вышел из сарая.

Сидел на крыльце и смотрел, как темнеет.

А потом Заплата появилась. Сама подошла и нас обнюхала. Девчонка морщилась, когда кошка её усами задевала.

Заплата повернулась и ушла обратно в сарай. Домой, к детям.

А мне почему-то вдруг стало очень обидно.

* * *

Повернулся, а там она стоит. Я и не видел, как подошла. Увлёкся с дверью.

Она на меня смотрит и говорит:

– Девочку пора кормить.

Я говорю:

– Я знаю.

И стоим, друг на друга пялимся. Как два идиота.

Потом Марта усмехнулась и говорит:

– Ты сильный.

Я на развороченную дверь смотрю и говорю: да?

Она говорит:

– Но молотка в руках сроду не держал. Я же вижу. У тебя под другое руки заточены. Поэтому и не выходит. Вот шпаги, ружья – это твоё, верно?

Я говорю: наверное.

Она говорит:

– Почему вы, мужчины, просто не можете быть дома? А? Объясни мне, солдат!

Я говорю: не знаю.

Она говорит:

– Почему вам обязательно нужно куда-то идти – и кого-то там убивать?

Я не знаю, что ответить.

Она говорит:

– А потом еще желательно сдохнуть где-то там, вдали от дома – в грязи и вонище!

Я молчу.

Она помедлила и говорит:

– Тогда вы будете счастливы, да?

Повернулась и ушла в дом. А я смотрю ей вслед, и у меня внутри – пустота. Словно вырвали что-то очень важное и теперь нити свисают.

* * *

Наверное, она что-то почувствовала. Женщины в этом смысле вообще тоньше устроены. Как барометр.

Я зашел в сарай и вытащил сверток. Длинный, почти в мой рост. Снял мешковину, проверил и завязал обратно. Потом взялся за пистолеты. Заводил каждый и нажимал на спуск. Не то, чтобы дергался. Просто надо было себя чем-то занять.

Хотя – не без мандража, конечно.

Потом разобрал вещи. Морковкины – в одну сторону, свои – в другую. Из своих на завтра отобрал солдатскую куртку, рубаху, чулки, бриджи. Все чистое, как на парад.

Деньги, бумаги. «Завещаю своей дочери Анне-Фредерике...» и так далее.

Все, кажется.

А потом я вспомнил, что сказала Марта в день нашей встречи.

Во дворе – бочка, в бочке – вода. В воде закат отражается. И моё лицо заодно.

Смотрю на себя и думаю – где красивый? Чего она выдумала?

А потом подумал – правильно, наверное. Может с нами, мужчинами, это тоже работает? Мы нужны женщинам, а они – нам. Мужчина постоянно должен доказывать женщине, что она – лучшая в мире. Иначе он не мужчина, а сапожная подошва. Чтобы мы из угловатых, негибких, жестких, туповатых становились такими, как есть – мы должны отдавать.

Это же просто. Если воду не вычерпывать, она уходит. Может, мы тоже пересыхаем, как колодцы?

И тогда в нас выстрелить надо, чтобы вода появилась?!

Когда совсем стемнело, я поднялся на крыльцо и открыл дверь. А там – она. Вроде как случайно в сених стоит.

Я на нее смотрю, а она отвернулась. Только... я знаю, что она меня видит. Не глазами, всем телом. И она знает, что я знаю.

Стоим, дыхание друг друга слушаем.

А потом я сделал шаг. И другой. И как-то само собой получилось, что мы стоим рядом, и кажется, что кожа у неё в темноте тихонечко светится.

Прижал к себе. Она затихла и в грудь мне упирается. Лапки мягкие, как у котенка.

Я говорю: привет.

* * *

Спящая змея проснулась. Открылись двери лавок, зашумели люди. По пыльной чешуе зацокали каблуки и копыта. Цок, цок, лошадка! И улыбается.

Я посмотрел наверх. Небо в просвете домов чистое, света достаточно.

Перевёл взгляд на лавку портного. Ножницы большие и белые, нитки зеленые. Все четкое и яркое. Отсюда до вывески пятьдесят два шага – я проверял.

Потом задернул занавески, чтобы осталась только узкая щель. Взял стул и устроился у окна. Аркебузу поставил к стене, кувшин с водой – на пол, по левую руку.

И стал ждать.

* * *

Потому что однажды просыпаешься ночью, а вокруг темно – и душно, и грохот, и скрип, словно за стеной перетаскивают мебель. А потом, без перехода, гул голосов, который отзывается во всем теле. Только слов не разобрать, словно это кошмарный сон. Одни вибрации, низкие, тяжелые, тягучие, как патока. И у этих в голосах звучат тоска и ужас – оттого, что обладатели голосов знают, что им предстоит совершить.

В неясной тревоге, на границе сна и темноты, ты лежишь с открытыми глазами и чего-то ждешь. Кажется, вечером ты поругался с женой из-за ерунды – сейчас даже не можешь вспомнить, из-за чего именно, – но заснул ты не в спальне, а на кушетке в гостиной, где спал не раздеваясь и даже не сняв сапоги. Ты лежишь и слушаешь, как в груди отзываются зловещие тамтамы. А за стеной идут люди с тягучими голосами и глаза у них пустые, как у ящериц.

А потом – крик. Который хлыстом бьет по нервам. И ты вскакиваешь на ноги, словно тебя обожгло. Чувствуешь, как сжимается тело, словно от невыносимой боли. И понимаешь, что это кричит твоя жена.

* * *

Ничего. Все в порядке. На мгновение я закрыл глаза, пытаюсь унять дрожь. Сердце колотится, словно заячий хвост. Ладони взмокли. Аркебуза кажется тяжелой и неуклюжей, как бревно.

Я открыл глаза, прицелился в катушку зеленых ниток. Потом плавно повел ствол аркебузы вниз...

Черная спина.

Я задержал дыхание и нажал на спуск. Привычное: вжжжж. Искры. Бух! Грохот. Толчок в плечо. Ствол аркебузы дергается вверх и вправо. Серый дым. В ушах – звон. Черт, не вижу! Черная спина медленно-медленно покачнулась... падает.

Вокруг лица, на них – удивление. Пауза. А потом со всех сторон – крики. «Князя убили! Князя!» Убили? Правда?! Черт, нельзя посмотреть.

Я отпускаю аркебузу – она стучается о пол. Встаю и иду к двери. Меня шатает. В ушах – звон, лицо горит, как обожженное.

Крики за стеной становятся громче. Звон железа. Команды. Опять крики.

«Там он был! Там! Наверху!».

Я быстрым шагом выхожу из комнаты. Миную двери соседей. Прыгаю по лестнице через две ступеньки.

Когда оказываюсь внизу, входная дверь распаивается. Лица, лица, шпаги... Почти не глядя, разряжаю туда один из пистолетов. Дым. Крики. Я поворачиваюсь к двери спиной и перехожу на быстрый шаг. Иду в глубь дома. На ходу достаю патрон, скусываю и перезаряжаю пистолет. Руки подрагивают. Часть пороха высыпается мимо.

Плечом открываю дверь и протискиваюсь внутрь. Это столовая. Все семейство Йохана в сборе. Он широкий, с черной бородой. Смотрит на меня с недоумением. В дюйме от его рта застыла ложка.

Я достаю шомпол. Продолжая идти, вставляю его в ствол. Раз, два, три! Готово. Беру шомпол в зубы и так, с ним в зубах, киваю Йохану. Здоровый детина справа от меня шумно глотает. Сын, наверное.

Позади меня страшный грохот.

На ощупь достаю пулю. Пуля у меня нет, но пуля завернута в бумагу. После нескольких ударов шомполом пистолет заряжен. Иду.

Прохожу следующую комнату. В ней – две лавки и кресло с красной обивкой. Здесь Йохан встречается с приказчиками. А вот и то, что мне нужно.

Чёрный ход.

Открываю дверь и выхожу на улицу. Смотрю налево, направо. Ничего подозрительного. Сюда погоня еще не добралась. Убираю пистолет за пояс. Поправляю шляпу и кружева. Вперед!

* * *

Я написал: Завещаю своей дочери Анне-Фредерике все свои титулы и имущество.

Девочка моя любимая. Красавица. Муравьишка. Обезьянка. Возможно, мы с тобой больше никогда не увидимся. Поэтому знай, что я тебя люблю. Как любил и всегда буду любить твою маму. Надеюсь, мы встретимся с ней на небесах. Не знаю, достоин ли я этого. Но это уже не так важно. Главное, что теперь все будет хорошо. Я знаю. Расти большой и слушайся тетю Марту. Она хороший человек. С любовью. Твой папа.

Вот как надо было написать.

А я написал: морковка, нашу маму убили. И я этих уродов собираюсь похоронить.

ДЕТИ НЕНАВИСТИ

рассказ

Нотаэло Сотизель, Двенадцатый-из-Тридцати, более известный как Рисовальщик, засел в ветвях дуба, раскинув вокруг себя маскировочное заклинание-сеть и зажав в зубах стрелу. Лицо эльф выкрасил зеленой краской, длинные волосы остриг коротко, по людской моде, голову перевязал темной косынкой. Пятнистый комбинезон из армейских запасов скрыл гибкое тело. На рукаве вяло скалилась белая кошачья голова – эмблема Серебряных Пантер, третьей бригады специального назначения.

Серебряные Пантеры считались лучшим подразделением Алладорской армии. Последняя война показала, что воевать с людьми можно и по-эльфийски, но побеждать их – только «человеческими» методами. Диверсии, саботаж, молниеносные рейды по тылам, акции устрашения, заложники. Серебряные Пантеры показали себя блестяще. Не проиграв ни одного крупного сражения, люди были вынуждены уйти, оставив Алладор на произвол своих врагов – эльфов. Белая кошка показала зубки...

Однако эмблема врала. Нотаэло не был Серебряной Пантерой и даже никогда не служил в армии. Марш-броски, тренинг день-деньской, а получать гроши – нет, увольте. Нотаэло не таков. Лучше Нотаэло Сотизель достанет армейский комбинезон – причем не новый, уже не раз стиранный, возьмет эмблему Пантер, купленную за два ланса у мальчишки, продавца сувениров с Площади Увядших Роз, и сам (лично!) пришьет на рукав. Потом Нотаэло возьмет снайперский арбалет системы Дэльноро (страшное оружие, гордость эльфийской военной мысли), тщательно пристреляет и выкрасит лицо в зеленый цвет.

Днем позже Нотаэло Сотизель, Нотаэло Рисовальщик, Двенадцатый-из-Тридцати, отличный стрелок и талантливый конспиратор, засядет в ветвях огромного дуба в шестнадцать миль от городской черты. И откроется эльфу прекрасный вид сверху на некую поляну, залитую лунным светом...

Нотаэло засел и ему открылся.

Оставалось ждать.

Дельмар по прозвищу Короткий явился в одиночку, как было договорено, опоздав всего на десять минут против назначенного времени. Светский обычай, опоздание в рамках приличия. Дельмар обвел взглядом пустую поляну, поднятые брови выразили брезгливое удивление. Он рассчитывал, что я буду здесь раньше него, подумал Нотаэло Рисовальщик, пристраивая арбалет к плечу. Все-таки я Двенадцатый, а он Третий. Тридцать Отцов на такой городишко, это ж надо... Служебный рост при эльфийской продолжительности жизни – настоящая проблема. С нагретого места редко уходят добровольно, к тому же у всех жены, любовницы, дети, пра-пра и так далее внуки. Всех нужно кормить. А как быть честолубивому молодому эльфу? Еще тридцать-пятьдесят лет ждать, пока некий Отец, отмечая свой трехсотлетний юбилей, слегка переберет, и подавится рыбной косточкой? К Темному ожидание! Приходится делать карьеру другими методами. Человеческими методами. Извини, Дельмар. Ты мне никогда не нравился.

Гордый профиль Третьего-из-Тридцати попал в перекрестье оптического прицела, загорелись цифры: дальность до цели, скорость ветра, а также зеленые значки в форме магического жезла. Мать Темного! – мысленно выругался Нотаэло, у него защита. Сколько жезлов? Раз, два... восемь?! Заклинание четвертого уровня, проклятье, не везет.

Дельмар в прицеле повернулся, поднял голову. Казалось, глаза его взглянули прямо на Нотаэло, пронзив листву и маскировочное заклинание-сеть... Рисовальщик почувствовал, как на лбу выступил холодный пот, а в подмышках стало мокро. Палец, лежащий на спусковом крючке, рефлекторно дернулся. Только не это, мелькнула мысль. У Дельмара защита четвертого уровня, стрела рассчитана максимум на второй...

Выстрела не последовало. Нотаэло перевел дыхание и неожиданно вспомнил, что арбалет системы Дэльноро сделан в расчете как раз на такие случаи. С обычного предохранителя снимаешь заранее, перед выстрелом, вторым предохранителем служит само устройство спускового крючка. У того большой ход – чтобы наадренированные пальцы не подвели снайпера... Не подвели такого же Нотаэло, выслеживающего такого же Дельмара...

Третий-из-Тридцати не заметил стрелка, засевшего в ветвях. Одетый в темно-синий приталенный камзол, эльф уже две минуты стоял посреди освещенной луной поляны, не проявляя, однако, никаких признаков нетерпения. Смотреть на часы, нервно озираться, потирать руки... Все это Дельмар счел ниже своего достоинства. Разве что на точеном лице с едва заметными признаками старения (Дельмару триста двадцать с чем-то, как помнилось Рисовальщику) отразилось презрение. Меня презираешь, подумал Нотаэло, вынимая из арбалета стрелу-неудачницу. Презирай на здоровье, недолго тебе осталось... Еще несколько секунд...

Эльф разжал зубы, опуская стрелу, заклятую на шестой уровень. Старые запасы – из арсенала политических убийц. Пять стрел-универсалов, раздобытых по счастливому случаю и за бешеные деньги. Коллегия Тайного Деяния – еще одно новшество времен войны – вполне по-человечески не стеснялась в средствах. Практика подтвердила: генералы и министры умирают не хуже простых солдат... А насколько хорошо умирают эльфы-Отцы?

Сейчас проверим.

Щелк! Стрела-универсал легла на положенное ей место. Нотаэло, стараясь не шуметь, взвел арбалет, вновь прильнул к оптическому прицелу. Лицо Третьего в перекрестье, надменность и презрение... Ждет все-таки, подумал Нотаэло. Очень я ему нужен. Скоро буду, уже недолго осталось. Стрела войдет между глаз, Дельмар Короткий... Между твоих красивых глаз.

Люди считают эльфов похожими, как близнецы – черты Нотаэло и Дельмара показались бы им слепок с одного нереально красивого лица, лица другой расы. Удивительно, что эльфы, при всем своем высокомерии, не путают людей, а вот люди плохо разбирают, кто из эльфов кто. И дело тут даже не в обостренной наблюдательности. Когда человеческие черты кажутся уродством, и людей различаешь по тому, насколько кто безобразен...

Пора. Нотаэло задержал дыхание, поймал перекрестьем шею Дельмара – стрела пойдет по дуге и ударит пожилого эльфа в область сердца. Стреляй в корпус, всегда в корпус, учил Рисовальщика старый спецназовец. Голова болтается, телом вертеть труднее. И ценных органов там больше. Старик был тем еще юмористом... Нотаэло плавно нажал на спуск.

Тунк! Арбалет в руках дернулся. Эльф начал считать. Раз, два... Касание. Дельмар упал.

Нотаэло подошел к лежащему ничком Третьему, держа наизготовку десантный нож. Предстояла не самая приятная процедура, но, к сожалению, совершенно необходимая. Замести следы, как пишут в детективах, не так просто, как в тех же самых детективах рассказывают. Магические отпечатки, дознание камней и растений, провидческая ретроинспекция... Копать будут здорово. Весь город перевернут: сначала Отцы, потом Коллегия Тайного Зрения. Опросят знавших Дельмара, все связи Третьего поднимут... Большой человек был покойный. И дело громкое. Конечно, Тридцати Отцам шумиха ни к чему, поэтому дело попытаются закрыть, но искать не перестанут...

И найдут.

Я, подумал Нотаэло, оставляю очень четкий след.

...Два месяца назад случилось первое убийство. Эанд Элавиэль, сын Фаарва, был найден мертвым в собственном доме. Эанда привязали к стулу. Руки скручены проволокой, на шее – следы удавки, почти перерезавшей бедняге горло. Глаза выколоты, скальп снят. Красавец-эльф в самом расцвете сил стал жертвой неизвестных садистов. Убийцы оставили издевательскую записку, написанную, что удивительно, рукой жертвы. В ней Эанд каялся в грехах. Он признался, что, командуя взводом Лесных Стрелков, приказал расстрелять нескольких мирных жителей. Людей. Ферма была захвачена Стрелками, а трупы хозяев сброшены в компостную яму. Почему, зачем? Время было военное, многие грехи списывались за так... Эанд писал, что не может себе этого простить. Признание заканчивалось фразой: «Я решил покончить с собой.» И подпись: Эанд Элавиэль, сын Фаарва, раскаявшийся. Самоубийца? Как же... Выколол себе глаза, снял скальп, а потом еще и удавку накинул.

Разразился скандал. Вежливый такой, для узкого круга. В газеты не попало ни слова о случившемся, молчаливые ребята в темных камзолах, за спиной которых без труда угадывалась Коллегия Тайного Зрения, мгновенно замяли дело, изъяв следственные материалы. Коллегии Явных Отношений осталось только развести руками.

Еще через месяц и одну неделю произошло следующее убийство. В этот раз был казнен Наздо Денувизль, бывший комендант Места Отдохновения – концентрационного лагеря для пленных. Тут записка оказалась посolidнее: в две страницы и даже с именами людей, в смерти которых Денувизль сознавался... В конце – пометка: «Я хотел бы вспомнить больше имен, но не могу. Простите меня.» Ниже, другим почерком: «У него плохая память, у нас будет получше». И подпись: Непростивший.

После этого Коллегия Тайного Зрения обратилась к Тридцати Отцам с просьбой о содействии. Теневые хозяева согласились и для начала прочесали город. Выловили кучу воров и шлюх, работающих самопально, без одобрения Отцов, посадили всех бездомных, от греха подальше, в камеры. Местность прочесывали специальные бригады. Внуки, оторванные от привычной работы, пугали пейзаж мрачными лицами и подозрительными взглядами... Нотаэло, выслушивая ежедневные доклады, не мог избавиться от ощущения, что стал заводилой в слишком большой игре. Заварить такую кашу – всего лишь ради повышения?

План был выстроен в расчете на Третьего. Дельмар Умиэль по прозвищу Короткий когда-то тоже неплохо погулял в военной форме.

Отцы тем временем выдвигали версии. Версий было много, но только некоторыегодились как рабочие...

Убийца – эльф-ветеран с обостренным чувством справедливости. Ненормальный с психозом Последней войны. Или человеческая диверсионная группа, что, впрочем, не отменяет психа-ветерана. Только психов могло быть больше...

Никто не умеет ненавидеть так, как люди.

И прогуливались по окрестностям крепкие молодые эльфы с мрачными рожами...

Дельмара прозвали Коротким словно в насмешку – будучи выше Нотаэло на две головы, он сравнился ростом с высоким человеком. Шесть футов – почти предел для эльфа. Впрочем, лежа Третий не кажется таким длинным, зато изрядно горбится. Длинные, серебристого оттенка волосы разметались по плечам, левая рука неловко вытянута в сторону, правая – прижата весом Дельмара. Наверное, подумал Рисовальщик, он пытался рефлекторно закрыться, прежде чем упасть. Наверное. Синий камзол кажется черным.

Нотаэло присел на корточки, перехватил нож поудобнее. Осторожность и еще раз осторожность. Не считай зверя мертвым, пока его голова не окажется над твоим камином... Основное заклятие стрелы-универсала сожгло защиту цели, добавочное – Зеленого Студня, должно превратить нервные волокна объекта в желе. Стоит наконечнику хотя бы оцарапать кожу... Эльф это, человек, гoblin или даже гном – без разницы. Мертвецу плевать: кем он был при жизни... Он – был. И больше уже не будет.

Последний тест. Нотаэло поднял нож, прищурился и с короткого замаха ударил Третьего в бок... Звякнуло. Нож скользнул по ребрам... панцирю! – вспарывая синий камзол. Что за... – успел подумать Рисовальщик, прежде чем нога «мертвеца» с размаху ударила его под колени. Нотаэло упал на спину, боль вышибла из головы всякое подобие мысли...

В следующий момент Дельмар встал над ним, держа за черенок стрелу-убийцу.

– Нехорошо, – Третий-из-Тридцати брезгливо поморщился. Левой рукой он пытался скрутить фигуру Мертвый Хват. Затекая кисть плохо слушалась, но онемение скоро пройдет – пальцы эльфа обретут необходимую гибкость. И тогда Дельмар повяжет своего несостоявшегося убийцу заклятием – по рукам и ногам. Чтобы и пальцем не шевельнул. А это для Нотаэло Рисовальщика верная смерть. Уголовная магия особая, молчаливая, на пальцах делается, распальцовка называется...

– На кого руку поднял, дешевка? – риторически спросил Дельмар. – На Отца руку поднял. Знаешь, что мы с такими в спецназе делали? Я тебе, сука, яйца отрежу, на углях испеку и жрать заставляю...

Не узнает, понял Нотаэло, пытаюсь справиться с болью и хоть как-то собраться. Магия требует сосредоточенности... Перед глазами эльфа поплыли цветные круги. Колено – одно из самых болезненных мест, а тут – по обоим ударили... Ничего, сказал себе Нотаэло. Болит – значит жив. Лишь бы собраться, хоть на пару секунд забыть про боль...

– Скажешь, кто послал – умрешь быстро, – пообещал Дельмар, делая шаг к поверженному Двенадцатому. Рука поднялась в преддверии Мертвого Хвата. – Хотя я и так знаю. Не зря я Рисовальщика не люблю. Но ты все-таки со мной

поговори. Если будешь молчать, сам понимаешь... Смерть обещаю страшную, на Острова Забвения заикой явишься... А если ты в Законе, дерьмо, можешь требовать Отческого суда. Я его прямо здесь устрою... И Рисовальщик твой тебе не поможет. – Дельмар словно споткнулся. – Или он тут рядышком остывает?

Дельмар упал на землю, подобрался, как кошка. Вспомнил Третий Отец слухи о человеческой диверсионной группе и – решил подстраховаться. Командир роты спецназа Дельмар Умиэль, Дельмар Короткий. Профессионал. Благодаря ему и ему подобным у Серебряных Пантер такая страшная репутация...

У горла Нотаэло оказалась стрела-универсал с погнутым наконечником – хороший панцирь у Дельмара, гномьей работы, залятую сталь выдержал. Но даже помятый и тупой, наконечник опасен. Малейшая царапина – и встречайте Острова Забвения заблудшего эльфа.

– Только дернись, – предупредил Дельмар шепотом, едва не касаясь губами щеки Двенадцатого. – Мигом к праотцам отправлю... – тут взгляд эльфа натолкнулся на эмблему. – Какого..? – спросил он озадаченно. – Серебряная Пантера? Что ж вы, суки, своих мочите?!

Нотаэло сжал зубы. Еще чуть-чуть... боль отступает...

– Ты нам не свой, – неожиданно сказал Двенадцатый – неожиданно в первую очередь для самого себя. Никогда никому лишнего слова... И вот на тебе! В такой момент.

Зрачки Дельмара расширились. Узнал, понял Нотаэло. Что ж... пора! Пальцы привычно сложились в фигуру для заклатья...

– Рисо...

Дельмар застыл, глядя на свою правую руку со стрелой. Та остановилась в четверти дюйма от горла Нотаэло...

...Не считай зверя мертвым, пока его голова не окажется над твоим камином.

Жертва, схваченная мертвым хватом, обездвиживается на срок от тридцати секунд до нескольких часов – в зависимости от умения мага и силы, вложенной в заклятие. Если же Мертвый Хват закрутить в узел, чтобы заклятие поддерживало само себя – сутки-двое проваляется реципиент, не шевеля ни единым мускулом. Если не задохнется, конечно... Чтобы схваченный мог дышать, заклятие нужно накладывать умело, с хитрыми вывертами пальцев – поверх одно-двухминутного глухого Хвата. Пальцевать, как выражаются Отцы.

Закончив пеленать Третьего, Нотаэло быстро напальцевал себе «Забыть Боль» на ноги – и только после этого смог подняться... Ощущения как во сне, подумал Рисовальщик, ниже пояса не чувствуешь себя совершенно – как отрубили. Мать Темного, заклятие-то с подвохом! Ходить неудобно. А нормальное лечение требует времени, да и силы еще понадобятся...

Он нашел в траве нож. Весь перепачкавшись соком, вернулся к пленнику, посмотрел в глаза. Ярость, холодная, оглушительная ярость, презрение и страх взглянули на эльфа в ответ...

– У нас хорошая память, Дельмар, – сказал Нотаэло. Рисовальщик понимал, что желание выговориться – очень нездоровое желание, особенно в его положении. Болтливый нелегал – мертвый нелегал. Но ничего не мог с собой поделать. Напряжение последних месяцев сказывалось. Постоянная ложь, жизнь в страхе, бег по острию меча – Нотаэло собирался поступить глупо... И – поступил.

Его право.

– Да, ты... все верно понимаешь, Дельмар... У нас... у людей, хорошая память, – заговорил Рисовальщик. Голос срывался, тело била дрожь – впервые за долгие годы Нотаэло Сотиэль, Натаниэль Кавизел, разведчик-профессионал, пытался быть откровенным. И – не умел. Учился на ходу, сплевывая полуправдой, полужоью, с кровью отдирая от лица приросшую маску... Нотаэло, Натаниэль, Нат... Нат Кавизел, сын Майкла, внук Рудольфа, правнук Кейна... Человек.

Как это – жизнь без маски?

– Я человек, Дельмар... Мне тридцать девять лет и три месяца. По вашим меркам мне еще под стол пешком ходить. Я молод, Дельмар, но уже старик. Один из многих молодых стариков, живущих под масками эльфов... Да, это жестоко, да – это нечестно. Но Последняя война – по-нашему: Алладорская, намертво застряла в людской памяти... Зачем вам только понадобилось побеждать, Дельмар?

Вы испугали нас, и теперь мы вас уничтожим. Мы, люди, умеем ненавидеть сильнее...

Натаниэль помолчал, глядя пленнику в налитые кровью глаза. Ох, дорого был дал сейчас Короткий за пару мгновений свободы...

– Как думаешь, Дельмар Серебряная Пантера, легко было найти человека с таким лицом?

Натаниэль провел рукой по гладкой, как у ребенка, щеке. Он никогда не брился – специальное заклятие уничтожило корни волос, но рука до сих пор помнила сладкое ощущение щетины под пальцами... Отец часто ходил небритым...

– Я родился красивым, Третий, – сказал Натаниэль тихо. – Не таким красивым, как ты, но – достаточно близко, чтобы люди из разведки заинтересовались деревенским пацаном. Мне было четырнадцать, и мой голос вот-вот должен был сломаться... Не успел.

Он помолчал.

– Четырнадцать. Иногда я вспоминаю, что у меня было детство, Дельмар – было и уже больше не будет. Разведка – жестокая работа. Нам всем было по двенадцать-четырнадцать... Молодые старики, надежда человечества... Капитан Стоквелл умел убеждать. Вы – наша надежда... А на следующий день начались занятия. Язык, манеры, эльфийская культура, традиции... И – инъекции. Не знаю, что нам кололи, какими заклятиями отравляли нашу кровь, но это было больно... Почти всегда. Кто-то умер, двое сошли с ума. Колхен сидел на крыльце и смеялся. Очень долго и очень странно смеялся... Ломка, Дельмар. У курильщиков опиума это называется ломка... Мы так привыкли быть людьми, нам хотелось этого, как курильщику – опиумной затяжки... Еще нам кололи гормоны... Зачем? Ты спрашиваешь: зачем?! Впрочем, ты молчишь, но я отвечу... Мы не должны были взрослеть... Никогда. Мне тридцать девять, а я – все тот же четырнадцатилетний мальчишка. Мой голос годится для церковного хора... Он не сломался. Иногда я стою перед зеркалом и пытаюсь говорить ниже, как если бы остался человеком... Обычно это уже глубокая ночь...

Каждый день учебы был мучением. Но меня многому научили... Научили ненавидеть... И даже показали: кого... Это ведь самое главное: кого. Я так хочу быть человеком, Дельмар! Если бы ты знал, как страстно и безнадежно я этого хочу... Но единственное человеческое чувство, которое я знаю – это ненависть... У меня были хорошие учителя... И зачем вам только понадобилось побеждать?!

Теперь мы вас уничтожим.

Вы, эльфы, живете по пятьсот-шестьсот лет... По человеческим меркам – почти вечность. Вечность – это долго, Дельмар... Очень долго. У меня не так уж много времени... Лет через двадцать-тридцать я начну стареть – несмотря на все ухищрения... Мое лицо избороздят морщины, глаза помутнеют... К тому времени я буду Первым-из-Ста в столице. И все те, кто учился быть вами – учился вместе со мной... Они тоже постареют...

И, значит, до новой войны осталось всего ничего.

Десять лет... Или пятнадцать... Или четыреста... Но однажды мы придем снова... Мы – это люди... И я.

Почему-то мое «Я» никак не уместается в понятие «люди»...

Кто я, Дельмар? Можешь ответить? Вот ты – можешь?! Нет, лучше молчи... Человек-эльф, эльф-человек... Полуэльф... Получеловек... Самая большая моя беда, что я хочу быть человеком, но – не могу... А быть эльфом... Иногда я чувствую себя одним из вас и – ненавижу каждую частичку своего тела... Прекрасного тела...

Изуродованного тела.

Мой голос вот-вот должен был сломаться...

Прости, Дельмар, сейчас будет больно. Что? Ты не волнуйся, я сам напишу для тебя записку с признанием... Впрочем, я уже написал. Вот она... Хочешь, чтобы я зачитал? Нет? Я так и знал... Подпишешь? Конечно, прости меня... Мы оба знаем, что Дельмар Короткий, бывший командир роты Серебряных Пантер, никогда бы не подписал ничего подобного. И уж точно не написал бы этого собственной рукой... Мы – знаем. Но те психи-ветераны, человеческая диверсионная группа, знают Дельмара Короткого много хуже... Прости, Дельмар, сейчас будет нож... А дальше – огонь. И щипцы... и что-то еще... Ненависть такая интересная штука... Я даже ни о чем не буду спрашивать... Ты будешь кричать, Дельмар? Кричи, если сможешь...

Я-то знаю, что нет ничего страшнее подавленного крика.

ТЕОРЕТИК

рассказ

1

Из придорожных кустов высунулась драконья морда, блаженно зевнула, показав розовый язык и чёрную дыру глотки. Насмешливо хрюкнула.

Кобыла испуганно всхрапнула, скакнула вбок, высоко подбрасывая тяжёлый зад, и сэр Брадисхольм, рыцарь Бубновой Розы, не удержал равновесия... Земля прыгнула в лицо, ударила между глаз, высекла сноп искр из шлема, раздавила, смяла, как кузнечным молотом, доспехи и полностью вышибла сознание из бритой головы благородного рыцаря...

2

Лоб приятно холодило. Сэр Брадисхольм пришёл в себя, но глаза открывать не спешил. Что это было? – думал он, – Сон? Или не сон?

– Не притворяйся! – сказали у рыцаря над самым ухом. Брадисхольм вздрогнул и от неожиданности открыл глаза... Потом снова закрыл... и снова открыл...

Дракон никуда исчезать не собирался.

3

Травянисто-зелёная лоснящаяся шкура покрывала тушу таких габаритов, что хватило бы на прокорм в течение недели всего королевского войска, при условии, что оно (войско) будет питаться не менее пяти раз в день. Дракон шумно плескался в озере, поднимая мириады брызг. Некогда чистая, словно слеза, озёрная вода заметно помутнела, как если бы в ней омыли пыльную обувь полторы-две тысячи пехотинцев, вернувшихся из крестового похода...

Такому надо много есть, подумал несчастный рыцарь, глядя на игры чудовища. Сам рыцарь от жары не страдал. Заботливый дракон повесил его, спеленатого наподобие младенца, в тени, под ветками раскидистого дуба-великана. Хорошая еда заслуживает хорошего обращения...

4

– Ну-с, – сказал дракон, облизываясь, – приступим...

Брадисхольм шумно сглотнул.

– Ответь-ка мне, уважаемый, – приступил дракон, – каким из способов вы предпочли бы быть употреблёны в пищу? Варёным, жареным, пареным, запечённым в золе, маринованным, солёным, вяленым, сушёным, мочёным, сырым... – Тут дракон остановился, почесал чудовищную бровь не менее чудовищной лапой. – Последний способ искренне не желателен.

– Почему? – вяло поинтересовался рыцарь.

– А вдруг у вас гли... паразиты какие-нибудь, болезни там нехорошие.

Вы же солдат, а не невинная девушка. Ну-ка, отвечайте честно, чем болели?
– Ничем, – честно признался простодушный рыцарь. Дракон расплылся в улыбке.

– Разве что чесоткой, – спохватился рыцарь, и сделал попытку почесаться связанными руками. – Пару раз триппером... Свинкой, холерой, моровой язвой... Совсем недавно подхватил чуму... Ну, я почти вылечился... Честно.

– Верю, – сказал Дракон. Рыцарь вытаращил глаза. – Значит, сырым отпадает... маринованным тоже... сушёным? Нет, не будем рисковать. Мы тебя сварим в кипятке, с солью, побольше перчика, корицы, пучок укропа, пару свежих помидоров... зелёный лук... немного уксуса... Совсем чуть-чуть, а то бульон станет кислым...

В животе рыцаря застрял кусок льда с медведя размером, на лбу выступил холодный пот, по спине забегали крупные, в кулак, мурашки.

– Хм! – прокашлялся Брадисхольм. Голос внезапно сел. – Я думал, драконы не лютуют готовить.

– Вот как? – Дракон ухмыльнулся, на его морде это выглядело, как зловеющий оскал. Рыцарь побледнел. – И со многими драконами ты знаком? Я имею в виду – лично?

Рыцарь замялся.

– То-то же. Впредь не всему верь, что говорят люди, – нравоучительно заметил Дракон.

– Не буду, – пообещал рыцарь.

– Толковый парень, – умилился Дракон. Огромный глаз с вертикальным зрачком прищурился. – Так как насчёт моего вопроса?

– К-как... какого?

– Основного. В каком виде мы будем тебя есть?

– Вкушать, – поправил рыцарь.

– О-о! – Дракон посмотрел на Брадисхольма с уважением.

– Смаковать, наслаждаться вкусом, втягивать ноздрями дивный аромат, медленно отщипывать кусочки, растягивая удовольствие и негу...

– И в неземном наслаждении прикрывать глаза, ощущая на языке взрыв сверхновой, появление вселенной, зарождение жизни, её расцвет, падение и гибель, безумие и смысл существования, спрессованные в краткий миг, что наш касается язычок жареной... Стоп, – опомнился Дракон. – О чём это я?

– О смысле жизни, – соврал рыцарь.

– Да? – Дракон с сомнением посмотрел прямо в честные голубые глаза Брадисхольма. – У меня создаётся впечатление, – сказал Дракон после краткого раздумья, – что некий рыцарь пытается заморочить голову некоему дракону, забывая, чем чреваты подобные выходки...

Рыцарь мысленно застонал. Сорвалось! Ещё бы чуть-чуть...

5

...После чего всё это заливается кипящим соусом, поджигается и прямо в таком виде подаётся к столу. Прелесть, а не блюдо! А ещё возможен вариант...

– Нет! – закричал рыцарь в исступлении. – Нет! Ешь меня! Жри! Давись, рви, кусай! Но – молча!

Челюсть Дракона отвисла.

– Я согласен в любом виде, – рыдал Брадисхольм, по щекам катились крупные слёзы, – вари меня, жарь, копти, вскрывай и потроши! Всё, что угодно. Только быстрее, пока я ещё не свихнулся от твоих рецептов. Ради господ бога, ради всего святого...

– Эй? – драконья лапа осторожно тронула человека за плечо.

– Ради всего святого... Ради всего... Съешь меня! Ну пожалуйста, а? Ну что тебе стоит? Ам – и нет. Вон у тебя какие челюсти... А зубы...

– Челюсти, говоришь... – грустно покачал головой Дракон. – Я бы рад... В каком угодно виде... Хоть жареным, хоть сырым... Будь ты больной или даже бешеный...

– Так ешь! – потребовал рыцарь.

– Не могу, – Дракон вздохнул.

– А-а, скотина! Не отвертись... ЧТО?! – Брадисхольм задохнулся и замолчал.

– Да, – в голосе Дракона звучала искренняя печаль. – Не могу. Я, знаешь ли, скорее теоретик...

6

– Язва у меня, – рассказывал Дракон. – Уже тридцать лет как открылась...

– И ни мяса, ни вина?

– Ни-ни. Одна трава, овощи, всякая безвкусная гадость, на которую смотреть противно, не то, что есть...

– Бедняга, – пожалел Брадисхольм Дракона. Потом до него дошло:

– А меня... меня-то зачем пугал, если мяса не ешь? И рассказывал... Все эти блюда, способы варки, жарки – я чуть с ума не сошёл, пока слушал...

Дракон скромно потупился.

– Единственная у меня радость осталась: поговорить о еде.

– В присутствии самой еды? – на лице рыцаря было написано искреннее негодование. – Это не достойно благородного че... хм-м... дракона!

– Ну... – признал Дракон. – Может быть. Зато какое удовольствие получаешь от одного предвкушения... Я же гурманом был. Случалось, новые рецепты узнавал. Тут же пробовал... Давно это было. Я и сейчас гурман, но...

– Гурман-теоретик?

– Верно. Рецепты до сих пор собираю. Как представляю, что всё это я мог бы съесть... или пусть даже не всё...

– Ага, – понял рыцарь. – Значит, у тебя есть любимый рецепт? Для особого случая? Как если бы какой-то волшебник... Пусть даже на один час...

– Минуту, – поправил Дракон. – Мне бы хватило.

– И что за блюдо?

– Айн момент! – засуетился Дракон. – Сейчас покажу!

7

– Что?! – удивлению Брадисхольма не было границ. Он вертел в руках натюрморт, выполненный маслом по деревянной доске. – Это и есть твоё особенное блюдо?! Картошка с салом?!

– И с луком, – смущенно уточнил Дракон. – На постном масле, – глаза его то-мительно сузились. – Ах, какая прелесть! Как вспомню: шкворчащее на чугунной

сковороде сало, мелко порезанная картошка, лучок... Запомни главное, – настоятельно изрёк Дракон. – Картошку солить только после жарки, иначе она не будет поджаристой... Понял?

Рыцарь энергично закивал, подтверждая, что да – понял, и солить теперь будет только после жарки. И никогда: до или во время.

Дракон ласково похлопал рыцаря по плечу. Бладисхольм стиснул зубы, чтобы не закричать от боли.

– А теперь, – сказал Дракон. – Я должен тебя убить. Жаль... хороший ты парень, сэр рыцарь, хоть и человек. Был бы драконом – цены б тебе не было.

– Но почему?! – возмущению Бладисхольма не было границ.

– Потому что драконы – раса, многократно превосходящая человеческую...

– Нет!

– Что – нет? – нахмурился Дракон. – Ты считаешь, что люди выше драконов?

– Я тебя не об этом спрашиваю! – закричал рыцарь. – Я спрашиваю: почему ты должен меня убить? Ты ведь говорил, что не можешь есть мясо!

– Не могу, – согласился Дракон. – Но есть одно «но». Дракон, как и человек, отличается от зверя тем, что убивает не только для пропитания или самозащиты, но и в других, недоступных пониманию зверя целях.

– Например?

– Например: из мести.

– За что?

– Ты можешь есть жареную картошку с салом, а я – не могу.

– Убить – за ЭТО?

– А разве мало? – брови Дракона удивлённо поползли вверх. – Запомни, человек: есть вещи, за которые стоит убивать, и картошка с салом – одна из них...

8

– Последнее желание? – поинтересовался Дракон, одним движением чудовищного когтя освобождая рыцаря от пут. Бладисхольм тихо застонал, разминая затёкшие конечности, задумался. Выхода нет, Дракон его не отпустит даже за всё золото мира – жадность драконьего племени до презренного металла общеизвестна, но даже всё золото мира не сделает больной желудок здоровым. Как Дракон назвал себя: теоретик? Теоретик. Хм-м...

– Может, хочешь чего-нибудь съесть? – предложил Дракон от чистого сердца. – Ты только скажи – я мигом сготовлю! Вот, например: дикий кабанчик потрошится, набивается лесными орехами пополам с фаршем из голубиноного мяса, всё это жарится на медленном огне до готовности...

Теоретик, теоретик... А-а, была не была, решил рыцарь, хуже не будет. Попробуем.

– Нет, – изобразил печаль Бладисхольм, благо особо стараться не пришлось – приближение смерти мало у кого вызывает радость. – Благодарю тебя, сэр Дракон, но я вынужден отказаться...

– Ты уверен? – засомневался Дракон, у которого от собственного рассказа давно текли слюнки.

– Абсолютно уверен, – заверил монстра Бладисхольм. – Но кое-что ты мог бы сделать, сэр Дракон, дабы облегчить мне прощание с жизнью...

– И что же это? – в глазах Дракона зажёгся огонёк интереса.

– Мне стыдно признаться... – начал рыцарь. – Но... не мог бы ты... из уважения к нашей едва не возникшей дружбе...

– Ну-ну, – подбодрил Дракон.

– В моей седельной сумке остался один портрет. Я очень хотел бы перед смертью увидеть его, попрощаться...

– Возлюбленная? – деловито поинтересовался ящер. Рыцарь усилием воли вызвал прилив крови к щекам.

– Не стесняйся, – сказал Дракон. – Здесь все свои.

– Нет, – покачал головой рыцарь. – Не совсем...

– О-о! – вдруг морда Дракона расплылась в понимающей усмешке. – Значит: возлюбленный!

– Бог с тобой! – замахал руками рыцарь, краснея уже по-настоящему. – Мы такими делами не балуемся...

– А какими вы балуетесь?

Брадисхольм тяжело вздохнул.

– Честно говоря: никакими.

– Как так? – изумился Дракон. Почесал бровь. – А-а! – сказал он мгновением позже. Голос его подрагивал от скрытой радости. – Ты значит тоже?!

– Да, – потупился Брадисхольм. – Теоретик. Уже третий год.

Дракон завалился на спину, радостно хрюкая, что, по всей видимости, означало высшую степень сочувствия к бедолаге рыцарю...

9

– А кто изображён на портрете? – спросил Дракон, отсмеявшись.

– Ну... вот у тебя картошка с салом, а у меня...

– Любимый рецепт?

Рыцарь кивнул.

– Особенное блюдо?

Рыцарь снова кивнул.

– Та-а-ак... – задумчиво протянул Дракон. – Значит: хочешь и...

Рыцарь беспомощно развёл руками.

– Теоретик! – захрюкал Дракон. Ухватился чудовищными лапами за огромный живот, его трясло от смеха. – Ой, не могу! Самочки, изящные, грациозные, ножками треньк-треньк, крылышками: бяк-бяк, чешуйка тонкая, нежная, огнём играет, глазки кокетливые, лапки мягкие, такие формы, такой плезир... И ты всего этого лишился?! Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Ой! – Дракон в изнеможении прикрыл глаза лапой.

– Бе-до-ла-га! Ой, не могу! Ой, держите меня!

10

– Ты уж извини, – Дракон виновато почесал бровь. – Придётся тебе пешком. До ближайшей деревни миль пятнадцать...

– Ничего, – Брадисхольм забросил на плечо ножны с мечом. – Я дойду. Прощай, сэр Дракон! Спасибо за приятную беседу.

Он повернулся к зверю спиной.

– Бывай! – Дракон игриво помахал когтистой лапой. Уголки его пасти неудержимо поползли вверх. Дракон улыбался. – Бывай... теоретик!

Лицо рыцаря пошло пятнами. Он скрипнул зубами, пальцы на рукояти меча побелели... Заставил себя расслабиться, глубоко вздохнул и широким шагом направился по тропе через лес. Пятнадцать миль, значит... Пятнадцать.

11

Широкая крылатая тень накрыла поляну, стремительно увеличилась в размерах. Испуганно заржала кауряя кобыла... Удар. Крик боли казался почти человеческим... Огромные когтистые лапы пронзили лошадь насквозь, дракон ухнул сверху, круша кости огромным весом. Брызнула кровь...

Дракон с огромным сожалением слез с бездыханной кобылы, отряхнул лапы, несколько раз вонзил когти в землю, счищая кровь. Подцепил указательным когтем правой лапы седло, вытащил из кровавой каши, стряхивая куски плоти и осколки костей. Аккуратно отцепил седельную сумку с вышитым на ней изображением белой розы с красными ромбами на лепестках. Изображение было изрядно замазано кровью, но суть улавливалась и так.

– Бубновая Роза? – довольно проворчал Дракон, расстёгивая сумку.

Уже спустя минуту он вертел в лапах небольшой портрет маслом по деревянной доске, хмыкал, вздыхал и задумчиво чесал бровь.

– Страшна как смертный грех, – констатировал в конце концов Дракон. – Даже для человека. Бедный сэр Брадисхольм. Плохи его дела, если он ТАКУЮ считает особенным блюдом!

12

– Благородный сэр, – обратился к Брадисхольму юнец с едва пробивающимися усиками. – Моё имя Ловис Гэллахард, я племянник сэра Гарета Длинное Копьё...

– А-а, – понял рыцарь. – Так это тебе я должен был передать портрет девицы Изольды?

Брадисхольм с интересом наблюдал, как уши юнца приобретают нежно-пунцовый оттенок.

– М-мне... Я, знаете...

– Знаю, – кивнул Брадисхольм. – Гарет мне говорил. Жениться собираешься? Юнец замялся, щеки заалели.

– Ага, – сказал он наконец.

Рыцарь одним махом опрокинул в себя кубок тёмного вина, хмыкнул, пожал плечами:

– Извини, парень – не повезло тебе. Потерялся твой портрет.

– К-как потерялся?! – заломил руки юнец.

– Дракон, – торжественно сказал Брадисхольм. – Огромное огнедышащее чудовище размером с... вот этот сарай... нет, больше! С два сарая! Когти, как мечи, трёхфутовые зубы, кошмарные лапы... Я чудом остался жив, дракон же позорно бежал, прихватив мою лошадь со всеми вещами. Я дрался как лев, но... Не в моих силах догнать летающего дракона!

Глаза юнца разгорелись. Потом снова погасли.

– А как же... – произнёс он чуть не плача. – Как же...

– Я тебе её опишу, – снизошёл рыцарь.

– Правда?!

– Правда.

Юнец в великом смущении почесал руки. Потом всё-таки решился:

– Она... красивая? – И затаил дыхание в ожидании ответа.

– Красивая ли она?! – завопил рыцарь. – Ты спрашиваешь: красивая ли она?!

– Да, – продолжил он тоном ниже и скрестив за спиной пальцы. – Да, она очень красивая... Женись, парень! Сейчас же пошли сватов, пусть договорятся о свадьбе! Не тяни, парень, иначе потом пожалеешь.

– Почему?!

– Уведут, – отрезал рыцарь. – Из-под самого твоего носа... А вообще, семейная жизнь – самое прекрасное, что может быть на белом свете.

– Вы были женаты?

– Нет, не был, – сказал рыцарь. – Я... – Тут рыцарь замешкался, подбирая нужное слово. – Я, знаешь ли, скорее теоретик.

– Странный титул. Это значит... знаток?

– Именно, мой мальчик. Именно.

САРА

рассказ

Гарик Перельман выбрал свободу. Сменил профиль на греческий с изящными ноздрями. Оставаясь консерватором, завел любовницу из «перемещенных». Будучи в возрасте, надел тунику с глубоким вырезом. Не желая огласки, рассказал все случайному знакомому.

– Считаю меня гоем! – жаловался Перельман.

– Ты много пьешь, – сказал знакомый, наливая. Пока Гарик отлучался в туалет, знакомый успел позвонить.

Вечером за Гариком пришли. Милые вежливые люди в голубых туниках. Сняли дверь с петель и выбили знакомому четыре зуба. Он попросил их по телефону. Не хотел выглядеть в глазах Перельмана сволочью.

Гарик забрался на диван в одних трусах.

– Я буду жаловаться в Лигу Наций! – кричал он по старой еврейской привычке.

Рядом с диваном стоял шкаф. На полках лежали книги. Зеленела толстянка в горшке.

Потом Гарик вспомнил про израильскую армию. Он проходил курс молодого бойца в тиронуте для джобников. Мефакедша Сара демонстрировала приемы рукопашного боя. Груды как арбузы в камуфляже. Она научила Перельмана убивать голыми руками. Правда, и в молодости не очень получалось. К пятидесяти остался один боевой дух. Поэтому Гарик взял со шкафа цветочный горшок.

Милые вежливые люди расступились. Знакомый сказал:

– Факаный эльф!

Ему уже не было стыдно. Лежа на полу, закатил глаза.

Потом на Гарика уронили шкаф. И все померкло...

Очнулся Гарик под звуки пощечин. Его привязали к стулу. Голова напоминала футбольный мяч. Лицо горело. Над ним склонился мужчина в темных очках. Он ударил Гарика и сказал:

– Приди в себя, сволочь!

За его спиной двое смотрели телевизор. На столе была расстелена газета. Горкой лежал черный хлеб с ветчиной. Стояла бутылка водки.

Шел какой-то матч. Ворчали трибуны. Один из мужчин буравил экран взглядом. Второй молча жевал ветчину.

Перельман узнал милых вежливых людей. Вместо туник они надели брюки. На Гарике из одежды только клейкая лента. Этого было достаточно. Но унижение внезапно приобрело удивительную для Перельмана форму...

Мужчина закурил, глядя на него. Темные очки плавали в дыму.

Запах табака напомнил Гарике детство.

Выпитый нектар поднялся к горлу. Хотелось водки и хлеба. Хотелось брючной тесноты в промежности. И самое жуткое, хотелось быть патриотом. Борясь с унижением, Гарик прикрыл глаза.

Мужчина выдохнул дым и сказал:

– Не притворяйтесь, Гаринуэль Перельнумас!

Затем спросил:

- Знаете, куда попали?
- Нет, – сказал Гарик.
- А мы все о вас знаем!..

Знали они, действительно, много. Больше, чем Гарик мог о себе вспомнить. Если он запинался, его били. Мужчина в очках спрашивал:

- Уши вам кто делал?

Затем отвечал:

- Уши вам Рабинович делал! Мы все знаем. Не врите, Гаринуэль!

Эльфийские имена у него выходили с металлическим призвуком. Как лязганье затвора. Гарик признался, что да – Рабинович делал. Женя Рабинович до Сошествия был портной. После стал помогать соплеменникам. Те в ответ благодарили Женю материально.

Потом мужчина налил водки. Сказал:

- Жиды продали Россию эльфам! А америкосы им в этом помогли.

И выпил водку.

Провоцирует, догадался Гарик. Перельман объяснил, что не все так просто. Б-г избрал евреев. Евреи поддержали выбор Б-га. Всем было хорошо. И вдруг – Сошествие. Оказалось, что евреи – промежуточная ступень. Гарик спросил:

- Вам было бы приятно такое узнать?

Народ Моисея оказался в положении человека, у которого папа – еврей, а мама – русская. Теза, антитеза, а на выходе – черт-те что.

Перельман добавил:

– Или, если хотите, мы – кроманьонцы, остальное человечество – пещерные люди.

Мужчина посмотрел сквозь очки на Гарика. Сказал:

- Не хочу.

Гарик умолчал про дальнейшее. Израиль возмутился. Как, у нас отнимают б-гоизбранность?! Страна встала под ружье. Самолеты взлетели с полным боезапасом. Но ничего не случилось. Израиль как-то незаметно стерли. Прошлись по карте ластиком.

Арабы радовались как дети. В счастливом запале перестреляли кучу народа.

Мужчина сказал:

- А теперь расскажите про Врата.
- Про какие врата? – уточнил Перельман.
- С большой буквы. Ваш знакомый нам доложил.

Гарик понял: вот оно – главное.

Гарик сказал, что действительно упоминал «врата». Только в другом контексте. Разговор шел о женщинах. В частности, о мефакедше Саре.

- Вам известно выражение «врата Рая»?

Мужчина высказался нецензурно. Затем добавил, что если «эльфья морда» будет запирается, он за себя не отвечает.

От стола донеслось: «Опа!». Потом: «Гол!».

Перельман сказал:

- Я ничего не знаю.

Однако «морда» его несколько смутила. Вечно эти органы себе позволяют.

Мужчина снял пиджак. Закатал рукава. Гарик испугался по-настоящему. Закричал:

- Не имеете права! Мне пятьдесят шесть!

Мужчина в очках засмеялся:

– Разве для мужчины это возраст?

И ударил Гарика по почкам резиновой палкой.

Было больно. Перельману с тоской вспомнилась мефакедша Сара. Милых вежливых людей она скрутила бы одной левой. Мужчине в очках вырвала бы пищеварительный тракт.

Не выдержав пыток, Гарик назвал адрес. Они уехали. Вернулись через несколько часов. Грязные и злые. Один держался за челюсть. Другой сказал:

– Эта сука нас обманул! Там овощной склад!

У него была рука на перевязи.

Пока людей не было, Гарик дремал на стуле. Отвязать его не догадались. Раскалывалась голова. Ныли кости. В почки влетел разрывной снаряд. Под стулом образовалась лужа.

Ничего удивительного, что проснулся Гарик в дурном настроении.

– Одно слово: жид! – сказал мужчина в очках.

Это было уже слишком. Когда били, Перельман молчал. Но хамство он, как потомственный интеллигент, терпеть отказывался.

Гарик закричал слабым голосом:

– Твари!

Слова полились. Гарик высказывал наболевшее. Про судьбу евреев, которые наполовину. Про Израиль. Про избранный Б-гом народ. Что он, Перельман, с народом этим сделает. Про Россию. Про семитскую внешность и русскую душу.

Перельман сказал: «В конце-то концов, мне надоело!».

Сначала операция. Потом экспертиза на физическое соответствие. Это еще ничего. Трудно бросал курить. Экспертиза на моральный облик. Гарик прошел со скрипом. Замена паспорта. Потом долгое ожидание. Еще ожидание. Взятка.

Наконец выдали паспорт. Обложка голубая, чтобы не сомневался. Полноправный эльф. Добро пожаловать в Б-гоизбранные.

Три дня Гарик радовался жизни.

А в посольстве эта сука ему говорит:

– В визе отказано.

– Почему?! У меня же паспорт!

– У вас мать не эльфийка.

– И что?

– Не изображайте идиота. В визе отказано.

Гарик попытался еще раз:

– Нельзя ничего сделать?

– Ваша мама жива?

– Нет.

– Тогда нельзя.

Гарик вышел из посольства. Взял пять бутылок нектара. Теперь сидит с отбитыми почками. Все удачно сложилось.

Милые вежливые люди выслушали. Второй сказал:

– Футбол из-за этого гада не досмотрели. Пошли хоть водки попьем.

А первый говорит:

– Нет. Надо развязать старика.

Сказал:

– Правильный старикан! Гнида, конечно. Но тут я его понимаю.

И добавил:

– Меня Борисом зовут. Мы из Сопротивления.

Компанией смотрели телевизор. Гарик сидел на диване. Ему выделили брюки. Мужчина в очках пояснил:

– Мы патриоты.

Гарик посмотрел на брюки. Они были размеров на пять больше. Гарик сказал:

– Понимаю.

Но это позже.

Сначала Боря отвел Гарика помыться. Ванна была в рыжих потеках. Кран хрипел и плевался. Полотенцем кто-то вытер ботинки.

– Сэнкью вэри мач, – сказал Перельман. Когда Боря ушел, Гарик потянул с себя клочья ленты. Как кору с дерева. Зашипел и передумал. Так и остался в скотче. Как матрос в пулеметных лентах.

Над раковиной было зеркало. С наклейкой «Микки-Маус» и трещинкой.

Гарик вгляделся. Ничего нового не увидел. Только уши обвисли, как у шотландского сеттера. Глаза ушли в подполье.

Тогда был вечер. По мостовой скользили желтые листья. Набережная и небо – в сером цвете. Она сказала:

– Ты постарел, Перельман. Ай-я-яй, не порядок! Будем исправлять.

Перельман видел мефакедшу второй раз. Тиронут утонул в памяти. Арбузы в камуфляже – нет. Убивать голыми руками. Сара – мощная женщина. Могла задуть в объятиях. Гарик и пальцем бы не пошевелил, чтобы этого избежать.

Перельман сказал:

– Могу я вас угостить?

– А зачем спрашивать?

И правда, вопрос был не еврейский. Решился в пять минут.

Умывшись, Перельман вышел из ванны. Подпольщики смотрели телевизор.

Гарик сказал:

– У вас зеркало сломано.

Второй повернул голову:

– Что?

– Я говорю, зеркало сломано. Дурная примета.

– Ерунда!

Трибуны освистывали новый матч. Судья бегал по полю за игроками. Он был в черной тунике. Футболисты – в синих и зеленых. Мелькали голые задницы. Мужчина в очках протер очки и сказал:

– Докатились. А была мужская игра!

Боря на него шикнул. Потом раздался стук, и дверь упала в комнату. Кто-то закричал: «Лежать! Тихо! Убью!» и почему-то: «Белый!».

Люди в черных туниках заполнили комнату. Вскочил мужчина в очках. К нему бросились двое. Мужчина упал. Боря заорал тонким голосом:

– Я буду жа!..

Боря смели. Черные люди прыгали из окна.

Гарик не успел открыть рот, как все замерло. В мертвой тишине работал телевизор. Стадион ревел. Комментатор бубнил. За окном матерились.

Гарик огляделся. Сопротивленцы лежали на полу. Слева толпились люди.

Справа толпились люди. Все – высокие и худые, в черных туниках. Длинные ноги – как у манекенщиц.

– Вы кто? – спросил Перельман.

Один из черных снял маску. Под маской оказалась блондинка с античным профилем. Красивая, но не во вкусе Гарика. Она спросила:

– Гаринуэль Перельнумас?

– У вас ко мне дело?

Гарика не нравились эльфийки как женщины. Из чисто практических соображений. Все плоское, только уши выделяются. Иное дело Сара. Там было раздолье.

– Меня зовут Элберет, – сказала эльфийка. – Я командую отрядом. Мы посланы для вашего спасения.

Остальные черные сняли маски. Брюнетки, блондинки, рыжие.

Гарик удивился.

– Одного меня? Так много?!

– Жизнь каждого эльфа – огромная ценность, – сказала командир.

Посмотрела на Гарика:

– Вижу, над вами издевались.

– Вы про брюки? – спросил Перельман.

– Не только.

Блондинка подошла к столу. Античное лицо исказилось.

– Про эту жуть.

Гарик счел нужным пояснить:

– Они называют себя патриотами.

– Курить, пить, есть мертвых животных. Быть свиньей. Это и называется: патриотизм?

Из упавшей бутылки вытекла половина. На полу лежала ветчина. В пепельнице дымился окурок. Тонкая струйка исчезала на глазах.

Перельман сглотнул. Командир сказала:

– Звери! Они и вас заставляли?

– Не успели, – ответил Гарик с сожалением.

Гарик почувствовал знакомую резь и сказал:

– Простите, могу я в туалет?

Командир улыбнулась. Зубы у нее были кукольные. Блондинка сказала:

– Конечно, конечно!

И добавила:

– Но сначала расскажите про Врата.

Гарик очнулся на полу. Вокруг суетились люди в камуфляже. Они перетаскивали тела в черных туниках. Резкий запах крови. Командовала женщина с низким голосом. Бронежилет вокруг роскошных форм. Куда там эльфам. Гарик поднял голову и сказал:

– Здравствуй, Сара!

Женщина присела на корточки. Погладила его по голове и сказала:

– Проснулся? Где твой паспорт?

– Там.

Сара развела огонь и бросила документ. Гарик наблюдал. Сгорала дорого купленная свобода. Что-то болело. Наверное, почки.

Огонь полыхнул голубым и зеленым. Сара пояснила:

– Жучок.

Подпольщики лежали в центре комнаты. Отделали их на славу. Мужчина без очков открыл глаза. Потом сказал:

– Я тебя знаю. Ты работаешь на овощном складе.

Спросил:

– Врата там?

Сара наклонилась к мужчине:

– Тебе-то они зачем?

– Как зачем? – мужчина ожил. Приподнялся, заговорил: – Найдем Врата и что-нибудь туда сунем! Нам что, жалко мировой ядерный запас?! Для такого-то дела. Всех эльфов одним уда...

Сара выстрелила два раза. Два металлических щелчка.

– Моссад без вас разберется.

Повернулась к Гарику. Сказала:

– Я для чего тебе адрес дала?! Чтобы ты сам пришел. А не посылал уродов. Это секретный объект, между прочим! Врата в другой мир!

– Правда? – сказал Гарик. Слабость была приятной.

– Правда. Ты что, ничего не помнишь? А я тебе, дура, рассказывала. И не пришел ни разу. Подлец! Забыл? Или испугался?

– Забыл.

– Прямо не еврей, гой последний! Зла на тебя не хватает!

– Я очень нервничал, – сказал Перельман. – Встретились – помню. Вино брали – помню. Дальше ничего не помню. Но ты – самая лучшая! Это помню.

– Алкоголик!

– Сарочка, выходи за меня замуж, – сказал Гарик. – Только у меня нос греческий и мама – русская.

Сара замерла. Подошла и села рядом. Глаза блеснули. Сказала:

– Я еврейка. Дети будут евреи. Чего тебе еще надо, подлец?

– Значит, ты согласна?

– Подожди! Сколько тебе лет?

Гарик постарался выглядеть моложе. Сказал:

– Пятьдесят шесть. А что?

Сара нахмурилась:

– Много.

– Эх, Сарочка, – вздохнул Гарик. – Разве для мужчины это возраст?

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Сергей Луцкий

Молодое вино литературы 3

Михаил Титов

Две ветлы и куст сирени. *Повесть* 5

Спайдермен. *Рассказ* 36

✓ Сергей Козлов

Бекар. *Повесть* 47

Как мы выбирали президента. *Рассказ* 82

Крест перекрестка. *Рассказ* 89

Евгений Век

Толпа. *Повесть* 97

✓ Павел Черкашин

Память сердца. *Автобиографическое эссе* 137

Баба Ганя. *Рассказ* 144

В гостях у Найды. *Рассказ* 150

Мальчик и звезды. *Лирический этюд* 155

Александр Козловский

Будни. *Рассказ* 159

Попутчик. *Рассказ* 163

Антон Салтанов

Lord of the boards (Повелители сноубордов). *Повесть* 179

Шимун Врочек

Три мертвых бога. *Рассказ* 277

Последний романтик. *Рассказ* 286

Дети ненависти. *Рассказ* 298

Теоретик. *Рассказ* 305

Сара. *Рассказ* 312

Утренний ветер

Редактор-составитель **Луцкий Сергей Артемович**

Верстка А. Л. Портная
Корректурa Н. В. Рассохина

Подписано в печать 30.11.2006 г.

Формат 72x102/16. Бумага ВХИ. Гарнитура PragmaTica.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,2. Уч. издат. л. 27,65. Тираж 1000 экз.

Заказ 1228.

ОАО «Тюменский дом печати»

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, тел. (3452) 46-84-81.

CONTENTS

General Remarks	
Materials and Methods	1
Results	
General Remarks	
Chemical Analysis	1
Physical Properties	10
Optical Properties	
Spectroscopic Properties	11
Thermal and Mechanical Properties	12
Electrical Properties	13
Acoustic Properties	
Magnetic Properties	14
Radiation Properties	15
Biological Properties	16
Environmental Properties	17
Toxicological Properties	18
Pharmacological Properties	19
Nutritional Properties	20
Cosmetic Properties	21
Other Properties	22
Conclusions	23
References	24
Index	25

Просмотрено краеведом

463622006
Библиотека Югры

